Nechvolodov, Aleksandr Dmitrievich

Skazaniĭa orusskoĭ zemlĭe

DK
40
.N4
1910
ch.1

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

№ Дб. 2117.2

...атное приложеніе къ газ. „Сельскій Вѣстникъ“.

599и/67

СКАЗАНІЯ О РУССКОЙ ЗЕМЛѢ

съ древнѣйшихъ временъ до расцвѣта Русскаго могущества при Ярославѣ Мудромъ.

Костромская ... библиотека ... Инв. № Дб. 2117-2

СОСТАВИЛЪ
Александръ Нечволодовъ,
Дѣйствительный членъ
Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

С.-Петербургъ.
1910.

Содержаніе.

Стр.

ПОСВЯЩЕНІЕ 3

ПРЕДИСЛОВІЕ 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ 7

Наше происхожденіе отъ колѣна Іафета. Жизнь древнихъ Аріевъ. Разселеніе ихъ. Разселеніе Славянъ. Сказаніе Грековъ о кентаврахъ и амазонкахъ. Славяне подъ Троей. Походъ нашихъ предковъ на Египетъ и Іерусалимъ. Смерть Кира. Походъ Дарія въ южную Россію. Путешествіе Геродота въ Россію и его описаніе нашей страны и обычаевъ. Курганныя находки.

ГЛАВА ВТОРАЯ 33

Свѣдѣнія о Русской Землѣ у писателей послѣ Геродота. Сарматы. Путешествіе Святого Апостола Андрея Первозваннаго. Походы Славянъ противъ Римской имперіи. Готы. Гунны объединяютъ Восточныхъ Славянъ. Атилла. Раздоры Славянъ между собой. Нашествіе Аваровъ. Русь во время Хозарскаго ига. Призваніе князей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 63

Начало Русскаго Государства. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители Славянъ. Княженіе Рюрика. Аскольдъ и Диръ; ихъ славный набѣгъ на Царьградъ. Княженіе Олега. Игорь. Святая Ольга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 94

Святославъ. Его дѣтство. Первое боевое крещеніе. Его походы. Доростолъ. Смерть Святослава. Ярополкъ и усобицы съ братьями. Владиміръ язычникъ. Крещеніе Руси. Княженіе Святого Владиміра.

ГЛАВА ПЯТАЯ 128

Убіеніе Святополкомъ Бориса, Глѣба и Святослава. Борьба его съ Ярославомъ. Княженіе Ярослава. Состояніе Руси ко времени кончины Ярослава. Богатыри. Духовенство. Кіево-Печерская лавра. Заключеніе.

ОБЩАЯ КАРТА.

Nechvolodov, Aleksandr Dmitrievich

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА.

~~84692~~
Дб. 2117.2
13145-2

Сказанія о Русской Землѣ

Skazaniia o russkoi zemlie.

съ древнѣйшихъ временъ до расцвѣта Русскаго могущества при Ярославѣ Мудромъ.

Собралъ **Александръ Нечволодовъ.**

Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества.

Безплатное приложеніе къ „СЕЛЬСКОМУ ВѢСТНИКУ“ за 1910 г.

Костромская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. КРУПСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Сельскаго Вѣстника“. Мойка, 32.
1910.

947
N364S
ch.1

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ

ИВАНА ЕГОРОВИЧА

ЗАБѢЛИНА,

благодаря многолѣтнимъ трудамъ котораго, созданнымъ его глубокой душою и проникновеннымъ умомъ, каждый русскій человѣкъ получилъ драгоцѣнное право гордиться своими отдаленнѣйшими предками и съ увѣренностью взирать на грядущія судьбы нашего великаго народа.

Ст. 2117. 2

Предлагаемая книга написана съ цѣлью дать возможность каждому русскому человѣку изучить жизнь и дѣла своихъ предковъ въ давнія времена.

Изученіе это не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо.

Оно показываетъ намъ, отъ какихъ смѣлыхъ, мудрыхъ и благородныхъ людей мы происходимъ, какіе великіе труды были положены ими на созданіе нашей Родины и какъ обильно орошена ихъ кровью каждая пядь Русской Земли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе это показываетъ намъ и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить свою священнѣйшую обязанность передъ потомствомъ—сохранить для него въ полной неприкосновенности святое наслѣдіе нашихъ предковъ—Русскую Землю.

Источниками для настоящаго труда послужили: „Исторія Государства Россійскаго“ Н. В. Карамзина; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Сергѣя Соловьева; „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“ И. Г. Забѣлина; „Русскія древности въ памятникахъ искусства“ графа И. Толстого и Н. Кондакова; „Исторіи“ Геродота; „Исторія Русской Церкви“ Е. Голубинскаго; „Разсказы изъ Исторіи Русской Церкви“ графа М. Толстого; „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“; „Четьи-Минеи“ Святого Дмитрія Ростовскаго; „Житія Святыхъ, чтимыхъ Православною Церковью“ преосвященнаго Филарета; „Кіево-Печерскій патерикъ“; „Первобытныя древности“ (Исторія южной Россіи) Н. Веселовскаго; „Древности Русскаго права“ В. Сергѣевича; „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“ Н. Костомарова; „Русская исторія“ А. Трачевскаго; „Составъ и характеръ лѣтописи“ М. Н. Сухомлинова; „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“ Н. Покровскаго; „Херсонесъ Таврическій“ графа Бобринскаго; „Рас-

копки Ольвіи въ 1902—1903 годахъ“ Б. В. Фармаковскаго; „Исторія Православной Церкви“ К. П. Побѣдоносцева;„ Святыни и древности Новгорода“ графа М. Толстого; „Былое Черниговской земли“ А. Ярыгина; „Библейская исторія“ А. П. Лопухина; „Аѳонскій патерикъ“; „Путеводитель по Святой Аѳонской горѣ“; Исторія Русской словесности“ П. Полевого; „Русскій богатырскій эпосъ“ Ѳ. Буслаева; „Книга былинъ“ В. П. Авенаріуса; „Русская военная исторія“ князя Н. С. Голицына; „Русская военная сила“ изданіе В. Пирогова; „Россія и ея моря“ А. Ф. Риттиха и А. Л. Бубнова; „Учебный атласъ Русской исторіи“ барона Н. Торнау; „Всемірная исторія“ Шлоссера; „Всеобщая исторія“ А. Іегера; „Божества древнихъ Грековъ“ Л. Преллера; „Эллинизмъ со временъ Александра Великаго“ Р. ф. Скала; „О неравенствѣ человѣческихъ породъ“ графа Гобино; „Исторія Польши“ Іоахима Лелевеля; „Придунайскіе народы“ Генриха Влислоцкаго и „Восточная Европа“ Вл. Милковича.

Наконецъ, не были оставлены безъ внимательнаго изученія: „Курсъ Русской исторіи“ В. Ключевскаго; „Боярская Дума древней Руси“—его же; „Очерки Русской культуры“ П. Милюкова; „Княжое право въ древней Руси“ А. Прѣснякова; Изъ исторіи Славянскихъ передвиженій“ А. Л. Погодина и нѣкоторыя другія сочиненія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наше происхожденіе отъ колѣна Іафета. Жизнь древнихъ Аріевъ. Разселеніе ихъ. Разселеніе Славянъ. Сказанія Грековъ о кентаврахъ и амазонкахъ. Славяне подъ Троей. Походъ нашихъ предковъ на Египетъ и Іерусалимъ. Смерть Кира. Походъ Дарія въ южную Россію. Путешествіе Геродота въ Россію и его описаніе нашей страны и обычаевъ. Курганныя находки.

СВЯЩЕННОЕ писаніе повѣствуетъ намъ, что послѣ потопа отъ трехъ сыновей Ноя—Сима, Хама и Іафета произошли всѣ народы, обитающіе нынѣ на землѣ.

Одно изъ колѣнъ племени Іафета поселилось въ верховьяхъ рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, находящихся нынѣ въ предѣлахъ Россійской Имперіи—въ Туркестанскомъ краѣ *).

Здѣсь колѣно это дало начало, какъ многимъ племенамъ Малой Азіи, Персіи и Индіи, такъ и всѣмъ славнымъ и знаменитымъ народамъ, населяющимъ Европу: Грекамъ, Римлянамъ, Испанцамъ, Французамъ, Англичанамъ, Нѣмцамъ, Шведамъ, Литовцамъ и прочимъ, а также и всѣмъ Славянскимъ племенамъ: Русскимъ, Полякамъ, Болгарамъ, Сербамъ и всѣмъ остальнымъ.

Первоначально всѣ наши древніе предки, жившіе въ верховьяхъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, носили названіе Аріевъ.

Аріи на древнемъ языкѣ, которымъ они говорили, означало—*почтенные, превосходные.*

Дѣйствительно, Аріи выдѣлялись изъ всѣхъ остальныхъ обитателей земли того времени, какъ своею силою, ростомъ, стройностью и красотой, такъ, особенно, благородствомъ своихъ душевныхъ свойствъ.

Несмотря на то, что въ тѣ отдаленныя времена, за нѣсколько тысячелѣтій до рожденія нашего Спасителя, проповѣдывавшаго любовь къ ближнему, всюду господствовала чрезвычайная жесткость нравовъ, среди Аріевъ, на ряду съ этой жесткостью нравовъ, высоко цѣнились и уважались и тѣ душевныя качества, которыя и нынѣ составляютъ принадлежность всякаго человѣка съ благородной душою: *храбрость и честность.*

Наши древніе предки соединялись для жизни въ поселенія или деревни. Они умѣли устраивать себѣ жилища, въ которыхъ были двери и печи изъ камня.

---

*) Смотри общую карту въ концѣ книги.

Главное ихъ имущество и богатство, какъ и нынѣ у крестьянъ, составлялъ домашній скотъ: коровы, быки, туры, волы, лошади, овцы, свиньи, поросята, козы и даже птица—гуси. При стадѣ и домѣ жила собака; но кошка еще не была домашнимъ животнымъ.

Главнымъ занятіемъ Аріевъ было хлѣбопашество; но въ удобныхъ мѣстахъ они занимались и скотоводствомъ.

Аріи орали землю раломъ или сохою, сѣяли ячмень, овесъ, полбу, рожь же и пшеница не были имъ еще извѣстны.

Они умѣли молоть зерно, печь хлѣбъ и ѣли мясо варенымъ; питались также и молокомъ; употребляли въ пищу медъ и пили его, какъ хмѣльной напитокъ.

Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, Аріи знали и нѣкоторыя ремесла, знали тканье, плетенье, шитье; знали и обдѣлку золота, серебра, мѣди. Они умѣли плавать въ ладьяхъ съ помощью весла.

Прародители наши умѣли и считать на десятки; но больше ста, то есть десяти десятковъ, они сосчитать не могли.

Бракъ былъ извѣстенъ Аріямъ, и основаніемъ его считалось единоженство; но въ дѣйствительности Аріи, въ теченіе весьма многихъ вѣковъ, не стѣснялись имѣть по нѣсколько женъ.

Всякая семья входила въ составъ извѣстнаго рода, члены котораго всегда крѣпко держались одинъ другого; каждый долженъ былъ подчиняться всѣмъ порядкамъ, установленнымъ въ своемъ роду, но зато и за всякую обиду, нанесенную постороннимъ кому-либо изъ членовъ рода, за послѣдняго заступался весь родъ, и родичи обиженнаго обязаны были мстить не только обидчику, но и всѣмъ членамъ его рода. Этотъ обычай считался священнымъ и назывался обычаемъ родовой или кровавой мести. Обычай этотъ сохранялся у Аріевъ весьма долгое время, и благодаря ему постоянно происходили убійства и раздоры.

Нѣсколько родовъ, происходящихъ отъ одного общаго рода,—соединялись въ племена и имѣли во главѣ старшинъ или князей, которые творили судъ и расправу и предводительствовали во время войны.

Воевали между собой Аріи весьма часто, и воинская доблесть была высоко развита среди нашихъ храбрыхъ и благородныхъ предковъ.

Сражаясь пѣшими или конными, въ зависимости отъ мѣстности, они искусно метали копья и стрѣлы изъ луковъ въ своихъ враговъ, а сойдясь съ ними поближе, смѣло врубались своими мечами и топорами въ ряды непріятеля и безтрепетно встрѣчали смерть, такъ какъ вѣрили въ загробную жизнь и въ награды, которыя въ ней получаютъ павшіе въ честномъ бою храбрецы.

Всѣ наши предки вѣрили также во всемогущаго Бога, который у нихъ и назывался тѣмъ же словомъ Богъ, и поклонялись свѣтлому небу — Диву, солнцу, зарѣ, огню, вѣтру и матери—землѣ.

Такъ жили славные Аріи на своей первоначальной родинѣ, въ верховьяхъ рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалось населеніе Аріевъ и умножались ихъ роды и племена, происходило и постепенное разселеніе ихъ съ родныхъ мѣстъ въ разныя стороны.

Какъ народъ земледѣльческій, Аріи, при своемъ разселеніи, подвигались впередъ постепенно: прибывъ въ какую-либо мѣстность, они засѣвали поля и, только собравъ жатву, подвигались дальше впередъ, при чемъ, придя на новое мѣсто, опять оставались на немъ до сбора урожая.

Встрѣчаясь на новыхъ мѣстахъ съ ихъ обитателями, Аріи, если тѣ не покорялись имъ добровольно, вступали съ ними въ жестокіе бои и или истребляли ихъ совершенно, или обращали въ своихъ рабовъ и данниковъ; при этомъ, впослѣдствіи, они постепенно сливались съ покоренными туземцами путемъ браковъ.

Такимъ порядкомъ расходились, мало-по-малу, Аріи съ родины, когда наростало ихъ населеніе.

Нѣкоторыя изъ Арійскихъ племенъ, съ верховьевъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, проложили себѣ пути къ долинамъ Инда и другихъ рѣкъ, орошающихъ Индію, и образовали племена, и нынѣ населяющія эту обширнѣйшую страну.

Другіе спускались къ юго-востоку и заселяли предѣлы знаменитаго впослѣдствіи царства Персидскаго.

Наконецъ, значительная часть Аріевъ постоянно двигалась къ западу и въ концѣ концовъ заселила своими племенами всѣ страны Европы.

Такъ какъ грамота была еще не извѣстна древнѣйшимъ Аріямъ, то какихъ-либо записей о своихъ передвиженіяхъ они оставить не могли, а потому и намъ теперь совершенно невозможно точно опредѣлить время, въ которое пришелъ въ Европу тотъ или другой Арійскій народъ. Повидимому, первыми пришли въ Европу племена, осѣвшія въ Испаніи и въ Италіи; при этомъ одно изъ племенъ, пришедшихъ въ Италію, образовало много раньше другихъ крѣпкое государство—Римъ, въ которомъ всѣ жили, подчиняясь уже не родовымъ обычаямъ и порядкамъ, какъ это было на Арійской родинѣ, а общимъ законамъ Римскаго государства; вслѣдствіе этого, между Римлянами не было обычныхъ у Аріевъ родовыхъ распрь; напротивъ, они были всегда замѣчательно единодушны во всѣхъ столкновеніяхъ съ сосѣдними племенами и потому безъ труда одерживали надъ ними верхъ; этимъ путемъ Римъ, мало-по-малу, превратился въ сильнѣйшее государство, которому ко времени Рождества Христова было подчинено множество народовъ, въ томъ числѣ и Іудея—родина нашего Спасителя.

Послѣ племенъ, заселившихъ Испанію и Италію, въ Европу прибыли племена, осѣвшія въ Греціи, которая особенно привлекала пришлецовъ своею мягкой природой, множествомъ острововъ съ удобнѣйшими мѣстами для причала судовъ и отличнѣйшими сообщеніями всѣхъ частей Греціи между собой по прекрасному морю, которое ее омываетъ. Прибывшіе въ Грецію народы тоже скоро перешли отъ жизни родами къ устройству государствъ, но, въ противуположность Риму, они не соединились въ одно крѣпкое государство, а образовали множество мелкихъ, которыя часто вступали между собой въ же-

стокую распрю и тѣмъ взаимно ослабляли другъ друга. Всѣ мелкія греческія государства, въ концѣ концовъ, были покорены Римомъ. Послѣ Грековъ въ Европу прибыли предки нынѣшнихъ обитателей Франціи; за ними шли Германскія племена, изъ которыхъ образовались впослѣдствіи Нѣмцы, Англичане, Голландцы, Датчане и Шведы; за Германцами двинулись Литовцы; наконецъ, за Литовцами потянулись на западъ и всѣ многочисленныя племена *Славянскія*, которыя считаются ближайшими родственными племенами Литовцамъ и Германцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младшими, но славнѣйшими племенами всей великой семьи народовъ, произошедшихъ отъ древнихъ Аріевъ.

При своемъ движеніи съ береговъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи въ Европу, Славянскія племена шли, вѣроятно, двумя главными путями; одна часть ихъ спускалась по берегамъ Аму-Дарьи къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, а затѣмъ, обогнувъ это море съ южной же стороны, двигалась по Малой Азіи, къ переправѣ въ Европу черезъ такъ называемый Фракійскій Босфоръ—узкій проливъ у Константинополя, ведущій изъ Греческаго моря въ Черное; послѣ же переправы—направлялась къ сѣверу и къ западу.

Другая часть Славянскихъ племенъ могла идти изъ мѣстъ своей первоначальной родины внизъ по теченію Сыръ-Дарьи, а затѣмъ, обогнувъ Каспійское море съ сѣвера, распространялась по славнымъ нашимъ южно-русскимъ степямъ и по низовьямъ нашихъ рѣкъ—Дона, Днѣпра, Буга и Днѣстра, вплоть до низовьевъ Дуная, на которыхъ садились Славянскія племена, шедшія въ Европу по первому пути—черезъ Малую Азію.

Кромѣ движенія по только-что указаннымъ двумъ главнымъ путямъ, часть Славянскихъ племенъ могла идти въ Европу еще и третьимъ путемъ; а именно—доходить по теченію рѣки Аму-Дарьи до южнаго берега Каспійскаго моря, а затѣмъ, повернувъ къ сѣверу и слѣдуя или по западному побережью Каспія, или по восточному берегу Чернаго моря,—переваливать черезъ высокія Кавказскія горы и выходить на обширныя и плодородныя равнины, примыкающія къ Кавказскимъ горамъ съ сѣвера, то-есть въ нынѣшнюю Кубанскую область.

Заселивши низовыя и среднія теченія Дуная, Днѣстра, Буга, Днѣпра и Дона, Славяне не останавливались въ своемъ движеніи, а постепенно передвигались дальше.

Часть Славянъ со средняго Дуная, отдѣлившись отъ племенъ, заселяющихъ нынѣ Болгарію, Сербію и Черногорію, дошла до береговъ Адріатики и дала здѣсь начало, подъ именемъ Венетовъ, знаменитому народу мореходовъ, прославившемуся своими неустрашимыми плаваніями по южнымъ морямъ Европы и богатѣйшей морской торговлей. Эти Венеты создали и единственный въ мірѣ городъ Венецію, существующій и понынѣ, выстроенный на сваяхъ прямо посреди моря, почему улицами въ немъ служатъ морскіе протоки, и всѣ передвиженія совершаются на лодкахъ.

Другія Славянскія племена, поднявшись по Дунаю и его верхнимъ притокамъ, перевалили съ нихъ долины рѣкъ, текущихъ въ Балтійское море, и, дойдя до этого моря, прочно сѣли на его южномъ побережьѣ отъ устья рѣки

Лабы до устья рѣки Вислы и на ближайшихъ островахъ. Всѣ осѣвшія здѣсь Славянскія племена прославились не меньше Венетовъ, какъ смѣлые мореходы по сѣвернымъ морямъ, отважные воины и предпріимчивые торговцы. Здѣсь сѣли храбрые *Варги*, которые сейчасъ-же вступили въ кровопролитные бои съ сидѣвшими западнѣе ихъ Германскими племенами. Отъ Варговъ само Балтійское море получило прозваніе *Варяжскаго* моря, и впослѣдствіи всѣ обитатели его береговъ назывались общимъ именемъ—*Варяги*. Затѣмъ тутъ-же поселились Венды, которые, кромѣ того, что были отважными мореходами, славились еще среди Нѣмцевъ, какъ и вообще всѣ Славяне, большимъ искусствомъ въ обрабатываніи земли, почему многія Германскія племена учились у Вендовъ земледѣлію; до сихъ поръ еще въ иныхъ мѣстностяхъ средней и южной Германіи глубокія и узкія борозды называются Вендскими. Отъ своихъ же сосѣдей Славянъ переняли Нѣмцы и плугъ. Тутъ-же на Балтійскомъ морѣ сѣли также и Ругіи или *Руссіи*; они дали прозваніе острову Ругія или Руссія, на которомъ поселились, и пріобрѣли славу знаменитѣйшихъ воиновъ и торговцевъ, а много вѣковъ спустя ихъ потомки дали названіе и всей Русской Землѣ.

Затѣмъ на Балтійскомъ-же побережьѣ сѣли и Славянскія племена — Бодричи, Лютичи, Поморяне и другія.

Часть Славянъ, получившихъ названіе Ляховъ или Поляковъ, заселила берега Вислы, имѣя восточнѣе себя по Нѣману и низовьямъ Западной Двины близко родственное себѣ племя Литву.

Въ горахъ Карпатскихъ и прилегающихъ къ нимъ засѣли Чехи, Моравы и Хорваты.

Наконецъ, восточныя Славянскія племена, разселившіяся на низовьяхъ рѣкъ нынѣшней Южной Россіи—Днѣстра, Буга и Днѣпра, также продвигались вверхъ по этимъ рѣкамъ къ сѣверу и вышли постепенно къ верховьямъ рѣкъ, впадающихъ уже въ другія моря, а именно: 1) къ верховьямъ Нѣмана и Западной Двины, текущимъ въ Балтійское море; 2) къ верховьямъ Шелони, Ловати и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ озеро Ильмень, а оттуда черезъ Ладожское озеро и рѣку Неву—въ Балтійское же море; 3) къ верховьямъ рѣкъ, впадающимъ въ Сѣверную Двину и Бѣлое море, и, наконецъ—4) къ верховьямъ рѣкъ—Оки и Волги, которыя несутъ свои воды сперва на востокъ черезъ середину всей Россіи, а потомъ, круто повернувъ на югъ,—въ Каспійское море.

Занявъ верховья перечисленныхъ выше рѣкъ, которыя почти всѣ близко сходятся между собой въ мѣстности, называвшейся въ старину *Волковскимъ лѣсомъ*, наши предки получили возможность, постепенно подвигаясь по теченіямъ ихъ, разселиться и на всемъ обширномъ пространствѣ нынѣшней Европейской Россіи.

Вотъ какъ послѣдовательно, въ теченіе многихъ вѣковъ, разсѣлялись по разнымъ странамъ Европы Славянскія племена, пришедшія въ нее позже другихъ Арійскихъ народовъ.

При своемъ движеніи въ Европу, Славяне должны были, разумѣется, встрѣчать на пути какъ древнѣйшихъ туземныхъ обитателей тѣхъ странъ, по которымъ они двигались, такъ и ранѣе пришедшихъ и уже осѣвшихъ другихъ Аріевъ.

Точныхъ свѣдѣній объ этихъ первыхъ встрѣчахъ, за повсемѣстнымъ отсутствіемъ въ то время грамоты, мы не имѣемъ, но знаемъ, что у древнихъ Грековъ, которые, какъ мы видѣли, пришли раньше Славянъ въ Европу, сохранились старинныя сказочныя преданія, что на сѣверѣ отъ Греціи появились особыя чудовища, у которыхъ задъ и четыре ноги были конскіе, а грудь голова и руки—человѣчьи. Эти чудовища, называемыя Греками *кентаврами*, отличались крайне свирѣпымъ нравомъ, превосходно стрѣляли изъ луковъ и были, благодаря быстрымъ конскимъ ногамъ, совершенно неуловимы, при чемъ

1. Кентавры.

по греческимъ сказаніямъ, между этими кентаврами и Греками происходили когда-то кровопролитнѣйшія битвы.

Въ этихъ сказочныхъ преданіяхъ Грековъ о кентаврахъ, на первый взглядъ совершенно невѣроятныхъ, есть, однако, большая доля правды.

Жестокія битвы древнѣйшихъ Грековъ дѣйствительно происходили съ пришлецами съ сѣвера, мѣтко выпускавшими стрѣлы изъ своихъ луковъ и постоянно появлявшимися передъ противниками верхами на быстроходныхъ коняхъ, съ которыми они, казалось, составляли одно неразрывное цѣлое.

Видъ этихъ конныхъ и неуловимыхъ пришлецовъ, издали поражавшихъ враговъ изъ своихъ луковъ, а затѣмъ свирѣпо нападавшихъ на полномъ конскомъ скаку, особенно поражалъ Грековъ, такъ какъ Греки, поселившись въ своей гористой странѣ, мало пользовались лошадьми, сражались пѣшими и были плохими наѣздниками.

Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на весь ужасъ Грековъ, эти сѣверные пришлецы были не сказочными чудовищами, а настоящими людьми.

Это были, конечно, наши славные предки, Славяне, и именно тѣ племена, которыя дали начало великому Русскому народу. Идя изъ своей далекой Арійской родины по нашимъ привольнымъ южнымъ степямъ, они покорили себѣ во время этого длиннаго и долгаго пути главнаго тогдашняго обитателя русскихъ степей—*дикую лошадь* и сдѣлали себѣ изъ этого борзого скакуна вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго друга; сроднившись съ нимъ, предки наши стали лучшими въ тогдашнемъ мірѣ наѣздниками и конными стрѣлками и наводили ужасъ на всѣ народы, которые пытались имъ сопротивляться.

Одновременно со сказочными разсказами о чудовищахъ - кентаврахъ, древніе Греки разсказывали также о необыкновенномъ народѣ, будто-бы состоявшемъ изъ однѣхъ женщинъ-воительницъ, неустрашимо сражавшихся на быстроногихъ коняхъ и тоже отличавшихся искуснымъ метаніемъ стрѣлъ; Греки называли этихъ храбрыхъ наѣздницъ—*амазонками*.

Эти сказочныя амазонки были также, безъ сомнѣнія, не кто иныя, какъ наши доблестныя прародительницы; онѣ, какъ вѣрныя и преданныя жены и дочери, сопровождали своихъ мужей и отцовъ въ ихъ лихихъ набѣгахъ и принимали участіе во всѣхъ кровавыхъ бояхъ, отважно сражаясь и безстрашно умирая рядомъ съ близкими себѣ людьми.

Таковы были древнѣйшіе сказочные разсказы Грековъ о первомъ вступленіи нашихъ предковъ Славянъ въ жизнь Европы.

Слѣдующія затѣмъ весьма краткія, но уже болѣе положительныя свѣдѣнія о нашихъ предкахъ мы находимъ въ пѣсняхъ знаменитѣйшаго на весь міръ древнегреческаго слѣпца—пѣснопѣвца Гомера, который воспѣлъ знаменитѣйшую-же осаду Греками малоазійскаго города Трои, находившагося недалеко отъ Босфора Фракійскаго. Осада Трои была предпринята за 1200 лѣтъ до Рождества Христова за то, что сынъ Троянскаго царя Парисъ похитилъ у одного изъ Греческихъ царей его жену—прекрасную Елену.

Военныя дѣйствія подъ Троей продолжались двѣнадцать лѣтъ; въ нихъ принимали участіе съ обѣихъ сторонъ всѣ извѣстные тогда славнѣйшіе герои и большое количество дружинъ отъ различныхъ народовъ. Въ числѣ этихъ дружинъ пѣснопѣвецъ Гомеръ упоминаетъ и доблестную дружину Славянскаго племени—*Генетовъ*.

Передъ тѣмъ, чтобы продолжать наше повѣствованіе дальше, необходимо сказать, что Славянами или *Славыми*, то есть говорящими, стали называть себя первоначально наши предки сами, обозначая этимъ именемъ всѣ племена, говорящія на понятномъ другъ для друга языкѣ; *нѣмыми*-же, или Нѣмцами, Славяне, въ отличіе отъ себя, первоначально называли всѣ тѣ народы, кото-

рые со Славянами разговаривать, вслѣдствіе разницы языка, не могли. Названіе „Славяне“ долгое время употреблялось только исключительно среди Славянъ-же; обитатели-же другихъ странъ называли ихъ самыми различными наименованіями; изъ этихъ наименованій весьма долго наиболѣе извѣстнымъ было наименованіе—Скиѳы, такъ какъ именемъ Скиѳовъ Греки, повидимому, уже съ древнѣйшихъ временъ обозначали Славянскія племена.

Первыя письменныя сказанія Греческихъ писателей о Скиѳахъ относятся приблизительно ко времени за 800 лѣтъ до Рождества Христова. Въ сказаніяхъ этихъ повѣствуется, что воинственные и храбрые Скиѳы, появившись на берегахъ нынѣшняго Азовскаго моря и у устьевъ Днѣпра, навели такой страхъ на прежнихъ обитателей этихъ мѣстъ, носившихъ названіе Киммеріанъ, что тѣ поспѣшно совершенно очистили занимаемыя ими земли и безъ сопротивленія бѣжали черезъ Кавказъ въ Малую Азію.

Свѣдѣнія эти показываютъ, что уже съ первыхъ временъ своего появленія въ Европу наши предки заявили себя храбрымъ и воинственнымъ народомъ, который не замедлилъ предпринять рядъ славныхъ войнъ и походовъ.

Особенно прославились Скиѳы своимъ далекимъ походомъ, предпринятымъ ими съ огромнымъ количествомъ всадниковъ, около 630-го года до Рождества Христова, отъ береговъ Днѣпра и Дона черезъ Кавказскія горы, Арменію Персію и Малую Азію, вплоть до далекаго Египта.

Походъ этотъ продолжался 28 лѣтъ и доставилъ громкую извѣстность его участникамъ. При своемъ движеніи, Скиѳы, гарцуя на легкихъ коняхъ и предавая все огню и мечу, наводили такой ужасъ на встрѣчающіеся на пути народы, что многіе изъ нихъ, не вступая въ бой, спѣшили откупаться богатыми дарами отъ грозныхъ завоевателей. На своемъ побѣдоносномъ пути Скиѳы подчинили себѣ Мидійскаго царя Кіаксара и заставили его платить себѣ дань; затѣмъ они направились къ Ассиріи, и Ассирійскому царю пришлось откупиться отъ нихъ безчисленными сокровищами своихъ дворцовъ. Отъ Ассиріи Скиѳы повернули къ западу, къ богатымъ городамъ Финикіи, проникли по морскому берегу въ область Филистимскую и направили по ней свое шествіе на Египетъ. Видя это, Египетскій царь Псамметихъ вышелъ имъ навстрѣчу съ богатѣйшими дарами и упросилъ ихъ удалиться назадъ. Тогда Скиѳы повернули опять на сѣверъ и вторглись въ Іудею, гдѣ предавали все сожженію и смерти. Они едва не захватили и самый городъ Іерусалимъ, чего ежечасно ожидалъ трепетавшій за свою судьбу Іудейскій народъ. Но молодому Іудейскому царю Осіи, вмѣстѣ съ главнымъ царедворцемъ, удалось отвратить бѣду отъ столицы и помощью своихъ сокровищъ умолить Скиѳовъ пощадить священный городъ.

Жившій въ это время въ Іерусалимѣ пророкъ Іеремія предсказалъ нашествіе Скиѳовъ въ слѣдующемъ грозномъ пророчествѣ:

„Объявите въ Іудеѣ и разгласите въ Іерусалимѣ и говорите, и трубите трубой по землѣ; взывайте громко и говорите: „Собирайтесь и пойдемъ въ укрѣпленные города. Выставьте знамя къ Сіону, бѣгите—не останавливайтесь, ибо я привелъ отъ сѣвера бѣдствіе и великую гибель.....“

„Смой злое съ сердца твоего, Іерусалимъ, чтобы спастись тебѣ; доколѣ будутъ гнѣздиться въ тебѣ злочестивыя мысли? Ибо уже несется голосъ отъ Дана и гибельная вѣсть отъ горы Ефремовой: объявите народамъ, извѣстите Іерусалимъ, что идутъ изъ дальней страны осаждающіе и криками своими оглашаютъ города Іудеи... Отъ шума всадниковъ и стрѣлковъ разбѣгутся всѣ города, они уйдутъ въ густые лѣса и влѣзутъ на скалы, всѣ города будутъ оставлены, и не будетъ въ нихъ ни одного жителя.....“

„Вотъ я приведу на васъ, домъ Израилевъ,—говоритъ Господь,—народъ издалека, народъ славный, народъ древній, народъ, языка котораго ты не знаешь и не будешь понимать, что онъ говоритъ. Колчанъ *) его, какъ открытый гробъ. Всѣ они люди храбрые. И съѣдятъ они жатву твою и хлѣбъ твой, съѣдятъ сыновей твоихъ и дочерей твоихъ, съѣдятъ овецъ твоихъ и воловъ твоихъ, съѣдятъ виноградъ твой и смоквы твои, разрушатъ мечомъ укрѣпленные города твои, на которые ты надѣешься.....“

„Такъ говоритъ Господь: вотъ идетъ народъ изъ страны сѣверной и народъ великій поднимается отъ краевъ земли. Держатъ въ рукахъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ шумитъ, какъ море, и несутся на коняхъ, выстроенные какъ одинъ человѣкъ, чтобы сразиться съ тобою, дочь Сіона. Мы услышали вѣсть о нихъ, и руки у насъ опустились, скорбь объяла насъ, муки, какъ женщину въ родахъ. Не выходите въ поле и не ходите по дорогѣ, ибо мечъ непріятельскій, ужасъ со всѣхъ сторонъ“.

„Отъ Дана слышенъ храпъ лошадей его, отъ громкаго ржанія жеребцовъ его дрожитъ вся земля, и пріидутъ и истребятъ землю и все, что въ ней, города и живущихъ въ нихъ“.

Такъ пророчествовалъ Іеремія о нашествіи Скиѳовъ.

Повернувъ отъ Іерусалима къ сѣверу, Скиѳы въ полномъ блескѣ своей славы и нагруженные богатѣйшей добычей возвращались по покореннымъ ими странамъ домой, въ свои широкія степи—на Донъ и Днѣпръ.

Однако, весьма немногіе вернулись на родину, большинство же изъ нихъ совершенно неожиданно для себя погибло, благодаря пагубной страсти Скиѳовъ къ вину, чѣмъ они отличались еще и въ тѣ древнѣйшія времена и чѣмъ, къ несчастью, себя губятъ и ихъ потомки—Русскій народъ.

Зная непомѣрную жадность Скиѳовъ къ вину и способность напиваться имъ до полнаго безчувствія, Мидійскій царь Кіаксаръ, котораго они покорили и заставили себѣ платить дань, приготовилъ для нихъ при возвращеніи роскошное угощеніе и множество вина. Скиѳы перепились имъ, и когда лежали послѣ пиршества мертвецки пьяными, коварному Кіаксару не стоило большого труда избить большую часть изъ нихъ; только немногіе ушли домой.

Сто лѣтъ спустя послѣ описаннаго печальнаго происшествія, въ 530 году до Рождества Христова, страсть Скиѳовъ къ злополучному употребленію вина опять оказалась для нихъ крайне пагубной.

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: Киръ, царь Персидскій, одинъ

*) Хранилище для стрѣлъ, носимое обыкновенно за спиной.

изъ великихъ завоевателей древняго міра, покорилъ себѣ царства—Мидійское, Ассирійское и всѣ другія племена въ Малой Азіи; послѣ этого онъ рѣшилъ идти на Скиѳовъ, считавшихся непобѣдимыми, и направился на тѣ Скиѳскія племена, которыя жили за рѣкой Аму-Дарьей, при чемъ предварительно послалъ царицѣ ихъ Томирпссѣ предложеніе выйти за него замужъ. Умная Томирисса, уже не молодая женщина, поняла, конечно, что это былъ только предлогъ, чтобы завладѣть ея владѣніями; поэтому она послала Киру отказъ, но приказала ему объявить, что оба они отлично могутъ царствовать каждый въ своей странѣ и не воевать другъ съ другомъ; если-же Киръ непремѣнно хочетъ войны, то она на нее согласна и будетъ ожидать его въ своихъ владѣніяхъ.

Киръ, зная неукротимое мужество и воинское искусство Скиѳовъ и зная вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ непреодолимую страсть къ вину, рѣшилъ получить надъ ними успѣхъ и въ открытомъ бою, помощью хитрости.

Для этого, вторгнувшись въ Скиѳскую страну, онъ собралъ въ своихъ войскахъ всѣхъ слабыхъ и плохихъ воиновъ, которыми ему не жаль было пожертвовать, и двинулъ ихъ впередъ—въ направленіи Скиѳовъ, при чемъ приказалъ этому передовому отряду, по приходѣ на ночлегъ, приготовить множество всякой пищи и вина и такъ ожидать появленіе Скиѳовъ. Это приказаніе Кира было въ точности исполнено. Вскорѣ появились передъ Персидскимъ передовымъ отрядомъ Скиѳы, подъ предводительствомъ молодого сына царицы Томириссы. Они напали на передовой отрядъ, безъ труда разбили его, а затѣмъ кинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству, безъ всякихъ мѣръ предосторожности. Этимъ, конечно, воспользовался Киръ. Онъ напалъ на безпечно бражничавшихъ Скиѳовъ, перебилъ громаднѣйшее ихъ число и, кромѣ того, забралъ великое множество ихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ и молодого сына царицы Томириссы. Всего при этомъ было перебито и взято въ плѣнъ около 150 тысячъ Скиѳовъ.

Узнавъ про это несчастье, Томирисса послала сказать Киру, что она проситъ его отпустить къ ней ея сына, послѣ чего она не будетъ мстить Персамъ за предательское нападеніе на ея воиновъ, если Персы удалятся домой. Но Киръ и не думалъ исполнить ея желанія; онъ только разрѣшилъ снять оковы съ молодого сына царицы; тогда этотъ послѣдній, отъ стыда и горя, что не оправдалъ довѣрія матери и былъ, благодаря своей страсти къ вину, главной причиной гибели столькихъ храбрыхъ соотечественниковъ—наложилъ на себя въ отчаяніи руки. Узнавъ про его смерть, Томирисса двинула всѣ свои войска, которыхъ было около трехсотъ тысячъ мужчинъ и двѣсти тысячъ женщинъ, противъ Персовъ.

Послѣдовало одно изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ сраженій, когда-либо происходившихъ въ древнія времена. Обѣ стороны дрались съ величайшимъ упорствомъ и ожесточеніемъ, и, наконецъ, Скиѳы побѣдили. При этомъ былъ убитъ Киръ. Когда отыскали его тѣло, то Скиѳская царица приказала отрубить его голову и бросить ее въ кожанный мѣшокъ, наполненный человѣческой кровью. При этомъ, обращаясь къ головѣ Кира, она сказала: „хотя я осталась

въ живыхъ и одержала большую побѣду, но не радуетъ она меня; не искала я вражды съ тобою, а ты пришелъ и коварствомъ погубилъ моего юнаго сына. Ты всегда жаждалъ крови, такъ напейся же ею досыта въ этомъ мѣшкѣ, кровопійца".

Двадцать лѣтъ спустя послѣ это происшествія, въ 510 году до Рождества Христова, одинъ изъ преемниковъ Кира, Дарій Первый, который, подобно Киру, былъ также однимъ изъ великихъ завоевателей древняго міра, рѣшилъ, чтобы наказать Скиѳовъ за смерть Кира, покорить ихъ страну.

Для этого онъ собралъ въ Малой Азіи огромныя полчища, переправилъ ихъ въ Европу черезъ Босфоръ и двинулся къ Дунаю. Здѣсь былъ выстроенъ большой постоянный мостъ; переведя по немъ свои войска и поручивъ охрану моста союзнымъ грекамъ, Дарій вступилъ въ предѣлы нынѣшней Бессарбской и Херсонской губерній, не сомнѣваясь въ скорой побѣдѣ надъ многочисленными, но разрозненными Скиѳскими племенами, тѣмъ болѣе, что между племенами этими царили раздоры и даже, несмотря на вѣсть о приближеніи Персовъ, болѣе дальнія племена не соглашались придти на помощь тѣмъ, которыя ближе всего находились на пути Персовъ. Однако, несмотря на эти несогласія среди Скиѳовъ, обстоятельства для Дарія сложились такъ, какъ онъ менѣе всего ожидалъ.

Скиѳы, при вторженіи его войска въ предѣлы ихъ земель, вышли ему на встрѣчу, но затѣмъ боя не принимали, а, отправивъ своихъ дѣтей и лишній скотъ далеко на сѣверъ, постоянно отступали отъ Персовъ въ востоку, все время держась отъ нихъ на одинъ день пути впереди и выжигая при своемъ отступленіи весь подножный кормъ, такъ что Персы, приходя на ночлегъ, постоянно терпѣли крайнюю нужду. Такъ продолжалось очень долгое время. Скиѳы отступили за Днѣпръ, потомъ за Донъ, повернули къ Волгѣ, а затѣмъ, обойдя Персидскую армію съ сѣвера, стали уже отступать на западъ, все оставаясь недосягаемыми для ударовъ Дарія.

Такъ какъ это продолжалось долго и не предвидѣлось конца странствованіямъ, то Дарій послалъ всадника къ одному изъ Скиѳскихъ царей, отступавшему передъ нимъ, со слѣдующей рѣчью: „Зачѣмъ ты, чудакъ, все убѣгаешь, хотя можешь выбрать одно изъ двухъ: если ты полагаешь, что въ силахъ противостать моему войску, остановись, не блуждай болѣе и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабѣе, то также пріостанови свое бѣгство и ступай для переговоровъ ко мнѣ, твоему владыкѣ, съ землею и водою въ рукахъ, въ знакъ подданства и покорности".

Въ отвѣтъ на это, Скиѳскій царь послалъ передать Дарію: „Вотъ я каковъ, персъ. Никогда прежде я не убѣгалъ изъ страха ни отъ кого, не убѣгаю и отъ тебя, и теперь я не сдѣлалъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно дѣлаю въ мирное время. Почему я не тороплюсь сражаться съ тобой, объясню тебѣ это. У насъ нѣтъ городовъ, нѣтъ засаженныхъ деревьями полей; намъ нечего опасаться, что они будутъ покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать съ вами въ бой. Если вамъ крайне необходимо ускорить сраженіе, то вотъ: есть у насъ гробницы предковъ; разы-

Об. 2117-2

щите ихъ; попробуйте разрушить--тогда узнаете, станемъ-ли мы сражаться съ вами изъ-за этихъ гробницъ или нѣтъ. Раньше мы не сразимся, разъ это для насъ не выгодно. Вмѣсто земли и воды, я пошлю тебѣ такіе дары, какіе приличны тебѣ, а за то, что ты называешь себя моимъ владыкой, я расплачусь съ тобой".

Таковъ былъ отвѣтъ, сообщенный Дарію, и остальные Скиѳскіе цари пришли въ негодованіе, узнавъ, что онъ заговорилъ съ однимъ изъ нихъ о порабощеніи.

Часть своихъ Скиѳовъ, а именно племя храбрыхъ Савроматовъ, они отправили къ Дунайскому мосту, чтобы уговорить стерегшихъ его Грековъ уничтожить этотъ мостъ, а другіе, оставшіеся на мѣстѣ Скиѳы рѣшили нападать на Персовъ каждый разъ, какъ только тѣ заняты будутъ добываніемъ продовольствія.

Такъ Скиѳы и поступали, подстерегая, когда Персы выходили за сборомъ корма для людей и лошадей. Персидская конница всегда обращалась въ бѣгство, какъ только видѣла двигающуюся на нее Скиѳскую и поспѣшно пряталась за свою пѣхоту. Скиѳы подскакивали къ Персидской пѣхотѣ, заставляли ее своимъ появленіемъ изготавливаться къ бою, а затѣмъ поворачивали назадъ и быстро исчезали изъ вида. Подобныя нападенія Скиѳы производили не только днемъ, но и по ночамъ, и, держа постоянно въ тревогѣ Персовъ, сильно обезсилили ихъ, чѣмъ и поставили Дарія въ крайне затруднительное положеніе. Замѣтивъ это, Скиѳскіе цари рѣшили послать ему обѣщанные дары.

Они послали къ нему глашатая съ подарками, состоявшими изъ птицы, мыши, лягушки и пяти стрѣлъ. Персы спрашивали посланца о значеніи подарковъ, но тотъ отвѣчалъ, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвратиться; если же Персы догадливы, то они и сами поймутъ, что означаютъ эти подарки.

Послѣ этого Персы стали совѣщаться. По мнѣнію Дарія, Скиѳы отдавались ему съ землей и водой; заключалъ онъ такъ на томъ основаніи, что мышь водится въ землѣ и питается тѣмъ же плодомъ земнымъ, что и человѣкъ, лягушка живетъ въ водѣ, птица напболѣе походитъ на лошадь, а подъ видомъ стрѣлъ Скиѳы передавали, де, свою военную храбрость. Таково было мнѣніе Дарія. Но старшій изъ его приближенныхъ Гобрія, мнѣніе котораго онъ чрезвычайно уважалъ, толковалъ смыслъ даровъ совершенно иначе, а именно: „если вы, Персы, не улетите, какъ птицы въ небеса, или, подобно мышамъ, не скроетесь въ землю, или, подобно лягушкамъ, не ускачете въ озера, то не вернетесь назадъ и падете подъ ударами этихъ стрѣлъ".

Вопросъ, какъ понимать смыслъ и значеніе даровъ, оставался нѣсколько дней не рѣшеннымъ до слѣдующаго случая:

Какъ-то разъ Скиѳы появились въ своемъ боевомъ строѣ передъ войсками Дарія. Дарій быстро выстроилъ всѣ свои силы и приготовился вступить въ рѣшительный бой. Въ это время мимо Скиѳовъ пробѣжалъ заяцъ, и Скиѳы, всѣ страстные охотники, съ шумомъ и гамомъ бросилась его травить, не обращая вниманія на находящуюся невдалекѣ выстроенную и ожидающую боя

Персидскую армію. Когда въ Скиѳскихъ войскахъ раздались шумъ и крики, Дарій спросилъ о причинѣ такой тревоги среди непріятелей и, услышавши, что они гоняются за зайцемъ, обратился къ постояннымъ собесѣдникамъ своимъ со слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Люди эти смотрятъ на насъ съ большимъ пренебреженіемъ; теперь для меня очевидно, что Гобрія вѣрно истолковалъ смыслъ ихъ подарковъ. Положеніе дѣлъ представляется мнѣ такимъ-же, какъ и для него, а потому слѣдуетъ хорошенько обдумать, какимъ образомъ обезпечить наше отступленіе".

Персы рѣшили отступить ночью, разведя въ своемъ станѣ, чтобы обмануть бдительность Скиѳовъ, большіе огни и оставя въ немъ всѣхъ вьючныхъ ословъ, которые своимъ ревомъ должны были также утверждать Скиѳовъ въ мысли, что Персы не трогаются съ мѣста. На самомъ же дѣлѣ они поспѣшно уходили къ своему мосту на Дунай, бросивъ на произволъ Скиѳовъ всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ.

Скиѳы преслѣдовали Персовъ до самаго Дуная и едва-едва не захватили мостъ. Только съ большимъ трудомъ удалось Персамъ уйти за Дунай, окончивъ такъ безславно и неудачно этотъ походъ, который Дарій начиналъ съ большой самоувѣренностью.

Подробности о походѣ Дарія Перваго въ Россію сообщилъ въ своихъ запискахъ знаменитый грекъ Геродотъ.

Геродотъ родился въ 484 году до Рождества Христова отъ богатыхъ и высокообразованныхъ родителей, которые дали ему отличное воспитаніе и оставили большія денежныя средства; благодаря этимъ средствамъ, онъ могъ совершать путешествія по всѣмъ странамъ, извѣстнымъ древнимъ Грекамъ, и въ 450 году до Рождества Христова посѣтилъ нынѣшнюю южную Россію; повидимому, онъ даже поднялся по Волгѣ до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Саратовъ. О своихъ путешествіяхъ Геродотъ оставилъ замѣчательно любопытное сочиненіе.

Его разсказы о нашихъ предкахъ—Скиѳахъ дышатъ необыкновенной простотой и правдой и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что все это въ дѣйствительности представляется, какъ будто самъ живешь въ то время въ нашей странѣ, съ нашими прародителями. Къ сожалѣнію, Геродотъ не былъ на нашемъ сѣверѣ, а потому разсказываетъ о немъ только съ чужихъ словъ—весьма темно и неопредѣленно; онъ также кратко и неопредѣленно говоритъ и о сѣверныхъ, не Арійскихъ племенахъ, съ которыми встрѣтились Славяне при своемъ разселеніи; однако, изъ словъ Геродота видно, что все это были народы Финскаго племени—Весь, Меря, Мурома, Мордва, Чуваши и другіе, остатки которыхъ встрѣчаются и теперь на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи.

Что касается разсказовъ о югѣ Россіи, который онъ посѣтилъ, то они очень точны и подробны.

Онъ разсказываетъ, что Скиѳы по роду своихъ занятій дѣлились на земледѣльцевъ и скотоводовъ. Земледѣльцы жили осѣдло по теченію рѣкъ Днѣстра и Буга и по западному берегу Днѣпра до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ городъ

Кіевъ. Скиѳы же—скотоводы жили въ степяхъ, разстилающихся по югу Россіи восточнѣе Днѣпра—вплоть до рѣки Донца. Нѣсколько восточнѣе и сѣвернѣе скотоводовъ жило особое Скиѳское племя—царскіе Скиѳы; они считались самыми знатными и благородными, а еще восточнѣе, за Дономъ, жили такъ называемые Савроматы; они были въ высшей степени воинственны и ходили всегда на войну со своими женами, которые ловили враговъ, ловко накидывая имъ на полномъ скаку арканъ на шею; у Савроматовъ дѣвушка не могла выйти замужъ раньше, чѣмъ не убьетъ врага; вслѣдствіе воинственности Савроматскихъ женщинъ, у Грековъ было повѣрье, что племя Савроматовъ произошло отъ браковъ Скиѳовъ съ амазонками.

Всѣ Скиѳы, какъ и ихъ предки Аріи, жили родами и племенами, которые управлялись вождями или царями. Племена эти постоянно между собой враждовали и тѣмъ взаимно ослабляли другъ друга. „Если-бы они“, говоритъ Геродотъ, описывая одно Скиѳское племя, сидѣвшее у Дуная въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ живутъ Болгары, „имѣли общаго повелителя, которому-бы повиновались, то, по моему мнѣнію, они были-бы самымъ сильнымъ народомъ изъ всѣхъ существующихъ на землѣ; но у нихъ всегда такіе раздоры между собой, что никогда не дойдутъ они до того, чтобы соединиться всѣмъ вмѣстѣ и избрать одного общаго властелина“.

Скиѳы, занимавшіеся земледѣліемъ, вели уже во времена Геродота обширную торговлю своимъ хлѣбомъ съ чужими странами, преимущественно съ Греками; хлѣбъ доставлялся Скиѳами по теченію рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, въ большихъ ладьяхъ или судахъ, совершенно такъ-же, какъ и въ наши времена. Особенно много шло хлѣба по Днѣпру, который назывался тогда Борисѳеномъ. Геродотъ описываетъ Днѣпръ съ большой любовью и говоритъ, что послѣ Дуная это величайшая изъ рѣкъ; воды ея изобилуютъ всякаго рода рыбой, а по берегамъ превосходные посѣвы и луга.

Для покупки хлѣба у Скиѳовъ и вообще всякихъ торговыхъ оборотовъ, Греки имѣли въ то время по сѣверному побережью Чернаго моря рядъ славныхъ городовъ: *Ольвію* на нижнемъ Бугѣ, близъ соединенія его съ Днѣпромъ, верстахъ въ сорока южнѣе нынѣшняго Николаева; *Херсонесъ*, или *Корсунь*, на южномъ берегу Крыма, рядомъ съ нынѣшнимъ Севастополемъ; *Пантикапею*—въ проливѣ изъ Азовскаго моря въ Черное, гдѣ теперь стоитъ Керчь, и *Танаисъ*—у устьевъ Дона, гдѣ въ настоящее время расположенъ извѣстный своей хлѣбной-же торговлей Ростовъ-на-Дону. Изъ перечисленныхъ городовъ особенно славились Ольвія и Пантикапея. Въ Пантикапеѣ Греки образовали даже одно время особое царство *Воспорское*, по имени пролива изъ Азовскаго моря въ Черное, который прозывался *Воспоромъ Киммерійскимъ*.

Развалины этихъ славныхъ древнихъ Греческихъ городовъ на нашемъ Черноморскомъ побережьѣ существуютъ и понынѣ, и Русскіе ученые произвели въ нихъ уже много подробныхъ раскопокъ; благодаря раскопкамъ этимъ найдены остатки старыхъ домовъ, площадей, цѣлыя кладбища съ гробницами, монеты всякаго рода и разныхъ временъ, домашняя утварь, кости животныхъ, оружіе, а также мраморныя и мѣдныя доски съ сохранившимися надписями;

по всѣмъ этимъ предметамъ можно весьма ясно представить себѣ жизнь, которую вели въ этихъ городахъ Греки и посѣщавшіе ихъ для торга Скиѳы.

Кромѣ хлѣба, въ означенныхъ городахъ велась также оживленная торговля и другими произведеніями Скиѳской земли: мѣхами, рыбою, воскомъ, медомъ, лошадьми, а также рабами и рабынями, въ которыхъ обращались всѣ взятые въ плѣнъ непріятели; въ большомъ спросѣ былъ и янтарь, цѣнившійся въ Греціи на вѣсъ золота; онъ добывался на Балтійскомъ побережьѣ, близъ устьевъ Вислы и попадалъ оттуда въ Черноморскіе города длинными рѣчными путями и волоками; наконецъ, тутъ-же шла бойкая торговля золотыми и разными самоцвѣтными камнями съ Урала, для торговли которыми и пушнымъ товаромъ изъ тогда совершенно дикаго Пермскаго края и Сибири тѣ-же предпріимчивые Греки устроили на берегу Волги, нѣсколько ниже нынѣшняго Саратова, также торговый городъ—*Гелонъ*.

Скиѳы, въ свою очередь, покупали у Грековъ: тонкія ткани для своихъ одеждъ, превосходное греческое вино, перецъ, грецкіе орѣхи и разныя пряности, расписную посуду, богато оправленное оружіе, а также драгоцѣнные сосуды и различныя украшенія изъ золота и серебра, зачастую дорогой работы лучшихъ греческихъ мастеровъ, какъ для себя и своихъ женъ, такъ и для обдѣлыванія конскихъ уборовъ всегда дорогихъ ихъ сердцу скиѳскихъ лошадей.

Наиболѣе воинственными были кочевые Скиѳы, жившіе въ широкихъ степяхъ у низовья Днѣпра и Дона, а также Савроматы, жившіе восточнѣе Дона. Въ двухъ мѣстахъ близъ устьевъ этихъ рѣкъ, а именно въ лѣсистой мѣстности по восточному берегу Днѣпра, такъ называемомъ Олешьѣ, гдѣ нынѣ расположенъ среди плавней и зарослей городъ Алешки, и по низовьямъ Дона всегда собирались ватаги молодыхъ и жаждущихъ воинскихъ приключеній Скиѳовъ; они постоянно производили, или на быстрыхъ ладьяхъ, или на рѣзвыхъ коняхъ, воинственные набѣги на сосѣднія племена. Эти скиѳскія гнѣзда въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, куда собиралась вся ихъ безпокойная вольница, были древнѣйшей родиной и нашего славнаго казачества—Запорожцевъ и Донцевъ.

„Я не знаю“, говоритъ Геродотъ про этихъ степныхъ удальцевъ кочевниковъ, „людей болѣе мудрыхъ, чѣмъ Скиѳы. Такъ какъ кто же изъ другихъ народовъ придумалъ то, что они: они изобрѣли складные шатры, которые быстро складываютъ на повозки, когда хотятъ избѣгнуть боя съ противникомъ, и такимъ образомъ уходятъ отъ него со всѣми домочадцами и имуществомъ, такъ что, если не захотятъ, никогда не будутъ настигнуты врагомъ. Наоборотъ, если они хотятъ кого-нибудь принудить къ бою, то никто не можетъ уйти отъ Скиѳовъ, благодаря ихъ быстроногимъ конямъ и необыкновенно мѣткой стрѣльбѣ изъ луковъ!“

„Военные обычаи Скиѳовъ“, разсказываетъ далѣе Геродотъ, „были таковы: молодой Скиѳъ первый разъ, какъ убьетъ врага, долженъ обязательно напиться его крови, а головы всѣхъ враговъ, убитыхъ въ сраженіи, относятся къ царю, потому что только тѣ Скиѳы получаютъ свою долю при дѣлежѣ не-

пріятельской добычи, которые представили непріятельскую голову, при чемъ доля эта увеличивается въ зависимости отъ числа принесенныхъ головъ. Съ непріятельской головы Скиѳы снимали кожу слѣдующимъ образомъ: кругомъ головы около ушей дѣлается надрѣзъ; потомъ голова берется въ руки и вытряхивается изъ кожи; затѣмъ, съ кожи соскабливается бычачьимъ ребромъ мясо, и она выминается въ рукахъ и дѣлается совершенно мягкою; послѣ этого она употребляется какъ утиральникъ, и Скиѳъ привѣшиваетъ ее къ уздечкѣ той лошади, на которой ѣздитъ самъ, и гордится этимъ. Тотъ, кто владѣетъ наибольшимъ числомъ такихъ утиральниковъ изъ кожъ съ непріятельскихъ головъ, почитается доблестнѣйшимъ человѣкомъ. Многіе Скиѳы приготовляли себѣ изъ непріятельскихъ человѣческихъ кожъ плащи, въ которые и одѣвались; для этого кожи сшивались вмѣстѣ, какъ козьи шкурки. Многіе Скиѳы снимаютъ также кожу съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ и приготовляютъ изъ этихъ кожъ колчаны для своихъ стрѣлъ. Человѣческая кожа", примѣчаетъ Геродотъ, „дѣйствительно толста и блестяща; блескомъ и бѣлизной она превосходитъ почти всѣ другія кожи. Наконецъ, многіе Скиѳы снимаютъ кожу со всего трупа убитаго врага, натягиваютъ ее на палки и возятъ съ собой на лошадяхъ".

„Съ головами враговъ, не всѣхъ впрочемъ, но ненавистнѣйшихъ, Скиѳы обращаются такъ: они отпиливаютъ ту часть головы, что пониже бровей, и потомъ очищаютъ черепъ изнутри; если скиѳъ—человѣкъ бѣдный, онъ обтягиваетъ черепъ снаружи сырой бычачьей кожей и въ такомъ видѣ пользуется имъ; если онъ богатъ, то, обтянувши кожей, покрываетъ черепъ внутри золотомъ и употребляетъ его вмѣсто чаши. Поступаютъ такъ Скиѳы и съ тѣми родственниками, съ которыми входятъ въ распрю, если царь, разобравъ дѣло, выдастъ ихъ имъ головой. Когда приходятъ въ гости лица, которымъ скиѳъ хочетъ оказать особое вниманіе, то онъ выставляетъ черепа и подробно разсказываетъ, кому изъ его враговъ или родственниковъ они принадлежали, по какимъ поводамъ возникла вражда и какимъ образомъ онъ вышелъ изъ распри побѣдителемъ".

„Одинъ разъ въ году каждый начальникъ въ своемъ околодкѣ приготовляетъ чашу вина, изъ которой пьютъ лишь тѣ Скиѳы, которые умертвили враговъ; тѣ-же изъ нихъ, за которыми нѣтъ такихъ подвиговъ, не вкушаютъ этого вина и какъ обезчещенные садятся въ сторонѣ; это самый тяжкій позоръ для нихъ. Напротивъ, если кто изъ Скиѳовъ убилъ очень много враговъ, тотъ получаетъ двѣ чаши и пьетъ вино изъ обѣихъ разомъ".

Божества у Скиѳовъ были тѣ-же самыя, что и на далекой Арійской родинѣ; прибавился только богъ войны Арей. Ему одному приносились человѣческія жертвы—взятые въ плѣнъ на войнѣ непріятели; другимъ-же богамъ въ жертву приносились только животныя. Въ честь Арея въ каждомъ Скиѳскомъ племени воздвигали огромный холмъ изъ сухого хвороста, на которомъ водружался большой старинный желѣзный мечъ.

„Этому-то мечу ежегодно", разсказываетъ Геродотъ, „приносится въ жертву рогатый скотъ и лошади, а сверхъ того, совершается еще и слѣдующее:

въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ образомъ: сдѣлавши предварительно возліяніе виномъ на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ особымъ сосудомъ; потомъ кровь убитыхъ относятъ на холмъ изъ хвороста и льютъ ее на мечъ. Только кровь относится наверхъ; внизу у холма всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ принесеніемъ въ жертву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки оставляютъ тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно".

„Похороны Скиѳскихъ царей и вождей происходили", разсказываетъ Геродотъ, „такимъ образомъ: послѣ смерти тотчасъ-же выкапывается большая четыреугольная могила; по изготовленіи ея, принимаются за покойника и покрываютъ его тѣло воскомъ, предварительно разрѣзавъ ему животъ, который вычищаютъ и наполняютъ шафраномъ, толченымъ ладономъ, сѣменами сельдерея и аниса, а потомъ сшиваютъ и везутъ въ сосѣднее село или деревню. По прибытіи тѣла, жители въ знакъ печали отрѣзываютъ себѣ кончикъ уха, обстригаютъ въ кругъ волоса на головѣ, дѣлаютъ на своихъ рукахъ нарѣзки, распарываютъ кожу на лбу и на носу, а лѣвую руку прокалываютъ стрѣлами. Отсюда перевозятъ трупъ въ другое подвластное село, при чемъ жители перваго селенія сопровождаютъ покойника. Объѣхавши такимъ образомъ всѣ поселки, надъ которыми царь владычествовалъ, тѣло предается погребенію, въ особой мѣстности, гдѣ находятся царскія усыпальницы. Здѣсь трупы хоронятъ въ заранѣе вырытой могилѣ, на подстилкѣ изъ листьевъ; по обѣимъ сторонамъ трупа вбиваютъ колья, сверху кладутъ брусья и все покрываютъ ивовыми прутьями. Въ остальной обширной части могилы хоронятъ одну изъ наложницъ покойнаго, предварительно задушивши ее, а также виночерпія, повара, конюха, приближеннаго слугу, вѣстовщика, наконецъ, лошадей, первенцовъ всякаго другого скота и золотыя чаши; серебра и мѣди Скиѳскіе вожди не употребляютъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе устраиваютъ большую земляную насыпь, прилагая особенное стараніе къ тому, чтобы она вышла какъ можно больше".

„По прошествіи года, Скиѳы возвращаются на могилу и совершаютъ слѣдующее: изъ оставшихся слугъ выбираютъ пятьдесятъ самыхъ лучшихъ, которые были особенно угодны покойнику; всѣ эти отроки—слуги, природные Скиѳы, такъ какъ царямъ чужеземные рабы не служатъ; выбираютъ также и пятьдесятъ наилучшихъ лошадей; затѣмъ удавливаютъ какъ слугъ, такъ и коней, вынимаютъ изъ нихъ внутренности, вычищаютъ брюхо и, наполнивши его отрубями, зашиваютъ. Потомъ укрѣпляютъ на двухъ столбахъ половину колеса такъ, чтобы ободъ былъ обращенъ внизъ и нѣсколько наискось; противъ него совершенно также располагаютъ на двухъ столбахъ другую половину колеса. Заготовивъ вокругъ могилы большое количество такихъ станковъ, вбиваютъ послѣ этого въ удавленныхъ и набитыхъ отрубями лошадей по толстому колу вдоль хребта, доходящему до самой шеи, и въ такомъ видѣ ихъ поднимаютъ на обода отъ колесъ, при чемъ на переднихъ полукругахъ помѣщаются плечи лошадей, а на заднихъ держатся туловища у самыхъ бедеръ, такъ что обѣ пары ногъ свѣшиваются внизъ, не доставая до земли, наконецъ, накиды-

ваютъ на лошадей уздечки и удила, тянутъ ихъ впередъ и прикрѣпляютъ къ колышкамъ. Удавленныхъ-же отроковъ сажаютъ по одному верхомъ на коней слѣдующимъ образомъ: въ трупъ каждаго юноши забивается вдоль спинного хребта прямой колъ, доходящій до шеи; нижній выступающій конецъ его вбивается въ пробуравленную дыру другого кола, того, что проходитъ черезъ лошадь; поставивши такихъ всадниковъ вокругъ могилы, Скиѳы расходятся. Такъ хоронятъ они своихъ вождей".

Разсказы Геродота объ этихъ похоронныхъ обрядахъ Скиѳовъ, несмотря на ихъ необычность для нашего времени, совершенно справедливы и подтвер-

2. Курганъ.

ждаются постоянно раскопкой кургановъ, въ большомъ количествѣ разбросанныхъ по югу Россіи. Особенно много этихъ кургановъ по Днѣпру—близъ пороговъ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи.

Курганы встрѣчаются различной величины и вида и носятъ въ народѣ различныя названія, очень мѣтко ихъ изображающія. Такъ, одни называются *острыми* могилами, потому что имѣютъ вершину, закругленную остро; другіе—*широкими* могилами, по значительной разлогости своихъ боковъ; иные *рябыми*, когда ссыпаны двѣ или три могилы рядомъ въ одну, получившую отъ этого неправильный, продолговатый видъ; если же могила насыпана продольно и правильно, какъ-бы валомъ, то ей даютъ названіе *долгой* могилы. Два кургана одинаковой величины, стоящіе рядомъ, называются *близнецами*.

Изъ всѣхъ степныхъ кургановъ особенно замѣчательны могилы *толстыя*. Этимъ именемъ народъ обозначаетъ курганы, которые, кромѣ значительной величины, имѣютъ и особый видъ, рѣзко отличающій ихъ отъ всѣхъ остальныхъ. Это могилы съ очень крутыми боками, которые, при обширности насыпи, дѣйствительно придаютъ ей видъ толстоты. Крутизна боковъ у толстыхъ могилъ,

какъ оказалось при разслѣдованіи, поддерживается окладомъ, сложеннымъ на подошвѣ кургана изъ большихъ нетесаныхъ камней, которые были добываемы въ рѣчкахъ и балкахъ, удаленныхъ иногда на значительное разстояніе отъ насыпи.

Степныя могилы малой и средней величины, обыкновенно, не заключаютъ въ себѣ богатыхъ или особенно важныхъ гробницъ, но среди толстыхъ могилъ найдены богатыя царскія погребенія. Хотя почти всѣ изслѣдованныя до сихъ поръ учеными могилы были уже въ неизвѣстныя времена осматриваемы и разграблены невѣдомыми намъ хищниками, однако, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось достаточно всякаго рода предметовъ, чтобы судить объ условіяхъ жизни тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ погребены. Иныя изъ могилъ относятся къ очень отдаленнымъ временамъ, еще до прибытія Славянъ изъ своей Арійской родины. Многія могилы, наоборотъ, были насыпаны значительно позднѣе, чѣмъ жили Скиѳы, описанные Геродотомъ, но, тѣмъ не менѣе, встрѣчаются большіе курганы и погребенія, устроенные именно такъ, какъ описываетъ ихъ Геродотъ. При разрытіи этихъ кургановъ находились костяки главныхъ лицъ, въ нихъ похороненныхъ, въ истлѣвшихъ одеждахъ, съ положеннымъ рядомъ оружіемъ, а въ головахъ съ сосудами для пищи; иногда находятся тутъ же золотыя и серебряныя украшенія, которыя носилъ покойный; обыкновенно рядомъ съ нимъ имѣется женскій трупъ удушенной наложницы, также въ истлѣвшей одеждѣ и часто съ золотыми кольцами, запястьями и другими украшеніями на рукахъ; далѣе обнаруживаются мертвяки убитыхъ вмѣстѣ слугъ и лошадей, сосуды разнаго рода, конская сбруя, запонки и различныя бусы, бляшки, топоры, стрѣлы, луки, колчаны, наконечники копій, различныя монеты—золотыя, серебряныя, мѣдныя, и прочее. Всѣ эти вещи при раскопкахъ тутъ же подробно описываются, при чемъ указывается, гдѣ и когда каждая найдена; затѣмъ разбитые сосуды при возможности тщательно склеиваются, и все отправляется въ особыя хранилища, изъ которыхъ главное находится въ городѣ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Зимнимъ Дворцомъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

3. Сосудъ для питья, найденный въ деревнѣ Ивановкѣ.

Предметы, найденные въ Скиѳскихъ могилахъ, позволяютъ съ большими подробностями возстановить картину нравовъ тѣхъ лицъ, кои въ нихъ похоронены. Особенно интересны различнаго рода сосуды и металлическія вещи, на которыхъ изображены рисунки изъ жизни самихъ Скиѳовъ. Рисунки эти большею частью сдѣланы по заказу Скиѳовъ превосходными греческими мастерами и обыкновенно поражаютъ свей тонкой работой; но встрѣчаются и издѣлія съ рисунками погрубѣе.

Ниже приводятся изображенія нѣкоторыхъ найденныхъ въ могилахъ вещей съ рисунками на нихъ.

На рисункѣ 3 изображенъ литой сосудъ изъ золоченнаго серебра для питья. Онъ найденъ въ деревнѣ Ивановкѣ, Екатеринославской губерніи, въ 30 верстахъ отъ города Никополя. Сосудъ этотъ 4 вершка длины и $2^1/_4$ вершка

4. Развернутое изображеніе обода сосуда, найденнаго въ деревнѣ Ивановкѣ.

въ поперечникѣ: низъ сосуда оканчивается изображеніемъ головы животнаго, въ видѣ вепря, а по верхней части, кругомъ, помѣщенъ литой рисунокъ, изображающій событія изъ Скиѳской жизни.

На рисункѣ 4 эти изображенія показаны развернутыми; въ правой половинѣ рисунка мы видимъ скиѳа, приносящаго своему царю голову убитаго врага, чтобы имѣть право на участіе въ добычѣ, совершенно такъ, какъ это разсказываетъ Геродотъ. На лѣвой половинѣ мы видимъ двухъ скиѳовъ, изъ которыхъ одинъ угощаетъ другого виномъ. Если всмотрѣться въ рисунки, то увидимъ, что скиѳы носили длинные волосы и большія бороды, какъ и теперь носятъ многіе русскіе мужики, затѣмъ короткіе кафтаны и шаровары, заправленные въ сапоги. На головѣ у одного родъ башлыка, а у царя повязка, въ родѣ вѣнца. Изъ оружія на рисункѣ видны луки и колчаны для стрѣлъ.

На рисункѣ 5 изображенъ сосудъ, найденный близъ Керчи, въ гробницѣ одной Скиѳской царицы; сосудъ этотъ сплавленъ изъ смѣси золота и серебра (на четыре части золота—одна серебра): имѣющіяся на немъ изображенія

представлены развернутыми на рисункѣ 6; онѣ весьма любопытны. На крайней лѣвой сторонѣ мы видимъ Скиѳскаго царя или вождя съ повязкой на головѣ; сидя на кочкѣ, онъ внимательно слушаетъ своего лазутчика, стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ; въ рукахъ у обоихъ копья; у вождя за лѣвымъ бокомъ видѣть лукъ, а лазутчика—кожаный щитъ, рядомъ съ лазутчикомъ стоитъ на одномъ колѣнѣ скиѳъ и съ усиліемъ натягиваетъ тетиву на лукъ; правѣе этого скиѳа изображены двое, изъ которыхъ одинъ ощупываетъ больную или раненую челюсть у другого; а еще правѣе — тоже раненый, которому товарищъ перевязываетъ ногу. Видно, что всѣ скиѳы на этомъ рисункѣ одѣты въ кожаные штаны; ременные пояса покрыты металлическимъ приборомъ, а сапоги мягкіе, безъ подборовъ, какъ и нужно для людей, которые всю жизнь проводятъ верхомъ на конѣ.

5. Сосудъ, найденный близъ Керчи, въ такъ называемомъ Кулобскомъ курганѣ.

6. Развернутыя изображенія, помѣщенныя на Кулобскомъ сосудѣ.

Рисунокъ 7 изображаетъ великолѣпный серебряный сосудъ, лучшій изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ при раскопкахъ кургановъ.

Вышина его ровно аршинъ. Найденъ онъ въ 1863 году знаменитымъ собирателемъ и знатокомъ русскихъ древностей Иваномъ Егоровичемъ Забѣлинымъ въ толстой могилѣ, въ такъ называемомъ Чертомлыцкомъ курганѣ, на-

ходящемся въ Екатеринославской губерніи, въ 20 верстахъ отъ мѣстечка Никополя.

Курганъ этотъ заключаетъ въ себѣ Скиѳское царское погребеніе; хотя оно и было разграблено неизвѣстными хищниками, но видно, что ихъ застигъ обвалъ, при чемъ найденъ засыпаннымъ костякъ одного погибшаго при этомъ обвалѣ грабителя; поэтому они не успѣли унести съ собой многихъ вещей, и въ курганѣ осталось еще весьма большое количество любопытнѣйшихъ предметовъ, изъ которыхъ изображенный на прилагаемомъ рисункѣ сосудъ, считается самымъ цѣннымъ и замѣчательнымъ.

7. Сосудъ, найденный И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ.

Помимо того, что вся отдѣлка его чрезвычайно искусна, особое вниманіе обращаетъ на себя рядъ выпуклыхъ вызолоченныхъ лошадей по верхнему ободу. Ободъ этотъ представленъ въ развернутомъ видѣ на рисункѣ 8.

Нѣтъ сомнѣнія, что на немъ изображено самое существенное и важное дѣло изъ Скиѳскаго быта, именно — покореніе дикаго коня. Изображеніе расположено вокругъ всего обода и составляетъ два равныхъ отдѣла—передній и задній. По срединѣ задней части представлены двѣ лошади, еще на степной

Передній отдѣлъ.

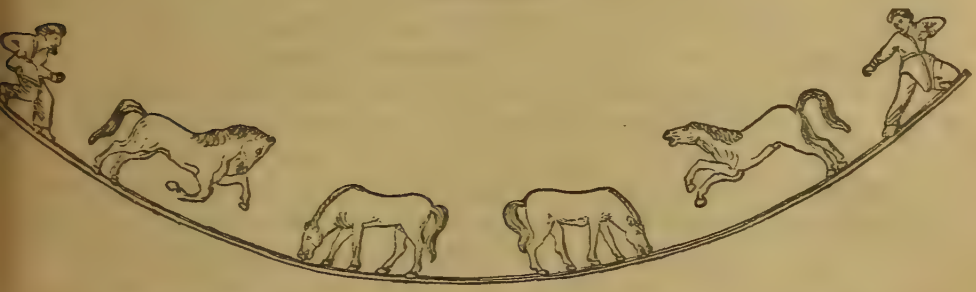
дикой свободѣ; онѣ пасутся въ степи; по сторонамъ ихъ показано, какъ ихъ ловятъ арканами Скиѳы (арканами на сосудѣ служили серебряныя нити,

сохранившіяся у каждаго скиѳа въ сжатомъ кулакѣ); видъ этихъ скиѳовъ и лошадей показываетъ сопротивленіе другъ другу: лошади стремятся вырваться, Скиѳы употребляютъ всѣ силы, чтобы ихъ удержать. На передней части обода, въ самой серединѣ изображено, какъ трое скиѳовъ валятъ дикаго, еще не

Передній отдѣлъ.

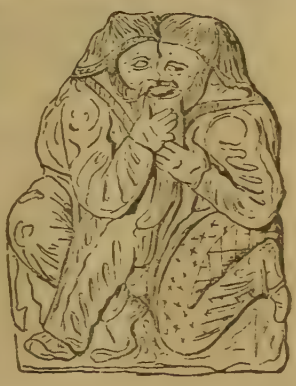
обузданнаго коня на землю, чтобы потомъ взнуздать его; скиѳъ, стоящій позади, тоже помогаетъ имъ и тянетъ къ себѣ коня; слѣва отъ этого коня

Задній отдѣлъ.



8. Развернутое изображеніе обода сосуда, найденнаго Н. Е. Забѣлинымъ.

изображенъ другой конь, уже взнузданный, котораго скиѳъ треножитъ, притягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому поводу узды, съ цѣлью оставить его въ этомъ трудномъ положеніи, чтобы онъ самъ собой привыкъ слушаться узды. Съ правой стороны отъ средняго коня изображенъ человѣкъ, снимающій съ своего плеча кафтанъ, а еще правѣе его—опять конь, но уже прирученный, взнузданный и осѣдланный, которому его хозяинъ треножитъ переднія ноги для отдыха.

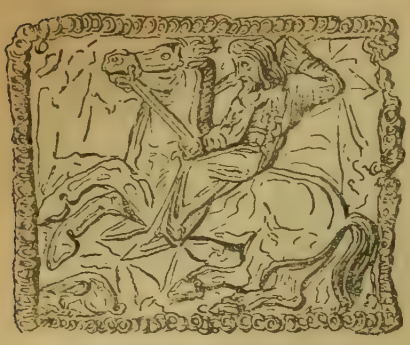


9. Золотая бляха съ изображеніемъ двухъ братающихся скиѳовъ.

Рисунокъ 9 изображаетъ изъ себя золотую бляху, найденную въ одномъ изъ кургановъ; на этой бляхѣ мы видимъ двухъ, тѣсно обнявшихся скиѳовъ, пьющихъ вмѣстѣ вино изъ одного рога; Скиѳы всегда пили такимъ образомъ

вино, къ которому примѣшивали небольшое количество собственной крови изъ надрѣзовъ на тѣлѣ, когда заключали между собой братанства, или братскіе союзы.

На рисункѣ 10 изображена тоже золотая бляха, найденная вмѣстѣ съ предыдущей; на ней выбитъ конный скиѳъ, охотящійся съ дротикомъ за зайцемъ.



10. Золотая бляха съ изображеніемъ охоты на зайца.

Наконецъ, рисунокъ 11 изображаетъ концы золотой *гривны*, или шейнаго украшенія въ видѣ обруча. Эти гривны были въ большомъ ходу у нашихъ предковъ, и каждый старался носить такую гривну на шеѣ. Гривны дѣлались изъ нѣсколько перевитыхъ между собою проволокъ, въ зависимости отъ состоянія,—золотыхъ или серебряныхъ; при этомъ концы ихъ имѣли всегда какія либо украшенія: на приведенномъ рисункѣ изображена гривна съ двумя конными скиѳами на своихъ обоихъ концахъ. Ее нашли вблизи Керчи, въ той же гробницѣ, что и сосудъ, изображенный на рисункѣ 5.

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ рисунковъ найденныхъ предметовъ въ нашихъ курганахъ мы видимъ, что Геродотъ замѣчательно правдиво описывалъ Скиѳскіе нравы и обычаи.

Въ этихъ нравахъ и обычаяхъ насъ, конечно, больше всего поражаетъ необыкновенная кровожадность и жестокость нашихъ древнихъ предковъ. Сдираніе кожи съ труповъ враговъ, обдѣлка череповъ родственниковъ, съ

11. Изображеніе концовъ золотой гривны, найденной близъ Керчи.

которыми поссорились, въ чаши для вина, наконецъ, удушеніе столькихъ преданныхъ слугъ на могилѣ вождей,—все это не можетъ не поражать насъ.

Но надо всегда помнить время, въ которое жили наши предки; надо помнить, что это было за нѣсколько столѣтій до рожденія Іисуса Христа, Который явился именно, чтобы спасти этотъ жестокій языческій міръ, погрязшій въ потокахъ крови, и просвѣтить его Своею проповѣдью любви къ ближнему.

Въ описываемое же время никто о возможности подобной любви къ ближнему даже и не подозрѣвалъ; къ тому-же, если прародители наши и

были жестоки къ своимъ врагамъ, то только потому, что они знали, что и съ ними, въ случаѣ бѣды, эти враги поступятъ точно такъ же, если еще не хуже. Надо не забывать, что всѣ войны велись тогда съ безпощадной жестокостью.

Греки, самые просвѣщенные изъ всѣхъ тогдашнихъ обитателей древняго міра, вступили между собою, вскорѣ послѣ путешествія Геродота въ Скиѳію, въ большую братоубійственную войну, продолжавшуюся двадцать семь лѣтъ, при чемъ доходили въ обращеніи съ побѣжденными Греками же до ужасающихъ звѣрствъ; часто случалось, что торжественно обѣщавши жителямъ какого нибудь осажденнаго города жизнь и свободу, если тѣ сдадутся, они не затруднялись тотчасъ-же нарушить это слово и предавали довѣрчивыхъ противниковъ самому безжалостному поголовному избіенію, не щадя ни женщинъ, ни грудныхъ дѣтей.

Еще большей жестокостью и безпощадностью отличались знаменитые Римляне; много столѣтій спустя послѣ описанныхъ Геродотомъ временъ, когда христіанская проповѣдь проникла и въ Римъ, они именно отличались крайнимъ изувѣрствомъ по отношенію къ беззащитнымъ христіанамъ и всенародно подвергали ихъ мучительнымъ истязаніямъ или отдавали на разстерзаніе дикимъ звѣрямъ; извѣстно, что Римляне водружали христіанъ на высокіе шесты, обмазывали смолой, потомъ зажигали ихъ, и при пламени такихъ свѣточей устраивали веселыя ночныя пиршества.

Поэтому Скиѳы вовсе не были болѣе жестоки, чѣмъ другіе.

Если они заставляли своихъ молодыхъ воиновъ напиться крови перваго убитаго ими врага, то это дѣлалось, конечно, только затѣмъ, чтобы дать своей молодежи воинскую закалку, между тѣмъ сосѣди Скиѳовъ—Финскія племена, жившія рядомъ съ ними на сѣверѣ Россіи, были во времена Геродота еще настоящими людоѣдами, при чемъ не гнушались даже поѣдать тѣла своихъ покойныхъ родителей *).

Наконецъ, обсуждая погребальные обычаи Скиѳовъ, когда на могилахъ царей или вождей лишалось жизни столько преданныхъ имъ людей, надо всегда помнить, что наши предки глубоко вѣрили въ безсмертіе души, но по грубости своей языческой религіи полагали, что съ покойниками необходимо отправлять на тотъ свѣтъ, чтобы имъ не было однимъ скучно, и всѣхъ самыхъ близкихъ людей, а также и любимыхъ лошадей. Только поэтому и убивалось столько народу при погребеніи вождей. При этомъ также надо помнить, что для самихъ убиваемыхъ слугъ смерть эта считалась самой почетной, и многіе шли на нее съ радостью. Это была истинная преданность своимъ повелителямъ „на животъ и на смерть“. Благодаря этой безпредѣльной преданности своимъ вождямъ, древніе Славяне и одерживали столько славныхъ побѣдъ и поэтому считались непобѣдимыми.

---

*) Обычаи эти у сѣверныхъ инородческихъ обитателей Россіи сохранились вплоть до Московскихъ Царей, которые строго приказывали слѣдить за ними своимъ воеводамъ и выводить эти „прелести“.

Самъ Геродотъ очень высоко ставилъ Скиѳовъ среди остальныхъ народовъ за ихъ душевное благородство, разумъ, отвагу, искусное веденіе сельскаго хозяйства и отличное пониманіе военнаго дѣла. Онъ называлъ ихъ справедливѣйшими. Кромѣ сего, Геродотъ ставилъ также Скиѳамъ въ большую заслугу, что хотя они и были ласковы къ чужестранцамъ, но ничего у нихъ не перенимали, а крѣпко держались своихъ родныхъ обычаевъ и старины.

Главные упреки, которые Геродотъ дѣлаетъ Скиѳамъ,—это пагубная для самихъ же Скиѳовъ страсть къ раздорамъ между собой и столь же пагубная невоздержанность въ употребленіи вина. Необузданное пьянство Скиѳовъ всегда сильно поражало трезвыхъ Грековъ, обыкновенно пившихъ только разбавленное водою вино; у Грековъ даже вошло въ обычай говорить, если кто либо хотѣлъ выпить лишнее: „налей-ка мнѣ вина по скиѳски“ или „ну-ка подскиѳь“, и тогда виночерпій наливалъ чистаго неразбавленнаго вина.

Особенно уважались Скиѳы за ихъ безпредѣльную преданность близкимъ себѣ людямъ, какъ вождямъ и роднымъ, такъ и тѣмъ, съ кѣмъ они побратались.

Вотъ одинъ изъ многихъ разсказовъ о томъ, что значила среди Скиѳовъ дружба и братство.

Однажды двое скиѳовъ, Дандамидъ и Амизокъ, побратались между собой. На четвертый день послѣ того, какъ они вмѣстѣ пили кровь другъ друга, внезапно пришло на ихъ землю другое Скиѳское же племя—Савроматы, и такъ какъ никто нападенія не ожидалъ, то Савроматы перебили многихъ воиновъ, многихъ увели живыми и разграбили до тла жителей. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и Амизокъ. Когда его уводили, онъ крикнулъ друга и напомнилъ ему кровь и кубокъ. Услышавъ это, Дандамидъ прямо поскакалъ на глазахъ у всѣхъ къ врагамъ. Савроматы, поднявъ копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, но онъ крикнулъ: „зиринъ“. Если кто произносилъ это слово, то Савроматы не убивали его, но принимали, какъ явившагося для выкупа плѣнныхъ. Когда привели его къ вождю, онъ попросилъ выдачи друга; тотъ потребовалъ выкупа, говоря, что не выпуститъ, не получивъ большого выкупа. Дандамидъ сказалъ: „что я имѣлъ, все расхищено вами, а что я, не имѣя ничего, могу дать въ выкупъ, охотно предоставляю вамъ; приказывай, чего бы не пожелалъ. Если же хочешь, то дѣлай со мной то же, что съ моимъ другомъ“! Савроматъ отвѣчалъ: „мнѣ не надо всего тебя да еще пришедшаго со словомъ „зиринъ“. Уводи друга взамѣнъ одного изъ членовъ твоего тѣла.

Дандамидъ спросилъ, что онъ хочетъ взять; тотъ потребовалъ обоихъ глазъ, и Дандамидъ тотчасъ предоставилъ вырѣзать ихъ. Когда ихъ вырѣзали и Савроматы получили такой выкупъ, онъ, взявъ Амизока, пошелъ назадъ, опираясь на него; затѣмъ они спаслись къ своимъ. Послѣ этого Савроматы восхваляли Скиѳское племя, на которое напали, и находили, что они не побѣждены, такъ какъ не унесли лучшаго сокровища—хорошій умъ и вѣрность друзьямъ.

Мало того, Савроматы были такъ напуганы этимъ событіемъ, что ночью совсѣмъ ушли. Амизокъ же, чтобы не отставать отъ друга, ослѣпилъ себя самъ, и оба жили въ большомъ почетѣ, содержимые Скиѳской общиной.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Свѣдѣнія о Русской Землѣ у писателей послѣ Геродота. Путешествіе Святого Апостола Андрея Первозваннаго. Походы Славянъ противъ Римской имперіи. Готы. Гунны объединяютъ Восточныхъ Славянъ. Аттила. Раздоры Славянъ между собой. Нашествіе Аваровъ. Русь во время Хозарскаго ига. Призваніе князей.

ПОСЛѢ Геродота никто изъ писателей не оставилъ такого подробнаго и правдиваго описанія Русской Земли, какъ онъ, вплоть до перваго русскаго лѣтописца, которымъ обыкновенно считаютъ преподобнаго Нестора, инока Кіево-Печерскаго монастыря, жившаго въ одиннадцатомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова, стало быть, спустя болѣе полуторы тысячъ лѣтъ послѣ Геродота.

Всѣ писатели, которые говорили за эти полторы тысячи лѣтъ о нашихъ предкахъ, упоминали о нихъ главнымъ образомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда описывали войны, въ которыхъ принимали участіе Славянскія племена. Однако, такъ какъ Славяне были народомъ воинственнымъ, а войны происходили въ разныхъ концахъ земли безпрерывно, то мы и можемъ найти довольно часто у писателей того или другого народа свѣдѣнія о нашихъ предкахъ.

Изъ этихъ свѣдѣній мы видимъ, что Славянскія племена всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ сохраняли за собою славу безстрашныхъ и искусныхъ воителей и высоко честныхъ людей.

Вотъ мнѣнія нѣкоторыхъ писателей, позднѣйшихъ Геродота, о тогдашнихъ обитателяхъ Русской Земли. „Правосудіе у нихъ было запечатлѣно въ умахъ,—говорилъ одинъ изъ этихъ писателей,—а не въ законахъ; воровство рѣдко и считалось важнѣе всякихъ преступленій. Золото и серебро они столько же презирали, сколько прочіе смертные желали его“.

„Они превосходные воины, потому что военное дѣло становится у нихъ суровой наукой во всѣхъ мелочахъ. Высшее счастье въ ихъ глазахъ погибнуть въ битвѣ. Умереть отъ старости или отъ какого-либо случая —это позоръ, унизительнѣе котораго ничего не можетъ быть. Они вообще красивы и рослы; волосы ихъ отливаютъ въ русый цвѣтъ. Взглядъ у нихъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый“.

„Племена Славянъ“, пишетъ другой писатель, „ведутъ образъ жизни одинаковый, имѣютъ одинаковые нравы, любятъ свободу и не выносятъ рабства.

Они особенно храбры и мужественны въ своей странѣ и способны ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ. Они легко переносятъ жаръ и холодъ и наготу тѣла, и всевозможныя неудобства и недостатки. Очень ласковы къ чужестранцамъ, о безопасности которыхъ заботятся больше всего: провожаютъ ихъ отъ мѣста до мѣста и поставляютъ себѣ священнымъ—сосѣдъ долженъ мстить сосѣду и идти на него войной, если тотъ, по своей безпечности, вмѣсто охраны допуститъ какой либо случай, гдѣ чужеземецъ потерпитъ несчастье".

Чтобы угостить гостя, бѣднымъ людямъ разрѣшалось даже украсть, хотя воровство и было самымъ важнымъ преступленіемъ.

„Плѣнники у Славянъ не такъ, какъ у прочихъ народовъ, не всегда остаются въ рабствѣ; они опредѣляютъ имъ извѣстное время, послѣ котораго, внеся выкупъ, тѣ вольны или возвратиться въ отечество, или остаться у нихъ друзьями и свободными. Часто дѣлаютъ набѣги, нечаянныя нападенія и различныя хитрости днемъ и ночью и, такъ сказать, *играютъ войной*".

„Величайшее ихъ искусство состоитъ въ томъ, что они умѣютъ прятаться въ рѣкахъ подъ водой. Никто другой не можетъ такъ долго оставаться въ водѣ, какъ они. Часто, застигнутые непріятелемъ, они лежатъ очень долго на днѣ и дышатъ помощью длинныхъ тростниковыхъ трубокъ, коихъ одно отверстіе берутъ въ ротъ, а другое высовываютъ на поверхность воды и такимъ образомъ укрываются непримѣтно въ глубинѣ. Кто даже запримѣтитъ эти трубки, тотъ, не зная такой хитрости, сочтетъ ихъ самородными. Опытные узнаютъ ихъ по отрѣзу или по положенію и тогда или придавливаютъ ихъ ко рту, или выдергиваютъ и тѣмъ заставляютъ хитреца всплыть наверхъ. Славяне никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть".

Послѣдняя причина, постоянные раздоры Славянъ между собой, и являлась всегда источникомъ величайшихъ для нихъ несчастій. Какъ разъ, когда Славяне соединялись для какого-либо общаго дѣла вмѣстѣ, они тотчасъ же дѣлались грозными и непобѣдимыми и легко приводили подъ свою руку тѣхъ, кого хотѣли покорить. Но какъ только начиналась у Славянъ междуусобица—они сейчасъ-же начинали ослабѣвать, и этимъ искусно пользовались ихъ враги, стараясь всѣми мѣрами раздувать еще больше взаимную ихъ вражду между собой.

Сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ Геродотъ составилъ описаніе своихъ замѣчательныхъ путешествій въ Скиѳскую землю, Александръ Македонскій, величайшій изъ завоевателей всѣхъ временъ, который за свою недолгую жизнь (онъ умеръ 31 года) покорилъ всю Грецію, Малую Азію, Египетъ, Персію и часть Индіи,—дважды ходилъ также противъ Скиѳовъ; первый разъ, около 335 года до Рождества Христова, противъ племенъ, обитавшихъ къ сѣверу отъ Дуная, при чемъ онъ сжегъ ихъ главный городъ, а второй разъ, въ 328 году до Р. Х., противъ Скиѳовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Аму-Дарьи.

Послѣдній походъ окончился неожиданно: Александръ, до сей поры совершенно равнодушный къ дѣвичьей красотѣ, былъ сразу покоренъ, какъ только увидалъ дочь одного изъ Скиѳскихъ царей—Роксану, и тотчасъ же женился на ней, а съ отцомъ ея заключилъ союзъ. По порученію Александра Македон-

скаго, одинъ изъ его морскихъ военачальниковъ обслѣдовалъ въ тѣ времена Каспійское море и первый представилъ свѣдѣнія о томъ, что, поднявшись по Волгѣ, возможно, идя по ея притокамъ, перевалить къ рѣкамъ, впадающимъ въ Балтійское море.

Послѣ Александра Скиѳы воевали не разъ съ Македонскими царями и въ 293 году до Рождества Христова живьемъ захватили въ степяхъ близъ Днѣстра одного ихъ царя Лизимаха со всѣмъ его воинствомъ.

Незадолго до тѣхъ временъ, когда надлежало родиться на свѣтъ Господу нашему Іисусу Христу, владычество почти надъ всѣмъ древнимъ міромъ перешло, какъ уже было указано раньше, въ руки знаменитыхъ Римлянъ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ ихъ враговъ былъ Малоазійскій царь Митридатъ Великій, жившій отъ 121 до 164 года до Рождества Христова. Онъ владѣлъ, между прочимъ, и Греческимъ Воспорскимъ царствомъ, лежавшимъ на берегахъ Азовскаго моря у Керченскаго пролива. Этотъ царь Митридатъ долго воевалъ съ сосѣдними Скиѳскими племенами, которымъ и нанесъ, наконецъ, жесточайшее пораженіе, послѣ чего заключилъ со всѣми ними миръ и союзъ, съ цѣлью двинуть соединенныя ихъ силы противъ ненавистнаго ему Рима. Кромѣ значительнаго количества сухопутныхъ войскъ изъ всѣхъ союзныхъ ему Славянскихъ племенъ, Митридатъ поднялъ на Римъ и всѣхъ побережныхъ жителей Чернаго моря на ихъ ладьяхъ. Затѣмъ онъ содержалъ на жалованьѣ морскихъ разбойниковъ и образовалъ изъ нихъ такую разбойничью силу, съ которыми Римляне могли еле сладить.

Митридатъ очень гордился своей побѣдой надъ Скиѳами. „Изъ смертныхъ я одинъ покорилъ Скиѳію,—говорилъ онъ,—ту Скиѳію, мимо которой прежде никто не могъ ни безопасно пройти, ни приблизиться къ ней. Два царя —Дарій Персидскій и Филиппъ Македонскій осмѣлились было не покорить, а только войти въ Скиѳію и съ позоромъ бѣжали оттуда, откуда намъ прислано теперь великое количество войска противъ Римлянъ“.

Послѣ пораженія Митридатомъ Скиѳовъ, слава непобѣдимыхъ воиновъ перешла къ сосѣднему племени, жившему по лѣвому берегу Дона, къ Савроматамъ, какъ называлъ Геродотъ, или *Сарматамъ*, какъ ихъ называли позже, а также и къ другому Славянскому племени, жившему сѣвернѣе ихъ, къ *Роксаланамъ*. Мало по малу, имя Сарматовъ, благодаря ряду ихъ доблестныхъ подвиговъ, сдѣлалось общимъ именемъ для всѣхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ Русскую Землю, и она сама прозывалась одно время *Сарматіей*.

Сарматы особенно отличались быстротой и внезапностью своихъ набѣговъ; ихъ женщины имѣли такое же участіе въ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ, какъ и мужчины. „Амага“, разсказываетъ одинъ Греческій писатель, „жена Сарматскаго царя, жившаго на берегу Чернаго моря, видя невоздержанность своего мужа въ ѣдѣ и питьѣ, сама творила судъ, сама и разставляла сторожевые отряды и отражала набѣги враговъ и сражалась въ союзѣ съ сосѣдними племенами, и слава ея была громка у всѣхъ Скиѳовъ. Однажды она поссорилась съ однимъ Скиѳскимъ царемъ за то, что онъ обижалъ Херсонесцевъ, которыхъ она взяла подъ свою защиту. Царица послала сперва при

казаніе не трогать Херсонесцевъ, но когда Скиѳскій царь презрѣлъ ея волю, то, собравъ сто двадцать человѣкъ, крѣпчайшихъ душой и тѣломъ, и давъ каждому по три лошади, дабы имѣть всегда двѣ въ заводу, она проскакала въ однѣ сутки ровно двѣсти верстъ и, внезапно напавъ на царскій дворецъ, перебила всѣхъ привратниковъ. Скиѳы, пораженные внезапнымъ набѣгомъ, думали, что пришло не столько, сколько они видятъ, а гораздо больше, и растерялись, а царица быстро вторгнулась со своимъ отрядомъ во дворецъ, гдѣ былъ царь, и убила его и всѣхъ приближенныхъ, а владѣнія его отдала Херсонесцамъ".

Страна наша не оставалась безъ Евангельской проповѣди въ первые же годы послѣ Воскресенія Христова.

Во время своего третьяго путешествія Апостолъ Андрей Первозванный, слѣдуя по восточному берегу Чернаго моря, послѣ проповѣди Кавказскимъ горцамъ, посѣтилъ города—Керчь, Ѳеодосію и Корсунь, откуда отплылъ вверхъ по Днѣпру и, прибывъ въ ненаселенныя тогда горы у Кіева, водрузилъ крестъ, и прорекъ своимъ ученикамъ: „Видите ли горы сіи; на горахъ этихъ возсіяетъ благодать Божія, и будетъ большой городъ, и много церквей будетъ воздвигнуто здѣсь по изволенію Божьему".

Изъ Кіева Первозванный Апостолъ поднялся на сѣверъ до озера Ильменя, гдѣ тогда уже сидѣли Славяне, а отъ Ильменя черезъ Варяжское море—въ городъ Римъ. Въ Римѣ, описывая нравы Славянъ, Апостолъ Андрей высказывалъ свое удивленіе по поводу русской бани и говорилъ: „Удивительно, что дѣлается въ Славянской землѣ, есть у нихъ бани деревянныя, натопятъ ихъ жарко, раздѣнутся до нага, обольются квасомъ усніанымъ (щелокомъ), возьмутъ молодые прутья и хлыщутся ими: сами себя бьютъ и до того добьются, что выползаютъ еле живы; обольются студеной водой, такъ и оживутъ. И такъ творятъ каждый день, никѣмъ не мучимы, но сами себя мучатъ, но творятъ не мученье, а омовенье".

Основанная Апостоломъ Андреемъ церковь вѣрующихъ въ городѣ Корсуни вскорѣ подверглась сильнымъ гоненіямъ; и Римляне сдѣлали этотъ городъ мѣстомъ ссылки христіанъ. Такъ сюда была сослана, въ первомъ же вѣкѣ послѣ Рождества Христова, племянница Римскихъ императоровъ Тита и Доминціана, Флавія Домитилла, христіанка, и долго содержалась въ заключеніи, а при императорѣ Траянѣ—и Римскій епископъ Святой Климентъ, который долженъ былъ исполнять тяжелыя работы въ каменоломняхъ. Святой Климентъ усердно насаждалъ православіе въ Корсуни и основалъ до 75 церквей, вслѣдствіе чего, по повелѣнію изъ Рима, былъ схваченъ, отвезенъ за двѣ версты отъ города въ море и брошенъ въ воду съ желѣзнымъ якоремъ на шеѣ, чтобы христіане не могли достать его мощей. Но мощи эти были обрѣтены и перевезены въ Римъ,—въ девятомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова,—Святымъ Кирилломъ Философомъ; часть-же этихъ мощей осталась въ Корсуни и была взята въ Кіевъ Святымъ Владиміромъ послѣ своего крещенія.

За предѣлами Корсуни, въ нашей странѣ, проповѣдь Святого Апостола Андрея не принесла замѣтныхъ плодовъ; слишкомъ грубы еще были наши

нравы, и только отдѣльныя личности могли воспріять Божественныя истины Ученія Христа.

Митридатъ Великій научилъ Славянскія племена ходить на Римскія границы: послѣ Рождества Христова какъ отдѣльныя племена Славянъ, такъ и соединенныя по нѣскольку вмѣстѣ начинаютъ часто тревожить эти границы, тѣмъ болѣе, что одно время онѣ очень близко подходили къ нашимъ Южно-Русскимъ степямъ, такъ какъ Римскія владѣнія, въ первомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова, захватывали уже и Греческій городъ Ольвію, близъ нынѣшняго Николаева.

Укротить Римлянамъ Славянъ было очень трудно, по той причинѣ, что государствъ у нихъ не было: жили они особыми племенами и дружинами, каждый самъ по себѣ; ни союзовъ, ни договоровъ заключать было не съ кѣмъ: никто за другого не отвѣчалъ, а всякій, выждавъ случай и собравшись съ силами, дѣйствовалъ по своему разсужденію и безъ малѣйшаго повода бросался въ Римскія земли.

Поэтому Римляне признали нужнымъ откупаться отъ Славянъ и въ 69 году послѣ Рождества Христова уже содержали на жалованьѣ старшинъ нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, обитавшихъ на Русской Землѣ, то-есть попросту платили этимъ старшинамъ дань.

Особенно непріятны были для Римлянъ пограничныя Славянскія племена, когда они предварительно соединялись вмѣстѣ и затѣмъ уже совершали свои нашествія. Изъ такихъ нашествій самымъ грознымъ было нашествіе при императорѣ Маркѣ-Авреліи, продолжавшееся цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ, отъ 166 до 180 года по Рождествѣ Христовѣ: въ нашествіи этомъ принимали участіе не только соединенныя Славянскія племена, но также и Германскіе народы, при чемъ послѣ усмиренія Германцевъ Римляне долго еще продолжали войну со Славянами; среди этихъ славянъ особенно прославились два племени, жившія въ Россіи: Роксаланы и *Языги*.

Война съ ними велась Римлянами съ большимъ ожесточеніемъ, и очень много народу погибло съ обѣихъ сторонъ. Спустя много лѣтъ послѣ войны, Языги возвратили Риму сто тысячъ римскихъ плѣнныхъ.

Римляне же такого количества плѣнныхъ возвратить не могли, такъ какъ они поступали обыкновенно со своими военно-плѣнными слѣдующимъ безчеловѣчнымъ образомъ: въ Римѣ было построено огромное зданіе, совершенно круглое, вокругъ большой площади: въ немъ могло помѣщаться сразу до ста тысячъ человѣкъ. Сюда постоянно собирались обитатели Рима для своихъ развлеченій, которыя заключались въ томъ, что христіанскихъ мучениковъ травили на площади дикими звѣрями, а также и въ томъ, что на площадь пригонялись римскіе плѣнники, каждый со своимъ вооруженіемъ: затѣмъ ихъ разводили по площади и заставляли сражаться другъ противъ друга, по одиночкѣ или цѣлыми отрядами, каждаго по обычаямъ своей страны, до тѣхъ поръ, пока они себя взаимно не уничтожали.

Въ Римѣ до настоящихъ дней сохранились развалины этого огромнаго зданія, называвшагося Колизеемъ. Сохранилось также и высѣченное въ тѣ

времена изъ дорогого камня изображеніе такого умирающаго плѣнника послѣ боя, веденнаго имъ для потѣхи развратной и жадной до крови римской толпы. Взглянувъ на это изображеніе, мы легко можемъ узнать въ немъ своего брата славянина: у умирающаго совершенно тѣ же черты лица, какія мы постоянно встрѣчаемъ у русскихъ людей; надѣта у него на шеѣ и гривна, которыя такъ любили носить наши предки.

Описанная четырнадцатилѣтняя война Рима съ Славянами, прозванная Сарматской, послужила какъ бы военной школой для всѣхъ пограничныхъ Риму народовъ. Она научила эти народы подниматься на Римскія области не въ одиночку, а цѣлыми союзами. Славяне производили при этомъ свои нападенія какъ сухимъ путемъ, такъ и водою; собираясь на своихъ ладьяхъ у устьевъ Днѣпра и Дона, они смѣло пускались на нихъ въ море и дохо-

12. Умирающій плѣнникъ, убитый для потѣхи римской толпы.

дили не только до Византіи и Малой Азіи, но достигали и до самыхъ Аѳинъ и Рима.

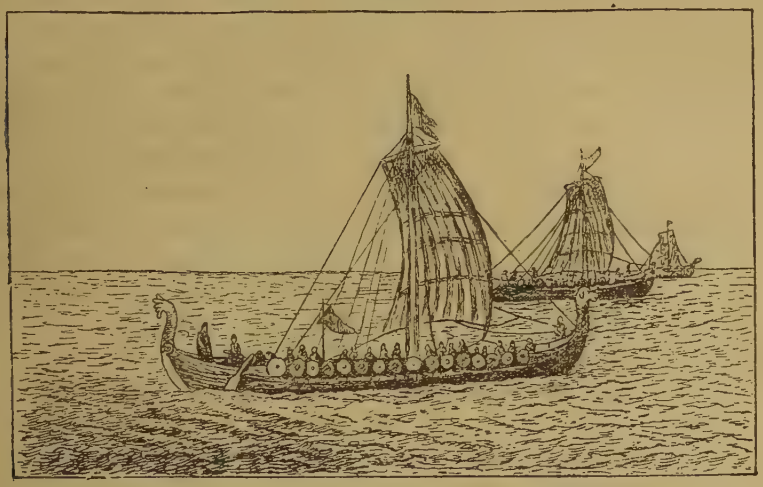
Всѣ эти походы не могли не безпокоить сильный Римъ, и, чтобы избавиться отъ этихъ постоянныхъ нашествій, Римскіе императоры стали употреблять всѣ усилія, чтобы ссорить между собою различныя племена и этимъ отвлекать ихъ отъ своей столицы. Этотъ способъ дѣйствій такъ и назывался у Римлянъ: „раздѣлять и властвовать“. Особенно это раздѣленіе своихъ противниковъ удалось императору Діоклетіану, царствовавшему въ началѣ четвертаго вѣка послѣ Рождества Христова и оставившему по себѣ память жестокаго гонителя христіанъ. Діоклетіанъ сумѣлъ натравить Германскія племена, которыя носили общее имя Готовъ, на Славянъ, послѣ чего они и Славяне оставили Римъ въ покоѣ и стали въ теченіе долгихъ лѣтъ ожесточенно истреблять другъ друга.

Эта вражда Готовъ и Славянъ продолжалась и во время царствованія Святого Константина Равноапостольнаго, перваго изъ Римскихъ императо-

ровъ, крестившагося и принявшаго Православную Вѣру. При немъ, въ 321 году, Славянскіе удальцы съ низовьевъ Дона и береговъ Азовскаго моря пришли на судахъ на Дунай и осадили какой-то городъ, такъ что самъ императоръ долженъ былъ поспѣшить къ нему на защиту и отразить нападающихъ.

Когда въ 332 году Готы стали слишкомъ нападать на Славянъ, живущихъ на Русской землѣ, то они обратились къ Св. Константину съ просьбой помочь имъ, и императоръ укротилъ Готовъ и приказалъ противникамъ помириться. Однако, миръ этотъ не понравился Славянамъ, и они стали опустошать земли Св. Константина, теперешнія Сербію и Болгарію. Тогда императоръ усмирилъ ихъ и принудилъ къ миру.

Послѣ кончины Св. Константина вражда между Готами и Славянами вспыхнула опять съ новой силой, и Готы стали забирать верхъ, особенно,



13. Старинныя боевыя ладьи нашихъ предковъ, въ которыхъ они ходили на Царьградъ, Аѳины и Римъ.

когда они объединились подъ рукой ихъ героя завоевателя *Германриха*. Германрихъ съ своими соединенными силами началъ сильно тѣснить своихъ противниковъ; онъ перешелъ Днѣпръ, подчиняя себѣ по пути встрѣчающіяся Славянскія племена, и доходилъ даже до Дона.

Но гнетъ чужестранцевъ скоро сталъ не въ мочь нашимъ свободолюбивымъ предкамъ, и всѣ тогдашніе обитатели Русской Земли стали подниматься на общаго врага.

Первыми поднялись храбрые обитатели низовьевъ Дона и Днѣпра; они двинулись подъ именемъ *Гунновъ* противъ Германриха, присоединяя къ себѣ по мѣрѣ движенія впередъ и всѣ подвластныя Готамъ Славянскія племена.

Когда до Германриха дошла вѣсть о движеніи Гунновъ, то на Готовъ напалъ страхъ, и они стали держать со своимъ королемъ совѣтъ, что дѣлать.

Въ это время Роксаланы, которые передъ тѣмъ были покорены Готами, заслышавъ о приближеніи Гунновъ, передались на ихъ сторону; при этомъ и одинъ изъ вождей Роксалановъ, бывшій при Германрихѣ, также точно покинулъ его, оставивъ, однако, во власти короля свою жену—Сонильду. Разсвирѣпѣвшій Германрихъ приказалъ, за бѣгство мужа, казнить несчастную Сонильду; ее привязали къ дикимъ лошадямъ, и она была растерзана на части. Двое изъ ея родственниковъ, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Германриха мечомъ въ бокъ. Послѣ этого онъ влачилъ еще нѣкоторое время жизнь, но однажды былъ захваченъ врасплохъ Гуннами и послѣ долгой битвы, видя всю безуспѣшность ея, въ отчаяніи и страхѣ отъ неминуемой гибели, самъ лишилъ себя жизни, кинувшись на свой мечъ. Онъ умеръ ста десяти лѣтъ отъ роду.

Послѣ Германриха долго велъ войну съ Гуннами храбрый Готскій король *Винитаръ*. Сначала онъ былъ побѣжденъ Гуннами, но затѣмъ захватилъ одного изъ ихъ князей—Богша и, чтобы навести ужасъ на враговъ, распялъ его вмѣстѣ съ сыновьями и съ семидесятью старѣйшинами на крестахъ. Послѣ этого Винитаръ спокойно царствовалъ цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока повелитель Гунновъ *Валамиръ*, собравъ сильную рать, не двинулся противъ него.

Двѣ битвы были выиграны Винитаромъ, и не возможно себѣ представить ту ужасную рѣзню, которую онъ произвелъ въ войскѣ Гунновъ. Въ третій разъ полки сошлись на рѣкѣ Прутѣ. Здѣсь Винитаръ погибъ отъ стрѣлы, которую ему пустилъ въ голову самъ Валамиръ. Послѣ этого Валамиръ взялъ себѣ въ жены Валадамарку, племянницу Винитара, а Готскій народъ безъ сопротивленія покорился Гуннамъ.

Такъ опять соединившись вмѣстѣ подъ рукою храбраго и искуснаго вождя—Валамира, снова входятъ въ силу и славу Славянскія племена, обитавшія нашу Родину,—на этотъ разъ подъ новымъ общимъ именемъ Гунновъ. По всѣмъ нѣмецкимъ, или, какъ тогда называли, Готскимъ областямъ разнесся слухъ о появленіи невѣдомаго диковиннаго народа, который то какъ вихрь спускался съ высокихъ горъ, то будто выросталъ изъ земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывалъ и разрушалъ.

Особенно стали грозны Гунны, когда надъ ними, около 444 года, воцарился *Аттила*.

Къ этому времени бывшая столько вѣковъ единой Римская имперія была уже раздѣлена на двое: раздѣленіе это произошло въ 395 году, когда скончался одинъ изъ преемниковъ императора Константина Равноапостольнаго—Ѳеодосій Великій и передалъ Римскую имперію своимъ двумъ сыновьямъ, раздѣливъ ее на двѣ—Восточную и Западную имперіи. Съ той поры Западные императоры проживали въ Римѣ, а Восточные—въ городѣ Константинополѣ, или Византіи, который Славяне называли Царьградомъ.

Само собой разумѣется, что это раздѣленіе бывшей столько вѣковъ крѣпкой Римской державы вскорѣ-же повело къ раздору между собой правителей ея обѣихъ половинъ, а вслѣдствіе этого и къ ихъ взаимному ослабле-

нію. Ослабленіе это проявилось особенно сильно, когда Аттила сталъ во главѣ Гунновъ. По просьбѣ Западнаго императора онъ сперва сталъ поддерживать его противъ Восточнаго, но затѣмъ самъ поссорился съ первымъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу

Готы, которыхъ окончательно покорилъ Аттила, прозвали его „Божьимъ бичомъ“ и въ своихъ описаніяхъ выставляли какъ его самого, такъ и славныхъ Гунновъ какими-то чудовищами, въ родѣ того, какъ древніе Греки выставляли нашихъ предковъ—кентаврами и амазонками. Эти Готскіе писатели повѣствовали, что Гунны вышли съ береговъ Азовскаго моря и устьевъ Дона и произошли отъ браковъ вѣдьмъ съ нечистыми духами.

„Они“, разсказывали Готы про Гунновъ, „когда родятся у нихъ дѣти мужского пола, то изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волоса. Однако, у всѣхъ у нихъ коренастый станъ, члены сильные, шея толстая, голова огромная. Скорѣе это двуногія животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные въ образѣ человѣка; на своихъ лошадяхъ, нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы и справляютъ на нихъ всякаго рода дѣла. Начиная битву, они раздѣляются на отряды и, поднимая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсыпавшись или соединившись, они и нападаютъ, и отступаютъ съ быстротой молніи. Но вотъ, что особенно дѣлаетъ ихъ наистрашнѣйшими воинами на свѣтѣ; это, во-первыхъ, ихъ мѣткіе удары стрѣлами хотя-бы и на далекомъ разстояніи, а во-вторыхъ, когда въ схваткѣ одинъ на одинъ дерутся мечами, они съ необыкновенной ловкостью въ одно мгновеніе накидываютъ на врага ремень и тѣмъ лишаютъ его всякаго движенія“...

„Они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Языкъ ихъ едва напоминаетъ человѣческій языкъ“.

Такъ описывали Готы своихъ лютыхъ враговъ—Гунновъ.

Если изъ этого описанія мы откинемъ все, что прибавлено готской озлобленностью, то увидимъ въ Гуннахъ прямыхъ потомковъ нашихъ удалыхъ предковъ, ходившихъ еще при пророкѣ Іереміи подъ Іерусалимъ и изгнавшихъ гордаго Персидскаго царя Дарія изъ нашихъ Черноморскихъ степей. А что у предковъ нашихъ бывало порой въ обычаѣ брить бороду и даже голову, оставляя на ней только одну чупрыну, такъ этимъ были извѣстны и славные Запорожскіе казаки; да и теперь еще среди Донского казачества многіе бреютъ себѣ бороду.

Греческіе писатели, жившіе въ томъ же вѣкѣ, описываютъ Гунновъ совершенно иначе, чѣмъ Готскіе лѣтописцы. Изъ описаній этихъ Греческихъ писателей легко увидѣть, что Гунны были прямые потомки Скиѳовъ—Славянъ, а Аттила—мудрѣйшимъ государемъ и искуснѣйшимъ воинскимъ вождемъ. Онъ строго наблюдалъ за правосудіемъ и не терпѣлъ притѣсненій чиновниковъ, а потому не удивительно, что Греки и Римляне, въ особенности промышленники и искусные мастера, тысячами переходили къ Аттилѣ.

Послушаемъ одного изъ такихъ Греческихъ писателей—очевидцевъ, ко-

торый самъ ѣздилъ къ страшнымъ Гуннамъ, самъ видѣлъ Аттилу, обѣдывалъ у него и наблюдалъ, какъ живетъ этотъ могучій человѣкъ. Очевидецъ этотъ— грекъ Прискъ, секретарь посольства, которое послалъ къ Аттилѣ Византійскій императоръ въ 446 году.

Причина, почему было послано посольство, слѣдующая: когда Гунны заключили миръ съ Греками, предварительно нанеся имъ тяжелое пораженіе, то Аттила строго потребовалъ, чтобы ему возвратили всѣхъ его перебѣжчиковъ; кромѣ того, онъ потребовалъ уплаты огромной дани и чтобы торжища на Греческой землѣ между Греками и пріѣзжающими въ нее Гуннами происходили на равныхъ правахъ и безъ всякаго опасенія для Гунновъ.

Греки на всѣ эти условія согласились, но медлили затѣмъ въ выдачѣ нѣкоторыхъ знатныхъ Гуннскихъ перебѣжчиковъ и наложенной дани, которая была такъ тяжела, что даже богатые Греки выставляли на продажу уборы женъ и свои пожитки.

Настаивая на выдачѣ своихъ перебѣжчиковъ и правильной уплатѣ дани, Аттила постоянно посылалъ къ Византію пословъ, при чемъ, кому изъ своихъ любимцевъ хотѣлъ сдѣлать добро, того и отправлялъ посломъ, такъ какъ пословъ по обычаю богато дарили.

Въ 448 году въ Византію прибылъ опять посолъ Аттилы. То былъ Эдиконъ, скиѳъ, отличавшійся великими военными подвигами.

Аттила послалъ къ императору грамоту, въ которой жаловался, что не выдаютъ перебѣжчиковъ и грозилъ войной. На этотъ разъ Греки ухитрились войти въ тайныя сношенія съ посломъ Эдикономъ и предложили, что осыпятъ его золотомъ, если онъ изведетъ Аттилу. Эдиконъ согласился, и для этого дѣла съ нимъ-же было отправлено отъ императора посольство, въ которомъ находился и Прискъ; всѣ нити заговора были въ рукахъ грека Вигилы, одного изъ членовъ посольства; самъ же посолъ и его секретарь Прискъ ничего не знали о заговорѣ.

Прибывъ къ берегамъ Дуная, Греческое посольство встрѣтилось съ Гуннами, среди которыхъ былъ и Аттила, развлекавшійся здѣсь охотой. На другой день по прибытіи посольство пожелало представиться Аттилѣ, но Аттила уже зналъ о заговорѣ на его жизнь (вѣроятно, вѣрный Эдиконъ предупредилъ его) и приказалъ Грекамъ тотчасъ-же убираться домой, если они не скажутъ *главной цѣли* своего посольства. Въ виду этого, посолъ, все не зная о заговорѣ, собрался уже уѣзжать, какъ на другой день Аттила, которому объяснили, что посолъ въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, объявилъ, что онъ приметъ посольство.

„Мы вошли“, описываетъ этотъ пріемъ Прискъ, „въ шатеръ Аттилы, охраняемый многочисленной стражей. Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль, а посолъ подойдя привѣтствовалъ его. Онъ вручилъ ему царскую грамоту и сказалъ, что императоръ желаетъ здоровья ему и всѣмъ его домашнимъ. Аттила отвѣчалъ: „Пусть и Грекамъ будетъ то, чего они мнѣ желаютъ“. Затѣмъ Аттила обратилъ вдругъ свою рѣчь къ Вигилѣ, не показывая, однако, вида, что ему что либо извѣстно о заговорѣ; онъ наз-

валъ его безстыднымъ животнымъ за то, что тотъ рѣшился пріѣхать къ нему, пока не выданы еще всѣ Гуннскіе перебѣжчики. Вигила отвѣчалъ, что нѣтъ у нихъ ни одного бѣглаго изъ Скиѳскаго народа, всѣ выданы. Аттила утверждалъ, что онъ Византійцамъ не вѣритъ, что за наглость словъ Вигилы онъ посадилъ бы его на колъ и отдалъ бы на съѣденіе птицамъ и не дѣлаетъ этого только потому, что уважаетъ права посольства".

Послѣ такого пріема Вигила съ гунномъ Исломъ былъ отправленъ къ императору въ Византію, будто бы собирать бѣглыхъ, а на самомъ дѣлѣ за тѣмъ золотомъ, которое было обѣщано Эдикону.

Послы же и Прискъ отправились слѣдомъ за Аттилой дальше къ сѣверу, при чемъ по дорогѣ онъ заѣхалъ въ одно селеніе, въ которомъ женился на молодой дѣвушкѣ. Аттила имѣлъ много женъ, но хотѣлъ жениться и на этой дѣвушкѣ, согласно съ обычаемъ Скиѳскимъ.

„Наконецъ, переѣхавъ черезъ нѣкоторыя рѣки", продолжаетъ Прискъ, „мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Этотъ дворецъ, увѣряли насъ, былъ великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ: онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградою, болѣе служащей къ украшенію, нежели къ защитѣ. Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшимъ послѣ Аттилы величайшую силу между Скиѳами".

„При въѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами подъ тонкими большими покрывалами. Эти дѣвы, привѣтствуя Аттилу, пѣли скиѳскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія, мимо котораго пролегала дорога, ведущая къ царскому дому, супруга Онигисія вышла изъ дома со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино. Это у Скиѳовъ было отличнѣйшее уваженіе. Они привѣтствовали Аттилу и просили его вкусить того, что ему подносятъ въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность женѣ своего любимца, Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанья изъ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями".

Выпивъ вина, поднесеннаго ему слугами, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Прискъ отправился къ Онигисію съ дарами и чтобы узнать, какъ будутъ вестись переговоры съ послами.

Ожидая у воротъ Онигисіева дома, пока тотъ приметъ его, Прискъ увидѣлъ человѣка, судя по одеждѣ скиѳа, который подошелъ къ нему, привѣтствуя его на греческомъ языкѣ.

Прискъ очень удивился этому, зная, что Скиѳы не говорятъ по гречески, а этотъ человѣкъ былъ по виду знатнымъ скиѳомъ, богато одѣтый и съ головой, остриженной въ кружокъ, и спросилъ его, кто онъ таковъ. Оказалось, что это былъ грекъ изъ одного Византійскаго города на Дунаѣ; онъ былъ богатъ, но при взятіи города Гуннами попался въ плѣнъ и за богатство достался при раздѣлѣ плѣнныхъ Онигисію, потому что богатые люди доставались послѣ Аттилы на долю его вельможамъ. „Послѣ я отличился въ сраженіяхъ

противъ Римлянъ", говорилъ грекъ, „и отдавалъ своему господину, по Скиѳскому закону, все добытое мной на войнѣ; получивъ свободу, я женился на Скиѳской женщинѣ, прижилъ дѣтей и теперь благоденствую. Онигисій сажаетъ меня за свой столъ, и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящіеся у Скиѳовъ, послѣ войны ведутъ жизнь спокойную и беззаботную: каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, и никѣмъ не тревожится". Послѣ этого грекъ сталъ выхвалять скиѳское житье передъ греческимъ.

Такимъ образомъ, своимъ разсказомъ грекъ подтвердилъ Приску, что Гунны вовсе не были жестокими и кровожадными чудовищами, какъ ихъ описывали Готы, а добрыми и справедливыми людьми, по отечески относившимися къ своимъ плѣннымъ, чѣмъ издревле и славились именно всѣ Славяне.

На другой день послѣ описаннаго разговора Прискъ съ другими членами посольства былъ приглашенъ къ обѣденному столу самого Аттилы.

„Въ назначенное время", говоритъ Прискъ, „пришли мы и стали на порогѣ комнаты противъ Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы поклонились прежде, нежели сѣсть. Сдѣлавъ это и вкусивъ изъ чаши, мы пошли къ сѣдалищамъ, на которыя надлежало намъ сѣсть пообѣдать. Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны. Въ самой серединѣ сидѣлъ на ложѣ Аттила. Первымъ мѣстомъ для обѣдающихъ почитается правая сторона отъ Аттилы; вторымъ—лѣвая, на которой сидѣли мы. Когда всѣ разсѣлись по порядку, виночерпецъ подошелъ къ Аттилѣ и поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила взялъ ее и привѣтствовалъ того, кто былъ въ первомъ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствія, вставалъ; ему было позволено сѣсть не прежде, чѣмъ Аттила возвратитъ виночерпцу чашу, выпивъ вино или отвѣдавъ его. Когда онъ садился, то присутствующіе чтили его такимъ же образомъ: принимали чашу и, привѣтствовавъ, вкушали изъ нея вино. По оказаніи такой же почести второму гостю и слѣдующимъ за нимъ гостямъ, Аттила привѣтствовалъ и насъ, наравнѣ съ другими, по порядку сидѣнія на скамьяхъ. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь такого привѣтствія, виночерпцы вышли. Подлѣ стола Аттилы поставлены были столы на трехъ, четырехъ или болѣе гостей, такъ, чтобы каждый могъ брать изъ положеннаго на блюдѣ кушанья, не выходя изъ ряда сѣдалищъ. Съ кушаньемъ первый вошелъ служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясомъ. За нимъ прислуживающіе другимъ гостямъ ставили на столы кушанья и хлѣбъ. Для другихъ Гунновъ и для насъ были приготовлены явства, подаваемыя на серебряныхъ блюдахъ, а передъ Аттилою ничего больше не было, кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всемъ прочемъ онъ показывалъ умѣренность. Пирующимъ подносимы были чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечъ, ни застежки скиѳской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, каменьями или чѣмъ-либо драгоцѣннымъ, какъ водилось у другихъ Скиѳовъ".

„Послѣ того, какъ наложенныя на первыхъ блюдахъ кушанья были съѣде-

ны, мы всѣ встали, и всякій изъ насъ не прежде пришелъ къ своей скамьѣ, какъ выпивъ прежнимъ порядкомъ поднесенную ему полную чашу вина и пожелавъ Аттилѣ здравія. Изъявивъ ему такимъ образомъ почтеніе, мы сѣли, а на каждый столъ было поставлено второе блюдо съ другими кушаньями. Всѣ брали съ блюда, вставали по прежнему, потомъ, выпивъ вино, садились".

„Съ наступленіемъ вечера зажжены были факелы. Два гунна, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносились его побѣды и оказанная въ бояхъ доблесть".

„Собесѣдники смотрѣли на нихъ: одни тѣшились, восхищались пѣснями и стихотвореніями, другіе воспламенялись, вспоминая о битвахъ, а которые отъ старости тѣломъ были слабы, а духомъ спокойны, проливали слезы".

„Послѣ пѣсней какой-то скиѳъ, юродивый (шутъ—дуракъ), выступилъ впередъ, говорилъ рѣчи странныя, вздорныя, не имѣющія смысла и разсмѣшилъ всѣхъ".

„За нимъ предсталъ собранію горбунъ Зерконъ Маврусій. Видомъ своимъ, одеждою, голосомъ и смѣшно произносимыми словами, ибо онъ смѣшивалъ языки Латинскій съ Готскимъ и Гуннскимъ, онъ развеселилъ присутствующихъ и во всѣхъ нихъ, кромѣ Аттилы, возбудилъ неугасимый смѣхъ. Аттила одинъ оставался неизмѣннымъ и непреклоннымъ и не обнаруживалъ никакого расположенія къ смѣху. Онъ только потягивалъ за щеку младшаго изъ своихъ сыновей, вошедшаго и ставшаго подлѣ него и глядѣлъ на него веселыми, нѣжными глазами".

На другой день послы стали просить объ отпускѣ. Онигисій сказалъ имъ, что и Аттила хочетъ ихъ отпустить. Потомъ онъ держалъ совѣтъ съ другими сановниками и сочинялъ письма, которыя надлежало отправить въ Византію. „Между тѣмъ", продолжаетъ Прискъ, „Крека, супруга Аттилы, пригласила насъ къ обѣду у Адамія, управляющаго ея дѣлами. Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными Скиѳами, удостоены были благосклоннаго и привѣтливаго пріема и угощены виномъ. Каждый изъ предстоящихъ, по скиѳской учтивости, привставалъ, подавалъ намъ полную чашу, потомъ обнималъ и цѣловалъ выпившаго и принималъ отъ него чашу. Послѣ обѣда мы пошли въ свой шатеръ и легли спать".

„На другой день Аттила опять пригласилъ насъ на пиръ. Мы пришли къ нему и пировали попрежнему. Во время пиршества Аттила обращалъ къ намъ ласковыя слова. Мы вышли изъ пиршества ночью". Во время этихъ пировъ, разсказываетъ Прискъ, наравнѣ съ виномъ подавали медъ и особый напитокъ—камъ.

По прошествіи трехъ дней, послы были отпущены съ приличными дарами и на возвратномъ пути встрѣтились съ Вигилой, участникомъ заговора на жизнь Аттилы, который везъ теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Но Аттила, раньше предупрежденный объ этомъ заговорѣ, по прибытіи Вигилы, заставилъ его разсказать, какъ было дѣло, отобралъ у него все золото и велѣлъ привезти его еще для выкупа самого Вигилы. Затѣмъ Аттила послалъ въ Византію своего посла Ислу и преданнаго ему римлянина Ореста, котораго онъ

всегда употреблялъ при переговорахъ, домочадца и писца. Оресту приказано было навѣсить себѣ на шею мошну, въ которой Вигила привезъ золото, для передачи Эдикону; въ такомъ видѣ предстать передъ царемъ, показать мошну ему и евнуху Хрисафію, первому заводчику заговора и спросить ихъ: узнаютъ-ли они мошну? Послу Ислѣ велѣно было сказать царю изустно: „ты, Ѳеодосій, рожденъ отъ благороднаго родителя, и я самъ, Аттила, хорошаго происхожденія и, наслѣдовавъ отцу моему, сохранилъ благородство во всей чистотѣ. А ты, Ѳеодосій, напротивъ того, лишившись благородства, поработился Аттилѣ тѣмъ, что обязался платить ему дань. И такъ ты нехорошо дѣлаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сдѣлала твоимъ господиномъ".

Таковъ былъ Аттила, повелитель грозныхъ Гунновъ.

Изъ описанія Прискомъ обычаевъ при его дворѣ мы видимъ, что они чисто славянскіе и притомъ, именно, совершенно такіе, какіе въ теченіе долгихъ столѣтій мы будемъ видѣть при дворахъ нашихъ Московскихъ Царей.

Кромѣ борьбы съ императоромъ Восточной имперіи, Аттила вступилъ въ продолжительную вражду и съ императоромъ Западной Римской имперіи—Валентиніаномъ Третьимъ. Первоначальной причиной этой вражды была сестра Валентиніана—Гонорія, которая отличалась бѣшеннымъ нравомъ, почему ея мать поступала съ ней необыкновенно строго и требовала, чтобы она оставалась безбрачной. Гонорія, чтобы освободиться отъ тяжкаго ига, послала Аттилѣ кольцо съ предложеніемъ своей руки. Аттила предложеніе это принялъ и потребовалъ отъ ея брата не только согласія на бракъ, но и часть Римской имперіи въ приданое за сестрой. Валентиніанъ отказалъ, Аттила же упорно стоялъ на своемъ, и разногласіе это привело, въ концѣ концовъ, къ кровопролитной войнѣ.

Походъ Аттилы въ этой войнѣ былъ подобенъ переселенію народовъ. Всѣ Германскія и Славянскія племена были принуждены принимать въ ней участіе. Такъ онъ дошелъ до самаго сердца Франціи, и здѣсь на Каталаунскомъ полѣ произошла страшная битва народовъ, послѣ которой обѣ стороны разошлись, каждая приписывая себѣ побѣду.

Это было въ 451 году, а черезъ два года погибъ Аттила. Онъ умеръ на своей свадьбѣ, будто-бы выпивши много вина. Въ виду его замѣчательной всегдашней трезвости, вѣрнѣе всего, что его отравили.

Владычество послѣ Аттилы надъ всѣми подвластными ему народами перешло къ его сыновьямъ. Между ними тотчасъ же возникли распри, и грозная Гуннская держава быстро распалась; подвластныя Германскія племена стали независимыми; часть Славянскихъ племенъ, подъ главенствомъ младшаго сына Аттилы, сѣла на Дунаѣ и образовала Болгарскій народъ, а Восточно-Славянскія племена—ушли къ себѣ за Днѣстръ и Днѣпръ—въ Русскую Землю и распространились до Кавказскихъ горъ. Распри между наслѣдниками шли непрерывно; этимъ, конечно, не замедлили воспользоваться сосѣди, особенно Греки. Сыновья Аттилы посылали въ Царьградъ посольство, прося установить между Греками и Гуннами старинные торги, но получали, несмотря на всю

выгодность этой просьбы для Грековъ, отказъ, конечно, только для того, чтобы показать дѣтямъ грознаго Аттилы, что въ Византіи на ихъ просьбы уже не обращаютъ большого вниманія.

Непріязненныя дѣйствія между Славянами и Греками усилились особенно при Греческомъ императорѣ Юстиніанѣ Первомъ (славянинѣ по происхожденію) царствовавшемъ съ 527 до 562 года.

Во время его правленія, въ 558 году, несмѣтная сила разныхъ Славянскихъ племенъ перешла Дунай; часть изъ нихъ направилась по Греціи, а другая прямо къ Царьграду, и опасность для города была такъ велика, что для защиты его было поставлено не только все войско, но и мѣщане, и окрестные крестьяне. Только хитростью удалось старому Византійскому вождю Велизарію обойти предводителя Славянъ *Завергана*, который получилъ за выкупъ плѣнныхъ огромную сумму денегъ и отошелъ къ Дунаю.

Послѣ этого случая, чуть не окончившагося захватомъ Константинополя, Юстиніанъ принялъ всѣ мѣры, чтобы подобнаго нашествія не повторялось. Для этого онъ рѣшилъ жестоко разсорить между собой Славянъ, а затѣмъ навести на ослабленныхъ противниковъ еще и новаго врага.

Все это вполнѣ удалось Юстиніану.

Посылкой богатыхъ даровъ и искуснымъ натравливаніемъ одного вождя на другого, онъ надолго разсорилъ Славянскія племена, обитавшія нашы Южныя степи; они вступили между собою въ рядъ большихъ кровопролитныхъ столкновеній; а когда они были совершенно обезсилены, то на нихъ съ Востока, изъ далекой Азіи, было призвано Греками родственное нынѣшнимъ туркамъ племя, *Обры*, или *Авары*; Авары перешли Волгу и Донъ и послѣ жестокой борьбы подчинили себѣ совершенно ослабленныя междуусобной распрей Южно-Русскія племена.

Славяне оказывали Аварамъ всюду самое безстрашное сопротивленіе, но вслѣдствіе своей разрозненности, разумѣется, не могли одержать верхъ надъ соединенными силами врага и въ концѣ концовъ были порабощены, вызвавъ своимъ упорствомъ сильнѣйшее раздраженіе въ побѣдителяхъ. Особенно примучивали Авары племя Дулебовъ, или Бужанъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу, творя большое насиліе ихъ женамъ. „Когда случалось обрину куда либо ѣхать“, говоритъ нашъ лѣтописецъ, „онъ не запрягалъ въ телѣгу лошадей или воловъ, а впрягалъ нашихъ женщинъ тройкою, четверкою или пятерикомъ; такъ и ѣздилъ, куда было надо“.

Однако, власть Аваровъ распространилась далеко не надъ всѣми Славянами. Чтобы избѣгнуть Аварскаго ига, не мало удалыхъ дружинъ перешло на Дунай въ Болгарію, Сербію и Хорватію. Когда Аварскій повелитель, который назывался хаганомъ, послалъ къ Хорватамъ, населявшимъ Карпатскія горы, требованіе покорности и дани, то князь ихъ, Добрита, такъ отвѣтилъ Аварскимъ посламъ: „Еще не родился на свѣтъ и не ходитъ подъ солнцемъ тотъ человѣкъ, который-бы могъ одолѣть нашу силу. Наше дѣло завоевывать чужія земли, а своей не отдадимъ въ неволю никому, пока есть на свѣтѣ мечъ и сила“. Несмотря на то, что послѣ такихъ гордыхъ словъ Хорватовъ

они даже убили Аварскихъ пословъ, ихъ повелитель въ ту пору такъ и оставилъ храбрецовъ въ покоѣ.

Утвердившись, по приглашенію Грековъ, на побережьѣ Чернаго моря, Авары начали скоро воевать и съ самими Греками. Въ 628 году они вмѣстѣ съ Персами и съ помощью Славянъ изъ Россіи осаждали даже самый Царьградъ, при чемъ одна часть славянскаго войска дѣйствовала съ сухого пути, а другая на многочисленныхъ лодкахъ-однодревкахъ должна была по данному знаку напасть на столицу съ моря. Но Греки, вовремя узнавъ объ этомъ замыслѣ, предупредили враговъ и, выведя свои суда, разгромили всѣ славянскія однодревки, при чемъ между убитыми и потонувшими воинами были найдены и женскіе трупы.

Много помогла Грекамъ и наставшая въ это время буря. Кое какъ спасшіеся остатки Славянъ спустились къ берегу и собрались въ станъ хагана, который въ негодованіи за неудачу велѣлъ всѣхъ ихъ казнить. Когда сухопутныя славянскія дружины, узнавъ объ этомъ звѣрствѣ, оставили хаганово войско и пошли по домамъ, то хаганъ принужденъ былъ то же отойти прочь отъ города.

Неожиданная буря, помогшая Грекамъ разметать славянскія однодревки, а затѣмъ неразумный гнѣвъ хагана, вслѣдствіе чего онъ лишился своихъ подручниковъ и долженъ былъ отступить, были почтены обитателями Царьграда, какъ святое и чудное дѣло заступничества Божіей Матери, такъ какъ славянскія однодревки были уничтожены въ виду Царьградскаго храма Влахернской Богородицы. Съ тѣхъ поръ, въ память этого заступничества отъ неминуемой гибели, и установлена особая служба Божіей Матери—*Акафистъ*, что означаетъ по-гречески—*несѣдаленъ*, такъ какъ она совершается церковнымъ пѣніемъ во всю ночь стоя; съ тѣхъ же поръ во время всенощной всегда поется пѣснь: „Взбранной Воеводѣ, Побѣдительная“—при чемъ „злыми“ въ этой пѣснѣ именно назывались наши предки Славяне.

Этотъ Аварскій походъ на Грековъ былъ послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ самое имя Аваровъ мало по малу совсѣмъ исчезаетъ и замѣняется именемъ *Хозаровъ*. Произошло это слѣдующимъ образомъ: въ воинственную среду Аваровъ весьма быстро проникли въ значительномъ количествѣ Евреи, которые были самымъ дѣловымъ и промышленнымъ инородческимъ племенемъ изъ жившихъ въ устьяхъ Волги и по Черноморскому побережью. Въ то время, какъ чисто военный народъ, Авары добывали себѣ силу и славу, покоряя и разоряя разрозненныхъ усобицами Славянъ, Евреи быстро добывали себѣ другую силу, захватывая въ свои руки богатѣйшую торговлю, бывшую до времени Аварскаго нашествія, конечно, въ рукахъ нашихъ предковъ, такъ какъ предки наши были всегда не только отважными воинами, но и славными купцами.

Захвативъ всѣ торговыя дѣла въ краѣ, Евреи, вслѣдствіе своей смѣтливости, быстро захватили совершенно мирнымъ путемъ и всю власть въ Аварскихъ владѣніяхъ въ свои цѣпкія руки, а затѣмъ скоро и самыя Аварскія

владѣнія стали извѣстны уже подъ именемъ государства Хозарскаго, гдѣ первенствующимъ сословіемъ были Евреи.

Столица Хозаръ была сперва на Каспіи, который тоже сталъ прозываться Хозарскимъ моремъ, у нынѣшняго города Тархи, а затѣмъ она была перенесена, когда Арабы потѣснили ихъ съ Кавказа, въ устье Волги, въ городъ Итиль, нѣсколько ниже нынѣшней Астрахани.

Во главѣ Хозарскаго государства стоялъ неограниченный повелитель— каганъ, или хаканъ, іудей по происхожденію и вѣрѣ. Онъ жилъ особо со своимъ дворомъ и военной свитой и очень рѣдко показывался передъ своимъ народомъ. Могущество хакана было таково, что если онъ кому изъ знатныхъ приказывалъ: „поди умри“, тотъ неизмѣнно исполнялъ его волю и убивалъ себя. Ниже хакана стоялъ царь—намѣстникъ Хозарскій, тоже іудей. Хотя царь этотъ и вѣдалъ всѣми дѣлами, но къ хакану обязанъ былъ входить босыми ногами, держа въ рукахъ лучину какого-то дерева, которую тутъ-же зажигалъ. Хозары распространили свое владычество на всю нынѣшнюю южную и среднюю Россію, и все земледѣльческое Славянское населеніе принуждено было платить имъ дань.

Греки же держали съ Хозарами постоянную самую тѣсную дружбу, и даже Греческіе цари вступали съ ихъ хаканами въ родство, рѣшаясь отдавать имъ въ замужество дочерей или сами женясь на хозаркахъ, лишь-бы связями и дружбой съ этимъ народомъ обуздать, а то и вовсе истребить всегда опасныя для нихъ дружины Славянъ на низовьяхъ Днѣпра и Дона. Для этого были призваны Авары; для этого-же не гнушались гордые Греческіе императоры родниться съ Хозарскими хаканами.

Такимъ образомъ по всему Русскому побережью Чернаго моря наступила большая тишина, которая была достигнута успѣшнымъ, но коварнымъ поведеніемъ правителей Византіи, всегда натравлявшихъ однихъ своихъ враговъ на другихъ, а теперь нашедшихъ себѣ въ торговыхъ Хозарахъ самыхъ лучшихъ друзей и охранителей своего спокойствія.

Но, конечно, такому блестящему успѣху тайныхъ стремленій Греческихъ императоровъ, больше всякихъ Аваровъ и Хозаръ, способствовало пагубное свойство самихъ Славянъ — страсть къ раздорамъ между собой, на которую указывалъ еще Геродотъ и многіе писатели послѣ него.

Понадобилось цѣлыхъ двѣсти лѣтъ, чтобы въ половинѣ девятаго столѣтія наши предки вошли опять въ прежнюю силу и попрежнему стали работать на Черномъ морѣ не только торговлей, но и грозной войной.

Что же происходило за эти двѣсти лѣтъ въ Русской Землѣ? Объ этомъ даютъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія *арабскіе* писатели и первый русскій лѣтописецъ.

Арабы были полукочевниками, происходившими отъ колѣна Сима. Они жили отдѣльными племенами и заселяли съ незапамятныхъ временъ Аравійскій полуостровъ въ Азіи.

Въ 571 году среди Арабовъ родился замѣчательный человѣкъ, по имени *Магометъ*. Съ ранней молодости онъ отличался большимъ отвращеніемъ къ

грубому идолопоклонству, которому были преданы его соотечественники. Путешествуя однажды по торговымъ дѣламъ въ Сиріи, Магометъ познакомился съ однимъ христіанскимъ монахомъ Георгіемъ, который сталъ наставлять его въ въ Евангельскомъ Ученіи. Магометъ христіанства не принялъ, но въ душу его глубоко запало ученіе о Единомъ Всемогущемъ Богѣ христіанъ, и онъ получилъ еще большее отвращеніе къ идолопоклонству. Женившись затѣмъ на богатой вдовѣ, у которой онъ былъ приказчикомъ, Магометъ долгое время занимался торговлей и пріобрѣлъ уваженіе соплеменниковъ своей честностью и правдивостью. При этомъ онъ не переставалъ предаваться благочестивымъ размышленіямъ и, наконецъ, рѣшилъ самъ создать новую религію, поставивъ во главѣ ея Единаго Бога и объявивъ себя Его пророкомъ.

Вначалѣ проповѣдь Магомета не имѣла никакого успѣха, и онъ былъ даже осмѣянъ, но мало по малу около него стали собираться всѣ Арабы, не сочувствовавшіе идолопоклонству, тѣмъ больше, что Магометъ проповѣдывалъ строгую честность, благородство, храбрость, разрѣшалъ многоженство и обѣщалъ всѣмъ павшимъ въ бояхъ съ врагами воинамъ вѣчное блаженство на томъ свѣтѣ въ особомъ раю съ красивѣйшими дѣвушками.

Такъ какъ Арабы отличались наибольшимъ благородствомъ изъ всѣхъ потомковъ Сима, а также и большой воинственностью, то ученіе Магомета стало все болѣе и болѣе приходиться имъ по душѣ, и онъ началъ объединять вокругъ себя многія племена Аравіи, жившія до сихъ поръ разрозненно, а затѣмъ, при ихъ посредствѣ распространялъ силою меча свое ученіе и дальше. Быстро одержавъ нѣсколько большихъ побѣдъ, Магометъ къ концу своей жизни сдѣлался грознымъ завоевателемъ и властелиномъ почти всей Аравіи.

Его преемники, которые назывались калифами, соединяли въ своемъ лицѣ верховную власть какъ духовную, такъ и военную; при первыхъ калифахъ объединеніе племенъ, покоряемыхъ Арабами и принимавшихъ магометанство—шло очень быстро, и скоро Арабскія войска завоевываютъ бывшее Персидское царство, гдѣ устраиваютъ въ древнемъ Вавилонѣ новую великолѣпную столицу—*Багдадъ;* затѣмъ они распространяютъ свои владѣнія, всюду проповѣдуя магометанство, и гораздо дальше. Идя на западъ, Арабы покоряютъ Египетъ, весь сѣверный берегъ Африки, наконецъ, переправляются въ Европу и завладѣваютъ на нѣсколько столѣтій Испаніей.

На востокѣ они овладѣли всѣмъ Закавказскимъ краемъ и берегомъ Каспійскаго моря. Здѣсь, на Кавказѣ, они столкнулись съ Хозарами и потѣснили ихъ, почему Хозары, какъ уже было сказано раньше, и перенесли свою столицу изъ Тархи въ Итиль, на устье Волги.

Арабы, помимо того, что были храбрыми воинами, были также и отличными купцами. Они быстро завязали торговыя связи съ Хозарами и жили всегда въ большомъ количествѣ въ ихъ столицѣ Итилѣ, а затѣмъ, съ торговыми же цѣлями, поднимались высоко по Волгѣ и доходили въ половинѣ девятаго столѣтія до далекой Камской Болгаріи, гдѣ жило племя Камскихъ Болгаръ туркофинскаго происхожденія, совершенно отличное отъ Дунайскихъ Болгаръ. Арабы распространили магометанство среди Камскихъ Болгаръ и, пріѣзжая къ нимъ

за пушными товарами, имѣли частыя встрѣчи и съ Русскими купцами. Изъ описаній нѣкоторыхъ арабскихъ писателей о торговыхъ ихъ встрѣчахъ съ Русскими мы можемъ имѣть свѣдѣнія, какъ жили наши предки въ тѣ горестныя времена, когда большая часть Россіи была подъ игомъ Хозаръ и платила имъ дань.

Оказывается, что, не смотря на тяжкое униженіе, предки наши пользовались и тогда большимъ почетомъ у Арабовъ.

„Русь", говоритъ одинъ арабскій писатель, „имѣетъ большое число городовъ и живетъ въ довольствѣ на просторѣ. Любятъ опрятность въ одеждѣ; даже мужчины носятъ золотыя запястья на рукахъ. Объ одеждѣ своей заботятся, такъ какъ занимаются торговлей, и носятъ большіе шаровары, собирая ихъ въ сборки у колѣнъ. Нѣкоторые изъ Руссовъ бреютъ бороду, а другіе свиваютъ ее на подобіе лошадиной гривы и окрашиваютъ въ желтый или черный цвѣтъ. Гостямъ Руссы оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужестранцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ; не позволяютъ никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, то помогаютъ послѣднему и защищаютъ его".

„Когда у кого изъ Руссовъ родится сынъ, то отецъ новорожденнаго кладетъ передъ дитятею обнаженный мечъ и говоритъ: не оставляю въ наслѣдство никакого имущества. Будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечомъ".

„Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другого, то зоветъ его на судъ къ старшинѣ, передъ которымъ и препираются; когда старшина произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ старшины не довольны, то, по его приказанію, они рѣшаютъ дѣло оружіемъ; чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту приходятъ и становятся родственники обѣихъ тяжущихся сторонъ. Тогда соперники вступаютъ въ бой, и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ".

„Когда который либо изъ родныхъ проситъ о помощи, то выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а бьются съ врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его".

„Руссы мужественны и храбры. Когда нападутъ на другой народъ, то не отстанутъ, пока не уничтожатъ его всего. Ростомъ они высоки, красивы и смѣлы въ нападеніяхъ".

По разсказамъ Арабовъ, Руссы очень любили своихъ женъ и старались всѣми силами доставлять имъ всевозможныя дорогія украшенія. Особенно цѣнились ожерелья изъ зеленыхъ бусъ, покупавшихся за дорогую цѣну у Арабовъ, а также золотыя и серебряныя шейныя цѣпочки. Чѣмъ богаче былъ мужъ, тѣмъ большее число такихъ цѣпочекъ носила его жена на шеѣ.

Взамѣнъ этого и жены платили мужьямъ большой вѣрностью и, по примѣру древнихъ Скиѳскихъ женщинъ, часто принимали смерть вмѣстѣ съ ними.

Погребальные обряды Руссовъ состояли въ то время въ погребеніяхъ подъ курганами, какъ и во времена Скиѳовъ, а также и въ сожженіи. Въ обоихъ

случаяхъ, однако, отправлялось на тотъ свѣтъ вмѣстѣ съ покойниками уже значительно меньше народа, чѣмъ при Геродотѣ. Обыкновенно убивались только жены или кто либо изъ близкихъ слугъ, и при этомъ непремѣнно по ихъ доброму желанію, а затѣмъ лошади и скотъ.

„Женщины ихъ“, говоритъ про Руссовъ Арабскій купецъ тѣхъ временъ по имени Масуди, „желаютъ своего сожженія для того, чтобы вмѣстѣ со своими мужьями попасть въ рай“.

Эту же преданность Славянскихъ женщинъ къ мужьямъ подтверждаетъ въ своихъ запискахъ и Греческій императоръ Маврикій, который говоритъ, что Славяне „соблюдаютъ цѣломудріе и жены ихъ чрезвычайно привязаны къ мужьямъ, такъ что многія изъ нихъ, лишаясь мужей, ищутъ утѣшенія въ смерти и сами себя убиваютъ, не желая влачить вдовьей жизни“.

Если у Руссовъ въ тѣ времена кто либо умиралъ холостымъ, то его обыкновенно женили послѣ смерти, при чемъ новобрачная предавалась огню вмѣстѣ съ тѣломъ покойника.

Вотъ какъ описываетъ Арабскій писатель Ибнъ-Фалданъ Русскихъ людей и обряды вѣнчанія и сожженія покойниковъ послѣ смерти:

„Они, Руссы, приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь на Волгѣ. На берегу у якорнаго мѣста строятъ большіе деревянные дома и живутъ въ нихъ человѣкъ по 10, по 20, или больше, или меньше. У каждаго изъ нихъ скамья, *лавка*, на которой онъ сидитъ вмѣстѣ съ привезенными для продажи красивыми дѣвушками. Во время прибытія судовъ къ якорному мѣсту каждый изъ нихъ выходитъ, неся хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и пьяный напитокъ, и идутъ къ своимъ кумирамъ. Это были деревянные болваны, одинъ въ серединѣ—высокій, съ изображеніемъ лица, похожаго на человѣческое, другіе—малые, стояли вокругъ главнаго. Руссъ подходитъ къ большому изображенію, простирается передъ нимъ, кладетъ принесенное и говоритъ: „О, господине! Я пришелъ издалека, со мной дѣвушекъ—столько-то и столько-то головъ, соболей столько-то и столько-то шкуръ“, пока не поименуетъ всего, что онъ привезъ изъ своего товара. Затѣмъ продолжаетъ: „Этотъ подарокъ принесъ я тебѣ, желаю, чтобы ты послалъ мнѣ кушца съ динарами (греческими золотыми) и диргемами (серебряная арабская монета), который купилъ бы у меня все, что желаю продать, и не торговался бы, не прекословилъ бы ни въ чемъ. Послѣ этого руссъ уходилъ“.

„Мнѣ сказывали“, говоритъ этотъ Арабскій писатель, „что Руссы со своими начальными людьми дѣлаютъ по ихъ смерти такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе. Я очень желалъ присутствовать при этомъ, и вотъ я узналъ, что одинъ знатный человѣкъ у нихъ умеръ. Они положили его въ могилу въ томъ платьѣ, въ которомъ онъ умеръ, поставили съ нимъ пьяный напитокъ, положили плоды и балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она такъ оставалась въ теченіе десяти дней, пока кроили и шили одежду покойнику. Это дѣлается такъ: бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, ладью, кладутъ его туда и сожигаютъ его. У богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на три части: одну даютъ семьѣ,

на другую изготовляютъ платье, а на третью долю покупаютъ пьяный напитокъ, который пьютъ въ тотъ день, когда его дѣвушка убиваетъ себя и сожигается со своимъ господиномъ. Они очень преданы вину, пьютъ днемъ и ночью, такъ что иной отъ пьянства и умираетъ съ кружкой въ рукѣ".

„Когда у нихъ умираетъ начальный человѣкъ, то его семья говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ (вообще подчиненнымъ имъ слугамъ, по древнерусскому названію—отроки): „Кто изъ васъ умретъ съ нимъ?" Кто-нибудь скажетъ: „Я"

„По большей части соглашаются на смерть дѣвушки. Такъ точно произошло и въ настоящемъ случаѣ. Когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: „Кто умретъ съ нимъ?" И одна изъ нихъ отвѣтила: „Я". Поэтому назначили двухъ дѣвушекъ, которыя бы стерегли, охраняли ее, прислуживали ей и были бы всегда съ ней, куда она ни пойдетъ. Иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тѣмъ, дѣвушка пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь. Когда наступилъ день, назначенный для сожженія, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло судно (лодка) для умершаго".

14. Богатый руссъ.

„И вотъ оно было уже вытащено на берегъ, сдѣлали для него четыре деревянныя подпоры, а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ (кумиры). Лодку притащили и поставили на столбы—подпоры. Люди начали ходить взадъ и впередъ и говорили слова, мнѣ не понятныя. Затѣмъ принесли скамью (ложе) и поставили ее въ лодкѣ. Послѣ этого пришла старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти. Она покрыла скамью коврами, а по нимъ греческою золотою тканью и положила подушки изъ такой же ткани. Она управляетъ шитьемъ и его приготовленіемъ. Она же принимаетъ (убиваетъ) дѣвушку. Я видѣлъ ее, она смуглая, толстая, лоснящаяся, съ лютымъ видомъ".

„Когда постель была изготовлена, Руссы пошли за покойникомъ къ его могилѣ, сами раскрыли крышу, вынули мертвеца, какъ онъ былъ, со всѣми предметами, которые съ нимъ были положены. Я видѣлъ его почернѣвшимъ отъ холода этой страны, а, впрочемъ, онъ ни въ чемъ не измѣнился".

„Ему надѣли шаровары, носки или чулки, сапоги, куртку или кафтанъ изъ толстой ткани съ золотыми пуговицами; надѣли ему на голову шапку изъ золотой ткани съ соболевой опушкой: понесли его въ палатку, которая была устроена въ упомянутой лодкѣ, посадили на постель и обложили его подушками".

„Затѣмъ принесли пьяный напитокъ, плоды, благовонныя растенія и по-

ложили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо, лукъ и положили передъ нимъ; принесли собаку, разсѣкли ее на двѣ части и положили въ лодку. Принесли все оружіе покойнаго и положили сбоку его. Послѣ того привели двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока не вспотѣли, затѣмъ разрубили ихъ мечами и мясо покидали въ лодку. Принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и поклали туда же".

„А дѣвушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила въ каждую палатку Руссовъ, прощалась съ ними".

„Въ пятницу, между полуднемъ и закатомъ солнца, Руссы повели дѣвушку къ чему-то сдѣланному на подобіе навѣса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчинъ и поднятая ими посмотрѣла на этотъ навѣсъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была опущена. Она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою". Затѣмъ ее подняли во второй разъ. Она сдѣлала то же самое и сказала: „вотъ вижу всѣхъ родителей, умершихъ родственниковъ, сидятъ". Подняли ее въ третій разъ и она сказала: „вотъ вижу моего господина; сидитъ въ саду, въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ сидитъ его дружина и отроки. Онъ зоветъ меня. Ведите меня къ нему". Ее повели къ лодкѣ. Она сняла свои запястья съ рукъ и подала ихъ ангелу смерти—старой женщинѣ. Она сняла обручи—кольца со своихъ ногъ и отдала двумъ дѣвушкамъ, которыя ей прислуживали; онѣ прозываются дочерями этой старухи, т. е. дочерями ангела смерти. Потомъ ее подняли на лодку, но не ввели въ палатку, гдѣ лежалъ мертвецъ. Пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку съ пьянымъ напиткомъ. Она взяла ее, пѣла надъ ней пѣсню и выпила ее. Это она прощалась со своими подругами. Послѣ того ей подали другую кружку. Она взяла и запѣла длинную пѣсню. Старуха торопила ее выпивать кружку скорѣе и идти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимости, она измѣнилась. Не извѣстно, желала ли она войти въ палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла за ней. Мужчины начали стучать по щитамъ палицами для того, вѣроятно, чтобы не слышно было ея криковъ, чтобы это не устрашило другихъ дѣвушекъ, готовыхъ также умереть со своими господами".

„Въ палатку вошло шесть человѣкъ и простерли дѣвушку о-бокъ съ ея господиномъ; двое схватили ее за ноги и двое за руки, старуха—ангелъ смерти обвила ей вокругъ шеи веревку, за конецъ которой взялись остальные двое мужчинъ. Старуха-вѣдьма, ангелъ смерти, подошла съ большимъ ширококлиннымъ ножомъ и начала вонзать его между реберъ жертвы, а двое мужчинъ тянули за концы веревку и душили дѣвушку, пока не умерла".

„Послѣ того подъ лодку подложили дровъ, и ближайшій родственникъ покойнаго, взявъ кусокъ дерева, зажегъ его и, держа въ рукѣ, пошелъ къ лодкѣ задомъ. Онъ первый зажегъ костеръ; за нимъ стали подходить остальные люди съ лучинами и дровами, каждый бросалъ въ костеръ зажженную лучину и дрова. Вскорѣ огонь охватилъ дрова, затѣмъ лодку, потомъ палатку съ мертвыми и со всѣмъ въ ней находящимся. При этомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя усилилось и все больше и больше распространяло свое могущество. Подлѣ меня стоялъ человѣкъ изъ Руссовъ, и я слышалъ, какъ онъ раз-

говаривалъ съ толмачомъ (переводчикомъ). Я спросилъ толмача, о чемъ онъ велъ съ нимъ рѣчь. Онъ отвѣтилъ, что руссъ сказалъ ему: „Вы, Арабы, народъ глупый. Вы берете любимаго и почтеннѣйшаго для васъ человѣка и бросаете его въ землю, гдѣ его поѣдаютъ гады и черви. Мы въ одно мгновеніе сжигаемъ его въ огнѣ, и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай". Затѣмъ этотъ человѣкъ засмѣялся и проговорилъ: „Богъ любилъ покойника: послалъ сильный вѣтеръ, и огонь унесъ его въ одночасье"; и дѣйствительно, не прошло и часа, какъ лодка, дрова и оба мертвеца превратились въ пепелъ".

Такъ разсказывали Арабы про нравы и обычаи Руссовъ въ половинѣ девятаго столѣтія.

Изъ приведенныхъ разсказовъ мы видимъ, что нравы нашихъ предковъ были въ это время уже нѣсколько мягче, чѣмъ во времена Скиѳовъ, но, тѣмъ не менѣе, они оставались такими же язычниками, какъ и прежде, и поклонялись идоламъ.

15. Заклятіе меча передъ идоломъ.

Главнымъ идоломъ, изображавшимъ древняго Арійскаго всемогущаго бога, считался *Перунъ*—богъ молніи. Потомъ очень почитался *Велесъ*, или *Волосъ*—богъ скота и домашняго богатства; за нимъ шли: *Ладо*—богъ веселія, любви и согласія, *Ярило*—богъ плодородія, *Купало*—богъ земныхъ плодовъ, и нѣкоторые другіе. Кромѣ этихъ главныхъ, или, такъ сказать, общихъ боговъ, народъ вѣрилъ также въ мѣстныхъ или домашнихъ боговъ: въ домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, обитавшихъ въ лѣсахъ, въ рѣчныхъ русалокъ, въ ночныхъ кикиморъ и въ прочую нечисть.

Храмовъ у нашихъ языческихъ предковъ не было; мѣста же, гдѣ стояли идолы большихъ боговъ, назывались *капищами*; это были площадки, гдѣ идолы помѣщались на каменныхъ плитахъ и колодахъ. Тутъ и совершались жертвоприношенія; жертвовались обыкновенно плоды, овощи и скотъ. Человѣческія же жертвы въ тѣ времена приносились уже рѣдко. Особаго сословія священнослужителей, или

жрецовъ не было, такъ какъ жертву приносилъ каждый самъ за себя, или за свою семью и родъ, но въ народѣ было довольно много *волхвовъ*, или *кудесниковъ*, къ которымъ любили обращаться за совѣтами и предсказаніями.

16. Карта Руси при первыхъ князьяхъ.

Кромѣ разсказовъ Арабовъ о состояніи Русской Земли въ половинѣ девятаго вѣка, у насъ имѣются сказанія о тѣхъ же временахъ и нашего перваго лѣтописца. Свою лѣтопись онъ начинаетъ повѣствованіемъ о разселеніи народовъ, происшедшихъ отъ колѣна Іафета. Изъ этого повѣствованія видно, что въ половинѣ девятаго столѣтія Русскую Землю населяли слѣдующія Славянскія племена: по Днѣпру у Кіева и ниже до Хозарскихъ владѣній—сидѣли *Поляне*; выше ихъ, по Днѣпру же, тамъ, гдѣ широкая Русская равнина, идущая отъ Чернаго моря,—поле смѣняется Русскимъ же могучимъ лѣсомъ, сидѣли *Древляне*, такъ прозывавшіеся, ибо жили въ лѣсу среди деревьевъ; сѣвернѣе Древлянъ

по рѣкѣ Припети жило племя *Дреговичей*; восточнѣе Дреговичей по рѣкѣ Сожѣ—*Радимичи*, еще восточнѣе, по рѣкамъ Сейму и Деснѣ—*Сѣверяне*. По рѣкѣ Полотѣ, притоку Западной Двины и по верхнему и среднему теченію послѣдней рѣки—сидѣли *Полочане*. Въ Волковскомъ лѣсу, на возвышенной мѣстности, откуда берутъ начало почти всѣ великія Русскія рѣки, было разселено племя *Кривичей*, такъ называвшееся по причинѣ большой кривизны рѣкъ, на которыхъ они жили.

Восточнѣе Кривичей, по рѣкѣ Окѣ, сидѣли *Вятичи*, а сѣвернѣе Кривичей, вокругъ озера Ильменя, въ нынѣшней Новгородской сторонѣ,—*Славяне Ильменскіе*.

Наконецъ, на Западномъ Бугѣ сидѣли *Бужане*, или *Волыняне*; между Южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ—*Тиверцы*, а у устья самаго Днѣстра—*Уличи*.

Вотъ названія Славянскихъ племенъ, населявшихъ Русскую Землю въ девятомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ.

Всѣ эти племена, подобно своимъ древнимъ предкамъ Аріямъ, жили родовымъ бытомъ и сохраняли всѣ обычаи этого быта: отдѣльный человѣкъ подчинялся порядкамъ своего рода, а цѣлый родъ покровительствовалъ каждому своему родичу, при чемъ за обиду его полагалась кровавая месть цѣлымъ родомъ же.

Безродный же человѣкъ назывался сиротой и имѣлъ самое убогое мѣсто среди людей, между которыми жилъ.

Большинство Славянъ, какъ люди занимавшіеся сельскимъ промысломъ, жило селеніями; нѣсколько селеній одного рода или племени составляли *обволость*, или *волость*; въ такой волости власть принадлежала старѣйшинамъ—князьямъ. Эти старѣйшины жили зачастую въ городкахъ или городахъ. Тамъ же вокругъ нихъ жили ратные люди, составлявшіе княжескую дружину, промышленники, ремесленники и купцы. Въ нѣкоторыхъ городахъ, главнымъ образомъ торговыхъ, гдѣ собиралось много разнаго люда со всѣхъ сторонъ,—вмѣстѣ съ князьями дѣла рѣшало *вѣче*, то есть собраніе выборныхъ людей отъ города. Городки рубились также и тогда, когда предки наши продвигались въ мѣстности, заселенныя туземнымъ кореннымъ населеніемъ, по большей части Финскими племенами, обитавшими сѣверъ и востокъ Русской Земли. Въ этомъ случаѣ городки представляли изъ себя крѣпости, въ которыхъ порой отсиживались и выдерживали осады до прихода подмоги.

Изъ городовъ девятаго вѣка, болѣе значительные были слѣдующіе: *Ладога* на озерѣ Нево, *Изборскъ* на Великомъ озерѣ; вскорѣ около него возникъ и *Псковъ*; затѣмъ *Новгородъ* на озерѣ Ильменѣ; *Смоленскъ* на верхнемъ Днѣпрѣ; *Полоцкъ* на рѣкѣ Полотѣ; *Черниговъ* на Деснѣ—притокѣ Днѣпра, и на самомъ Днѣпрѣ *Любечъ* и затѣмъ *Кіевъ*—въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то Святой Апостолъ Андрей Первозванный водрузилъ крестъ.

Наконецъ, Славяне имѣли свои города и среди Финскихъ племенъ на Востокѣ: *Бѣлоозеро* среди Веси, *Ростовъ* у Меря и *Муромъ* среди Муромы, Мещеры и Мордвы.

Вотъ главнѣйшіе древніе города Русской Земли.

Вообще въ Русской Землѣ городовъ было тогда много, почему Шведы и прозвали ее „Гардарикъ“, или страна городовъ.

Про сооруженіе Кіева существуетъ два преданія: по одному—его построили три брата—Кій, Хоривъ и Щекъ, жившіе со своей сестрой Лыбедью на сосѣднихъ къ Кіеву горахъ, а другое преданіе гласило, что когда-то, въ отдаленное время, здѣсь былъ перевозъ черезъ рѣку Днѣпръ, и перевозчикомъ былъ нѣкто Кій, почему и говорили—ѣдемъ къ Кіеву перевозу, отсюда и пошло названіе Кіевъ.

Наибольшими городами были, конечно, тѣ, гдѣ могла бойко идти торговля.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежало Кіеву, а затѣмъ и Новгороду.

Черезъ эти города проходилъ *Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки*, по которому шла главнѣйшая торговля между племенами, жившими по Балтійскому морю, то есть Варягами, съ далекимъ Царьградомъ. Путь изъ Варягъ въ Греки шелъ отъ Балтійскаго моря, черезъ рѣку Неву въ озеро Ладожское, или Нево, по рѣкѣ Волхову на озеро Ильмень, оттуда вверхъ по рѣкѣ Ловати до ея верховьевъ въ Волковскомъ лѣсу; здѣсь суда перетаскивались по сухому пути *волокомъ*—въ верховья Днѣпра и спускались по немъ въ Черное море.

По пути этому шло множество различныхъ товаровъ: отъ Варяговъ шло сукно, холстъ, полотно, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, олово, свинецъ и драгоцѣнный янтарь; кромѣ того, шла въ большомъ количествѣ соленая сельдь; Русская Земля торговала, какъ и въ Геродотовы времена, хлѣбомъ, дорогими мѣхами, медомъ, лѣсомъ, саломъ, скотомъ, лошадьми и рабами; изъ Царьграда шли главнымъ образомъ *паволоки*, каковымъ именемъ назывались греческія шелковыя ткани съ золотомъ или безъ него; паволоки были въ большомъ ходу, какъ въ Русской Землѣ, такъ и у Варяговъ, и всякій человѣкъ съ достаткомъ непремѣнно шилъ себѣ одежду изъ паволокъ; затѣмъ Греки торговали золотомъ и серебромъ въ различныхъ вещахъ женскаго и мужскаго убора, каковыми были: серьги, запястья, обручи, перстни, запонки, кольца и пуговицы; наконецъ, изъ Царьграда же шли тканыя и кованныя кружева для отдѣлки платья, разнаго рода южные плоды и вина.

На этотъ путь изъ Варягъ въ Греки прибывали и товары изъ далекой Пермской страны—самоцвѣтные камни и рѣдчайшіе мѣха, а такъ же товары отъ Каспія, ковры изъ Вавилона, индійскія ткани съ причудливѣйшими узорами, бусы, бисеръ, пряности и благовонія изъ Аравіи.

Деньги въ это время на Руси были кожаныя: „куны“ (мордочки куницъ), „рѣзаны“ (отрѣзки) и „ногаты“—лапки и ушки бѣлокъ съ серебряными гвоздиками (съ тѣхъ поръ и идетъ названіе „полушка“, то есть полъ-ушка бѣлки). Эти кожаныя деньги ходили не только на Руси, но въ Италіи, Франціи и на Востокѣ. Кромѣ кожаныхъ денегъ, для крупныхъ оборотовъ употреблялось необдѣланное серебро и серебряныя шейныя гривны, которыя вѣсили по фунту каждая.

Наконецъ, деньгами въ то время на Руси служили и монеты различныхъ

государствъ, съ которыми мы вели торговлю; больше же всего было въ ходу монетъ греческихъ и арабскихъ.

Торговлю на пути изъ Варягъ въ Греки начинали весною по вскрытіи рѣкъ и оканчивали къ осени—до ихъ замерзанія. Множество купцовъ и разнаго рода люда, причастнаго къ торговлѣ, жило по всему пути; главнымъ же ихъ средоточіемъ былъ Новгородъ и особенно Кіевъ. И въ самомъ дѣлѣ, на всемъ Днѣпрѣ не было мѣста привольнѣе и пріятнѣе Кіева, особенно для первоначальныхъ дѣйствій торга и промысла. Оно доставляло всѣ способы защиты и засады при нападеніяхъ врага, давало всякія средства вовремя уйти отъ опасности и въ то же время открывало всякіе пути для обезпеченія себя продовольствіемъ. Здѣсь окончательно собирались караваны судовъ для отправки въ Царьградъ,

17. Днѣпровскіе пороги.

здѣсь дѣлались наряды на товары и заключались разнаго рода торговыя сдѣлки; здѣсь же набиралась для этихъ каравановъ—судовъ охрана изъ вооруженныхъ людей, чтобы пройти по далеко небезопаснымъ отъ хищныхъ жителей Южнымъ степямъ; наконецъ, здѣсь же нанимались и опытные кормчіе, чтобы провести суда черезъ опасные пороги на южномъ Днѣпрѣ. Поэтому въ Кіевѣ, на ряду съ своимъ Славянскимъ населеніемъ, всегда жило много разнаго люда: Греки, Варяги, Поляки и Евреи; послѣдніе не только торговали, но, какъ представители Хозарскаго кагана, были въ описываемое время и чиновниками, собиравшими съ коренныхъ обитателей дань. Въ виду большого количества жителей, принадлежавшихъ къ различнымъ народамъ, цѣлые концы города Кіева носили названія по имени ихъ обитателей, такъ: Хозары жили въ Козарѣ, Поляки у Лядскихъ воротъ, а Евреи у Жидовскихъ.

Торговое дѣло считалось у нашихъ предковъ весьма важнымъ и большимъ дѣломъ. Купцы, или гости, какъ ихъ тогда называли, были всегда вездѣ

и всюду почетными и желанными людьми. Они должны были не только отлично знать всѣ условія жизни тѣхъ странъ, съ которыми торговали, но должны были также обладать не малой отвагой и воинскимъ искусствомъ, такъ какъ нерѣдко имъ приходилось въ своихъ торговыхъ странствованіяхъ выдерживать бои съ разбойниками или дикими туземцами. Наибольшей извѣстностью, какъ морехо и и славные торговцы, пользовались въ тѣ времена—Варяжскіе купцы, принадлежавшіе преимущественно къ Славянскимъ племенамъ, сидѣвшимъ по южному побережью Балтійскаго моря; они совершали отважныя плаванія по самымъ дальнимъ странамъ и морямъ; однако, не отставали отъ нихъ и купцы изъ природныхъ уроженцевъ Русской Земли. Они тоже смѣло пускались на своихъ ладьяхъ по рѣкамъ нашего сѣвера и востока въ отдаленные края и доходили до сѣвернаго Урала и Югры, гдѣ происходила съ тамошнимъ населеніемъ любопытнѣйшая нѣмая торговля: когда Славянскіе купцы пріѣзжали въ ихъ землю, то въ назначенномъ мѣстѣ раскладывали свои товары, положа на нихъ замѣтки, и уходили; по ихъ уходѣ приходили мѣстные жители и раскладывали рядомъ съ Славянскими товарами свои, большею частью мѣха; затѣмъ купцы приходятъ опять, и кому мѣна кажется сходною, тотъ забираетъ разложенный товаръ, а свой оставляетъ; кому же цѣна не покажется подходящею, тотъ не беретъ туземнаго товара, пока не сойдутся въ цѣнѣ

Насколько цѣнились у насъ гости, показываетъ старинный обычай провожать ихъ по своей землѣ, чтобы имъ не чинили какихъ либо обидъ; при этомъ старѣйшины и князья не только наряжали ратныхъ людей для охраны гостей, но на большомъ пути изъ Варягъ въ Греки сами со своими дружинами провожали купеческіе караваны, когда они шли по Днѣпру и возвращались назадъ.

Это было постоянное занятіе старѣйшинъ и князей въ весеннее и лѣтнее время, пока не закрывалось судоходство по рѣкамъ. Осенью же и зимой, какъ только становились рѣки, они отправлялись со своими дружинами въ особые зимніе походы, которые назывались *полюдье*, по подвластнымъ себѣ областямъ. Здѣсь они собирали дань, творили судъ, охотились, а также принимали участіе и въ той торговлѣ, которая велась зимой.

Такъ жили наши предки въ половинѣ девятаго вѣка, во время владычества надъ ними Хозаровъ. Владычество это, какъ мы видѣли, было не особенно жестоко; обычаи и распорядки жизни у насъ остались тѣ же, что были всегда и встарь у Славянъ. Подвластность же Хозарамъ выражалась, главнымъ образомъ, въ платежѣ дани. Но подвластность эта была, тѣмъ не менѣе, весьма унизительна. Въ виду зависимаго положенія нашихъ предковъ въ описываемое время отъ Хозаръ, и другіе народы обходились съ нами пренебрежительно. Въ Царьградѣ гостей нашихъ постоянно обижали, не впускали порой въ самый городъ, иногда изгоняли, словомъ чинили разныя притѣсненія, зная, что некому было за нихъ вступиться. И на сѣверѣ, въ Ильменской сторонѣ—многочисленные воинственные обитатели Варяжскаго моря также захаживали сюда и накладывали порой дань на отдѣльно жившее здѣсь Славянское племя.

Наименѣе могущественными были въ эти времена сами наши владыки, Хо-

зары: они сильно побаивались своихъ могучихъ данниковъ—Русскихъ Славянъ, и для своей защиты, на случай ихъ набѣговъ, Хозарскій каганъ выстроилъ въ 834 г. на Дону, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Донъ ближе всего подходилъ къ Волгѣ, каменную крѣпость *Саркелъ*, или *Бѣлую Вѣжу*.

Когда же, однажды, Поляне, жившіе по Днѣпру, на требованіе Хозаръ дани дали имъ отъ каждаго дыма по мечу и когда Хозары принесли эту новую дань стоимъ старшинамъ, то тѣ крѣпко подумали и сказали своему князю: „Княже, дань недобрая... Ее доискались мы одной стороной оружія“,—то есть

18. Пріѣздъ варяговъ.

саблями,—„а у этихъ оружіе остро съ обѣихъ сторонъ; это—мечъ. Будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ“.

И дѣйствительно, для этого нужно было только, чтобы могучія племена, отдѣльно сидѣвшія на Русской Землѣ, собрались въ одно единое несокрушимое цѣлое.

Наконецъ, это важнѣйшее событіе въ жизни нашего народа свершилось. Въ 862 году Ильменскіе Славяне прогнали какихъ-то заморскихъ пришельцевъ, наложившихъ на нихъ три года тому назадъ дань. Затѣмъ они стали управляться сами, и сейчасъ-же началась обычная Славянская усобица, возсталъ родъ на родъ, „и начали они“, говоритъ лѣтописецъ, „воевать сами между собой“.

На этотъ разъ, однако, они вскорѣ сознали, что такъ жить дальше нельзя, и, не видя конца распрямъ, рѣшили обратиться къ стороннему племени, чтобы оно дало имъ князя, который владѣлъ бы ими и судилъ по праву. Такимъ стороннимъ племенемъ могло быть, конечно, только свое Славянское племя и притомъ хорошо знакомое, родное по духу, обычаямъ и языку.

И вотъ пошли Ильменскіе Славяне, Кривичи и владѣвшіе Финскимъ племенемъ Чудь—къ Варягамъ, къ племени Русь, съ которымъ имѣли постоянныя сношенія, и сказали: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами“.

И отправились съ ними три брата со всѣмъ родомъ своимъ и племенемъ, и сѣли: старшій *Рюрикъ*—въ Новгородѣ, другой *Синеусъ*—на Бѣлоозерѣ, а третій *Труворъ*—въ Изборскѣ.

Этимъ призваніемъ князей и было положено начало Русскому Государству.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Начало Русскаго Государства. Кириллъ и Меѳодій—просвѣтители Славянъ. Княженіе Рюрика. Аскольдъ и Диръ; ихъ славный набѣгъ на Царьградъ. Княженіе Олега Игорь. Святая Ольга.

ВЪ ПОЛОВИНѢ девятаго вѣка, когда сверщилось важнѣйшее событіе въ Русской Землѣ и началась жизнь уже не отдѣльныхъ племенъ, а Русскаго Государства, въ то же приблизительно время произошли и нѣкоторыя другія весьма важныя событія, имѣвшія впослѣдствіи большое вліяніе на Русскую жизнь.

Важнѣйшимъ изъ этихъ событій было изобрѣтеніе Славянской грамоты, благодаря Святымъ Равноапостольнымъ братьямъ—*Кириллу* и *Меѳодію*, Славянамъ по происхожденію. Они родились отъ знатныхъ и богатыхъ родителей въ Греческомъ городѣ Солунѣ и съ юныхъ лѣтъ были близкими въ семьѣ Византійскихъ императоровъ, которые осыпали ихъ своими милостями. Они хотѣли женить Кирилла на своей родственницѣ, а Меѳодія назначить на высокую должность правителя обширнаго края, но Святые братья добровольно отказались отъ всѣхъ почестей и земныхъ благъ, а приняли суровый монашескій чинъ и затѣмъ много потрудились и претерпѣли, проповѣдуя христіанство Придунайскимъ и Западнымъ Славянамъ. Во время этого служенія своего Святой Кириллъ и изобрѣлъ *Славянскую грамоту*, что имѣло величайшее значеніе для всѣхъ Славянскихъ народовъ, такъ какъ они получили возможность изучать Евангеліе и установить богослуженіе на понятномъ для нихъ языкѣ; благодаря общему письму, всѣ Славяне могли тѣснѣе чувствовать братскую связь, соединяющую ихъ между собой, и, наконецъ, благодаря грамотѣ же, Славяне могли вести лѣтописи событій своей жизни на родномъ языкѣ, а также и постигать плоды книжнаго просвѣщенія Таковы были заслуги Святыхъ Равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Церковь празднуетъ ихъ память 6-го апрѣля, и Православные люди и понынѣ высоко чтутъ этотъ день.

Во время жизни Святыхъ братьевъ произошло и другое важное событіе: отдѣленіе католиковъ отъ бывшей до сихъ поръ единой Православной церкви.

Произошло это вслѣдствіе того, что епископы Римской церкви, пріобрѣтя постепенно огромную власть надъ своей паствой,—въ числѣ которой были обращенные въ христіанство народы Испаніи, Англіи, Франціи, Германіи и Италіи,—и пріобрѣтя также значительныя земельныя владѣнія въ Римской области, возгордились и не пожелали въ церковныхъ дѣлахъ подчиняться Соборнымъ постановленіямъ всѣхъ епископовъ, какъ это было правиломъ еще со временъ Апостольскихъ. Римскіе епископы, называемые *папами*, мало по малу стали тяготиться этимъ и стали доказывать, что они должны быть старшими надъ всѣми остальными епископами; при этомъ они ввели нѣкоторыя самовольныя измѣненія не только въ обрядахъ, но и въ Символѣ Вѣры, въ которомъ, вопреки постановленіямъ Вселенскихъ Соборовъ, прибавили, что Духъ Святый исходитъ не отъ одного Отца, но также и отъ Сына. Все это привело къ большимъ несогласіямъ въ Церкви, особенно когда защитникомъ Апостольскихъ Правилъ, свято хранимыхъ православными, явился Царьградскій патріархъ Фотій, высокообразованный и твердый въ дѣлахъ вѣры, какъ камень, человѣкъ, а его противникомъ гордый и властолюбивый Римскій папа Николай, который окончательно отдѣлился отъ Православія и образовалъ самостоятельную Римскую или Католическую церковь, называемую также *Латинской*, такъ какъ богослуженіе у католиковъ происходитъ всегда на латинскомъ, или древне-римскомъ языкѣ.

Отдѣленіе католиковъ отъ Православныхъ было дѣломъ весьма неблагопріятнымъ для всѣхъ Славянъ, такъ какъ при крещеніи часть изъ нихъ принимала Православіе, а другая —католичество; конечно, это сильно мѣшало ихъ взаимному соединенію и вызвало много кровопролитныхъ войнъ.

Изъ остальныхъ важныхъ событій слѣдуетъ указать на образованіе къ этому времени государствъ уже у многихъ Славянскихъ народовъ. Первымъ Славянскимъ государствомъ было княжество *Болгарское*, образовавшееся около 650 года; оно подчинило себѣ сосѣднія Славянскія племена—Сербовъ и Хорватовъ и скоро стало грознымъ и для Грековъ. Столицей Болгарскаго княжества была Пръслава, а крѣпостью Доростолъ. Угнетая постоянно Хорватовъ, Болгары вызвали среди нихъ возстаніе, послѣ чего, около 750 года, Хорваты отложились и образовали независимое княжество.

Затѣмъ *Чехи*, послѣ долгой борьбы съ Аварами, которые было ихъ покорили, образовали около 700 года независимое государство, съ княземъ Крокомъ во главѣ. Преемницей его была славная дочь Крока—*Любуша*, основательница города Праги, которую народъ прозвалъ за умъ „вѣщею“. Она отличалась необыкновенной справедливостью, за что и донынѣ прославляется Чехами въ пѣснѣ „Любушинъ судъ“. Въ мужья себѣ она выбрала простого крестьянина *Премысла*, и отъ этого брака пошли первые Чешскіе князья.

Кромѣ Чеховъ, не на долгое время образовали самостоятельное княжество и *Моравы*, но оно скоро было разрушено Нѣмцами, а затѣмъ и *Венграми*, племенемъ, пришедшимъ изъ Азіи.

Затѣмъ, въ 960 году Ляшскія, или Польскія племена также образовали

государство *Польшу*, выбравъ своимъ королемъ—*Земовита*, тоже сына простого крестьянина *Пяста*. При наслѣдникѣ Земовита—*Мечиславѣ*, Поляки крестились и приняли отъ Нѣмцевъ и Папы католичество.

Нѣсколько раньше образованія Польши, почти всѣ народы, жившіе въ нынѣшней Франціи, Италіи и Германіи, были соединены въ огромную имперію подъ рукою *Карла Великаго*. Карлъ Великій, образовавъ свою державу, началъ ожесточенную борьбу съ храбрыми Славянскими племенами, сидѣвшими въ Западной части Балтійскаго побережья, которыя, къ сожалѣнію, не соединились между собой для образованія одного крѣпкаго государства.

Хотя по смерти Карла Великаго имперія его и была раздѣлена между тремя его сыновьями, но, тѣмъ не менѣе, начатое имъ дѣло—уничтоженіе Западныхъ Славянъ, сидѣвшихъ по южному берегу Балтійскаго моря, усердно продолжалось Нѣмцами.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ половинѣ девятаго вѣка почти вездѣ уже въ Европѣ жили не разрозненныя племена, а были образованы государства.

Черезъ два года послѣ призванія князей, братья Рюрика—Синеусъ и Труворъ умерли, и онъ сталъ единовластно править надъ Новгородскими Славянами, Кривичами и надъ Финскими племенами—Весью, Мерей и Муромой, сажая во всѣ города своихъ посадниковъ изъ старшихъ витязей прибывшей съ нимъ Русской дружины.

Два мужа изъ этой дружины, не получившіе въ управленіе городовъ, Аскольдъ и Диръ, отпросились у Рюрика идти искать счастье въ Царьградъ. Слѣдуя по великому пути изъ Варягъ въ Греки, они дошли по Днѣпру до Кіева.

Здѣсь, узнавъ, что Кіевъ не имѣетъ своего князя, а платитъ дань Хозарамъ, и полюбивъ это бойкое и богатое мѣсто, Аскольдъ и Диръ рѣшили остаться; къ нимъ присоединилось много Варяговъ, и они стали владѣть Кіевомъ и всей Полянской землею, при чемъ освободили ее отъ платежа дани Хозарамъ и успѣшно воевали со степными хищниками и нѣкоторыми сосѣдними племенами.

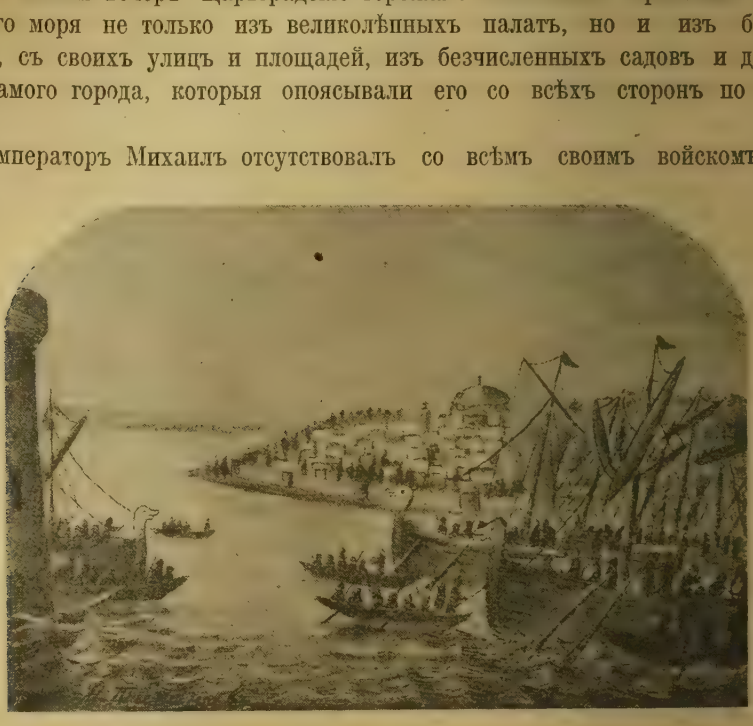
Черезъ четыре года Аскольдъ и Диръ настолько уже вошли въ силу, что могли привести въ исполненіе завѣтное желаніе Руссовъ—отмстить коварнымъ и высокомѣрнымъ Грекамъ за всѣ обиды и униженія, которыя претерпѣвали отъ нихъ наши предки во время Хозарскаго ига. Къ этому еще представился и подходящій случай: Греки убили въ Царьградѣ нѣсколькихъ русскихъ провѣвальщиковъ зерна по ничтожному поводу.

И вотъ, въ 866 году Аскольдъ и Диръ рѣшили совершить смѣлый набѣгъ на Царьградъ, какъ хаживали на него въ старину смѣльчаки съ устьевъ Днѣпра и Дона. Они собрали двѣсти ладей, то-есть большихъ лодокъ съ мачтами и парусами, посадили на каждую отъ сорока до шестидесяти человѣкъ и настолько скрытно совершили свой переходъ по Днѣпру и Черному морю, что до самаго ихъ появленія у Царьграда никто и не подозрѣвалъ объ этомъ набѣгѣ.

Патріархъ Фотій былъ въ это время въ Константинополѣ и оставилъ подробное описаніе этого событія.

По его словамъ, Русскій набѣгъ случился въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней, подъ вечеръ, при совершенно тихомъ морѣ. Въ этотъ прекрасный лѣтній вечеръ Царьградскіе горожане любовались красотами своего любимаго моря не только изъ великолѣпныхъ палатъ, но и изъ бѣдныхъ хижинъ, съ своихъ улицъ и площадей, изъ безчисленныхъ садовъ и даже со стѣнъ самого города, которыя опоясывали его со всѣхъ сторонъ по берегу моря.

Императоръ Михаилъ отсутствовалъ со всѣмъ своимъ войскомъ, такъ



19. Набѣгъ Аскольда на Царьградъ.

какъ двинулся противъ Арабовъ, и спокойный и безпечный городъ вовсе не ожидалъ ничего чрезвычайнаго, какъ вдругъ въ проливѣ изъ Чернаго моря обозначилось что-то невиданное, которое скоро обнаружило цѣлую кучу Русскихъ ладей. Весь городъ обезумѣлъ отъ страха. Всѣ въ одинъ голосъ съ ужасомъ воскликнули: „Что это! Что это!—А Руссы подплывали все ближе и ближе, навѣвая на всѣхъ своимъ видомъ что-то свирѣпое, дикое и убійственное; скоро они стали сходить на берегъ и угрожать городу, простерши свои мечи“.

„Мракъ объялъ всѣ трепетные умы“, говоритъ Фотій, „слезы и рыданія распространились во всемъ городѣ; крайнее отчаяніе объяло всѣхъ; со всѣхъ сторонъ разносилась одна вѣсть, одинъ крикъ: „Варвары перелѣзли черезъ стѣны! Городъ взятъ непріятелемъ!“ Неожиданность бѣдствія и неча̀янность набѣга заставили всѣхъ воображать и слышать только это одно“.

По свидѣтельству Фотія, Руссы изъ-за загородныхъ воротъ напали на красивыя предмѣстья города и опустошили ихъ огнемъ и мечомъ до самой

крѣпости, или Царьградскаго кремля, стоящаго на выдающемся въ море высокомъ холмѣ. Они огнемъ и мечомъ опустошили и морскія пристани, распредѣливъ ихъ между собой для разгрома по жребью.

Это показываетъ, что Руссы хорошо обдумали всѣ подробности своего нападенія; они внезапно пришли вечеромъ, во время отсутствія царя съ войскомъ, чтобы поразить неожиданностью врага, а затѣмъ совершить нападеніе подъ покровомъ ночи, дабы скрыть свою малочисленность; при этомъ, чтобы не было никакого безпорядка, заранѣе опредѣлили жребьемъ, кто въ какой части города будетъ дѣйствовать.

Послѣ опустошенія морскихъ пристаней Руссы быстро окружили городскія стѣны и стали валить къ нимъ земляную присыпь, намѣреваясь скорѣе перелѣзть въ самый городъ. При этомъ „трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу и обезсилила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено было распоряжаться въ опасное время“.

Народъ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлялъ только о молитвѣ и наполнилъ всѣ храмы. Повсюду во всю ночь совершалась служба: съ воздѣтыми руками возсылались усердныя и слезныя моленія о помилованіи. Общее несчастье заставило раскаяться въ грѣхахъ, образумиться и приняться за добрыя дѣла.

Не встрѣчалось благодатнѣе часа, какъ этотъ, для проповѣди и поученія къ народу о грѣхахъ, о всеобщемъ покаяніи, объ исправленіи своей жизни добрыми дѣлами.

И святитель Фотій началъ въ соборѣ Святой Софіи свою проповѣдь: „Что это! Откуда пораженіе столь губительное! Откуда гнѣвъ столь тяжкій? Откуда упалъ на насъ этотъ дальнесѣверный страшный Перунъ! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море! Не за грѣхи-ли наши все это ниспослано на насъ! Не обличеніе-ли это нашихъ беззаконій, и не общественный-ли это памятникъ имъ. Не доказываетъ-ли эта кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый... И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ“, продолжаетъ Святитель, „вспомните, какъ Греки несправедливо обижали въ Царьградѣ пріѣзжихъ Руссовъ, когда мы убійственно разсчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное... Мы получали прощеніе и не миловали ближняго... Сами обрадованные, всѣхъ огорчали; сами прославленные, всѣхъ безчестили; сами сильные и всѣмъ довольные, всѣхъ обижали; безумствовали, утолстѣли, разжирѣли, расширились... Вы теперь плачете, и я съ вами плачу. Но слезы ваши напрасны. Кого онѣ могутъ умолить теперь, когда передъ нашими глазами мечи враговъ, обагренные кровью нашихъ сограждан, и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ, бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, что дѣлать, и только ударились всѣ въ слезы“...

„Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божью мечу и натянуться его луку... Не лукавьте съ честными людьми. Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій; отъ того, что мы сдѣлались поношеніемъ сосѣдей нашихъ... Отъ того, что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ, что и молва не успѣла предувѣдомить

насъ, дабы могъ кто подумать о безопасности. Мы услышали объ нихъ уже тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій его предмѣстья. Они разоряютъ и губятъ все: нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражая мечомъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Какъ саранча на нивѣ... или страшнѣе, какъ жгучій зной, наводненіе, или не знаю, что и сказать, этотъ народъ явился въ странѣ нашей и сгубилъ ея жителей".

„О, городъ-царь! Какія бѣды столпились вокругъ тебя! О, городъ—царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабомъ! Необученное и набранное изъ рабовъ (Хозарскихъ)! О, городъ, украшенный дѣлами многихъ народовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О, городъ, воздвигшій многія побѣдныя памятники послѣ пораженія ратей Европы, Азіи и Ливіи!.. А слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость своей руки и хочетъ нажить себѣ славное имя! О, царица городовъ царствующихъ! О, храмъ мой, Святилище Божіе, Святая Софія, Недреманное Око Вселенной! Рыдайте дѣвы... Плачьте юноши... Горюйте матери... Проливайте слезы и дѣти... Плачьте о томъ, что умножились наши несчастья, а нѣтъ избавителя, нѣтъ печальника".

Святитель закончилъ свое обращеніе къ народу воззваніемъ: „Наконецъ настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней, Единой Надеждѣ и Прибѣжищу. Къ Ней возопіемъ: Досточтимая, спаси градъ Твой, какъ вѣдаешь, Госпоже!"

Послѣ этого, при стеченіи трепетавшаго отъ ужаса народа, съ горячей мольбой о спасеніи, изъ Влахернскаго храма была поднята риза Божіей Матери и крестнымъ ходомъ обнесена вокругъ стѣнъ города и погружена въ воду.

И Царица Небесная вняла мольбамъ своего грѣшнаго, но раскаявшагося народа, и во второй разъ, подобно тому, какъ это было въ 628 году, во время набѣга Аваровъ и Славянъ, Она явила Свою чудесную помощь и отвратила неминуемую гибель отъ города.

Видъ Православнаго крестнаго хода, съ патріархомъ и духовенствомъ въ полномъ облаченіи, множество хоругвей, стройное пѣніе и несомая впереди чудотворная риза—все это представило совершенно необычное зрѣлище для язычниковъ Руссовъ; они настолько были устрашены имъ, что повсюду какъ только видѣли приближеніе къ себѣ крестнаго хода, поспѣшно бросали работы по веденію приступа и спѣшили къ своимъ ладьямъ, послѣ чего оставили городъ.

Такъ, заступничествомъ Божіей Матери, былъ чудесно спасенъ Царьградъ отъ полнаго истребленія. Руссы же возвратились изъ своего смѣлаго набѣга домой въ Кіевъ съ богатѣйшей добычей и громкой славой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ набѣга Руссовъ Фотій опять собралъ свою паству и въ поученіи по поводу чуднаго избавленія города отъ полнаго истребленія говорилъ, между прочимъ: „Разразилась у насъ внезапная бѣда,

какъ явное обличеніе насъ въ нашихъ грѣхахъ. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествія, и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа, и жестокость его дѣйствія, и свирѣпость его нрава доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было ниспослано съ неба"...

„Поистинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ... Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодѣянію"...

„Народъ, до нападенія на насъ, ничѣмъ не давшій себя знать, народъ не почетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣвшій славу со времени похода на насъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной, народъ, гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, гордый оружіемъ, не имѣющій ни гражданскаго устройства, ни военнаго искусства, такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши и, какъ дикій вепрь, истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву... И какія зрѣлища скоплялись предъ нами: младенцы были размножены о камни... матери, зарѣзываемыя или разрываемыя, умирали подлѣ своихъ малютокъ... Лютость губила не однихъ людей, но и безсловесныхъ животныхъ: воловъ, коней, куръ и другихъ, какія только попадались варварамъ... А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами! Рѣчныя струи превращались въ кровь. Колодезей и водоемовъ нельзя было и отыскать, потому что они черезъ верхъ были наполнены тѣлами".

„Но", говоритъ Фотій, „когда обнесли вокругъ стѣнъ города ризу Божьей Матери, тогда помиловалъ Господь достояніе свое. Поистинѣ, эта досточтимая одежда есть риза Богоматери. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ, и непріятели, непостижимо какъ, обращали тылъ свой. Покрывала она городъ, и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Охраняла она осажденныхъ, и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія... Ибо, какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по одной стѣнѣ, варвары тотчасъ сняли осаду города, и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія. Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ, чрезмѣрно негодованіе, но неизреченна и милость... Ихъ привелъ къ намъ ихъ гнѣвъ; но за ними слѣдовала Богоматерь и отвратила ихъ набѣгъ. Пораженіе остановлено покаяніемъ... Отточенные на насъ мечи остановлены литіями и моленіями!!..."

Чудесное заступничество Богоматери за Царьградъ произвело сильное впечатлѣніе и на Руссовъ. И раньше еще были христіане среди нихъ и Варяговъ; послѣ-же чудесной помощи свыше, оказанной Царьградскимъ христіанамъ, когда гибель ихъ казалась неминуемой, Аскольдъ и большое число ходившихъ съ нимъ въ набѣгъ ясно убѣдились въ неизбѣжномъ преимуществѣ христіанской религіи надъ языческой.

Въ этомъ ихъ должно было также убѣдить и то обстоятельство, что не задолго передъ тѣмъ крестился весь Болгарскій народъ.

Черезъ два года послѣ набѣга Аскольдъ прислалъ въ Царьградъ послов заключить прочный миръ и уговоръ, какъ вести Руссамъ и Грекамъ торговлю, чтобы было справедливо и для той, и для другой стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ присланные Аскольдомъ просили Грековъ просвѣтить ихъ и Христовой вѣрой. Византійскіе цари, братья Василій и Михаилъ, заключивъ прочный миръ съ Руссами и щедро одаривъ ихъ золотомъ, серебромъ и шелковыми тканями, крестили прибывшихъ, а патріархъ назначилъ для Кіева епископа.

Въ своемъ окружномъ посланіи по этому поводу Фотій писалъ между прочимъ слѣдующее: „Не только Болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но и тотъ народъ, о которомъ многіе разсказывають и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, оный глаголемый Россъ, который поработилъ живущихъ окрестъ его и, возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Византійскую имперію; и сей, однако, нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую Вѣру, и, вмѣсто недавняго враждебнаго нашествія и великаго насилія, съ любовью и покорностью вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенна ихъ любовь къ вѣрѣ, что и епископа, и пастыря, и Христіанское Богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ приняли“.

20. Дружинникъ.

По преданію, когда назначенный Фотіемъ епископъ прибылъ въ Кіевъ, то Аскольдъ принялъ его на народномъ вѣчѣ, гдѣ стали разсуждать о вѣрѣ своей и христіанской и спросили епископа: чему онъ хочетъ учить ихъ? Епископъ открылъ Евангеліе и сталъ говорить имъ о Спасителѣ и Его земной жизни, а также и о разныхъ чудесахъ, совершенныхъ Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, Руссы, слушая проповѣдника, сказали: „если мы не увидимъ чего нибудь, подобнаго тому, что случилось съ тремя отроками въ огненной пещи, мы не хотимъ вѣрить“. Служитель Божій не поколебался; онъ смѣло отвѣчалъ имъ: „мы ничтожны передъ Богомъ, но скажите, чего хотите вы?“ Они просили, чтобы брошено было въ огонь Евангеліе, и обѣщали обратиться къ Христіанскому Богу, если оно останется невредимымъ. Тогда епископъ воззвалъ „Господи! прослави Имя Твое передъ симъ народомъ“ и положилъ книгу въ огонь. Евангеліе не сгорѣло. Послѣ этого многіе изъ присутствовавшихъ, пораженные чудомъ, крестились.

Спустя четырнадцать лѣтъ послѣ Аскольдова крещенія, Рюрикъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, умеръ, передавъ правленіе родственнику своему

Олегу, такъ какъ сынъ Рюрика—Игорь былъ еще очень малъ. Это было въ 882 году.

Три года ничего не было слышно въ Кіевѣ про новаго князя, а въ 885 году Олегъ, собравъ большую рать изъ Варяговъ, Новгородскихъ Славянъ, Кривичей, Чуди отъ Изборска, Веси отъ Бѣлоозера и Мери отъ Ростова, пошелъ водой на Кіевъ.

Княжеская дружина была въ кольчугахъ, или желѣзныхъ чешуйчатыхъ рубашкахъ, въ желѣзныхъ-же шлемахъ, съ сѣкирами, мечами, копьями и дротиками. Въ рукахъ у каждаго воина былъ большой деревянный щитъ, обтянутый кожей, выкрашенный въ красную краску и окованный желѣзомъ. Ратные-же люди отъ земли, или *Вои*, какъ ихъ называли, одѣвались попроще. Мало кто изъ нихъ носилъ кольчуги, и многіе шли въ однихъ портахъ; вооружены они были копьями, топорами, стрѣлами, мечами и ножами. Почти всѣ были пѣшіе.

21. Дружинникъ—варягъ.

Двигаясь на Кіевъ, Олегъ по пути занялъ Смоленскъ, въ которомъ поставилъ посадникомъ мужа изъ своей дружины, а затѣмъ занялъ и городъ Любечъ, гдѣ тоже оставилъ своего посадника. Такимъ образомъ онъ завладѣлъ Днѣпровскимъ путемъ до самаго Кіева.

Подойдя къ Кіеву, Олегъ укрылъ всю свою силу въ лодкахъ и засадахъ, а самъ съ маленькимъ Игоремъ на рукахъ вышелъ на берегъ и послалъ съ вѣстью къ Аскольду и Диру, что пришли гости, идутъ въ Грецію отъ Олега и Игоря княжича и желаютъ повидаться съ земляками—Варягами. Не подозрѣвавшіе ничего Аскольдъ и Диръ пришли къ берегу, но не успѣли они вступить въ разговоръ съ Олегомъ, какъ изъ лодокъ и засадъ повыскакивала дружина, и Олегъ сказалъ Кіевскимъ владыкамъ: „Вы владѣете Кіевомъ, но вы не князья и не княжескаго рода; я есть княжескій родъ, а это сынъ Рюрика“, и вынесъ впередъ маленькаго Игоря. Послѣ этого Аскольдъ и Диръ были тутъ же убиты, а Олегъ, избавившись такимъ образомъ отъ Кіевскихъ вождей, уже безъ труда завладѣлъ городомъ. Аскольдъ же и Диръ были похоронены на горѣ близъ города. Впослѣдствіи на могилѣ Аскольда была поставлена церковь Святого Николы; могила эта сохранилась и до сихъ поръ, и каждый Православный человѣкъ, посѣщающій Кіевъ, заходитъ помолиться за упокой души великаго витязя, здѣсь лежащаго.

Причина, почему Олегъ поступилъ такъ жестоко съ Аскольдомъ и Диромъ, совершенно понятна. Богатый Кіевъ лежалъ на томъ же большомъ пути изъ Варягъ въ Греки, у начала котораго стоялъ и Новгородъ, гдѣ сидѣли

Русскіе князья. Аскольдъ и Диръ были ихъ дружинниками, и не изъ старшихъ, такъ какъ не получили отъ Рюрика въ управленіе городовъ, почему и отпросились у него идти искать счастья къ Царьграду. Осѣвши въ Кіевѣ, эти витязи освободили его отъ уплаты дани Хозарамъ, подчинили себѣ сосѣднія племена, а, кромѣ того, прославились славнымъ набѣгомъ на Царьградъ. Все это сдѣлало ихъ сильными и могущественными, а потому и опасными для природнаго княжескаго рода, сидѣвшаго въ Новгородѣ. Поэтому Олегъ, задумавъ объединить Русскую Землю, для чего онъ и собралъ большую ратную силу, конечно, прежде всего долженъ былъ овладѣть Кіевомъ, лежащимъ къ тому же въ самомъ важномъ мѣстѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки.

Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что язычникъ Олегъ и его языческая Новгородская дружина съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣли, что отдѣлившіеся отъ нихъ Варяги съ Аскольдомъ и Диромъ, мало того, что пріобрѣли значительную силу, но еще вдобавокъ и приняли ненавистное для закоренѣлыхъ язычниковъ Христіанство.

Что же касается того, что Олегъ избавился отъ Аскольда и Дира путемъ хитрости, то это показываетъ, конечно, только ихъ большую силу, почему онъ и не желалъ вступить съ ними въ открытый бой; надо при этомъ сказать также, что употребленный имъ обманъ, чтобы заманить ихъ, по языческимъ понятіямъ не только не былъ плохимъ дѣломъ, но, наоборотъ—молодецкимъ, и слово „хитрецъ“, или „хитрокъ“, считалось похвальнымъ для тѣхъ людей, которые искусно обманывали своихъ враговъ.

Походъ Олега на Кіевъ показываетъ, что дѣйствительно онъ былъ очень искусно соображенъ. Начавши послѣ Рюрика княжить, Олегъ цѣлыхъ три года оставляетъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ въ покоѣ и ничѣмъ не показываетъ своего намѣренія напасть на нихъ. Сидя эти три года, повидимому, бездѣятельно въ Новгородѣ, онъ, между тѣмъ, старательно приготовляется къ походу, собираетъ большую рать изъ всѣхъ Сѣверныхъ племенъ, вооружаетъ ее и строитъ ладьи для похода, на что Новгородцы, какъ отличные плотники, были всегда мастера; при этомъ всѣ свои замыслы противъ Аскольда и Дира и всѣ сборы къ походу Олегъ держитъ до того скрытно, что Кіевскіе витязи о нихъ вовсе и не догадываются, несмотря на то, что по большому пути изъ Варягъ въ Греки много народу изъ Новгорода перебывало за эти три года въ Кіевѣ.

Наконецъ, выступивъ со своею ратью и ладьями къ Кіеву, Олегъ сумѣлъ и тутъ тоже такъ скрытно пройти по водному пути, что совершенно незамѣтно подошелъ къ Кіеву и выманилъ изъ него Аскольда и Дира, которые сами были весьма опытные и искусные воины.

Такое искусное приготовленіе Олега къ скрытному походу и самое его совершеніе должно и въ наши времена, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе тысячи лѣтъ, служить примѣромъ, достойнымъ подражанія, какъ слѣдуетъ изготовляться, чтобы внезапно напасть на врага.

Покончивъ съ Аскольдомъ и Диромъ, Олегъ перенесъ свой княжескій

столъ изъ Новгорода въ Кіевъ. „Это будетъ матерь городамъ Русскимъ“—вотъ первое слово, которое сказалъ Олегъ про Кіевъ. Въ Новгородѣ же онъ посадилъ своего посадника. Затѣмъ онъ сейчасъ же сталъ строить въ занятыхъ земляхъ городки и посылать въ нихъ своихъ мужей правителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ начать покореніе и тѣхъ сосѣдей, отъ которыхъ Кіевъ и Поляне терпѣли тѣсноту. Въ первое же лѣто онъ отправился походомъ на Древлянъ, постоянно нападавшихъ на полянъ изъ своихъ дремучихъ лѣсовъ. Олегъ обошелся съ Древлянами сурово, „примучилъ ихъ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, и обложилъ ихъ данью по черной куницѣ съ дыма. На слѣдующее лѣто онъ пошелъ на Сѣверянъ и возложилъ на нихъ дань легкую, чтобы не платили Хозарамъ. „Я Хозарамъ недругъ, а не вамъ“, сказалъ онъ имъ. На третье лѣто Олегъ спросилъ Радимичей; „Кому дань даете?“ Тѣ отвѣчали: „Хозарамъ“. „Не давайте Хозарамъ, но мнѣ давайте“. Такъ Радимичи и поступили.

Объединивъ такимъ образомъ подъ своей рукою сосѣднія къ Полянамъ племена и владѣя уже большимъ путемъ изъ Варягъ въ Греки, Олегъ сталъ укрѣплять княжескую власть во всѣхъ собранныхъ имъ воедино Славянскихъ племенахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ готовиться къ большому походу противъ Царьграда, чтобы подтвердить Грекамъ, что и послѣ Аскольда и Дира Русь осталась такой-же грозной и могучей для Византіи, какъ и во времена этихъ витязей.

Въ этихъ занятіяхъ по управленію Землею и приготовленіяхъ къ большому походу на Царьградъ прошло 23 года. За эти двадцать три года лѣтописецъ упоминаетъ о двухъ важныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Русской Землѣ.

Въ 897 году прошла мимо Кіева и, переправившись черезъ Днѣпръ, направилась дальше къ Западу орда Азіатскаго кочевнаго народа *Угровъ*, или *Венгровъ*. Столкновеній у Венгровъ съ Русскими не было; очевидно, Русскіе были настолько грозны, что Венгры и не помышляли напасть на нихъ, а просили только разрѣшенія пройти по ихъ землѣ, чтобы найти дальше на Западѣ свободное мѣсто, гдѣ можно было бы осѣсть.

Пройдя Карпатскія горы, Венгры потѣснили нѣкоторыя жившія въ этихъ горахъ и южнѣе Западно-Славянскія племена и сѣли въ широкой равнинѣ по среднему Дунаю, къ югу и западу отъ Карпатъ.

Здѣсь Венгры, по наущенію Греческихъ императоровъ, сейчасъ-же начали воевать съ сосѣдними Славянскими племенами, особенно же съ Моравами. Вообще, прибытіе Угровъ, или Венгровъ въ Европу и расположеніе ихъ по среднему теченію Дуная было весьма неблагопріятно для всего Славянства, такъ какъ съ появленіемъ ихъ на Дунаѣ Южныя Славянскія племена были отрѣзаны, совершенно чужимъ для нихъ народомъ, отъ своихъ Сѣверныхъ, Восточныхъ и Западныхъ братьевъ, при чемъ отрѣзанность эта продолжается и по сей день.

Указавъ въ лѣтописи о проходѣ Венгровъ, лѣтописецъ разсказываетъ затѣмъ, что князь Игорь, успѣвшій подрасти и начать помогать Олегу въ упра-

вленіи Государствомъ, женился въ 902 году на природной Русской славянкѣ, уроженкѣ села Выбуты, лежащаго въ 12 верстахъ отъ Пскова. По красотѣ своего лица и рѣдкимъ душевнымъ качествамъ она была прозвана *Прекрасой*. Послѣ замужества Прекраса приняла имя *Ольги*, въ честь Олега.

Къ 906 году приготовленія Олега къ походу на Царьградъ были закончены.

Оставивъ князя Игоря въ Кіевѣ управлять дѣлами на время своего отсутствія, Олегъ выступилъ въ походъ на Грековъ, собравши множество Варяговъ, Новгородскихъ Славянъ, Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Волынянъ, или Дулебовъ, и Тиверцевъ. Вся эта славная рать двинулась къ Царьграду на корабляхъ, ладьяхъ и коняхъ. Кораблей было двѣ тысячи, въ каждомъ помѣщалось по 40 человѣкъ; водой, стало быть, шло восемьдесять тысячъ, да по берегу шла конница.

Когда Олегъ подошелъ къ Царьграду, Греки затворили городъ желѣзными цѣпями и заперли городскую гавань. Олегъ высадился на берегъ и сталъ воевать около города, творя большое опустошеніе; при этомъ онъ выволокъ свои корабли на берегъ, поставилъ ихъ на колеса и ждалъ попутнаго вѣтра; когда же такой вѣтеръ поднялся съ поля, онъ поднялъ паруса, и рать его поѣхала на корабляхъ къ самому городу по суху, какъ по водѣ. Увидѣвши такую бѣду, Греки перепугались и выслали къ Олегу съ покорнымъ словомъ: „Не губи городъ: дадимъ тебѣ дань, какую пожелаешь“. Олегъ остановилъ походъ. Греки по обычаю вынесли ему угощенье—пищу и вино; но мудрый русскій князь не принялъ угощенья, ибо зналъ, что вѣроломные Греки непремѣнно устроятъ его съ отравой. Съ ужасомъ воскликнули тогда Греки: „Это не Олегъ, это самъ Святой Димитрій, посланный на насъ отъ Бога“. И заповѣдалъ Олегъ потребовать съ Грековъ огромную дань: на всѣ двѣ тысячи кораблей по 12 гривенъ на человѣка; въ каждомъ же кораблѣ, какъ мы знаемъ, сидѣло 40 человѣкъ. Греки соглашались на все и просили только мира. Отступивъ немного отъ города, Олегъ послалъ къ царямъ творить миръ. Утвердивъ сказанную дань по 12 гривенъ на каждое весло, Олегъ установилъ также, чтобы Греки платили дань или уклады и Русскимъ городамъ: Кіеву, Чернигову, Переяславлю, Полоцку, Ростову, Любечу и прочимъ, находившимся подъ рукой Олега.

Брать дань было дѣломъ обычнымъ у каждаго побѣдителя, и Олегъ не за тѣмъ поднимался въ походъ. Главное, что сказали его послы Грекамъ, было слѣдующее: „Да приходятъ Русь—послы въ Царьградъ и берутъ посольское (хлѣбное, столовый запасъ), сколько хотятъ; а придутъ которые гости (купцы), пусть берутъ мѣсячину на полгода: хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи, и да творятъ имъ баню, сколько хотятъ. А поѣдутъ Русь домой, пусть берутъ у вашего царя на дорогу съѣстной запасъ, якоря, канаты, паруса, сколько надобно“.

Такимъ образомъ, главное требованіе Олега было: чтобы каждый Русскій человѣкъ имѣлъ право приходить въ Царьградъ и чтобы тамъ принимали его, какъ добраго и уважаемаго гостя. Олегъ требовалъ, при этомъ, хорошаго угощенія и именно для купцовъ-гостей, по крайней мѣрѣ на полгода, пока они

не устроятъ свои торговыя дѣла; затѣмъ онъ требуетъ, чтобы вдоволь можно было париться въ банѣ, такъ какъ для добраго и далекаго гостя это было первое утощенье: наконецъ, онъ требуетъ, чтобы какъ поѣдетъ Русь домой, ее отпускали тоже какъ всякаго добраго гостя, давали-бы съѣстное и все, что надобно заѣзжему человѣку въ далекомъ пути.

Значитъ, Русь требовала, чтобы въ Царьградѣ съ Русскими людьми обращались такъ, какъ изстари обращались на Руси съ чужими гостями.

Требованіе это показываетъ, что напрасно Греки называли Русскихъ варварами и смотрѣли на нихъ свысока, такъ какъ, наоборотъ, Русскіе люди были тогда гораздо ласковѣе и обходительнѣе съ своими гостями, чѣмъ Греки, и требовали для себя такового же вѣжливаго обхожденія и отъ Грековъ.

Греки же во время Хозарскаго ига надъ Русской землей, когда у насъ не было своей ратной силы и некому было заступиться въ Царьградѣ за Русскаго торговаго человѣка, привыкли относиться къ нему, какъ уже было объяснено, пренебрежительно и несправедливо.

Какъ странникъ, случайно попавшій въ этотъ большой торговый городъ, Русскій человѣкъ долженъ былъ смотрѣть изъ рукъ каждаго грека, кланяться, принижаться или же добывать себѣ даже необходимыя вещи для жизни насильно, воровствомъ, разбоемъ, что было опасно и рѣдко сходило съ рукъ, такъ какъ Греки, пользуясь своей силой, жестоко платили Русскимъ за малѣйшую обиду. Вотъ почему, какъ только почуяла Русь свою силу, то сейчасъ-же собралась она въ лихой набѣгъ подъ начальствомъ Аскольда и Дира—отомстить за свои обиды Царьграду, и съ этой-же цѣлью—подтвердить Грекамъ Русскую силу—собрался и Олегъ въ свой славный походъ на Царьградъ.

Конечно, Греческіе цари согласились на требованія Олега, но съ своей стороны просили: „Пусть приходитъ Русь въ Царьградъ; но если придутъ безъ купли, то мѣсячины не получаютъ. Да запретитъ князь своимъ словомъ, чтобы приходящая Русь не творила пакости *) въ нашихъ селахъ. Когда приходитъ Русь, пусть живетъ за городомъ, у Святаго Мамонта. Тамъ запишутъ ихъ имена, и по той росписи они будутъ получать свое мѣсячное: первое отъ Кіева, также отъ Чернигова, Переяславля и прочіе города. Въ Царьградъ Русь входитъ только въ одни ворота, съ царевымъ мужемъ, безъ оружія, не болѣе 50 человѣкъ. И пусть творятъ куплю, какъ имъ надобно, не платя пошлинъ ни въ чемъ“.

Затѣмъ, въ утвержденіе мира, цари цѣловали кресть, а Олегъ и его мужи, по Русскому закону, клялись своимъ оружіемъ, своимъ богомъ Перуномъ и Велесомъ, скотьимъ богомъ.

Корабли Олега наполнялись всякимъ товаромъ. Шелковыхъ и другихъ тканей было такъ много, что на возвратномъ пути Олегъ велѣлъ своей дружинѣ сшить паруса паволочные (разноцвѣтнаго шелку), а остальной ратн отъ Земли—кропійные (ситцевые). Когда подняли кропійные паруса, случилась

*) Буйствъ, безчинствъ.

бѣда: ихъ разорвалъ вѣтеръ; тогда сказали Славяне: „останемся при своихъ холстинахъ, не пригодны Славянамъ парусы кропійные“.

Отходя отъ Царьграда, Русы прибили къ воротамъ его свои щиты, въ знакъ побѣды. Вернулся Олегъ въ Кіевъ съ большой славой, неся золото, паволоки, овощи, вина и всякое узорочье, всякій товаръ, который былъ ходокъ и дорогъ въ Русской Землѣ.

Народъ, видя возвращеніе Олега съ такой богатѣйшей добычей, а вмѣстѣ съ тѣмъ видя, что войско его все вернулось цѣлымъ и невредимымъ, то есть, что стало быть онъ все это добылъ, не проливъ крови своихъ людей, дивился этому и прозвалъ его „Вѣщій“, что значило—чудесный, великій.

На пятое лѣто послѣ этого славнаго похода, въ 911 году, воцарился въ Царьградѣ императоръ Константинъ Багрянородный, и Олегъ снова послалъ къ Грекамъ пословъ, чтобы подтвердить миръ и договоръ съ новымъ царемъ.

Въ Царьградъ было отправлено четырнадцать пословъ, въ числѣ которыхъ находилось и пятеро, устраивавшихъ первый договоръ.

Привѣтствовавъ императоровъ, „Великихъ о Богѣ Самодержцевъ“, отъ имени Олега, Великаго Князя Русскаго, и отъ всѣхъ находящихся подъ рукой его, свѣтлыхъ и великихъ князей и великихъ бояръ, послы стали объяснять цѣль своего прибытія:

„Первое слово“, сказали послы, „да умиримся мы съ вами, Греки! Да любимъ другъ друга отъ всей души и изволенья и сколько будетъ нашей воли не допустимъ случая, чтобы кто изъ живущихъ подъ рукой нашихъ свѣтлыхъ князей учинилъ какое зло, или какую вину, но всѣми силами постараемся не превратно и не постыдно во всякое время, во вѣки сохранить любовь съ вами, Греки, утвержденную съ клятвами нашимъ словомъ и написаніемъ. Такъ и вы, Греки, храните такую-же любовь, непоколебимую и непреложную, во всякое время, во всѣ лѣта, къ князьямъ свѣтлымъ нашимъ Русскимъ и ко всѣмъ, кто живетъ подъ рукой нашего свѣтлаго князя“.

Затѣмъ послы стали договариваться о томъ, какъ поступать, если будутъ случаться убійства Грековъ Русскими, или наоборотъ, а также и о другихъ происшествіяхъ между Русскими и Греками:

„Если кто убьетъ, Русинъ Христіанина (Грека) или Христіанинъ Русина, да умретъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ сотворилъ убійство“.

„Если убѣжитъ убійца и будетъ имовитъ (достаточенъ), то его имѣніе, какое принадлежитъ ему по закону, да возьметъ ближній убіеннаго; но и жена убившаго возьметъ свое, что слѣдуетъ по закону“.

„Если украдетъ что Русинъ у Христіанина или Христіанинъ у Русина, и будетъ пойманъ въ тотъ часъ и сопротивляясь будетъ убитъ, да не взыщется его смерть ни съ Христіанъ, ни отъ Руси, а хозяинъ возьметъ свое покраденное. Если воръ отдастся въ руки безпрекословно и возвратитъ покраденное, пусть за воровство заплатитъ втрое противъ покраденнаго“...

Наконецъ, Русскіе послы предложили: „если Греческая ладья будетъ выброшена большимъ вѣтромъ на чужую землю и случится тамъ кто изъ насъ, Русскихъ, то мы, Русскіе, охранимъ ихъ ладью и съ грузомъ отправимъ ее въ

землю Христіанскую; проводимъ ладью сквозь всякое страшное мѣсто, пока не приведемъ въ мѣсто безопасное. Если такая ладья, или отъ бури, или отъ противнаго вѣтра, не сможетъ идти въ свои мѣста сама собой, то мы, Русскіе, потрудимся съ гребцами той ладьи и допроводимъ съ товаромъ ихъ по здорову въ свое мѣсто, если то случится близь Греческой земли. Если такая бѣда приключится ладьѣ близь Земли Русской, то проводимъ ее въ Русскую Землю. И пусть продаютъ товаръ той ладьи, и если чего не могутъ продать, то мы, Русь, отвеземъ ихъ, когда пойдемъ въ Грецію, или съ куплей, или съ посольствомъ; отпустимъ ихъ съ честью и непроданный товаръ ихъ ладьи"...

Что касается плѣнныхъ, то на Руси имъ установлена торговая и выкупная цѣна—20 золотыхъ. Плѣнныхъ на обѣ стороны, или отъ Руси, или отъ Грековъ, должно продавать въ свою страну"...

„Кто изъ русскихъ работаетъ въ Греціи у Христіанскаго царя и умретъ, не урядивши своего имѣнія (не сдѣлавъ завѣщанія), или изъ своихъ никого при немъ не будетъ, да возвратится то его имѣніе наслѣдникамъ въ Русь. Если слѣдуетъ завѣщаніе, то кому писалъ наслѣдство, тотъ его и наслѣдуетъ".

„Кто изъ ходящихъ въ Грецію, торгуя на Руси, задолжаетъ, и, укрываясь, злодѣй не воротится въ Русь, то Русь жалуется Христіанскому царству, и таковый да будетъ взятъ и возвращенъ въ Русь, если-бъ и не хотѣлъ. Это же все да творитъ Русь Грекамъ, если гдѣ таковые случатся".

Греки согласились на эти предложенія пословъ; конечно, предложенія эти показали Грекамъ, насколько Русскіе были высоко вѣжливы, образованы и разумны. Договоръ былъ подписанъ царемъ Греческимъ и послами, при чемъ Русь клялась по закону и по покону своего народа не отступать отъ установленныхъ мира и любви.

Греческій императоръ почтилъ Русскихъ пословъ дарами, золотомъ, паволоками и велѣлъ показать имъ городъ: „церковную красоту, палаты золотыя и въ нихъ всякія богатства, многое злато, паволоки и каменье дорогое и особенно Христіанскую святыню: Страсти Господни—вѣнецъ, гвоздье и хламиду багряную и мощи Святыхъ, поучая пословъ въ своей вѣрѣ. И отпустилъ ихъ въ свою землю съ честью великой".

Такъ установилъ мудрый Олегъ договоръ Руси съ Греками въ 911 году.

Чрезъ два года, въ 913 году, послѣ 32 лѣтъ княженья, Олега не стало.

„И плакали всѣ люди плачемъ великимъ", хороня своего вѣщаго князя, который первый собралъ Русскую Землю въ одно великое Государство и громко прославилъ Русское имя своими удачными походами и мудрыми договорами.

Лѣтописецъ разсказываетъ, что волхвы и кудесники предсказали какъ-то разъ Олегу, что онъ умретъ отъ своего любимаго коня; поэтому конь этотъ былъ отправленъ на покой, и Олегъ больше никогда не садился на него; когда же Олегъ узналъ о смерти коня и увидѣлъ его кости, то поставивъ ногу на его голову, сказалъ смѣясь: „отъ этого-ли лба я приму свою смерть"? Но въ это-же самое время онъ былъ смертельно укушенъ змѣею, выползшей незамѣтно изъ конской головы.

Нашъ великій писатель Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, на основаніи этого разсказа лѣтописи, сложилъ слѣдующую

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

— „Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро-ль на радость сосѣдей—враговъ
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня“.

— „Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ:
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего;
Но примешь ты смерть отъ коня своего".

Олегъ усмѣхнулся; однако, чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

— „Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите".
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ?" промолвилъ Олегъ,
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлетъ отвѣту: „На холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ,
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня".
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ!
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала:
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ *) плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Послѣ Олега на княжескій столъ сѣлъ Игорь, сынъ Рюрика. Это было въ 913 году. Первымъ его дѣломъ было усмиреніе Древлянъ, которые по смерти Олега отказались платить дань. Игорь побѣдилъ ихъ и наложилъ дань больше Олеговой. Затѣмъ онъ усмирилъ и непокорное Славянское же племя Уличей, которые жили въ низовьяхъ Днѣпра, близъ нынѣшняго города Алешекъ; во время этого усмиренія долго не покорялся городъ Пересѣченъ, такъ что Игоревъ воевода сидѣлъ около него три года и едва взялъ. Тогда Уличи совсѣмъ перебрались съ Днѣпра и сѣли между Бугомъ и Днѣстромъ.

Послѣ ухода ихъ—весь великій путь отъ Варяговъ въ Греки былъ уже вполнѣ въ рукахъ великаго князя.

Но отъ Варяговъ, по Русской Землѣ, существовала еще дорога въ иной морской уголъ—на далекій Востокъ, къ богатому тогда Каспійскому морю.

Тутъ, какъ извѣстно, сидѣли Хозары. Конечно, много обидъ чинилось Русскимъ людямъ во время Хозарскаго ига какъ отъ самихъ Хозаръ, такъ особенно отъ народовъ, населявшихъ, подъ рукою Арабовъ, Кавказскіе берега Каспійскаго моря, куда постоянно хаживали наши торговые люди.

---

*) Языческія поминки.

И вотъ пришло время—чтобы Русь и здѣсь показала свою силу и отплатила долголѣтнія обиды.

Послѣ усмиренія Древлянъ, въ 914 году, Русскіе ратные люди, на 500 корабляхъ, въ каждомъ по 100 человѣкъ, спустились внизъ по Днѣпру въ море; затѣмъ, обогнувъ съ юга Крымскій полуостровъ, они вошли въ Азовское море; отсюда они послали просить Хозарскаго царя пропустить ихъ въ Каспійское море, чтобы отомстить Кавказскимъ народамъ за долголѣтнія обиды. Хозарскій царь согласился, вѣроятно, не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы отказать, а Русскіе обѣщали ему отдать за это, при возвращеніи, половину своей добычи. Получивъ согласіе, Русскіе изъ Азовскаго моря поднялись по Дону до перевала въ Волгу, вблизи Хозарскаго города Саркела, у теперешней Качалинской станицы. Отсюда они такъ же, какъ Олегъ подъ Царьградомъ, должны были перевезти свои корабли на колесахъ въ Волгу и по ней спустились въ Каспійское море.

Здѣсь наши удальцы распространились отрядами по всѣмъ богатымъ Приволжскимъ и Закавказскимъ берегамъ и начали свою жестокую месть за всѣ прежнія обиды. „Руссы проливали кровь“, говоритъ арабскій писатель, „брали въ полонъ женщинъ и дѣтей, грабили имущество, распускали всадниковъ для нападеній, жгли села и города“. Народы, обитавшіе около этого моря, съ ужасомъ возопили, а Русскіе, разгромивъ этотъ богатый берегъ, отошли къ нефтяной землѣ у города Баку и поселились на отдыхъ на близъ лежащихъ островахъ.

Тогда, опомнившись отъ удара, жители вооружились, сѣли на корабли и купеческія суда и отправились къ островамъ. Но Русскіе не дремали и встрѣтили врага такимъ отпоромъ, что тысячи нападавшихъ были изрублены и потоплены. Послѣ этой побѣды Русскіе, обремененные богатѣйшей добычей, стали собираться домой и, по уговору съ Хозарскимъ царемъ, за пропускъ ихъ въ Каспійское море—послали ему половину всего добытаго. Однако, Хозары рѣшили поступить съ нашими предками самымъ предательскимъ образомъ. Они собрали въ Итилѣ большую силу и напали на возвращавшихся Русскихъ. Жестокая битва продолжалась три дня, и, наконецъ, наши были почти всѣ перебиты. Тысячъ пять изъ нихъ спаслось и направилось вверхъ по Волгѣ, но тамъ Финское племя Буртасовъ и Камскіе Болгары добили ихъ окончательно. Много ли воротилось отважныхъ мореплавателей домой—не извѣстно. Но нѣтъ сомнѣнія, что кто нибудь принесъ на Родину вѣсть о томъ, сколько Русской крови было пролито измѣнническимъ образомъ на Волгѣ. Кровь же Русская никогда и нигдѣ даромъ не пропадала безъ жестокаго мщенія; надо было только выждать для этого удобное время и случай.

Вслѣдъ за этимъ несчастьемъ случилось на Русской Землѣ и другое большое горе.

Изъ средней Азіи пришло, въ 915 году, въ наши Южныя Русскія степи новое большое хищное племя—*Печенѣги*.

Оно, безъ сомнѣнія, было вызвано Греками, которые, видя усиленіе Руси, а также Болгаръ на Дунаѣ, и не разсчитывая больше на ослабѣвшихъ Хозаръ,

призвали противъ Славянъ Печенѣговъ, по примѣру императора Юстиніана Вначалѣ Игорь умирился съ ними, и они прошли прямо на Болгаръ, но за тѣмъ стали прибывать ихъ новыя полчища, которыя сѣли восемью ордами по всему побережью между Дономъ и Дунаемъ, преградивъ, разумѣется, Русским путь изъ Варягъ въ Греки.

Конечно, это было для недавно образовавшагося Государства Рус большимъ несчастьемъ. Со времени прихода Печенѣговъ, наши предки могли выходить по Днѣпру къ Черному морю—или покоривши Печенѣговъ, или умир ившись съ ними. И вотъ ужъ черезъ пять лѣтъ по ихъ прибытіи, въ 920 г. князь Игорь начинаетъ продолжительную борьбу съ этимъ народомъ.

Борьба эта смѣнялась иногда на нѣсколько лѣтъ миромъ, и тогда мы свободно входили въ Черное море. Греки-же постоянно дружили съ Печенѣ гами и искусно натравляли ихъ то на насъ, то на Болгаръ, а также и на Венгровъ.

Печенѣги были народомъ жаднымъ и ненасытнымъ: они безстыдно вы прашивали у Грековъ множество дорогихъ подарковъ за свои нападенія на Славянъ; но при этомъ Печенѣги были также народомъ воинственнымъ и сви рѣпымъ; они отлично ѣздили верхомъ и стрѣляли изъ лука.

На Венгровъ они сразу, какъ появились, навели такой ужасъ, что т отказались дальше воевать съ ними; Русскихъ же Печенѣги всегда сами боя лись, такъ какъ они наносили имъ зачастую жестокія пораженія.

Послѣ занятія Печенѣгами выхода изъ Руси къ Черному морю, Грек мало по малу скоро стали опять обижать въ Царьградѣ Русскихъ людей относиться къ нимъ пренебрежительно, такъ какъ считали, что намъ уже не возможно будетъ повторить набѣгъ на Константинополь, какъ это было в времена Аскольда и Олега. Однако, Греки ошиблись въ своихъ расчетахъ Заключивши съ Печенѣгами миръ, Игорь, въ 941 году, поднялся на Царьград съ большой силой. У него было не меньше тысячи кораблей. Онъ по Русском обыкновенію быстро подошелъ къ городу, высадился по обоимъ берегам Царьградскаго пролива и жестоко опустошилъ все побережье, производя обыч ныя по тому времени ратныя дѣла, сожигая села, церкви и монастыри и без пощады убивая жителей.

Вскорѣ выступилъ Греческій флотъ; онъ былъ вооруженъ трубами, вроде пушекъ, изъ которыхъ пускали на враговъ знаменитый въ то время *Греческій огонь*. Трубы были установлены на кормѣ, на носу и по бокамъ каждаго ко рабля. Флотъ этотъ встрѣтилъ ладьи Игоря у *Искреста*, какъ назвали Русски башню со свѣтильникомъ, или маякъ, стоявшій къ сѣверу отъ Босфора на скалѣ.

Русь, конечно, сама выманила Грековъ въ открытое море, гдѣ надѣялас съ полнымъ успѣхомъ не только разбить, но и захватить своихъ враговъ жи вьемъ. На морѣ стояла полнѣйшая тишина, что, повидимому, было благопр ятно для Русскихъ; но на самомъ дѣлѣ именно эта тишина и оказалась дл нихъ пагубной, такъ какъ въ вѣтеръ Греки не могли бы добрасывать из трубъ съ ихъ судовъ своего „Греческаго огня“ въ наши корабли; при насту

пившей же тишинѣ огонь этотъ дѣйствовалъ безъ всякой помѣхи. Главнымъ его составомъ была нефть, которая горѣла даже и въ водѣ. Какъ только приблизились другъ къ другу корабли—огонь былъ пущенъ Греками во всѣ стороны. Облитые нефтью Русскіе корабли и люди и вся поклажа мгновенно воспламенились и производили сильнѣйшій пожаръ. Спасаясь отъ огня Русскіе стали бросаться въ море, желая лучше утонуть, чѣмъ сгорѣть. Иные, обремененные кольчугами и шлемами, тотчасъ шли ко дну, иные, плывя, горѣли въ самыхъ волнахъ морскихъ. Ушли отъ погибели только тѣ, которые успѣли отплыть къ Азіатскому низменному берегу, въ мелководье, куда Греческія огненосныя суда не могли пройти вслѣдствіе своей величины.

Однако, оставшіеся Русскіе были еще очень многочисленны и потому, высадившись на Малоазіатскомъ берегу, распространяли свои набѣги далеко по побережью, а также углублялись и внутрь страны для сбора всякой добычи. Когда съ сухого пути ихъ выбивали собравшіеся сухопутные Греческіе полки, тогда Русскіе отходили въ своихъ малыхъ корабляхъ на мелководье и, воюя такимъ образомъ, успѣшно держались противъ Грековъ въ теченіе всего лѣта. Мелкая вода была для нихъ своего рода крѣпостью, такъ что во все это время они жили и ночевали въ своихъ лодкахъ. Наконецъ, насталъ сентябрь мѣсяцъ. Запасъ съѣстного истощился, и Русскіе порѣшили отправиться домой, для чего въ одну темную ночь и тронулись въ путь. Но Греческій флотъ ожидалъ ихъ ухода и зорко слѣдилъ за моремъ. Утромъ наши были настигнуты большими Греческими судами, и произошло второе морское сраженіе, изъ котораго немногіе Русскіе ушли домой; большинство же участниковъ похода погибло, а нѣкоторые взяты въ плѣнъ. Въ Царьградѣ всѣмъ Русскимъ плѣнникамъ торжественно, въ присутствіи иноземныхъ пословъ, были отрублены головы.

Такъ неудачно окончился походъ Игоря противъ Царьграда въ 941 году.

Возвратившіеся домой Русскіе разсказывали, что случившееся съ ними горе произошло отъ невѣдомаго доселѣ Греческаго огня, который былъ — „какъ есть молонья, что на небесахъ. Эту молонью Греки и пущали на насъ и пожигали. Оттого намъ и нельзя было ихъ одолѣть“—говорили они.

Конечно, простить Грекамъ нашу неудачу было невозможно, и, чтобы ихъ тяжко наказать, Игорь, по прибытіи домой, сталъ сейчасъ же собирать новую большую рать и послалъ за море приглашать Варяговъ. Военные сборы Русскихъ продолжались три года.

Въ это самое время, когда по всей странѣ и даже за моремъ разносился военный кличъ, у Игоря родился, въ 942 году, сынъ Святославъ, будущій мститель за всѣ обиды Русскимъ, причиненные въ княженье его отца. Вся Русская сила и Варяги изъ-за моря собрались къ 944 году. Кромѣ Варяговъ, Игорь приманилъ и Печенѣговъ, а для укрѣпленія соглашенія взялъ у нихъ заложниковъ. Послѣ этого его огромное войско двинулось въ походъ на ладьяхъ и коняхъ.

Корсунцы первые узнали объ этомъ походѣ и послали въ Царьградъ сказать, что „идутъ Русскіе—кораблей нѣтъ числа, покрыли все море кораблями“. Болгары, дружившіе тогда съ Греками тоже, съ своей стороны, дали

вѣсть, что „идутъ Русскіе, наняли себѣ и Печенѣговъ“. Видя неминуемую бѣду, Греческій царь Романъ поспѣшилъ послать на встрѣчу Русскимъ не войско, а послалъ лучшихъ бояръ, со словами къ Игорю: „Не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ той дани“. И къ Печенѣгамъ послалъ Романъ много паволокъ и золота, разумѣется, подкупая ихъ отстать отъ Руси. Игорь въ это время дошелъ уже до Дуная. Онъ созвалъ дружину, и начали думать. Дружина рѣшила: „Если царь говоритъ о мирѣ и даетъ дань, еще и съ большой прибавкой, то чего же и думать больше“. Игорь послушалъ дружины, взялъ у Грековъ золото и паволоки на все войско и воротился домой, а Печенѣгамъ велѣлъ воевать Болгарскую землю.

На другое же лѣто Греческій императоръ прислалъ въ Кіевъ просить снова построить миръ такой, какой былъ построенъ при Олегѣ.

„Говорите, что сказалъ вашъ царь“ — вопросилъ Игорь, когда Греческіе послы явились передъ его лицомъ: „Нашъ царь радъ миру“, отвѣчали Греки. „Миръ и любовь хочетъ имѣть съ княземъ Русскимъ. Твои послы водили нашего царя къ клятвѣ, и нашъ царь послалъ водить къ клятвѣ тебя и твоихъ мужей“. „Хорошо“, сказалъ Игорь. Утромъ на другой день онъ вышелъ съ послами на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ. Тамъ Русь положила передъ истуканомъ свое оружіе: щиты, мечи и прочее, а также золото (запястья съ рукъ и гривны съ шей). И клялся Игорь и всѣ люди, сколько ихъ было некрещенныхъ; а христіанская Русь клялась въ своей Соборной церкви Святого Ильи. Утвердивъ миръ и выгодный договоръ съ Греками, Игорь на отпускъ одарилъ Греческихъ пословъ Русскими товарами: дорогими мѣхами, челядью, воскомъ.

Сосчитавшись такимъ образомъ съ Греками за тяжелую неудачу на морѣ, понесенную три года тому назадъ, князь Игорь послалъ въ набѣгъ часть дружины и на Каспійское море—отомстить за старое униженье, которое претерпѣли Русскіе въ 914 году. Арабы и Армяне сохранили разсказы объ этомъ набѣгѣ. „Въ это время“, говоритъ одинъ Армянскій писатель, „съ сѣвера грянулъ народъ дикій, чуждый, Рузики *). Они, подобно вихрю, распространились по всему Каспійскому морю и не было возможности сопротивляться имъ. Они предали городъ Бердаа мечу и завладѣли всѣмъ имуществомъ жителей. Туземный воевода осадилъ ихъ въ городѣ, но не могъ нанести имъ никакого вреда, такъ какъ они были непобѣдимой силой. Женщины города, прибѣгнувъ къ коварству, стали отравлять Рузиковъ; но тѣ, узнавъ объ этой измѣнѣ, безжалостно истребили женщинъ и дѣтей“.

„Только одинъ врагъ“, говоритъ другой писатель, Арабъ, „могъ выжить Русскихъ изъ города—это чрезвычайное изобиліе въ странѣ всякаго рода садовыхъ плодовъ, отъ употребленія которыхъ между Русскими распространилась повальная болѣзнь, еще болѣе усилившаяся, когда Русскіе заперлись въ крѣпости. Смерть опустошала ихъ ряды въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Когда же выпалъ снѣгъ, а осада со стороны туземцевъ не прекращалась, то Русскіе

*) Такъ называли Армяне Русскихъ.

видя неминуемую погибель отъ повальной болѣзни, рѣшили пробиться и уйти домой. Ночью они перебрались съ захваченной добычей на свои корабли и удалились въ свою страну". Походъ этотъ, несмотря на успѣшное возвращеніе домой, былъ все-таки не особенно благополучнымъ для насъ, въ виду множества умершихъ отъ повальной болѣзни.

Въ Кіевѣ тоже настало общее горе. Игорь, съ наступленіемъ осени, отправился, какъ обычно, въ полюдье, за сборомъ дани и для совершенія суда и расправы. Прибывъ въ Древлянскую землю и получивъ дань, онъ отпустилъ дружину и отправился съ небольшимъ отрядомъ къ городу Искоростеню, чтобы потребовать дани лично для себя. Древляне стали думать и гадать со своимъ княземъ Маломъ,—какъ быть, и рѣшили убить Игоря. Они напали на него, перебили всѣхъ его слугъ, а самого привязали къ двумъ нагнутымъ деревьямъ и заживо растерзали пополамъ, распустивши связанныя деревья. Такъ несчастливо кончилъ свою жизнь князь Игорь въ 945 году.

Вообще, вся жизнь его была не очень удачной: неудачный первый походъ за Каспій, приходъ въ Южныя Русскія степи Печенѣговъ, а затѣмъ неудачный большой походъ на корабляхъ къ Царьграду въ 941 году; но, несмотря на всѣ эти сильныя невзгоды, Игорь, въ теченіе своей долгой жизни, упорно работалъ надъ дѣлами отца своего Рюрика и Вѣщаго Олега: собирать воедино Русскую Землю и, въ случаѣ пораженій въ военныхъ походахъ, не падать духомъ, а готовить новую ратную силу и жестоко мстить врагамъ за обиду: и Игорь достигъ многаго: Царьградъ долженъ былъ склонить передъ нимъ свою голову и, заплативъ тяжелую дань, просить мира; съ Печенѣгами ему удалось заключить соглашеніе и даже переманить ихъ на свою сторону, затѣмъ и за Каспіемъ—часть обидъ Русскимъ людямъ была уже отомщена подъ конецъ его жизни.

За тѣ же обиды Руси, за которыя князь Игорь не успѣлъ отмстить при своей жизни, и за позорную смерть его у Древлянъ, рано или поздно должна была также послѣдовать суровая месть. Съ Древлянами расправа произошла очень скоро.

Въ то время, какъ Игорь былъ безчеловѣчно растерзанъ Древлянами, въ Кіевѣ оставалась его княгиня Ольга съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ. Княгиню и городъ, и всю Землю, вмѣсто князя, оберегалъ воевода Свѣналдъ, а Святослава хранилъ кормилецъ его или дядька Асмолдъ.

Первое извѣстіе о смерти Игоря великая княгиня получила отъ Древлянскихъ же пословъ. Убивши Русскаго князя, Древляне задумали совсѣмъ упразднить княжій родъ въ Кіевѣ и разсудили такъ: „Русскаго князя мы убили; возьмемъ его княгиню Ольгу въ жены нашему князю; а Святослава тоже возьмемъ и сотворимъ съ нимъ, какъ захотимъ".

Порѣшивши на этой мысли, Древляне послали къ Ольгѣ пословъ или сватовъ—20 лучшихъ мужей, старѣйшихъ бояръ. Послы приплыли къ Кіеву на ладьяхъ по Припети и Днѣпру и велѣли сказать Ольгѣ о своемъ прибытіи.

Княгиня позвала ихъ къ себѣ. „Добрые гости пришли?" спросила княгиня. „Добрые пришли, княгиня", отвѣтили послы. „Говорите, съ какимъ

дѣломъ сюда пришли?"—„Послала насъ Древлянская земля", отвѣчали послы, „и велѣла тебѣ сказать: мужа твоего убили. А за то, что былъ твой мужъ, аки волкъ, хищникъ неправедный и грабитель. А у насъ князья добрые, не хищники и не грабители, распасли, обогатили нашу землю, какъ добрые пастухи. Пойди замужъ за нашего князя".

„Пріятно мнѣ слушать вашу рѣчь" сказала Ольга, „ужъ мнѣ моего Игоря не воскресить. Теперь идите въ свои ладьи и отдохните. Завтра я пришлю за вами. Хочу васъ почтить великою почестью передъ своими людьми. Когда за вами пришлю, вы скажите слугамъ: не ѣдемъ на коняхъ, не ѣдемъ и на возахъ, не хотимъ идти и пѣшкомъ—несите насъ въ ладьяхъ, и внесутъ васъ въ городъ въ ладьяхъ. Такова будетъ вамъ почесть. Таково я люблю вашего князя и васъ".

Послы обрадовались и пошли къ своимъ ладьямъ, пьяны — веселы, воздѣвая руки и восклицая: „Знаешь-ли ты, нашъ князь, какъ мы здѣсь тебѣ все уладили".

А Ольга тѣмъ временемъ велѣла выкопать на своемъ загородномъ теремномъ дворѣ, вблизи самого терема, великую и глубокую яму, въ которую былъ насыпанъ горящій дубовый уголь. На утро она сѣла въ теремъ и послала звать къ себѣ гостей. „Зоветъ васъ Ольга на любовь!" сказали посламъ пришедшіе Кіевляне. Послы все исполнили, какъ было сказано: усѣлись въ ладьяхъ, развалившись и величаясь, и потребовали отъ Кіевлянъ, чтобы несли ихъ прямо въ ладьяхъ. „Мы люди подневольные, отвѣтили Кіевляне, князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ за вашего князя!" Подняли ладьи и торжественно понесли пословъ—сватовъ къ княгининому терему. Сидя въ ладьяхъ, Древлянскіе послы гордились и величались. Ихъ принесли во дворъ княгини и побросали въ горящую яму, вмѣстѣ съ ладьями. „Хороша-ли вамъ честь!" воскликнула Ольга, приникши къ ямѣ. „Пуще намъ Игоревой смерти" застонали послы. Ольга велѣла засыпать ихъ землею живыхъ. Потомъ она послала къ Древлянамъ сказать такъ: „Если вы вправду просите меня за вашего князя, то присылайте еще пословъ, самыхъ честнѣйшихъ, чтобы могла идти отсюда съ великою почестью, а безъ той почести люди Кіевскіе не пустятъ меня". Древляне со своимъ княземъ Маломъ избрали въ новое посольство самыхъ наибольшихъ мужей и отправили ихъ въ Кіевъ.

Какъ пришли новые послы, Ольга велѣла ихъ угощать, а затѣмъ и истопить баню. Вошли Древляне въ баню и начали мыться. Двери-же за ними затворили и заперли, тутъ-же отъ дверей зажгли баню; такъ они всѣ и сгорѣли.

Послѣ того Ольга посылаетъ къ Древлянамъ съ вѣстью: „Пристроивайте—варите меды! Вотъ я уже иду къ вамъ! Иду на могилу моего мужа; для людей поплачу надъ его гробомъ; для людей сотворю ему тризну, чтобы видѣлъ мой сынъ и Кіевляне, чтобы не осудили меня!" Древляне стали варить меды, а Ольга поднялась изъ Кіева налегкѣ, съ малой дружиной. Придя къ гробу мужа, она стала плакать, а, поплакавши, велѣла людямъ сыпать большую могилу. Когда могила была ссыпана въ большой курганъ, княгиня устроила

тризну. Послѣ того Древляне, лучшіе люди и вельможи, сѣли пить. Ольга приказала отрокамъ угощать и поить ихъ вдоволь. Развеселившись, Древляне вспомнили о своихъ послахъ. „А гдѣ-же наша дружина, наши мужи, которыхъ послали за тобою?“ спросили они у Ольги. „Идутъ за мной съ дружиной моего мужа, приставлены беречь скарбъ“, отвѣтила княгиня. Когда Древляне упились какъ слѣдовало, то княгиня велѣла отрокамъ пить на нихъ, что значило пить чашу пополамъ за братство и любовь и за здоровье другъ друга, отъ чего отказываться было невозможно; таковъ былъ обычай. Это также называлось — перепивать другъ друга. Когда Древляне перепились въ конецъ, то княгиня поспѣшила уйти съ пира, приказавъ своимъ перебить всѣхъ Древлянъ. Они были посѣчены, какъ трава; всего ихъ погибло пять тысячъ человѣкъ. Ольга же вернулась въ Кіевъ и стала готовить войско, чтобы истребить Древлянскую силу до остатка.

На другое лѣто, въ 946 году, Ольга привела въ Древлянскую землю большое и храброе войско, подъ предводительствомъ маленькаго Святослава, съ воеводой Свѣналдомъ и съ дядькой малютки Асмолдомъ. Древляне тоже собрались и вышли. Полки сошлись лицомъ къ лицу, и первымъ началъ битву четырехлѣтній малютка Святославъ, такъ какъ доблестные Русскіе князья, по отцовскому и дѣдовскому обычаю, всегда сражались впереди своихъ дружинъ и всегда первые вступали въ бой.

Поэтому и Святославъ началъ битву, кинувъ свое копье въ Древлянъ. Копье полетѣло между ушей его лошади и упало ей подъ ноги. Но этимъ княжье дѣло было исполнено. „Князь уже началъ!“ воскликнули воевода и дядька. „Потягнемъ, дружина, по князе“. Послѣ жестокой сѣчи побѣда досталась Кіевлянамъ, а Древляне разбѣжались по городамъ и заперлись въ осаду. Ольга съ сыномъ пошла прямо къ Искоростеню, гдѣ былъ убитъ Игорь. Этотъ городъ зналъ, что ему пощады не будетъ и поэтому боролся крѣпко. Великая княгиня простояла подъ городомъ все лѣто и не смогла его взять; тогда она послала въ Искоростень пословъ сказать отъ ея имени: „Чего вы хотите досидѣть? Всѣ ваши города отдались мнѣ, всѣ ваши люди взялись платить мнѣ дань и теперь спокойно обрабатываютъ свои нивы и пашутъ землю, а вы хотите видно помереть голодомъ, что не идете въ дань“. „Рады и мы платить дань,—отвѣчали горожане,—да ты хочешь мстить намъ смерть мужа“.

„А я уже отомстила обиду мужа“, отвѣчала Ольга. „Во первыхъ, когда пришли ваши первые послы въ Кіевъ творить свадьбу, потомъ со вторыми послами и, наконецъ, когда правила мужу тризну. Теперь иду домой, въ Кіевъ. Больше мстить не хочу. Покоритесь и платите дань. Хочу умириться съ вами. Буду собирать отъ васъ дань легкую“. „Бери, княгиня, чего желаешь“, отвѣчали Древляне. „Рады давать медомъ и дорогими мѣхами“. „Вы обѣднѣли въ осадѣ“, говоритъ Ольга. „Нѣтъ у васъ теперь ни меду, ни мѣховъ; хочу взять отъ васъ дань на жертву богамъ, а мнѣ на излѣченіе головной болѣзни—дайте отъ двора по три голубя и по три воробья“.

Конечно, жители Искоростеня обрадовались такой легкой дани и прислали княгинѣ птицъ съ поклономъ. Ольга объявила, чтобы они жили теперь

спокойно, такъ какъ на утро она отступитъ отъ города и пойдетъ въ Кіевъ. Услышавши такую вѣсть, горожане обрадовались еще больше и разошлись по дворамъ спокойно спать. А между тѣмъ Ольга раздала ратнымъ людямъ голубей и воробьевъ, велѣла къ каждой птицѣ привязать горючую сѣру съ трутомъ, обернувши въ лоскутъ и завертѣвши ниткой, и, какъ станетъ смеркаться, выпустить всѣхъ птицъ на волю. Птицы полетѣли въ свои гнѣзда, голуби въ голубятни, а воробьи подъ застрѣхи. Городъ въ одинъ часъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ; въ ужасѣ люди повыбѣжали за городскія стѣны, но тутъ и началась съ ними расправа: однихъ убивали, другихъ забирали въ рабство; старѣйшинъ всѣхъ забрали и сожгли.

Послѣ этого наложена была на Древлянъ тяжелая дань: по двѣ черныхъ куницы и по двѣ бѣлки, кромѣ прочихъ мѣховъ и меда, на каждый дворъ.

Вотъ какъ отомстила Ольга, какъ добрая и вѣрная жена, за смерть своего мужа. И за эту жестокую месть, которую она совершила съ такой хитростью и мудростью, народъ прозвалъ свою княгиню *умнѣйшей отъ человѣкъ*.

Такова была язычница Ольга.

Показавъ себя мудрой въ дѣлѣ мщенія за смерть Игоря, Ольга показала себя такой же мудрой и въ дѣлахъ управленія Русской Землею, во время малолѣтства князя Святослава.

Вся княжеская дѣятельность Ольги тѣмъ особенно и прославляется, что она установила *хозяйственный* порядокъ по всей Русской Землѣ. На другой же годъ послѣ сожженія Искоростеня княгиня начала объѣзжать самолично всю Русскую Землю вдоль и поперекъ; она устанавливала правила и порядокъ во всѣхъ земскихъ дѣлахъ, устраивала *погосты*, куда могли съѣзжаться гости для торговли, опредѣляла оброки, назначала участки для ловли звѣрей и, своей высокой справедливостью и участливымъ отношеніемъ къ нуждамъ народнымъ, пріобрѣла большую любовь всей Русской Земли. „Все на этомъ свѣтѣ остроумная Ольга искала мудростью“, говоритъ преподобный Несторъ.

Изыскивая и испытывая, что творилось на Русской Землѣ, чѣмъ и какъ жила эта Земля, объѣхавши всю эту Землю изъ конца въ конецъ, Ольга пришла, наконецъ, къ великому рѣшенію — воспріять Вѣру Христову.

Для этого великая княгиня, въ 955 году, рѣшила сама совершить трудное и опасное путешествіе въ Царьградъ, гдѣ въ это время царствовали императоры—Романъ и Константинъ Багрянородный.

Ольга присоединилась къ обычному торговому каравану, взявши съ собой шестнадцать знатныхъ боярынь своихъ родственницъ и восемнадцать придворныхъ женщинъ, кромѣ прочихъ слугъ.

По прибытіи въ Царьградъ нашего каравана судовъ, подозрительные Греки долго не пускали въ городъ Ольгу и ея приближенныхъ, пока не убѣдились въ цѣли ея прибытія, и тѣмъ даже вызвали ея неудовольствіе.

Наконецъ, 9-го сентября, наша княгиня была торжественно принята

царями въ ихъ великолѣпномъ дворцѣ, который строился въ теченіе шестисотъ лѣтъ, еще со времени Святого Равноапостольнаго императора Константина Великаго.

Когда подъѣзжаешь къ Царьграду отъ Чернаго моря, то входишь сначала въ морской проливъ — Босфоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго видны населенные берега. Въ концѣ Босфора, направо длинный морской заливъ,

22. Царьградъ.

называемый Золотой Рогъ. Высокій береговой уголъ между Босфоромъ и Золотымъ Рогомъ и есть мѣсто Царьграда. Весь городъ стоитъ на семи холмахъ. Царскій дворъ начинался тогда на самомъ берегу моря и шелъ все выше и выше въ гору; палаты царскія стояли на высокомъ холмѣ, а противъ нихъ — тоже на холмѣ — дивный храмъ Святой Софіи — Премудрости Господней. Кругомъ города, у самой воды, стояли каменныя стѣны, съ четыреугольными башнями. Подъѣзжающимъ путникамъ, изъ-за стѣнъ, ближе всего на холмѣ

виднѣлись золотыя царскія палаты; подлѣ нихъ золотой дворцовый соборъ, а дальше — тоже палаты и церкви, церкви и палаты, и надъ ними всѣми величественный храмъ Софіи, съ громаднымъ куполомъ, какъ вѣнецъ всего города. Зрѣлище было дивное.

Выѣхавшись у входа въ царскій дворецъ, великая княгиня Ольга со своими спутниками вступила въ великолѣпный дворъ, вымощенный мраморомъ и другимъ дорогимъ камнемъ: на дворѣ этомъ стояли огромныя литыя изъ мѣди статуи знаменитѣйшихъ императоровъ и высокіе столпы изъ мрамора. Посрединѣ же помѣщался огромнѣйшій четыреугольный и сквозной столпъ, составленный изъ нѣсколькихъ столповъ и сводовъ. На немъ возвышался большой крестъ съ предстоящими царями Константиномъ и матерью Еленою, взиравшими къ востоку; такое же изображеніе креста находилось на особомъ возвышеніи къ западу отъ этого огромнаго сквознаго столпа, а къ востоку отъ него помѣщалась на другомъ столпѣ — статуя Равноапостольнаго царя Константина, съ изображеніемъ сіянья вокругъ головы, о которомъ говорили, что оно сдѣлано изъ гвоздей, коими былъ пригвожденъ къ кресту Спаситель. Къ этому же двору примыкалъ, съ одной стороны, великолѣпный царскій дворецъ, а съ другой — соборъ Святой Софіи.

Такимъ образомъ, на этомъ дворѣ княгиня Ольга могла видѣть все, чѣмъ было сильно и славно Греческое царство. А сильно оно было крѣпкой вѣрою въ заступленіе Богоматери, Софійскій храмъ Которой выдвигался на самую площадь, съ особой крестильницей для всѣхъ, ищущихъ Святой Вѣры. Сильно, славно и побѣдоносно было это царство и Святымъ крестомъ, котораго изображенія господствовали надъ площадью. Наконецъ, славно оно было также первымъ царемъ — христіаниномъ, Святымъ Равноапостольнымъ Константиномъ.

Войдя съ этого двора во дворецъ, Великая княгиня вмѣстѣ со своими спутниками прослѣдовала по многимъ великолѣпнымъ палатамъ, дивно украшеннымъ драгоцѣнными каменьями, золотомъ и серебромъ, съ затѣйливыми водоемами, литыми звѣрями, хитро-устроенными часами и золотыми и серебряными органами, которые чудно гудѣли, когда хоры пѣвчихъ воспѣвали славословіе императорамъ. Наконецъ, княгиня Ольга вошла въ Царскую пріемную палату, которая была построена Св. Равноапостольнымъ Константиномъ и называлась Большой Золотой Палатой.

Она имѣла видъ церкви и была расположена отъ запада къ востоку и отличалась особеннымъ великолѣпіемъ своего убранства. Въ вышинѣ свода палаты помѣщалось изображеніе Господа Вседержителя, Сидящаго на престолѣ, а восточная часть палаты была устроена, какъ алтарь, на нѣсколько ступеней выше передъ всей остальной палатою, такъ что туда поднимались по ступенямъ изъ зеленаго мрамора. Это царское возвышеніе отдѣлялось отъ палаты четырьмя столпами, по два съ каждой стороны. Между столпами ниспадали дорогія занавѣси, закрывавшія въ обыкновенное время это Царское Святилище.

Возлѣ этого мѣста стоялъ огромный золотой органъ, блиставшій доро-

гими каменьями и украшеніями и называвшійся „царскимъ“. Въ другихъ мѣстахъ палаты стояли еще два органа — серебряные. Въ глубинѣ же этого алтаря стоялъ царскій престолъ—золотой тронъ, весь усыпанный драгоцѣнными каменьями и называемый „Соломоновымъ престоломъ“, по той причинѣ, что онъ былъ устроенъ по образцу престола Іудейскаго царя Соломона, сына Давидова. У престола были ступени, на которыхъ по обѣимъ сторонамъ лежали золотые львы. Это были чудные львы: въ извѣстное время они поднимались на лапы и издавали ревъ и рыканіе, какъ живые. Сверху у трона сидѣли двѣ большія золотыя птицы, которыя тоже, какъ живыя, пѣли.

Но еще чудеснѣе было стоявшее неподалеку отъ трона золотое дерево, тополь, или яворъ, на которомъ сидѣло множество золотыхъ-же птицъ разной породы, изукрашенныхъ цвѣтными каменьями, которыя точно также, въ извѣстное время всѣ воспѣвали, точно живыя.

Возлѣ престола возвышался, какъ знаменіе побѣды, огромный золотой крестъ императора Константина Великаго, покрытый драгоцѣнными каменьями. Пониже престола помѣщались золотыя сѣдалища для членовъ царскаго дома.

Во время пріемовъ по стѣнамъ были развѣшиваемы царскія золотыя одѣянія и вѣнцы. Ранѣе прибытія княгини Ольги въ Большую Золотую Палату, въ нее прослѣдовалъ Греческій царь, одѣтый въ свой богатѣйшій царскій нарядъ; онъ съ молитвой повергся на землю передъ изображеніемъ Господа Вседержителя на сводѣ палаты, а затѣмъ усѣлся на Соломоновомъ тронѣ. Въ это время входъ въ палату былъ закрытъ богатыми занавѣсями.

При приближеніи нашей великой княгини занавѣси въ дверяхъ поднялись, и придверники съ золотыми жезлами въ рукахъ пропустили сперва Греческихъ бояръ и чиновниковъ по разрядамъ, при чемъ каждый разрядъ входилъ особо и размѣщался по сторонамъ палаты.

Напослѣдокъ взошла великая княгиня Ольга въ сопровожденіи шести русскихъ княгинь и восемнадцати боярынь.

Увидѣвъ царя, она пріостановилась. Въ это время заиграли органы и трубы. Затѣмъ одинъ изъ старшихъ Греческихъ сановниковъ спросилъ ее о здоровьѣ, а два золотые льва Соломонова трона вдругъ заревѣли, птицы на тронѣ и на деревьяхъ засвистали разными голосами; при этомъ львы на ступеняхъ трона поднялись также на заднія лапы.

Послѣ этого императору были поднесены Русскіе дары—дорогіе собольи мѣха, и Ольга вступила съ нимъ въ бесѣду.

Когда княгиня, поговоривши съ царемъ, стала выходить изъ палаты, то снова заиграли органы, послышался львиный ревъ, засвистали птицы, и звѣри также двигались на ступеняхъ трона. Отъ царя Ольга прослѣдовала по длиннымъ палатамъ въ пріемную къ императрицѣ, которая также привѣтствовала ее съ своего трона, а затѣмъ просила Ольгу пройти въ священную царскую спальню, куда прибылъ и царь; здѣсь царь съ царицей и наша княгиня бесѣдовали уже по домашнему.

Послѣ этой домашней бесѣды, въ тотъ же день состоялся и торжественный обѣдъ въ честь Русской великой княгини.

Во время этого обѣда два хора соборныхъ пѣвчихъ, отъ церкви Святыхъ Апостоловъ и отъ Святой Софіи, воспѣвали гимны въ честь императорской семьи, и тутъ же разыгрывались разныя представленія, состоявшія изъ плясокъ и другихъ игръ. Дѣйствіе открывалось гимномъ: „Нынѣ давшій власть въ руки твои Богъ поставилъ тебя самодержцемъ и владыкою! Великій Архистратигъ, сошедъ съ неба, отверзъ предъ лицомъ твоимъ врата царства! Міръ, поверженный подъ скипетръ десницы твоей, благодаритъ Господа, благоизволившаго о тебѣ, государь! Онъ чтитъ тебя, благочестиваго императора, владыку и правителя“! Затѣмъ слѣдовала пляска, послѣ хоровыя пѣсни, и такъ продолжалось до конца обѣда.

По окончаніи стола въ покояхъ царицы было приготовлено послѣобѣденное угощенье, на небольшомъ золотомъ столикѣ, въ золотыхъ тарелкахъ и блюдахъ, осыпанныхъ дорогими каменьями. Здѣсь сидѣли по своимъ мѣстамъ цари Константинъ Багрянородный и другой царь — его сынъ Романъ, царскія дѣти, невѣстки царя и Русская княгиня.

Затѣмъ Русской княгинѣ были поднесены подарки на золотомъ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями блюдѣ. Одарены были также и всѣ ея приближенные.

По разсказу нашего лѣтописца одинъ изъ Греческихъ царей, восхищенный умомъ Ольги, сказалъ ей: „Подобаетъ тебѣ царствовать въ этомъ градѣ съ нами“. Но наша мудрая княгиня, уразумѣвъ, чего желаетъ царь, отвѣтила ему: „Я вѣдь язычница. Если хочешь, то крести меня самъ, иначе не крещуся“. Тогда царь поручилъ ее патріарху Поліевкту, который, наставивъ въ ученіи Христовой Вѣры, крестилъ ее вмѣстѣ съ царемъ, при чемъ послѣ крещенія Поліевктъ благословилъ ее словами: „Благословенна ты между женами Русскими, что возлюбила свѣтъ и отвергла мракъ; и будутъ тебя благословлять сыны Русскіе до скончанія ихъ рода“. Потомъ патріархъ преподалъ ей наставленія о церковномъ уставѣ, о молитвѣ, о постѣ, о милостынѣ, о чистотѣ тѣлесной. Она стояла съ наклоненной головой и внимательно слушала его, а затѣмъ промолвила: „твоими молитвами да сохранитъ меня Господь отъ всякой непріязненной сѣти“. Послѣ этого царь объявилъ ей, что хочетъ взять ее себѣ въ жены. „Какъ же ты хочешь меня взять, вѣдь ты крестилъ меня и нарекъ дочерью, а у христіанъ такого закона нѣтъ“ отвѣтила Ольга. „Переклюкала (перехитрила) ты меня, Ольга!“ воскликнулъ на это недогадливый царь.

Въ воскресенье, 18 октября, Ольга вторично была торжественно принята царями и царицей, одарена подарками и стала собираться затѣмъ въ Кіевъ Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ она была у патріарха для испрошенія благословенія и говорила ему: „Народъ мой и сынъ мой — язычники; когда-бъ Богъ соблюлъ меня отъ всякаго зла“. „Чадо вѣрное,—отвѣчалъ ей патріархъ,—крестясь во Христа, ты облеклась во Христа: Онъ сохранитъ тебя“. Затѣмъ

патріархъ далъ на благословеніе Ольгѣ крестъ, который долго сохранялся въ Кіевѣ и послѣ Ольги.

Прибывши въ Кіевъ, Ольга привезла съ собой нѣсколько умныхъ священниковъ и построила деревянный храмъ Софіи; онъ былъ украшенъ иконами, присланными ей патріархомъ.

Вмѣстѣ съ Ольгой возвратились въ Кіевъ и ея спутницы, изъ которыхъ многія, несомнѣнно, тоже крестились со своей великой княгиней. Величіе и чистота новой вѣры и христіанская жизнь, видѣнныя ими въ Царьградѣ, конечно, произвели большой переворотъ въ ихъ душахъ. Они стали вліять на своихъ близкихъ, чтобы тѣ оставили язычество и приняли крещеніе. Особенно старалась Ольга, чтобы ея сынъ Святославъ принялъ христіанство. Но Святославъ отвѣчалъ на это матери: „Какъ я приму одинъ новый законъ; дружина моя будетъ смѣяться надо мной!“ И, дѣйствительно, дружина его не только смѣялась надъ переходившими въ христіанство, но иногда и грубо оскорбляла ихъ. Все это глубоко огорчало великую княгиню.

23. Крестъ и шапка Святой Ольги, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ въ Псковѣ.

Однако, недалеко уже было то время, когда надлежало озариться всей Русской Землѣ Святой Христовой Вѣрой.

Послѣ своего крещенія великая княгиня прожила еще двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ посѣтила свою родину. Тамъ, обозрѣвая мѣстность нынѣшняго Пскова и стоя на берегу рѣки Великой, гдѣ тогда былъ густой лѣсъ и многія дубравы, она увидѣла три свѣтоносные луча, какъ-бы падающіе съ неба на крутой противуположный берегъ. Равноапостольная княгиня водрузила крестъ на этомъ мѣстѣ и предрекла, что здѣсь будетъ храмъ Святой Троицы и воздвигнется великій и славный городъ. На мѣстѣ, гдѣ стояла великая княгиня, нынѣ устроена часовня, при которой имѣется источникъ съ цѣлебной водой

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Святославъ. Его дѣтство. Первое боевое крещеніе. Его походы. Доростолъ. Смерть Святослава. Ярополкъ и усобицы съ братьями. Владиміръ язычникъ. Крещеніе Руси. Княженіе Святого Владиміра.

ПОКА Княгиня Ольга готовила себя къ воспріятію Святого Крещенія, и, наконецъ, совершила для этого далекій путь въ Царьградъ, выросталъ и мужалъ Святославъ. Еще съ малыхъ лѣтъ сталъ онъ дѣлать княжеское дѣло. Четырехлѣтнимъ малюткою онъ храбро повелъ свою дружину въ бой съ Древлянами, чтобы отомстить за смерть отца и первый бросилъ въ нихъ свое копье. Первое дѣло его жизни былъ бой, и бой открытый, прямой, отважный и по языческому обычаю святой, такъ какъ онъ мстилъ за отца.

И какимъ показалъ себя Святославъ въ своемъ первомъ бою маленькимъ ребенкомъ, такимъ оставался онъ и во всю свою жизнь прямымъ, отважнымъ и честнымъ.

Оставшись послѣ отца по четвертому году, Святославъ былъ переданъ умной матерью изъ женскихъ теремовъ на руки дядьки, а собственно на руки дружины. Тогда водилось, чтобы въ это время ребенку дѣлались съ большимъ торжествомъ *постриги*, торжественное стриженіе первыхъ волосъ, которое, какъ обычай, шло изъ далекой древности и могло заключаться въ томъ, что голову кругомъ стригли подъ гребенку, оставляя завѣтный чубъ на лбу, съ которымъ всю жизнь и ходилъ Святославъ. Тутъ же ребенка сажали на коня и справляли веселымъ пиромъ общую радость всей дружины. Дружина и заѣзжіе гости, которые созывались на торжество, получали при этомъ богатые подарки золотыми и серебряными сосудами, дорогими мѣхами, паволоками, одеждами и особенно конями. Это было дружинное посвященіе ребенка въ князья, въ ратники. Вотъ почему маленькій Святославъ выѣхалъ на Древлянъ на конѣ: онъ былъ уже въ постригахъ, въ посвященіи.

Конечно, при жизни отца онъ еще не скоро выбрался бы изъ-подъ опеки матери, но теперь онъ сталъ княземъ вполнѣ. Онъ одинъ былъ князь во всей Русской Землѣ и потому долженъ былъ тотчасъ перейти на руки дру

жины, которая стала для него роднымъ отцомъ, воспитателемъ и кормильцемъ.

Вотъ почему, какъ прямой сынъ дружины, Святославъ и не поддался на сторону матери, когда она уговаривала его принять христіанство, тѣмъ болѣе, что все свое дѣтство и молодость Святославъ прожилъ не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ, куда Новгородцы выпросили его, такъ какъ не любили сидѣть безъ князя, а извѣстно, что именно въ Новгородѣ, еще со временъ Аскольдовыхъ, была особенная ненависть къ Кіевскимъ христіанамъ. Дружина Святослава была надиво подобрана: въ ней были собраны богатыри и храбрецы со всей Русской Земли, безразлично къ какому бы Славянскому племени они ни принадлежали. Это были настоящіе сыны своей великой Родины и преданные слуги и друзья своего князя. Самъ Святославъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ дружины и заодно съ ней переносилъ всѣ труды и лишенія походной жизни. Онъ не возилъ за собой повозокъ съ разнымъ добромъ, чтобы утѣшаться на роздыхѣ сладкою пищей, хорошимъ питьемъ или мягкою постелью. Онъ не бралъ съ собой даже котла и не варилъ мяса, а, потонку изрѣзавши конину, звѣрину или говядину, жарилъ прямо на угляхъ, быть можетъ, на копьѣ или мечѣ, и такъ и ѣлъ. Онъ не возилъ съ собой шатра, чтобы укрыться во время отдыха, но, разстеливъ на землѣ подсѣдельный войлокъ, въ голову клалъ сѣдло и отлично спалъ подъ открытымъ небомъ. Такъ же жила и вся его дружина. Вотъ почему, ведя многія войны, онъ со своей дружиною, стремительно и легко, какъ *барсъ**), переносился изъ страны въ другую и потому безъ боязни посылалъ врагамъ сказать: „хочу на васъ идти“.

24. Малютка-князь со своимъ дядькою-кормильцемъ.

Выросши и возмужавъ и собравши много храбрыхъ, Святославъ, въ 964 году, направилъ первый свой походъ на Волгу, гдѣ у Хозаръ, Буртасовъ и Камскихъ Болгаръ измѣнически погибла Русская рать, возвращавшаяся въ 914 году изъ похода по Каспію. Теперь внуки шли, по языческому обычаю, мстить за смерть своихъ дѣдовъ.

Выйдя на лодкахъ изъ Кіева по Деснѣ, Святославъ волокомъ перетащилъ свои суда въ рѣку Оку, чтобы слѣдовать по ней къ Волгѣ. По Окѣ жило въ это время Славянское племя Вятичей, еще не приведенное подъ руку Русскаго

*) Огромный звѣрь изъ породы кошекъ, нѣсколько меньше тигра. Отличается своими быстрыми прыжками.

князя. „Кому дань даете?“ вопросилъ ихъ Святославъ. „Хозарамъ дань платимъ“, отвѣчали Вятичи. Святославъ промолчалъ и поплылъ дальше. Разумный князь понялъ, что не выгодно ему покорить Вятичей и, тѣмъ возбудивъ ихъ противъ себя, оставить затѣмъ въ своемъ тылу, когда впереди на Волгѣ было много дѣла; походъ могъ кончиться неудачей, а потому на обратномъ пути и выгоднѣе было встрѣтить въ Вятичахъ друзей, а не враговъ.

Этотъ первый походъ Святослава продолжался болѣе трехъ лѣтъ и былъ необыкновенно счастливъ, послѣ него, по словамъ Арабскихъ писателей, не осталось слѣда ни отъ Камскихъ Болгаръ, ни отъ Буртасовъ, ни отъ Хозаръ. Святославъ уничтожилъ главный городъ Камскихъ Болгаръ—*Болгаръ*; разгромилъ Хозарскій Саркелъ, или Бѣлую Вѣжу, на Дону, а затѣмъ, спустившись къ югу, покорилъ воинственныя племена Ясовъ и Касоговъ, жившія на сѣверномъ Кавказѣ, въ нынѣшней Кубанской области. Наконецъ, побѣдоносный Святославъ на обратномъ пути подчинилъ себѣ и Вятичей и возложилъ на нихъ дань. Огромную добычу привезла съ собой въ Кіевъ и его храбрая дружина изъ своего далекаго и славнаго похода на востокъ.

Съ тѣхъ поръ богатая Волга уже перестаетъ быть Хозарской, или Камско-Болгарской, а становится чисто Русской рѣкой.

Не долго сидѣлъ Святославъ въ Кіевѣ. Вскорѣ по возвращеніи изъ его славнаго похода къ нему прибылъ посланный отъ Греческаго императора Никифора Фоки знатный вельможа и сынъ Корсунскаго градоправителя, именемъ Калокиръ.

Калокиръ привезъ Святославу много драгоцѣннѣйшихъ даровъ, въ числѣ коихъ было 27 пудовъ чистаго золота, и просилъ отъ имени императора помочь Грекамъ противъ Дунайскихъ Болгаръ. Дѣло въ томъ, что Греки при нѣсколькихъ императорахъ платили изъ года въ годъ дань Болгарамъ. Когда же воцарился Никифоръ Фока и прославился своими побѣдами надъ Арабами, то ему показалось очень обиднымъ платить дань Болгарскому народу; поэтому когда послы этого народа прибыли въ Царьградъ за ежегодной данью, то Никифоръ Фока, въ торжественномъ собраніи всего двора, велѣлъ ихъ бить по щекамъ и всячески оскорблялъ на словахъ, затѣмъ онъ пошелъ войной на Болгаръ, но вскорѣ, однако, увидѣлъ, что совладать съ ними ему одному не подъ силу. Вотъ тогда онъ снарядилъ Калокира съ богатыми дарами просить помощи Русскаго князя. Передавъ Святославу порученіе императора, Калокиръ, человѣкъ отважный и хитрый, увидѣлъ, какую грозную силу представляютъ Русскіе и понялъ, что съ ихъ помощью можно покорить не только Болгаръ, но и достигнуть царскаго Греческаго престола. И вотъ Калокиръ начинаетъ обдумывать дѣло совсѣмъ по другому, нежели какъ приказывалъ ему царь Никифоръ. Онъ вознамѣрился самъ замѣстить, съ помощью Русскихъ, этого царя и овладѣть Греческимъ царствомъ; Русскому же князю, за ратную помощь въ этомъ дѣлѣ, онъ предложилъ предоставить всю Болгарскую землю.

Смѣлое, отважное и великое предпріятіе было по душѣ нашему Святославу. Покоривъ Болгарію, онъ разсчитывалъ привести подъ единую Русскую руку еще одно славное Славянское племя.

Въ августѣ 967 года Святославъ съ шестидесятью тысячами храбрецовъ спустился обычнымъ русскимъ путемъ по Днѣпру въ Черное море, а затѣмъ приблизился къ Дунаю и, быстро высадившись на берегъ, смѣло напалъ на Болгаръ. Тѣ не выдержали, побѣжали и заперлись въ крѣпости Доростолѣ, а Болгарскій царь Петръ такъ огорчился этимъ неожиданнымъ нападеніемъ Русскихъ, что у него отнялись руки и ноги.

Русскіе прошлись по Дунаю, какъ и по Волгѣ, страшной грозой и возвратились на зиму домой съ неисчислимой добычей. На другой годъ, въ 968 году, Святославъ снова явился на Дунаѣ и быстро, какъ барсъ, переносясь съ одного мѣста на другое, забралъ восемьдесятъ Болгарскихъ городовъ. Послѣ этого онъ сѣлъ княжить въ городѣ Переяславцѣ на Дунаѣ. Калокиръ оставался при немъ и изъ Переяславца продолжалъ строить свои козни, чтобы завладѣть Греческимъ престоломъ. Однако, царь Никифоръ скоро прозрѣлъ и узналъ, что замышляетъ противъ него коварный Калокиръ. При этомъ Никифоръ увидѣлъ также, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, призвавъ противъ Болгаръ Русскихъ, такъ какъ этимъ призваніемъ онъ нажилъ себѣ новаго сильнаго сосѣда, гораздо болѣе грознаго, чѣмъ Болгары. И вотъ, забывъ свою гордость, Никифоръ послалъ пословъ мириться съ Болгарами, напоминая, что Болгары такіе же христіане, какъ и Греки, а потому и должны жить вмѣстѣ въ дружбѣ и любви. При этомъ Никифоръ, въ утвержденіе дружбы, просилъ Болгаръ прислать невѣстъ царскаго рода для сыновей бывшаго императора Романа.

Болгары пошли, конечно, на миръ и союзъ съ Греками съ большой радостью.

Первымъ ихъ дѣломъ противъ общаго врага—Русскихъ былъ подкупъ Печенѣговъ, чтобы тѣ напали на Кіевъ и тѣмъ вызвали изъ Переяславля и самого Святослава.

Такъ и случилось.

Лѣтомъ 968 года Печенѣги подкрались врасплохъ къ Кіеву и обступили его въ огромнѣйшемъ количествѣ.

Въ городѣ затворилась Ольга съ тремя малолѣтними внуками. Дружина же, по какому-то случаю, находилась на той сторонѣ Днѣпра и даже не вѣдала объ опасности. Въ Кіевѣ скоро пришлось очень круто и люди стали изнемогать отъ голода и жажды, такъ какъ достать воды изъ Днѣпра не было возможности. Надо было во что бы то ни стало увѣдомить дружину, стоявшую на томъ берегу; но какъ это было сдѣлать, когда Печенѣги плотнымъ кольцомъ окружили городъ?

Наконецъ, одинъ русскій молодецъ нашелся. Молодецъ этотъ былъ *мальчикъ*, отрокъ, еще не вошедшій въ юношескій возрастъ. Умѣя отлично говорить по Печенѣжски, онъ незамѣтно перелѣзъ черезъ городскую стѣну въ полѣ, съ уздою въ рукахъ, и затѣмъ смѣло сталъ расхаживать между Печенѣгами и спрашивать всѣхъ: „не видалъ-ли кто его коня?“ Печенѣги принимали его за одного изъ своихъ и старались помочь его бѣдѣ. Такимъ путемъ онъ незамѣтно дошелъ до берега Днѣпра. Здѣсь онъ быстро скинулъ съ себя одежду, бросился

въ рѣку и поплылъ къ тому берегу. Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть—онъ былъ далеко, а Русскіе съ той стороны выѣхали ему на встрѣчу въ лодкѣ и перевезли на другой берегъ. Онъ заявилъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ“. На это Русскій воевода, по имени Претичъ, сказалъ: „Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится“. Всѣ согласились, а на другой день, на разсвѣтѣ, сѣвши въ лодки, громко затрубили въ трубы; люди въ городѣ радостно откликнулись имъ. Печенѣги подумали, что пришелъ Святославъ и отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внуками успѣли сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Увидя это, Печенѣжскій князь просилъ свиданія съ воеводой Претичемъ. Они съѣхались вмѣстѣ. Печенѣгъ спросилъ: „Кто это пришелъ?“ Претичъ отвѣчалъ: „Люди съ той стороны“. — „А ты князь ли?“ спросилъ опять Печенѣгъ. „Нѣтъ, я мужъ княжой“, сказалъ Претичъ, „и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска“. Тогда Печенѣжскій князь сказалъ воеводѣ: „Будь мнѣ другомъ“. Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки и размѣнялись подарками; князь Печенѣжскій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичъ отдарилъ его броней, щитомъ и мечомъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали такъ близко, что Русскимъ нельзя было коней напоить за городомъ.

Но все-же, такимъ образомъ, благодаря безстрашію и находчивости несравненнаго героя-отрока—гибельная сдача города была избѣгнута. Безконечно жаль, что въ лѣтописи не сохранено имя этого мужественнаго мальчика. Кіевляне тотчасъ же послали сказать Святославу: „Ты, князь, чужой земли ищешь и чужую землю соблюдаешь, а отъ своей совсѣмъ отрекся. Чуть было насъ не взяли Печенѣги вмѣстѣ съ матерью твоею и дѣтьми! Если не придешь и не оборонишь насъ, опять насъ возьмутъ. Или тебѣ не жаль своей отчизны, своей старой матери и дѣтей своихъ?“ Услышавъ эти вѣсти, Святославъ немедленно сѣлъ съ дружиною на коней, барсомъ перескочилъ съ Дуная на Кіевъ, расцѣловалъ свою мать и дѣтей и далеко прогналъ Печенѣговъ.

Однако, недолго оставался послѣ этого Святославъ со своими. Мирная жизнь въ Кіевѣ была ему не по нраву. Онъ постоянно помышлялъ о Болгаріи. Тамъ могло свиться еще одно могучее гнѣздо для Руси; тамъ ожидали князя славныя и великія дѣла.

Наконецъ, весною 969 года, Святославъ сказалъ матери и боярамъ: „Не любо мнѣ жить въ Кіевѣ. Хочу жить на Дунаѣ, въ Переяславцѣ. Тотъ городъ есть середина моей земли. Туда сходится все добро: отъ Грековъ,—золото, паволоки, вина, овощи различные; отъ Чеховъ и Венгровъ—серебро и кони; отъ Руси—мѣха, воскъ, медъ, челядь“. На это княгиня Ольга, изнемогавшая отъ старости и болѣзни, отвѣтила сыну: „Видишь, я больна; куда ты хочешь отъ меня идти? Ты похорони меня, а тамъ и иди, куда желаешь!“ Спустя нѣсколько дней она скончалась. Плакали по ней сынъ и внуки, плакали всѣ люди великимъ плачемъ. Плакали по ней христіане, теряя твердую опору для своей

жизни въ Кіевѣ; плакали и язычники, теряя въ ней мудрѣйшую устроительницу Русской Земли.

Передъ смертью Равноапостольная княгиня заповѣдала не справлять надъ ней языческой тризны и не насыпать кургана, а похоронить по христіанскому обряду, что и совершилъ ея духовникъ. Кромѣ того, она послала деньги на поминовеніе души своей Царьградскому патріарху. Ея нетлѣнныя мощи въ маломъ каменномъ гробу, гдѣ она почивала, какъ спящая, были впослѣдствіи положены въ Десятинномъ храмѣ въ Кіевѣ.

Оплакавъ свою Святую мать, Святославъ собрался покинуть Русскую Землю. Онъ посадилъ въ Кіевѣ на княжество своего старшаго сына Ярополка, которому было лѣтъ девять или десять, а другого—Олега—посадилъ у Древлянъ.

Когда Святославъ собрался уже отправиться въ свой любимый Переяславецъ Дунайскій, то къ нему пришли Новгородскіе люди просить себѣ князя, такъ какъ Новгородцы, какъ мы уже видѣли, очень не любили быть безъ князя и управляться посадниками. „А если не пойдете къ намъ, то мы на сторонѣ отыщемъ себѣ князя“, сказали Новгородцы Святославу. „Только бы кто пошелъ къ вамъ“, отвѣтилъ Святославъ и объявилъ Новгородскую просьбу своимъ сыновьямъ. Ярополкъ и Олегъ отказались. Тогда Добрыня, посадникъ Новгородскій надоумилъ Новгородцевъ: „Просите Владиміра!“ Владиміръ былъ сынъ Святослава отъ Ольгиной ключницы Малуши, а Добрыня былъ братъ Малуши и стало быть дядя Владиміру. „Отдай намъ Владиміра“, сказали тогда Новгородцы Святославу. „Вотъ онъ вамъ!“—отвѣтилъ Святославъ, отдавая Новгородцамъ малютку съ рукъ на руки. Посадивши, такимъ образомъ, въ Новгородъ княземъ своего младшаго сына, Святославъ помчался съ дружиной къ Дунаю, въ свой Переяславецъ.

За его отсутствіе дѣла здѣсь сильно перемѣнились. Болгары вошли въ тѣсную дружбу съ Греками и успѣли не только обратно овладѣть своей страной, но и самимъ городомъ Переяславцемъ.

Когда появились на Дунаѣ ладьи съ воинами Святослава, Болгары въ огромномъ числѣ вышли изъ города, и началась жестокая сѣча. Болгары сильно тѣснили Русскихъ и одолѣвали уже ихъ со всѣхъ сторонъ. Видя это, Святославъ воскликнулъ: „Здѣсь намъ погибнуть! Потягнемъ же мужески братья и дружино!“. Послѣ этихъ словъ князя воины напрягли всѣ силы и къ вечеру одолѣли городъ, взявши его приступомъ. Послѣ этого Святославъ, какъ всегда быстро совершая свои походы, опять, подобно прыгающему барсу, сталъ брать Болгарскіе города одинъ за другимъ и вскорѣ завладѣлъ и столицей—Великой Прѣславой, гдѣ захватилъ самого Болгарскаго царя Бориса со всей семьею и дворомъ. Затѣмъ, узнавъ, что всему виной были Греки, онъ поднялся на нихъ и приказалъ имъ объявить: „Хочу на васъ идти, хочу взять вашъ городъ, какъ взялъ Болгарскую Прѣславу“.

Получивъ это грозное объявленіе Святослава, царь Никифоръ сталъ поспѣшно готовиться къ отраженію врага и укрѣплять Царьградъ. Онъ протянулъ даже черезъ проливъ желѣзную цѣпь, чтобы Русскіе не могли проникнуть и съ моря. Во время этихъ приготовленій къ войнѣ съ Святославомъ

Никифоръ получилъ тяжелую вѣсть, что войска его въ Малой Азіи разбиты Арабами, а вслѣдъ затѣмъ, совершенно неожиданно, въ декабрѣ 969 года, онъ былъ коварно убитъ въ своемъ же дворцѣ.

Его убійцами были—сама царица и воевода *Иванъ Цимисхій*, который вслѣдъ за тѣмъ вступилъ на Греческій престолъ. По своему происхожденію, Иванъ Цимисхій былъ Армянинъ, и имя Цимисхій по Армянски значило—маленькій. Однако, несмотря на свой малый ростъ, новый царь былъ замѣчательно искуснымъ воиномъ и при этомъ необыкновенно ловкимъ и сильнымъ человѣкомъ. Вступивъ на престолъ на 46 году жизни, онъ сохранилъ еще полностью всю свою силу и не страшился кидаться одинъ на цѣлый непріятельскій отрядъ, такъ какъ, обладая исполинской силой въ рукахъ и ногахъ, онъ могъ быстро побить множество враговъ, а затѣмъ быстро же отбѣжать къ своимъ. Въ прыганьѣ, въ игрѣ мячомъ, въ метаніи коній, въ натягиваніи луковъ и въ стрѣльбѣ онъ превосходилъ всѣхъ людей того времени. Постановивъ рядомъ четырехъ коней, онъ прыгалъ затѣмъ, какъ птица, и садился на самаго послѣдняго. Онъ такъ мѣтко стрѣлялъ въ цѣль, что могъ попадать въ отверстіе кольца. Таковъ былъ Иванъ Цимисхій, съ которымъ предстояло помѣряться теперь Святославу.

Вѣрный своему слову взять Царьградъ, Русскій князь, весной 970 года, перешелъ Балканскія горы, занялъ городъ Филиппополь и направился дальше, къ Царьграду. Тогда Иванъ Цимисхій, видя наступленіе Русскихъ и получая извѣстія объ успѣхахъ Арабовъ надъ его войсками въ Малой Азіи, а также и въ виду того, что во всемъ царствѣ третій годъ свирѣпствовалъ голодъ, рѣшилъ, чтобы оттянуть время, искать со Святославомъ мира, а противъ Арабовъ послать сильное войско.

Чтобы узнать, сколько у Русскихъ войска, Греки послали сказать Святославу, что они не въ силахъ бороться съ нимъ и готовы уплатить дань на всю дружину по числу людей, почему и просятъ сказать, сколько у него счетомъ всего войска. Святославъ понялъ ихъ намѣреніе и, чтобы скрыть свою малочисленность, сказалъ, что у него двадцать тысячъ человѣкъ, когда на самомъ дѣлѣ было всего только десять тысячъ. Узнавши число Русскихъ, Греки дани не дали, а собрали стотысячное войско и вышли Святославу на встрѣчу. Вражескія рати сошлись другъ съ другомъ у Адріанополя. Видя огромное превосходство въ силахъ у Грековъ, Русская дружина пала духомъ. Но не палъ духомъ доблестный Святославъ. Передъ боемъ, онъ сказалъ своимъ воинамъ: „Уже намъ некуда дѣться. Волею или неволею пришлось стать противъ Грековъ. Такъ не посрамимъ же Земли Русской, ляжемъ тутъ костьми. Мертвымъ нѣтъ срама. Если побѣжимъ, то осрамимъ себя, но убѣжать не сможемъ. Станемъ же крѣпко, а я пойду передъ вами. Если моя голова ляжетъ, то промышляйте о себѣ“. „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои головы сложимъ“—отвѣчала дружина своему великому князю. Затѣмъ Русь построилась къ бою, и, послѣ жестокой сѣчи, Греки были обращены въ полное бѣгство. Святославъ же подошелъ къ Царьграду, воюя и разбивая встрѣчные города. Видя это, Иванъ Цимисхій собралъ свою боярскую думу въ

царскихъ палатахъ и сказалъ имъ: „Что намъ дѣлать? Нельзя бороться съ Святославомъ". „Пошли къ нему дары", отвѣчали бояре „и испытаешь его, на что онъ больше польстится—на золото, или на ткани дорогія". Цимисхій послалъ Святославу золото и ткани, а съ ними мужа мудраго, которому наказалъ: „Смотри хорошенько ему въ лицо".

Святославу объявили, что пришли Греки съ поклономъ. Онъ велѣлъ ихъ ввести; Греки пришли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткани. Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: „Спрячьте это". Послы возвратились къ царю, который опять созвалъ бояръ, и послы стали разсказывать: „Какъ пришли мы къ нему и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать". Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „Поиспытай-ка его еще, пошли ему другіе дары". И вотъ послали Святославу мечъ и разное другое оружіе; онъ его принялъ, сталъ хвалить, любоваться и велѣлъ передать поклонъ и благодарность Ивану Цимисхію.

Когда послы вернулись и разсказали объ этомъ, то, подумавши, бояре держали такую рѣчь царю: „Лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружію радуется; дѣлать нечего—станемъ платить ему дань". Послѣ этого Цимисхій послалъ сказать Святославу:—„не ходи къ Царюгороду, но возьми дани, сколько хочешь". И послалъ ему столько дани, сколько онъ пожелалъ, при чемъ Святославъ бралъ и за убитыхъ, говоря: „родъ ихъ возьметъ". Затѣмъ Святославъ, взявши много даровъ, возвратился въ Переяславль съ большой честью.

Отвративши бѣду отъ Царьграда и заплативши большую дань Святославу, Цимисхій сталъ тотчасъ же готовить огромное войско, чтобы на этотъ разъ, наконецъ, побѣдить Русскихъ. Онъ поспѣшно вызвалъ свои полки изъ Малой Азіи, гдѣ они воевали съ Арабами, а для охраны своей особы набралъ себѣ полкъ отчаянныхъ храбрецовъ, назвавъ ихъ и самый полкъ—безсмертными.

Святославъ тоже не дремалъ: къ Русской дружинѣ онъ присоединилъ часть покоренныхъ Болгаръ, призвалъ на помощь Печенѣговъ и Венгровъ и вновь прошелъ отъ Переяславца до Адріанополя, производя повсюду страшныя опустошенія, а затѣмъ возвратился къ себѣ на Дунай.

Какъ только наступила весна 971 года, Иванъ Цимисхій, поднявши крестныя знамена, изготовился въ походъ противъ Русскихъ.

Прямо изъ дворца пошелъ онъ прежде всего молиться въ храмъ Христа Спасителя, оттуда въ славную церковь Софію, а затѣмъ и въ храмъ Богоматери Влахернской, избавительницы Царя-града отъ нападеній той же Руси.

Изъ Влахернскаго дворца императоръ любовался на собранныя въ заливѣ огненосныя суда, числомъ 300, смотрѣлъ искусное и стройное ихъ плаваніе и примѣрное сраженіе и, наградивъ гребцовъ и воиновъ деньгами, повелѣлъ имъ идти въ рѣку Дунай, чтобы запереть Русскимъ возвращеніе домой. Корабли поднимались по Дунаю, а императоръ тѣмъ временемъ дошелъ до Адріанополя. Здѣсь онъ съ радостью узналъ, что о Русскихъ нигдѣ не было слышно и что тѣсные и опасные горные проходы въ Балканскихъ горахъ, называемые

мѣшками, были оставлены Святославомъ безъ вниманія и защиты. Онъ быстро прошелъ эти опасные проходы со своимъ полкомъ безсмертныхъ; за нимъ слѣдовало пятнадцать тысячъ пѣхоты и тринадцать тысячъ конницы. Все-же прочее огромное войско, съ обозами и осадными орудіями, шло позади, не спѣша.

Пройдя горные проходы, Цимисхій неожиданно напалъ на Русскій отрядъ, занимавшій Болгарскую столицу Прѣславу, гдѣ содержался плѣнный царь Борисъ съ женой и двумя дѣтьми, а также и извѣстный грекъ Калокиръ, замышлявшій при помощи Святослава овладѣть Царьградскимъ престоломъ.

Послѣ жестокой битвы Цимисхій занялъ Прѣславу, а оставшіеся Русскіе храбрецы, въ числѣ семи тысячъ человѣкъ, засѣли въ крѣпкомъ кремлѣ. Калокиръ-же ускакалъ въ крѣпость Доростолъ на Дунаѣ, чтобы предупредить Святослава, который находился тамъ въ это время.

Обласкавъ Болгарскаго царя Бориса и обѣщавъ ему свою помощь противъ Русскихъ, Цимисхій сталъ водить свои войска на приступъ, чтобы взять Прѣславскій кремль, гдѣ заперлись наши храбрецы.

Однако, овладѣть Русью въ этомъ убѣжищѣ не было никакой возможности, самъ императоръ лично пускался на приступъ, но безъ успѣха: Греки падали у стѣнъ кремля, какъ снопы. Тогда Цимисхій велѣлъ со всѣхъ сторонъ поджечь кремль.

Чтобы не сгорѣть живыми, Русскіе вышли въ поле, отбиваясь до послѣдняго, и полегли всѣ семь тысячъ; только воевода Сфенкелъ съ малою дружиной пробилъ себѣ дорогу и ушелъ къ Святославу.

Овладѣвъ Прѣславою, Цимисхій радостно отпраздновалъ здѣсь Свѣтлый праздникъ, а къ Святославу отправилъ плѣнныхъ разсказать, что случилось, и объявилъ Русскому князю, чтобы немедленно выбралъ одно изъ двухъ: или съ покорностью положилъ-бы оружіе и, испросивъ прощеніе въ дерзости, сейчасъ же удалился бы изъ Болгаріи, или готовился защищаться, чтобы принять конечную гибель.

Святославъ, получивъ эти вѣсти, рѣшилъ помѣряться съ Цимисхіемъ у крѣпости *Доростолъ*.

Доростолъ было то мѣсто на Дунаѣ, гдѣ Равноапостольный царь Константинъ увидалъ передъ побѣдой на небѣ крестное знаменье и слышалъ гласъ съ неба: „Симъ побѣдиши“. Въ память этого чуда онъ и основалъ городъ Доростолъ, прозываемый нынѣ Силистріей.

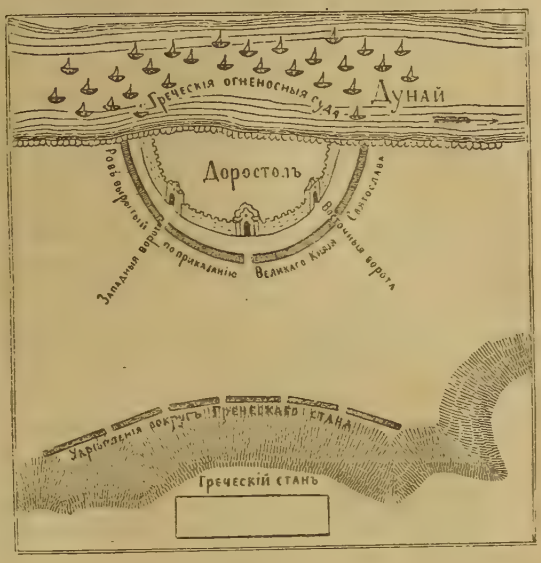
Цимисхій двинулся черезъ нѣсколько дней къ Доростолу и на пути забралъ много Болгарскихъ городовъ, которые отлагались отъ Руси и сдавались ему безпрекословно.

Тогда, чтобы остановить дальнѣйшую измѣну Болгарскаго населенія, Святославъ захватилъ всѣхъ знатныхъ родомъ и богатыхъ Болгаръ, числомъ до 300 человѣкъ, и велѣлъ имъ отрубить головы, а прочихъ въ оковахъ заперъ въ темницы.

Когда Цимисхій подошелъ къ Доростолу, то Святославъ вывелъ въ поле всю свою ратную силу. Всего у него было только шестьдесятъ тысячъ чело-

вѣкъ; у императора же гораздо больше. Сомкнувъ свои щиты и выставивъ копья на подобіе стѣны, Русскіе встрѣтили Грековъ, дѣйствительно, какъ несокрушимая стѣна. Началась сильнѣйшая битва и долго никто не могъ осилить другъ друга. Двѣнадцать разъ побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ. Наконецъ, императоръ распустилъ знамя имперіи, направился со своей конницей въ тылъ и въ крыло Русскимъ; наши, не имѣя своей конницы, чтобы отразить Греческую, не выдержали, отошли и затворились въ городѣ.

Греки пѣли побѣдныя пѣсни и знатно угощались императоромъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поспѣшно укрѣплялъ свой лагерь валами и рвами, такъ какъ очень боялся новаго нападенія Русскихъ. Сдѣлавъ одинъ безуспѣшный приступъ къ городу, онъ сталъ поджидать для осады свои огненосные корабли. Какъ скоро эти страшные корабли показались на Дунаѣ, Греки подняли радостный крикъ. Тогда Русскіе убрали свои ладьи поближе къ городу и на другой день, съ длинными до самыхъ ногъ щитами и въ кольчужныхъ броняхъ, они снова вышли въ поле перевѣдаться съ Греками. Опять долгое время побѣда была то на одной, то на другой сторонѣ, пока одинъ изъ Грековъ не поразилъ копьемъ Русскаго храбраго великана, воеводу Сфенкела. Тогда наши заперлись опять въ городѣ.



25. Доростолъ и окрестности.

Съ прибытіемъ огненосныхъ лодокъ, запиравшихъ выходъ къ Дунаю, Святославъ увидѣлъ, что надо сѣсть въ крѣпкую осаду, и потому въ ту же ночь укрѣпилъ городъ глубокимъ рвомъ. Но у Русскихъ недоставало главнаго—съѣстныхъ припасовъ. Добывать ихъ приходилось какимъ нибудь отчаяннымъ средствомъ.

И вотъ въ одну темную ночь, когда лилъ сильнѣйшій дождь, блистала страшная молнія и гремѣли ужасные громы, двѣ тысячи Русскихъ садятся въ свои однодревки и безстрашно отправляются отыскивать себѣ хлѣба. Они успѣли обшарить всѣ добрыя мѣста далеко по берегамъ рѣки и возвращались уже домой. Въ это время они замѣтили на одномъ берегу Греческій обозный станъ—людей, поившихъ коней, собиравшихъ дрова и сѣно. Они безшумно и быстро высадились изъ лодокъ, обошли Грековъ черезъ лѣсъ, внезапно разгромили ихъ и съ большей добычей вернулись въ городъ. Вѣсть объ этомъ

сильно поразила Цимисхія. Онъ объявилъ всѣмъ своимъ воеводамъ смертную казнь, если случится что либо подобное впредь. Съ тѣхъ поръ Русскіе были окружены Греками еще тѣснѣе; повсюду выкопаны были рвы и поставлена стража на берегу рѣки, чтобы окончательно заморить Святослава голодомъ. Другого средства побѣдить его Греки не видѣли. Но, несмотря на такую тѣсную осаду, Русскіе и не думали прятаться отъ Грековъ, а постоянно дѣлали внезапные вылазки, во время которыхъ жестоко поражали ихъ. При одной вылазкѣ, когда Русскіе очень старались истребить Греческія ссадныя орудія *), выѣхалъ на нихъ самъ воевода, близкій родственникъ царю, Иванъ Куркуй. Онъ былъ во хмѣлю, а потому скоро слетѣлъ съ лошади. Богатое воинское убранство его, отдѣланное золотомъ, навело Русскихъ на мысль, что это царь Иванъ Цимисхій. Они бросились на него и мечами и сѣкирами изрубили въ мелкія части вмѣстѣ съ доспѣхами; отрубленную же голову вздернули на копье и поставили на башню, потѣшаясь, что закололи самого царя. Затѣмъ, ободренные этимъ дѣломъ, Русскіе на другой день снова всѣ вышли въ поле и построились къ битвѣ. Греки двинулись ни нихъ всѣми силами. Первый мужъ у Русскихъ, послѣ Святослава, былъ храбрый воевода *Икморъ*; онъ происходилъ изъ простыхъ людей и достигъ знанія перваго вельможи исключительно своей доблестью. Икморъ съ яростью врѣзался въ густой ратный строй Грековъ и безъ пощады улицами укладывалъ ихъ направо и налѣво. Тогда одинъ изъ Греческихъ богатырей, по имени Анемасъ, извлекъ свой мечъ и, сильно разгорячивъ коня, бросился на Русскаго исполина и поразилъ его такъ, что отрубленная вмѣстѣ съ правой рукой голова отлетѣла далеко на землю. Эта неожиданная смерть храбраго Икмора сильно подѣйствовала на нашихъ, и они ушли за городскія стѣны.

Послѣ этой битвы, Греки, обирая трупы нашихъ убитыхъ для добычи, были крайне поражены, найдя среди нихъ много женщинъ, которыя сражались въ мужской одеждѣ такими же беззавѣтными храбрецами, какъ ихъ мужья и близкіе люди.

Какъ только послѣ битвы этого дня наступила ночь и взошла луна, Русскіе вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ городской стѣнѣ и сожгли ихъ на кострахъ, заколовъ надъ ними, по языческому обычаю, много плѣнныхъ и женщинъ. Затѣмъ, по разсказу Грековъ, совершивъ эту кровавую жертву, они также по языческому обычаю погрузили въ волны Дуная пѣтуховъ и живыхъ младенцевъ. Конечно, это были грудныя дѣти тѣхъ матерей, которыя погибли наканунѣ въ бою.

Послѣ этихъ обрядовъ и принесенія жертвъ взошло солнце, и начался день. Святославъ сталъ думать съ дружиною, какъ быть и что предпринимать дальше? Одни совѣтовали тихо, въ глухую ночь, сѣсть на суда и спасаться бѣгствомъ. Другіе говорили, что лучше просить у Грековъ мира, такъ какъ уйти на ладьяхъ тайно отъ огнеоносныхъ кораблей невозможно. Всѣ въ одинъ голосъ совѣтывали прекратить войну. Тогда славный

*) Они, главнымъ образомъ, метали камни.

Святославъ, вздохнувъ отъ глубины сердца, сказалъ дружинѣ: „Если мы теперь постыдно уступимъ Грекамъ, то гдѣ же слава Русскаго меча, безъ труда побѣждавшаго враговъ; гдѣ слава Русскаго имени, безъ пролитія крови покорявшаго цѣлыя страны. До этой поры Русская сила была непобѣдима. Дѣды и отцы наши завѣщали намъ храбрыя дѣла! Станемъ крѣпко. Нѣтъ у насъ въ обычаѣ спасать себя постыднымъ бѣгствомъ. Или останемся живы и побѣдимъ, или умремъ со славой. Мертвые срама не знаютъ, а убѣжавши отъ битвы, какъ покажемся людямъ на глаза“. Такъ говорилъ Святославъ.

Храбрые воины его не могли устоять противъ этой рѣчи и всѣ восторженно рѣшили лечь костьми за славу Русскаго имени. Между тѣмъ, ночь уже прошла и стало свѣтать.

24 іюля 971 года, рано на зарѣ, всѣ Русскіе вышли изъ Доростола и, чтобы никто не возвратился, заперли всѣ городскія ворота. Вскорѣ настала жестокая битва. День былъ необычайно знойный и душный. Къ полудню Греки, томимые жаждой и изнывая отъ зноя, стали отступать; Русскіе, хотя тоже страдали отъ жажды и зноя не менѣе Грековъ, стали жестоко ихъ преслѣдовать и тѣснить. Тогда на помощь Грекамъ явился самъ Цимисхій со своими безсмертными; онъ ободрилъ свои войска и приказалъ привезти имъ воды и вина. Послѣ этого Греки снова вступили въ бой. Сраженіе, однако, долго шло равносильно: ни та, ни другая сторона не поддавалась. Вотъ Греки лукаво побѣжали. Русскіе бросились за ними. Но это была только хитрая уловка выманить нашихъ въ далекое поле. Затѣмъ произошла еще болѣе ожесточенная схватка; въ ней Греческій воевода Ѳеодоръ упалъ съ коня. Обѣ рати бросились къ нему. Русскіе хотѣли его убить, Греки спасти. Воевода успѣшно защищалъ себя самъ. Онъ схватилъ за поясъ одного Русскаго и, размахивая имъ туда и сюда, на подобіе легкаго щитика, отражалъ удары копій и мечей. Наконецъ, Греки спасли своего героя, и оба воинства, не уступивъ другъ другу, прекратили битву.

Видя, что Русскихъ одолѣть невозможно, Цимисхій задумалъ рѣшить брань единоборствомъ и послалъ Святославу вызовъ на поединокъ. „Лучше смертью одного прекратить борьбу, чѣмъ помалу губить и истреблять народъ. Изъ насъ двоихъ кто побѣдитъ, тотъ пусть и останется обладателемъ всего“— передали Святославу отъ Греческаго царя. Но Святославъ не принялъ вызова, ожидая какой либо хитрости отъ коварнаго Цимисхія; онъ съ презрѣніемъ приказалъ ему отвѣтить: „Я лучше своего врага знаю, что мнѣ полезно. Если царю жизнь наскучила, то на свѣтѣ есть безчисленное множество другихъ путей, приводящихъ къ смерти. Пусть онъ избираетъ, какой ему угодно!“. Послѣ этого кровопролитное побоище наступило съ новой яростью.

Долго не видно было, кто останется побѣдителемъ. Греческій богатырь Анемасъ, поразившій наканунѣ нашего славнаго великана Пкмора, напалъ теперь на самого Святослава, который съ бѣшенствомъ и яростью руководилъ своими полками. Разгорячивъ коня нѣсколькими скачками въ разныя стороны, Анемасъ поскакалъ прямо на нашего великаго князя и, поразивъ его въ плечо, повергнулъ на землю. Только кольчужная броня и щитъ спасли Святослава

отъ смерти. За то Анемасъ погибъ тутъ-же со своимъ конемъ подъ ударам
Русскихъ копій и мечей. Послѣ этого, въ страшной ярости, съ громкими и д
кими криками, Русскіе бросились на Греческіе полки, которые, наконецъ,
выдержали необыкновеннаго стремленія воиновъ Святослава и стали отступат
Тогда самъ императоръ, съ копьемъ въ рукѣ, опять выѣхалъ со своими бе
смертными на встрѣчу бѣгущимъ Грекамъ и остановилъ отступленіе. Загремѣл
бубны, зазвучали трубы; Греки, вслѣдъ за царемъ, оборотили коней и напра
вились на Русскихъ.

Тутъ внезапно приблизилась съ юга свирѣпая буря; поднялась пыл
полилъ дождь прямо въ лицо Русской рати, и кто-то на бѣломъ конѣ явило
впереди Греческихъ полковъ, ободряя ихъ идти на врага и чудеснымъ обра
зомъ разсѣкалъ и разстраивалъ ряды Русскихъ. Никто въ Греческомъ стан
не видѣлъ этого воина ни прежде, ни послѣ битвы. Его долго и напрасн
искали по окончаніи боя, когда царь хотѣлъ его достойно наградить. Впослѣд
ствіи распространилось мнѣніе, что это былъ великомученикъ Ѳеодоръ Страт
латъ, котораго царь молилъ о защитѣ и помощи, такъ какъ битва происходил
въ день празднованія Греками его памяти. Сказывали еще, что и въ Цар
градѣ, въ ночь наканунѣ битвы, нѣкая дѣвица, посвятившая себя Богу, видѣл
во снѣ Богородицу, говорящую огненнымъ воинамъ, ее сопровождавшим
„Призовите ко мнѣ мученика Ѳеодора“. Воины тотчасъ привели храбраго в
оруженнаго юношу. Тогда Богоматерь сказала ему: „Ѳеодоръ! Твой Іоанн
(царь), воюющій со Скиѳами, въ крайнихъ обстоятельствахъ; поспѣши къ нем
на помощь; если опоздаешь, то онъ подвергнется опасности“. Воинъ повино
вался и тотчасъ ушелъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ исчезъ и сонъ дѣвы.

Предводимые вѣрою въ Святое заступничество, Греки одолѣли Русских
и оттѣснили ихъ до самой стѣны города. Самъ Святославъ, израненный
истекавшій кровью, не остался-бы живъ, если-бъ его не спасла наступившая
ночь.

Несмотря на свою досаду и гнѣвъ о потерѣ рати, Святославъ понималъ
что дѣло проиграно, а потому, желая сохранить остатки дружины, послалъ н
другой день утромъ къ царю условія о мирѣ; условія эти заключались въ сл
дующемъ: Русскіе отдадутъ Грекамъ Доростолъ и возвратятъ плѣнныхъ; с
всѣмъ оставятъ Болгарію и возвратятся на своихъ судахъ домой, для чег
Греки безпрепятственно ихъ пропускаютъ. Затѣмъ, Греки позволяютъ свободн
привозить къ нимъ изъ Руси хлѣбъ, а посылаемыхъ въ Царьградъ Русских
купцовъ считаютъ по старому обычаю друзьями.

Цимисхій очень охотно принялъ предложеніе мира, такъ какъ считалъ
что неожиданно одержалъ побѣду надъ Русскими только благодаря чуду,
послалъ на каждаго изъ Русской рати по двѣ мѣры хлѣба; всего получивших
хлѣбъ было двадцать двѣ тысячи человѣкъ; такимъ образомъ, изъ шестидеся
титысячной рати Святослава въ бояхъ подъ Доростоломъ погибло 38 тысяч
храбрецовъ.

Цимисхій такъ обрадовался чудесному окончанію войны съ непобѣдимым
Святославомъ, что выстроилъ великолѣпный храмъ надъ могилой Святого Ѳео

дора и на его содержаніе опредѣлилъ большіе доходы. Самый городъ, гдѣ лочивали мощи, вмѣсто Евханіи, переименовалъ въ Ѳеодорополь. Затѣмъ выстроилъ въ Царьградѣ, въ дворцовой оградѣ новый храмъ Спасителю, не пощадивъ никакихъ издержекъ на великолѣпное его украшеніе. Кромѣ того, онъ сложилъ обременительную народную подать съ домовъ и, наконецъ, повелѣлъ на Греческихъ монетахъ изображать образъ Спасителя и на обѣихъ сторонахъ начертывать слова: „Іисусъ Христосъ Царь Царей“, чего прежде не бывало; послѣднее соблюдали и послѣ бывшіе императоры.

26. Святославъ, по описанію Льва Діакона.

Вотъ какъ цѣнилъ свою побѣду надъ Русскими подъ предводительствомъ Святослава могущественный Греческій императоръ, храбрый и искусный воинъ и полководецъ Иванъ Цимисхій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ заключенія мира, передъ отправленіемъ Русскихъ домой, бывшіе враги свидѣлись на берегу Дуная.

Цимисхій прибылъ верхомъ на конѣ, въ позлащенномъ оружіи, сопровождаемый великимъ отрядомъ всадниковъ, въ блистающихъ доспѣхахъ. „Въ это время“, разсказываетъ грекъ Левъ Діаконъ, присутствовавшій при свиданіи, „Святославъ переѣзжалъ черезъ рѣку въ простой скиѳской ладьѣ и, сидя за весломъ, работалъ наравнѣ съ прочими, безъ всякаго различія. Видомъ онъ былъ таковъ: средняго роста — ни слишкомъ высокъ, ни слишкомъ малъ; съ густыми бровями, съ голубыми глазами, съ обыкновеннымъ носомъ, съ бритой бородою и съ густыми длинными усами. Голова у него была совсѣмъ голая; только на одной изъ сторонъ висѣла прядь волосъ, означающая знатность рода, шея толстая, плечи широкія и весь станъ довольно стройный. Онъ казался мрачнымъ и суровымъ. Въ одномъ ухѣ у него висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, съ рубиномъ посрединѣ. Одежда на немъ была бѣлая, ничѣмъ, кромѣ чистоты, отъ другихъ не отличная. Поговоривъ немного съ императоромъ о мирѣ, сидя въ ладьѣ на лавкѣ, онъ переправился обратно“. Таковъ былъ Святославъ. Какъ простой воинъ, сидѣлъ онъ въ ладьѣ со своими

дружинниками-гребцами и также работалъ весломъ, какъ и они. И въ это простотѣ и братскомъ единеніи со своими воинами и была сила великаго Свя тослава.

По примѣру его и послѣдующіе Русскіе государи всегда считали своим роднымъ братомъ Русскаго воина и всегда, когда требовали того обстоятель ства, не гнушались дѣлить съ нимъ и тяжкій трудъ, и послѣдній ломоть хлѣб и вмѣстѣ безтрепетно клали съ нимъ свой животъ на полѣ брани.

Разставшись съ Русскимъ княземъ, Иванъ Цимисхій поспѣшилъ въ Цар градъ, гдѣ ему былъ оказанъ самый торжественный пріемъ. Святославъ ж плылъ домой по морю въ своихъ однодревкахъ. Онъ хотѣлъ достичь Кіев обычнымъ путемъ, водою, черезъ Днѣпровскіе пороги. Его старый воевода Свѣ налдъ совѣтовалъ идти въ обходъ на коняхъ, затѣмъ, что въ порогахъ непр мѣнно сидятъ Печенѣги въ засадѣ. Но Святославъ не послушался Свѣналдов совѣта; слишкомъ увѣренъ онъ былъ въ Греческомъ царскомъ словѣ, такъ как Цимисхій обѣщалъ ему послать даже посольство къ Печенѣгамъ, чтобы н трогали возвращавшихся домой Русскихъ. Однако, обычное коварство Грекон сказалось и тутъ: Печенѣгамъ, кромѣ посольства, было также послано сказат „Вотъ идетъ Святославъ домой въ Русь съ малой дружиной, взявши у Грекон многое богатство и налоги безчисленные“. Поэтому, когда Святославъ под шелъ къ порогамъ, то увидѣлъ, что они были уже заняты огромными полчи щами Печенѣговъ. Пробиться сквозь нихъ съ слабыми силами было немы слимо, и Святославъ рѣшилъ зимовать на Днѣпрѣ же, нѣсколько пониже пор говъ, въ Бѣлобережьѣ. Тутъ у Русскихъ не хватило хлѣба, насталъ велик голодъ, и питались они, конечно, одной рыбой.

Весной слѣдующаго 972 года Святославъ все-таки пошелъ на порог гдѣ его ждалъ въ засадѣ Печенѣжскій князь Куря, который напалъ на Ру скихъ и перебилъ всю дружину вмѣстѣ съ Святославомъ. Спасся на коняхъ прибылъ въ Кіевъ одинъ только воевода Свѣналдъ, несомнѣнно, отправленны Святославомъ раньше, чтобы собрать въ Кіевѣ дружину. Такъ погибъ Свят славъ, самый воинственный изъ всѣхъ Русскихъ государей, на тридцать вт ромъ году отъ своего рожденія, прокняживши двадцать восемь лѣтъ.

Убившій его Печенѣжскій князь Куря сдѣлалъ изъ черепа его чащ оковалъ ее золотомъ и пилъ изъ нея въ память своей побѣды надъ великим Русскимъ княземъ.

Послѣ смерти Святослава—Ярополкъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, остался стар шимъ въ княжескомъ родѣ. Ему было въ это время не болѣе пятнадцати лѣт Еще моложе были—Олегъ—въ Древлянской землѣ и Владиміръ—въ Новгород Конечно, всѣ дѣла дѣлали не сами князья, а стоящіе около нихъ бояре. Пр Ярополкѣ вскорѣ забралъ большую силу воевода отца его—Свѣналдъ. Какъ-т разъ сынъ этого Свѣналда, Лютъ, заѣхалъ въ Древлянскую землю, охотясь з звѣремъ. Надо сказать, что охота почиталась тогда важнымъ и любимымъ за нятіемъ какъ князей, такъ и бояръ; и дѣйствительно, лѣса были полны вся каго звѣря: медвѣди, лоси, огромные зубры, туры, черныя куницы, дикіе к баны, олени, козы попадались въ большомъ изобиліи.

Олегъ въ этотъ день тоже выѣхалъ на охоту и узналъ, что встрѣтившійся ему Лютъ—сынъ Свѣналда, приказалъ его убить. Это было въ 975 году.

Конечно, Свѣналдъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы отомстить за своего сына, и спустя два года уговорилъ Ярополка ополчиться и идти на брата въ Древлянскую землю. Обѣ рати встрѣтились, и войска Ярополковы побѣдили полки Олега. Тогда Олегъ съ своими бросился бѣжать; при входѣ въ городъ Овручъ, на мосту, среди бѣглецовъ произошло большое столпленіе, и Олега столкнули въ ровъ, гдѣ онъ былъ задавленъ падавшими на него трупами людей и лошадей.

Когда Ярополкъ вошелъ въ Овручъ, то онъ всюду приказалъ искать брата, но его нигдѣ не было: наконецъ, одинъ Древлянинъ сказалъ: „я видѣлъ, какъ его спихнули внизъ съ моста“. Стали вытаскивать конскіе и людскіе трупы изъ рва и нашли на днѣ тѣло Олега. Когда его вынесли и положили на коврѣ, то Ярополкъ горько заплакалъ надъ трупомъ брата и съ укоризной сказалъ Свѣналду: „Смотри, вотъ чего ты хотѣлъ“. Похоронивши Олега у Овруча, Ярополкъ завладѣлъ и Древлянской землей.

Когда слухъ о братоубійствѣ дошелъ до Новгорода, то Владиміръ и Добрыня почуяли бѣду. Владиміръ, по обычаю кровавой мести, долженъ былъ мстить Ярополку за смерть брата, а потому ожидалъ, что братъ, зная это, самъ предупредитъ эту месть и постарается извести его. При такихъ обстоятельствахъ, Владиміръ, видя свою слабость противъ Ярополка, рѣшилъ идти за море, конечно, къ своимъ родственникамъ — Русскимъ Варягамъ, чтобы собрать большую рать и тогда уже идти съ ней мстить за смерть брата.

Ярополкъ же, послѣ отбытія Владиміра къ Варягамъ, посадилъ своего посадника въ Новгородѣ и сталъ единодержавцемъ на всей Руси.

Пока Владиміръ собиралъ военную силу у Варяговъ, Ярополкъ пошелъ противъ Печенѣговъ, чтобы отмстить за смерть отца, покорилъ ихъ и заставилъ платить себѣ дань. Затѣмъ къ нему пришли Греки, тоже съ данью отъ новаго царя Василія; этотъ Василій вступилъ на престолъ послѣ Ивана Цимисхія, окончившаго жизнь въ большихъ мукахъ отъ медленнаго яда, которымъ его отравили.

Ярополкъ ласково принялъ Греческихъ пословъ и утвердилъ съ ними старый миръ и любовь. Въ Кіевѣ въ это время было уже много христіанъ, и православные Греки были среди нихъ, конечно, любимыми и желанными гостями. Самъ Ярополкъ былъ воспитанъ своею бабкой—премудрой Ольгою въ христіанскихъ правилахъ и не былъ крещенъ только потому, что она опасалась гнѣва его отца—Святослава. Жена Ярополка была также христіанка: это была Гречанка—монахиня, которую полонилъ еще Святославъ и назначилъ своему юному сыну въ жены за ея необычайную красоту.

Во время этихъ дружескихъ сношеній Ярополка съ Греками, Владиміръ, пробывши три года за моремъ, привелъ, въ 980 году, Варяжскую силу изъ-за моря и первымъ долгомъ прогналъ Ярополковыхъ посадниковъ изъ Нов-

города, приказавъ имъ сказать брату: „Владиміръ идетъ на тебя, приго
вляйся къ войнѣ“. Такъ говорилъ его отецъ Святославъ, когда шелъ на вр
говъ; такъ началъ свой походъ на брата и сынъ.

Но кромѣ того, что Владиміръ шелъ войной на Ярополка, онъ рѣшил
еще и отбить у него невѣсту. Дѣло въ томъ, что будучи женатъ на Грек
ской черницѣ, Ярополкъ, въ 980 году, былъ также сговоренъ и съ красав
цей Рогнѣдой, дочерью Полоцкаго князя Рогволода (не изъ Рюрикова рода

Собравшись на брата, Владиміръ послалъ и къ Рогволоду пословъ—
тоже просить руки его дочери. Рогволодъ, будучи въ затрудненіи, кому из
братьевъ отдать дочь, спросилъ ее, за кого она сама хочетъ. На это горда
Рогнѣда отвѣчала: „Не хочу идти за сына рабыни, а хочу за Ярополка
Отвѣтъ этотъ передали Владиміру, чѣмъ глубоко оскорбили не только молодо
князя, но и дядю его, Добрыню, брата той самой Малуши, которую Рогнѣ
назвала рабыней.

И вотъ, чтобы смыть кровью полученную обиду, Владиміръ собирает
своихъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чудь, Кривичей и идетъ на Полоцкъ. Посл
боя съ Полочанами Владиміръ взялъ городъ, убилъ на глазахъ Рогнѣды е
отца и двухъ братьевъ, а затѣмъ силой заставилъ ее выйти за себя замуж
конечно, всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Владиміровъ дядя, Добрыня, так
какъ самъ князь былъ еще очень молодъ—не больше шестнадцати или семна
цати лѣтъ отъ роду.

Покончивъ съ местью Рогнѣдѣ за обиду памяти своей матери, Влад
міръ пошелъ на Ярополка—мстить за смерть брата Олега.

У Ярополка не было уже въ это время старика Свѣналда; его мѣст
старшаго боярина въ дружинѣ, занималъ воевода Блудъ.

Этотъ Блудъ оказался предателемъ, такъ какъ тайно держалъ сторон
Владиміра и сносился съ нимъ, а своему великому князю давалъ такіе совѣты
которые должны были привести Ярополка къ погибели.

Когда Ярополкъ узналъ отъ своихъ выгнанныхъ Владиміромъ посадни
ковъ, что младшій братъ вернулся изъ-за моря и идетъ на него войной, т
онъ хотѣлъ сейчасъ же собирать свои полки и выступить противъ Владиміра
такъ какъ былъ очень храбръ, но Блудъ уговорилъ Ярополка не собират
войска и увѣрялъ, что Владиміръ не посмѣетъ на него пойти.

„Не можетъ случиться“, говорилъ онъ, „что Владиміръ пойдетъ на теб
воевать. Это все равно, какъ-бы синица пошла воевать на орла. Чего нам
бояться и незачѣмъ собирать войско. Напрасный трудъ будетъ для тебя и дл
ратныхъ людей“. Вслѣдствіе этого коварнаго совѣта, когда Владиміръ подошел
къ Кіеву, у Ярополка не было войска, почему онъ и не могъ встрѣтить ег
въ полѣ, а затворился въ городѣ.

Владиміръ же, подославъ своихъ людей къ Блуду, сталъ его приманивать
больше прежняго, говоря: „Помоги мнѣ; если я убью брата своего, то буд
имѣть тебя вмѣсто отца, и большую честь примешь ты отъ меня. Не я начал
избивать братьевъ, а Ярополкъ, и только боясь смерти отъ него, пришелъ
сюда теперь самъ.“ Блудъ приказалъ отвѣтить Владиміру, что онъ будетъ по

могать ему всѣмъ сердцемъ, и затѣмъ они стали часто сноситься между собой. Сначала они рѣшили убить Ярополка на приступѣ, для чего Владиміръ долженъ былъ напасть на городъ. Но потомъ оказалось, что Кіевляне хотятъ постоять за своего князя. Тогда Блудъ придумалъ другое: онъ сталъ наговаривать Ярополку на Кіевлянъ, увѣряя, что они сносятся съ Владиміромъ и зовутъ его, говоря: „Приступай къ городу, мы выдадимъ Ярополка“. Убѣдивъ такимъ образомъ Ярополка въ большой опасности, если онъ останется въ Кіевѣ, Блудъ предложилъ ему затѣмъ тайкомъ убѣжать въ другой городъ, поближе къ Печенѣгамъ. Ярополкъ согласился и бѣжалъ въ городъ Родню, на рѣкѣ Рси, а Владиміръ занялъ безъ боя Кіевъ и осадилъ брата въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался скоро большой голодъ, такъ какъ Блудъ умышленно не заготовилъ припасовъ. Этотъ голодъ былъ такъ жестокъ, что въ народѣ надолго осталась поговорка: „Бѣда, какъ въ Роднѣ“. Поставивъ такимъ образомъ Ярополка въ отчаянное положеніе, Блудъ сталъ ему говорить: „Видишь, сколько войска у брата твоего; намъ ихъ не побѣдить, лучше мирися съ нимъ“. Ярополкъ принужденъ былъ согласиться на это, а Блудъ послалъ сказать Владиміру: „Желаніе твое сбылось, я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ-бы убить его“.

Тогда Владиміръ, получивши эту вѣсть, вышелъ на отцовскій теремной дворъ и сѣлъ здѣсь съ дружиной, а Блудъ послалъ къ нему Ярополка, научивъ его сказать Владиміру при встрѣчѣ: „Что дашь мнѣ, то я и возьму“. Не подозрѣвая никакого коварства, простодушный Ярополкъ отправился къ младшему брату въ Кіевъ, хотя вѣрный его дружинникъ Варяжко чуялъ сердцемъ бѣду и говорилъ своему князю: „Не ходи, князь. Убьютъ тебя. Побѣжимъ лучше къ Печенѣгамъ и приведемъ войско“. Но Ярополкъ не послушалъ его и пошелъ къ брату. Какъ только онъ вошелъ въ двери терема, два Варяга, стоявшіе по сторонамъ, мгновенно подняли его мечами подъ пазухи, а Блудъ сейчасъ же притворилъ двери, чтобы не вошелъ кто изъ дружинниковъ несчастнаго Ярополка. Вѣрный Варяжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ со двора къ Печенѣгамъ и постоянно приходилъ съ ними потомъ на Владиміра, мстя за смерть своего князя, такъ что Владиміръ едва успѣлъ перезвать его черезъ многіе годы къ себѣ, поклявшись не дѣлать ему никакого зла.

Покончивъ съ братомъ, Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ и сталъ единовластно княжить надъ всей Русской Землею. Первымъ его дѣломъ было жениться на прекрасной Грекинѣ, бывшей черницѣ, вдовѣ своего брата. Какъ ярый язычникъ, покорившій Кіевъ со своей языческой же Новгородской дружиной, Владиміръ сталъ сильно тѣснить христіанъ, которыхъ было уже довольно много въ Кіевѣ, при чемъ еще со времени Игоря они имѣли свой соборный храмъ— Святого Ильи.

Что касается до дѣлъ государственныхъ, то Владиміръ, несмотря на молодость, показалъ себя такимъ-же твердымъ и храбрымъ княземъ, какимъ былъ и его отецъ Святославъ. Пришедшіе къ нему изъ-за моря Варяги, поселившись въ Кіевѣ, стали очень буйно себя держать и требовали даже, чтобы Владиміръ наложилъ для нихъ дань на Кіевлянъ. Онъ сказалъ имъ, чтобы

они подождали мѣсяцъ; черезъ мѣсяцъ, выбравъ изъ этихъ Варяговъ самыхъ лучшихъ, умныхъ и доблестныхъ людей и роздавъ имъ города въ управленіе отказалъ остальнымъ въ уплатѣ дани, а предложилъ пойти на службу къ Греческому императору. Тѣ такъ и сдѣлали.

Послѣ этого Владиміръ совершилъ рядъ удачныхъ походовъ. Онъ разбилъ Поляковъ и отвоевалъ у нихъ города Перемышль, Червенъ и другіе, гдѣ сидѣла Червонная Русь, и присоединилъ ихъ къ владѣніямъ Русской Земли.

Затѣмъ Вятичи отказались платить дань, но онъ также быстро привелъ ихъ въ полное послушаніе. Послѣ этого Владиміръ ходилъ воевать воинственное племя Ятвяговъ, жившихъ къ сѣверу отъ Древлянъ, и одержалъ надъ ними полную побѣду.

Наконецъ, въ 984 году Владиміръ чрезвычайно удачно усмирилъ Радимичей. Онъ выслалъ противъ нихъ своего воеводу, по имени Волчій Хвостъ, который разбилъ ихъ на рѣкѣ Пищанѣ. Русь долго корила послѣ этого Радимичей говоря, что они бѣгаютъ „отъ волчьяго хвоста“.

Оставаясь все время усерднымъ язычникомъ, Владиміръ, въ благодарность богамъ за свои блестящіе успѣхи, построилъ много кумировъ, при чемъ на холму, близъ княжескаго терема, онъ поставилъ огромнаго бога Перуна съ серебряной головой и золотыми усами.

Такимъ-же усерднымъ язычникомъ былъ и Добрыня, посланный посадникомъ въ Новгородъ, гдѣ онъ поставилъ огромный кумиръ на берегу Волхова. „И поклонялись ему люди, какъ Богу“, говоритъ лѣтописецъ.

Усердно ставя кумиры, Владиміръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ Рогнѣды и Грекини, взятой послѣ Ярополка, завелъ себѣ множество женъ. Всѣхъ ихъ по разнымъ городамъ было, по преданію, восемьсотъ. Гордая Рогнѣда, оскорбленная такимъ пренебреженіемъ къ себѣ мужа, рѣшила его извести. Однажды пришелъ къ ней Владиміръ и уснулъ. Она взяла ножъ и совсѣмъ бы его заколола, если бы онъ во-время не проснулся и не схватилъ ее за руку. „Съ горести подняла на тебя руку“, отвѣтила Рогнѣда разгнѣванному мужу, который спросилъ ее, за что она хочетъ убить его. „Отца моего убилъ, землю его полонилъ изъ-за меня. А теперь не любишь меня и съ этимъ младенцемъ“, добавила она, показывая на своего маленькаго сына Изяслава. Владиміръ промолчалъ, но велѣлъ ей нарядиться во всю царскую одежду, какая была одѣта въ день свадьбы, и сѣсть на богато убранной постели въ своей горницѣ. Здѣсь, какъ на брачномъ торжествѣ, онъ хотѣлъ казнить ее мечомъ. Но Рогнѣда догадалась, что замышляетъ мужъ, и передъ его приходомъ устроила такъ: дала малюткѣ Изяславу обнаженный мечъ и научила, что сказать, когда войдетъ отецъ. Когда Владиміръ вошелъ, маленькій Изяславъ, выступя съ большимъ мечомъ въ рукахъ, сказалъ ему: „Отецъ, или ты думаешь, что ты здѣсь одинъ ходишь?“—„А кто тебя здѣсь чаялъ!“—воскликнулъ Владиміръ и бросилъ мечъ. Потомъ онъ позвалъ бояръ и передалъ дѣло на ихъ судъ. Бояре рѣшили такъ: „Не убивай ее ради малютки, а устрой вотчину и дай ей съ сыномъ“. Тогда Владиміръ построилъ Рогнѣдѣ особый городъ и въ честь сына назвалъ его Изяславлемъ; ей-же далъ имя *Горислава*.

Послѣ этого происшествія Владиміръ продолжалъ свою прежнюю языческую жизнь. Въ 983 году, вернувшись изъ удачнаго похода на Ятвяговъ, онъ пожелалъ особо почтить своихъ боговъ, принесеніемъ имъ человѣческой жертвы. Рѣшили кинуть жребій на отрока и на дѣвицу,—на кого падетъ, того и зарѣзать въ жертву богамъ. Жребій палъ на одного отрока варяга, прекраснаго лицомъ и душой и притомъ христіанина. Имя его было Іоаннъ. Этотъ отрокъ жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ, Ѳедоромъ, который тоже исповѣдывалъ Христову вѣру. Язычники, обрадованные, что жребій палъ на одного изъ христіанъ, которыхъ они особенно не любили во времена Владиміра, отправили посланныхъ въ отчій домъ отрока; тѣ объявили, что пришли за сыномъ, чтобы заколоть его на потребу богамъ. „Это не боги,—отвѣтилъ имъ отецъ— а дерево: сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ. Не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, а руками сдѣланы изъ дерева, топоромъ и ножомъ обрублены и оскоблены. Вышній Богъ есть одинъ: Ему поклоняются Греки. Онъ создалъ небо и землю, звѣзды и луну, солнце и человѣка. А ваши боги, что сотворили и что сдѣлали? Ихъ самихъ сдѣлали люди! Не отдамъ сына своего бѣсамъ“. Когда посланные передали этотъ отвѣтъ, то толпа язычниковъ въ ярости прибѣжала къ дому Ѳедора и требовала выдачи сына. Оба едва успѣли войти въ верхнюю горницу. „Давай сына на жертву богамъ!“ кричала толпа. „Если есть боги,—отвѣчалъ Ѳедоръ,—то пусть пошлютъ отъ себя одного бога и возьмутъ моего сына, а вы для чего препятствуете имъ!“ Тогда разсвирѣпѣвшій народъ поджегъ хоромы и убилъ обоихъ Варяговъ.

Впослѣдствіи, на мѣстѣ ихъ убійства была выстроена Десятинная церковь, а мощи отрока Іоанна перенесены въ Антоніеву пещеру Кіево-Печерской лавры, гдѣ они почиваютъ и понынѣ. Не имѣющіе дѣтей прибѣгаютъ къ нему съ молитвой о чадородіи; гдѣ находятся мощи Ѳедора—не извѣстно.

Убійство Варяговъ—Іоанна и отца его, Ѳедора, произвело сильное впечатлѣніе на Владиміра.

Съ тѣхъ поръ онъ чаще сталъ задумываться надъ вопросами о религіи и все болѣе и болѣе охладѣвалъ къ язычеству. Конечно, онъ долженъ былъ видѣть всѣ преимущества вѣры Христовой надъ своей, тѣмъ болѣе, что въ Кіевѣ среди купцовъ и другихъ жителей было много христіанъ еще со временъ Аскольда и Ольги; попадались они даже и въ рядахъ княжеской дружины: ихъ чистая жизнь, сравнительно съ языческой, рѣзко кидалась всѣмъ въ глаза.

Сомнѣнія князя въ истинѣ языческой вѣры, которую онъ до сихъ поръ такъ ревностно исповѣдывалъ, стали скоро извѣстны всѣмъ. И вотъ къ нему начинаютъ являться Камскіе Болгары, исповѣдывавшіе магометанство, Хозары—іудейскаго закона, Нѣмцы, принявшіе латинство и поддавшіеся папѣ Римскому и, наконецъ, Православные Греки. Всѣ стали выхвалять свою вѣру и уговаривать могучаго Русскаго великаго князя перейти въ ихъ законъ со всѣмъ Русскимъ народомъ. „Ты, князь, мудрый и смышленный“, говорили ему Камскіе Болгары, „а закона не знаешь. Прими нашъ законъ и поклонись Магомету“. „А въ чемъ ваша вѣра?“ спросилъ ихъ Владиміръ. „Мы вѣруемъ

въ Бога", отвѣчали они, „а Магометъ учитъ насъ: творите обрѣзаніе, не ѣшьте свинины, вина не пейте, и по смерти Магометъ дастъ каждому по семидесяти прекрасныхъ женъ". Выслушавъ ихъ внимательно, Владиміръ рѣшилъ: „Питіе есть весселіе Руси; не можетъ безъ того быти". Затѣмъ пришли Нѣмцы отъ папы и стали его уговаривать принять католичество. „А какая заповѣдь ваша?"—спросилъ ихъ Владиміръ. „Пощенье по силѣ",—отвѣчали Нѣмцы; „если же кто пьетъ и кто ѣстъ, то все во славу Божію,—говоритъ учитель нашъ Павелъ". „Ступайте домой", сказалъ имъ на это Владиміръ, „отцы наши этого не приняли".

Послѣ Нѣмцевъ пришли къ Владиміру Хозарскіе Жиды. Чтобы унизить христіанскую вѣру, они начали говорить великому князю, что христіане вѣруютъ въ Того, Кого они распяли. „Мы же вѣруемъ", продолжали они, „въ единаго Бога Авраамова, Исаакова и Іаковлева". „А что у васъ за законъ?" спросилъ Владиміръ. „Обрѣзаніе", отвѣчали Хозары, „свинины не ѣсть, ни заячины, субботу хранить". „Гдѣ же находится ваша земля?" продолжалъ князь. „Въ Іерусалимѣ", получилъ онъ въ отвѣтъ. „Тамъ ли вы теперь живете?" задалъ тогда имъ вопросъ Владиміръ. „Нашъ Богъ прогнѣвался на нашихъ отцовъ", сказали Жиды, „и за грѣхи наши разсѣялъ насъ по всѣмъ странамъ; землю же нашу отдалъ Христіанамъ". „Какъ же вы другихъ учите, а сами отвержены Богомъ и разсѣяны? Если бы Богъ любилъ васъ и ваши законы, то не разсѣялъ бы по чужимъ странамъ. Или думаете, что отъ васъ и намъ тоже принять". Наконецъ, и Греки прислали къ Владиміру ученаго мужа. Мужъ этотъ вначалѣ разсказалъ по порядку лживость и заблужденія другихъ вѣръ. Магометанство онъ изобразилъ такъ, что Владиміръ плюнулъ и сказалъ: „Не чисто это дѣло". Затѣмъ о католичествѣ ученый мужъ сказалъ, что это такая же вѣра, какъ и Греческая, но есть неисправленія, и служатъ на опрѣснокахъ, когда Господь повелѣлъ служить на хлѣбахъ, такъ какъ, разломивъ хлѣбъ, Онъ сказалъ ученикамъ на Тайной Вечери: „сіе есть Тѣло Мое, ломимое за вы". Выслушавъ эти рѣчи ученаго грека, Владиміръ сказалъ ему: „Ко мнѣ приходили Жиды Хозарскіе и говорили: Нѣмцы и Греки въ Того вѣруютъ, Кого мы распяли на крестѣ?" На это грекъ отвѣтилъ такъ: „Воистину въ Того вѣруемъ, ибо такъ пророчествовали и пророки: одни—какъ Господу нашему суждено родиться, а другіе — что быть Ему распяту и погребенну, а въ третій день воскреснуть и взойти на небеса. А Жиды такихъ пророковъ избивали, а когда все сбылось по пророчеству, и Господь сошелъ на землю и принялъ распятье, а затѣмъ воскресъ и вознесся на небеса, Онъ ожидалъ ихъ покаянія сорокъ шесть лѣтъ, но не покаялись они; и послалъ тогда Богъ на нихъ Римлянъ, и разрушены были города ихъ, самихъ же разсѣялъ по разнымъ странамъ, гдѣ и работаютъ".

Выслушавъ со вниманіемъ все это, Владиміръ спросилъ грека: „Чего же ради сошелъ Господь на землю и принялъ такое страданье?" Тогда ученый мужъ сказалъ ему, что если хочетъ, то онъ разскажетъ все сначала, и разсказалъ ему по порядку все Священное Писаніе: о сотвореніи міра, о гордости и высокоуміи сатаны и какъ онъ былъ низверженъ съ неба; о жизни Адама въ

въ раю: о томъ, какъ была сотворена ему въ подругу Ева и какъ произошло первое грѣхопаденіе и были Адамъ и Ева изгнаны изъ рая; какъ Каинъ убилъ Авеля; какъ люди, размножившись, забыли Бога и стали жить по-скотски, и какъ Господь наказалъ ихъ потопомъ; какъ отъ праведнаго Ноя и его трехъ сыновей произошли всѣ народы, нынѣ населяющіе землю, и что было послѣ потопа на землѣ, вплоть до пришествія Господа нашего Іисуса Христа на землю и пріятія Имъ страданій, а затѣмъ и чудеснаго воскресенія изъ мертвыхъ и вознесенія. Закончилъ свое поученіе Греческій мужъ такъ: „Господь поставилъ одинъ день, въ который Онъ придетъ съ небеси и будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздасть каждому по его дѣламъ: праведнымъ Царство Небесное и красоту неизреченную, радость безъ конца и безсмертіе во вѣки; грѣшникамъ же вѣчныя муки".

Разсказавши это, Греческій мужъ показалъ Владиміру запону, на которой было написано судилище Господне: справа праведные въ веселіи идутъ въ рай, а слѣва грѣшники шествуютъ въ муку вѣчную. Задумался Владиміръ надъ всѣмъ слышаннымъ и вздохнувши сказалъ: „Хорошо будетъ тѣмъ, что идутъ направо, но горе тѣмъ, что идутъ налѣво". „Если желаешь быть съ праведными, то крестись", отвѣтилъ ему грекъ. Владиміръ глубоко воспринялъ эти слова въ своей душѣ, но отвѣтилъ: „Подожду еще немного". Затѣмъ онъ созвалъ на совѣтъ дружину свою и старѣйшихъ жителей Кіева и сказалъ имъ: „Приходили ко мнѣ Болгары и предлагали принять свой законъ; за ними были съ тѣмъ же Нѣмцы; послѣ приходили Жиды... Послѣ же всѣхъ пришли Греки, разобрали всѣ чужіе законы, а свои хвалятъ и такъ чудно и хорошо говорятъ. Повѣствуютъ, что есть другой свѣтъ; если, говорятъ, кто приметъ нашу вѣру, то хоть бы и умеръ—опять встанетъ и не умретъ во вѣки. Что вы на все это мнѣ отвѣтите?" „Ты самъ знаешь, князь", сказали бояре и старцы, „никто своего не хулитъ, а всегда хвалитъ. Если хочешь испытать доподлинно, то у тебя довольно мужей, пошли ихъ и вели разсмотрѣть въ каждой странѣ, какъ служатъ тамъ своему Богу".

Рѣчь эта понравилась и князю, и всему совѣту. Было выбрано десять мужей добрыхъ и смышленыхъ, которые отправились прежде всего къ Камскимъ Болгарамъ, потомъ къ Нѣмцамъ, а затѣмъ и къ Грекамъ. По ихъ возвращеніи, у великаго князя собрались опять бояре его дружины и старцы городскіе. Послы стали разсказывать собранію, что видѣли въ разныхъ странахъ: „Видѣли мы у Болгаръ", говорили они, „поклоняются въ храмѣ, стоя безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ туда и сюда, какъ сумасшедшіе. Нѣтъ веселья у нихъ, но печаль и страхъ великій, нѣтъ добра въ ихъ законѣ... Когда были мы у Нѣмцевъ, то видѣли многое на ихъ службѣ, но красоты не видали никакой. Когда же пришли мы къ Грекамъ и они повели насъ туда, гдѣ служатъ своему Богу, то мы въ изумленіи не вѣдали, на небѣ ли мы, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты. И разсказать не умѣемъ! Знаемъ только, что тамъ Самъ Богъ съ людьми пребываетъ, и служба у нихъ выше всѣхъ странъ! Не забудемъ мы той красоты! Всякій, кто вкусилъ сладкаго, не захочетъ уже горькаго; тоже и мы не можемъ уже больше

оставаться въ язычествѣ". Слушавшіе пословъ бояре и старцы вполнѣ согласились съ нимъ и сказали Владиміру: „Если бы дуренъ былъ законъ Греческій, то и Ольга, бабка твоя, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не приняла бы его".

„Гдѣ же приму крещеніе?" спросилъ тогда великій князь.

„Гдѣ тебѣ будетъ любо", отвѣтила ему его вѣрная дружина.

Это было въ 988 году.

Въ это время, какъ разъ, случились у Владиміра нелады съ городомъ Корсунемъ, принадлежащимъ Византійскимъ императорамъ, и онъ пошелъ на него походомъ.

Подойдя къ городу, Русскіе осадили его и приступили къ работамъ для приступа. Для этого они начали насыпать къ городской стѣнѣ земляную насыпь, чтобы войти по ней въ городъ. Но Греки повели подкопъ подъ самую стѣну, ночью спускались въ него и выбирали всю землю, которую наваливали Русскіе за день, и разносили ее потомъ по городу. Такимъ образомъ, дѣло Владимірово почти не подвигалось впередъ. Но вскорѣ нашелся въ городѣ среди корсунцевъ другъ Русскихъ, нѣкій мужъ Настасъ. Онъ пустилъ въ нашъ станъ стрѣлу съ запиской къ Владиміру, на которой было написано: „Перекопай и перейми воду изъ колодца, лежащаго отъ тебя къ востоку; изъ него идетъ по трубѣ вода въ городъ". Обрадованный этой запиской, Владиміръ громко сказалъ: „Если отъ этого Корсунь сдастся, то я и самъ крещусь". Послѣ этого вода изъ колодца была перекопана и томимые жаждой корсунцы сдались черезъ нѣсколько дней.

Вступивши въ городъ, Владиміръ тотчасъ же послалъ къ царямъ Василію и Константину пословъ, съ такими словами: „Славный вашъ городъ я взялъ. Слышалъ я, что у васъ есть сестра дѣвица; коли не отдадите ее за меня, то и съ Царьградомъ вашимъ сдѣлаю то же, что и съ Корсунемъ".

Встревоженные и опечаленные цари отвѣчали: „Не достойно христіанкамъ выходить за язычниковъ. Крестись, и тогда дадимъ тебѣ невѣсту и приимешь ты Царство небесное и единовѣренъ будешь ты съ нами. Не захочешь креститься, не сможемъ мы отдать тебѣ сестру нашу". На это Владиміръ послалъ имъ такой отвѣтъ: „Я уже испыталъ вашу вѣру и готовъ креститься: люба мнѣ эта вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные мною мужи". Константинъ и Василій обрадовались этому отвѣту и стали умолять свою сестру Анну идти за Владиміра. Ему же они послали сказать, чтобы онъ крестился передъ тѣмъ, какъ посылать Анну. Но Владиміръ отвѣтилъ: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрой вашей, крестятъ меня". Тогда цари уговорили съ большимъ трудомъ свою сестру и отправили ее въ Корсунь со священниками. Разставаніе Анны съ братьями было очень тягостное. „Иду точно въ полонъ", говорила она, „лучше бы мнѣ умереть". Братья же утѣшали ее такъ: „А что, если Господь обратитъ, благодаря тебѣ, Русскую Землю на покаяніе, а Греческую Землю избавитъ отъ ихъ лютой рати; ты знаешь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же самое".

Анна, въ сопровожденіи священниковъ, со слезами сѣла на корабль, про-

стилась съ милой родиной и поплыла въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, по Божьему устроенію, Владиміръ заболѣлъ глазами и настолько сильно, что ничего не могъ видѣть, почему очень горевалъ и не зналъ, что ему дѣлать. Царевна Анна, узнавъ про эту болѣзнь, послала ему сказать, что если онъ хочетъ избавиться отъ болѣзни, то непремѣнно долженъ скорѣе креститься.

Услышавъ это, Владиміръ сказалъ: „Если такъ случится, то воистину великъ будетъ Богъ Христіанскій“.

Затѣмъ послѣдовало его крещеніе. Епископъ Корсунскій, съ прибывшими изъ Царьграда священниками, послѣ оглашенія, крестилъ великаго князя. Какъ только на него были возложены руки, Владиміръ тотчасъ же прозрѣлъ. До глубины души потрясенный этимъ, онъ воскликнулъ: „Теперь увидѣлъ я Бога истиннаго“.

Послѣ крещенія, во время котораго Владиміру дано было христіанское имя Василія, тотчасъ же послѣдовало бракосочетаніе его съ царевной Анной; затѣмъ, взявъ съ собой княгиню, назначеннаго для Руси епископа Михаила. Настаса, священниковъ со священными сосудами, необходимыми для богослуженія, а также часть мощей Святого Климента и ученика его Фифа,—великій князь отбылъ въ Кіевъ. Изъ Корсуня при этомъ были отправлены въ Кіевъ двѣ огромныхъ мѣдныхъ статуи и четыре мѣдныхъ же лошади прекрасной греческой работы. Самъ городъ Корсунь былъ отданъ Владиміромъ обратно Греческимъ царямъ, въ видѣ выкупа за ихъ сестру, такъ какъ по древнему Славянскому обычаю, за невѣсту полагалось платить „вѣно“, или выкупъ.

По прибытіи въ Кіевъ, первымъ долгомъ Владиміра было крестить своихъ сыновей и освободить отъ обязанностей супругъ своихъ языческихъ женъ.

Къ Рогнѣдѣ имъ было послано сказать слѣдующее слово: „Теперь, крестившись, я долженъ имѣть одну жену, которую я взялъ, христіанку; а ты выбери себѣ мужа изъ моихъ князей и бояръ, кого пожелаешь“.

Но не такова была Рогнѣда Рогволодовна. Она, въ свою очередь, послала сказать Владиміру: „Царицей я была, царицей и останусь и ничьей рабой не буду. А если ты сподобился святого крещенія, то и я могу быть невѣстой Христовой и принять ангельскій ликъ“. Въ это время съ ней былъ ея десятилѣтній сынъ, Ярославъ, хромой отъ рожденія и больной ногами, почему онъ до сего дня вовсе не могъ ходить. Услышавъ слова матери, онъ вздохнулъ и сказалъ ей: „Истинная ты царица царицамъ и госпожа госпожамъ, что не хочешь съ высоты ступать на нижняя. Блаженна ты въ женахъ“. Сказавши это, Ярославъ свободно всталъ на ноги и съ тѣхъ поръ началъ ходить, а Рогнѣда постриглась и была наречена въ иночествѣ Анастасіей. Всѣхъ дѣтей отъ Владиміра у нея было шесть: сыновья—Изяславъ, Ярославъ, Всеволодъ и Мстиславъ, и дочери—Мстислава и Предслава.

Отпустивъ своихъ языческихъ женъ, Владиміръ, по прибытіи въ Кіевъ, приступилъ и къ очищенію города отъ языческихъ идоловъ: нѣкоторыхъ разсѣкли на части, другихъ сожгли, а самаго главнаго—Перуна—привязали къ хвосту лошади и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ должны

были бить его палками, для поруганія передъ народомъ. Когда его приволокли къ берегу и бросили въ воду, то многіе проливали слезы и долго слѣдовали за плывшимъ болваномъ по берегу. Разрушивъ идоловъ, приступили къ проповѣди народу Христовой Вѣры; прибывшій изъ Греціи митрополитъ, вмѣстѣ со священниками, ходили и проповѣдывали всюду по Кіеву слово Божіе; самъ великій князь Владиміръ участвовалъ въ этой проповѣди. Наконецъ, когда населеніе было такимъ образомъ подготовлено, онъ приказалъ оповѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещеные шли къ Днѣпру.

Здѣсь, 1 августа 988 года, и совершилось великое событіе въ жизни Руси:—она приняла Святое Крещеніе.

Кіевляне, старъ и младъ, входили въ воды Днѣпра. Кто стоялъ по шею въ водѣ въ самой глубинѣ, кто до персей; малые тѣснились поближе къ берегу, а младенцевъ взрослые держали на рукахъ. Службу свершали епископъ Михаилъ и прибывшіе съ царицей священники.

Воспріемникомъ своего народа былъ самъ великій князь, стоявшій тутъ же на берегу.

„Умилившись духомъ при видѣ этого радостнаго зрѣлища, какъ крестится его родной народъ, Владиміръ“, говоритъ лѣтописецъ, „возведя очи на небо, изрекъ: „Боже, сотворившій небо и землю! Призри на новые люди сіи и даждь имъ, Господи, познать Тебя, истиннаго Бога, какъ уже познали страны христіанскія; утверди вѣру въ нихъ правую и несовратимую, а мнѣ помоги, Господи, на супротивнаго врага, дабы, надѣясь на Тебя, я побѣдилъ бы его козни“.

Послѣ крещенія, Владиміръ приказалъ тотчасъ же рубить и ставить по всему городу церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше были кумиры. На холму, гдѣ стоялъ Перунъ, была построена церковь Святого Василія, именемъ коего былъ окрещенъ Владиміръ въ Корсунѣ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ были убиты разъяренной толпой два Варяга—Ѳедоръ и Іоаннъ, Владиміръ повелѣлъ соорудить особо богатый храмъ въ честь Богоматери, вызванными для этого мастерами изъ Греціи. Когда постройка этого храма была окончена, то на содержаніе ея Владиміръ опредѣлилъ давать десятую часть доходовъ со своихъ имѣній, почему церковь и была названа Десятинной, а управителемъ этихъ десятинъ былъ поставленъ грекъ корсунянинъ—Настасъ.

Дивный храмъ этотъ былъ построенъ и украшенъ по-царьградски. Двадцать пять главъ, или верховъ, украшали его снаружи, а внутри было множество столповъ изъ драгоцѣннаго мрамора, яшмы и другихъ камней; стѣны же были украшены прочной живописью. Передъ храмомъ, съ западной стороны, въ подражаніе Царьграду, были поставлены привезенныя изъ Корсуня двѣ мѣдныя статуи и четыре мѣдныхъ коня.

Вмѣстѣ съ постройкой Божьихъ храмовъ, первымъ помысломъ Владиміра было заведеніе школъ для книжнаго ученья, такъ какъ христіанство, кромѣ Истинной Вѣры, принесло также съ собой въ Россію грамоту и всю науку.

Чтобы начать дѣло обученія народа, Владиміръ собралъ у лучшихъ про-

стыхъ людей Кіева ихъ дѣтей и отдалъ ихъ въ устраиваемыя школы, подъ руководство священниковъ. При этомъ, многія матери плакали по своимъ ребятамъ, какъ по умершимъ, такъ какъ очень теменъ еще былъ народъ. Изъ набранныхъ дѣтей въ школахъ этихъ, разумѣется, прежде всего стали готовить будущихъ священниковъ и прочихъ церковниковъ, которые необходимы были какъ для совершенія требъ, такъ и для научнаго просвѣщенія паствы.

Послѣ крещенія Кіевлянъ, Владиміръ послалъ священниковъ, вмѣстѣ съ мужами своей дружины, по разнымъ концамъ Русской Земли—проповѣдывать Евангеліе, а затѣмъ и крестить народъ. На сѣверъ, по великому пути изъ Варягъ въ Греки, былъ отправленъ митрополитъ Михаилъ, вмѣстѣ съ Добрыней, дядей Владиміра, и Настасомъ корсуняниномъ.

Народъ, жившій по пути изъ Варягъ въ Греки, крестился вездѣ безъ принужденій, но въ Новгородѣ, старомъ языческомъ гнѣздѣ, всегда крѣпко не любившемъ Кіевъ и его христіанъ, введеніе Христовой вѣры было дѣломъ нелегкимъ. Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче и всѣ поклялись не пускать его въ городъ и не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда пришелъ Добрыня, то Новгородцы разметали большой мостъ и вышли на него съ оружіемъ. Добрыня сталъ было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли, и выставили противъ него камнеметныя орудія; особенно возбуждалъ Новгородцевъ противъ христіанства волхвъ Богомилъ, прозванный за свою складную рѣчь Соловьемъ. На торговой сторонѣ назначенный въ Новгородъ епископомъ Іоакимъ, корсунянинъ родомъ, вмѣстѣ со священниками ходилъ по улицамъ и училъ людей, сколько могли; имъ удалось окрестить въ два дня нѣсколько сотъ человѣкъ. На другой же сторонѣ рѣки въ это время новгородскій тысяцкій Угоняй ѣздилъ всюду и кричалъ: „Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганье“, и до того возбудилъ народъ, что тотъ разграбилъ домъ Добрыни, находившійся на томъ берегу рѣки Волхова, убилъ его жену и еще нѣсколько родственниковъ. Тогда Добрыня отправилъ на ту сторону рѣки своего тысяцкаго Путяту съ пятьюстами человѣками. Путята незамѣтно переправился ночью на лодкахъ, захватилъ Угоняя и другихъ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ и отправилъ ихъ на расправу къ Добрынѣ. Послѣ этого народъ вступилъ съ Путятой въ жестокую сѣчу и разметалъ церковь Преображенія Господня, принадлежавшую Новгородскимъ христіанамъ, кои давно находились въ городѣ въ маломъ числѣ.

Въ помощь Путятѣ, на другой день съ разсвѣтомъ, прибылъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу. Тогда Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала, а самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня, конечно, тотчасъ же согласился на миръ, но приказалъ немедленно сокрушить всѣхъ идоловъ: деревянныхъ пожечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Мужчины и женщины, видя это, съ воплями и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкой отвѣчалъ имъ: „нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, кто себя защитить не можетъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать?“

и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посадникъ Воробей, воспитанный въ дѣтствѣ съ Владиміромъ, человѣкъ, отлично владѣвшій словомъ, пошелъ на торгъ и сталъ сильно уговаривать народъ креститься. Многіе пошли къ рѣкѣ сами собой, а кто не хотѣлъ, того воины тащили силой; говорившимъ-же, что они уже крещены — приказано было надѣть на шею кресты, а у кого креста не было, того вели въ воду. Такъ крестились Новгородцы. Память въ народѣ о насильномъ крещеніи сохранилась надолго, и, много лѣтъ спустя, нельзя было больше разсердить Новгородцевъ, какъ сказать, что ихъ „Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня огнемъ“.

Принявъ христіанство, Владиміръ не только ревностно насаждалъ его среди народа, но и самъ преобразился духовно до неузнаваемости. Со времени своего крещенія, въ свою боярскую думу, кромѣ городскихъ старцевъ, онъ сталъ всегда приглашать и епископовъ, которые оказывали на всѣ дѣла большое вліяніе.

Особенно усердно творилъ Владиміръ милостыню. Слушая однажды, какъ читали въ церкви Евангеліе, Псалтырь и книгу Премудрости Соломона, онъ, по разсказу преподобнаго Нестора, былъ болѣе всего пораженъ слѣдующими мѣстами этихъ священныхъ книгъ:

Въ Евангеліи: „Блаженны милостивые, яко тіи помилованы будутъ. Продайте имѣніе ваше и отдайте нищимъ. Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребятъ“. Въ Псалтыри Царя Давида: „Блаженъ мужъ, который милуетъ и даетъ“. Въ книгѣ Премудрости Соломона: „Дающій нищему, Богу взаймы даетъ“. Слышавши все это и желая жить по Писанію, Владиміръ приказалъ каждому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все, что имъ нужно, платье и яденье, и деньги изъ казны своей. Послѣ этого, онъ вспомнилъ, что есть и такіе, которые, вслѣдствіе дряхлости и болѣзни, не могутъ добрести до двора его; и вотъ Владиміръ велѣлъ устроить особые возы, складывать на нихъ хлѣбъ, мясо, рыбу, всякіе овощи, медъ въ боченкахъ, а въ другихъ квасъ, возить все это по городу и вездѣ спрашивать: „нѣтъ-ли гдѣ больного и нищаго, который не можетъ идти къ князю во дворъ“, и раздавать, кому что нужно.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ сталъ настолько жалостливъ къ людямъ, что прекратилъ казнить и наказывать преступниковъ; вслѣдствіе этого, вскорѣ развелось огромное множество воровъ и убійцъ, которые заняли всѣ дороги и начали немилосердно убивать и грабить всѣхъ путниковъ, такъ что одно время не было безопаснаго прохода и проѣзда къ Кіеву.

Тогда сами епископы пришли къ Владиміру и сказали, что „умножились разбойники, отчего не казнишь ихъ?“ „Боюсь грѣха“ отвѣчалъ Владиміръ. „Ты поставленъ отъ Бога“, сказали ему на это епископы: „казнить злыхъ, а добрыхъ миловать; поэтому разбойниковъ слѣдуетъ казнить, но по правдѣ, съ испытаніемъ“. Тогда Владиміръ сталъ казнить разбойниковъ; впослѣдствіи же

онъ нашелъ возможнымъ отмѣнить эти казни и сталъ наказывать преступниковъ одной денежной пеней—вирою.

Будучи истинно благочестивымъ и въ точности исполняя Евангельскія велѣнія о милосердіи, Владиміръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ гостепріимнымъ и ласковымъ хозяиномъ; онъ со своей княгиней постоянно задавалъ веселые пиры — какъ по случаю особыхъ церковныхъ торжествъ, такъ и вообще, въ каждый Воскресный день. На эти пиры приглашались: во-первыхъ, дружина, а затѣмъ сотскіе, десятскіе и другіе выборные мужи отъ города. Было за княжескими столами всего во множествѣ: было мясо и отъ скота, и отъ звѣрей, и всего было въ великомъ изобиліи.

Народъ прозвалъ своего ласковаго и щедраго князя Краснымъ Солнышкомъ.

Особенно любилъ князь свою дружину и ничего не жалѣлъ для нея. Однажды подпили его гости и начали роптать на своего князя: „Горе нашимъ головамъ, даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными!“ Услышавъ это, Владиміръ тотчасъ велѣлъ сковать серебряныя ложки и промолвилъ при этомъ: „Серебромъ и золотомъ не соберу дружины, а дружиной сыщу и серебро, и золото, какъ и дѣдъ мой, и отецъ мой дружиной доискались и золота, и серебра“.

Насаждая Христову Вѣру и устраивая порядки въ Русской Землѣ, Владиміру и послѣ своего крещенія немало приходилось заниматься ратнымъ дѣломъ. Онъ удачно воевалъ съ Дунайскими Болгарами, посылая на помощь Русскія войска своимъ новымъ родственникамъ, Греческимъ царямъ.

Однажды, онъ послалъ отрядъ Русскихъ воиновъ, въ шесть тысячъ человѣкъ, своему зятю — царю Василію. Этотъ Василій, около 1000-го года взялъ ихъ съ собой въ Арменію, куда онъ приходилъ съ миромъ и дѣлалъ дружескій пріемъ владѣтелямъ Грузіи и Кавказа. Тутъ произошелъ такой случай. Какъ-то разъ изъ отряда Русскихъ, какой-то воинъ несъ сѣно для лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Грузинъ и отнялъ у него сѣно. Тогда на помощь Русскому прибѣжалъ другой Русскій. Грузинъ кликнулъ къ своимъ, которые прибывъ убили перваго Русскаго. Тогда всѣ Русскіе, бывшіе тамъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялись на бой и побили всѣхъ находившихся здѣсь Грузинъ. „Въ этотъ день не уцѣлѣлъ ни одинъ благородный грузинъ; всѣ заплатили немедленно смертью за свое преступленіе“, разсказываетъ одинъ Армянскій писатель по этому поводу. Это показываетъ, почему Русь всегда была грозной; она всюду жестоко платила за полученныя обиды и никогда не оставляла ихъ безъ отмщенья; даже и послѣ принятія христіанства, обычай кровной мести существовалъ еще весьма долгое время и былъ даже узаконенъ.

Самыми главными и тяжелыми походами для Владиміра были его походы противъ ближайшихъ сосѣдей — Печенѣговъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ навелъ на Русскую Землю, чтобы отомстить за смерть Ярополка, его вѣрный дружинникъ Варяжко, они постоянно тревожили Владиміра и часто подходили къ самой границѣ, которая проходила тогда близко отъ Кіева.

Въ 992 году Печенѣги двинулись на Кіевъ отъ рѣки Сулы; Владиміръ же встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ, на бродѣ, гдѣ стоитъ городъ Перея-

славль. Каждая рать стала на своемъ берегу, и никто не рѣшался переходит рѣку. Наконецъ Печенѣжскій князь подъѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владимір и сказалъ ему: „Выпусти своего мужа, а я своего; пусть борятся. Если тво мужъ ударитъ моимъ, то не будемъ воевать три года; если-же мой мужъ уда ритъ твоимъ, то будемъ воевать три года“. Владиміръ согласился и, возвра тясь въ свой станъ, приказалъ кликать кличъ по всѣмъ палаткамъ: „Нѣтъ-л кого, кто-бы взялся биться съ печенѣгомъ?“ Но никто не отозвался. А н другой день уже пріѣхали Печенѣги и привезли своего бойца. Сталъ тужит Владиміръ, что нѣтъ у него никого противъ печенѣжскаго силача, и вот

27. Среднее Поднѣпровье.

пришелъ къ нему одинъ старикъ и говоритъ: „Князь! есть у меня одинъ сын меньшой дома; съ четырьмя сынами вышелъ я сюда, тотъ дома остался; с дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить; однажды я его журилъ, онъ мялъ воловью кожу, такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками“. Князь обрадовался, послалъ за меньшимъ сыномъ старика и разсказалъ ему, въ чем дѣло, тотъ отвѣчалъ: „не знаю, могу ли я сладить съ Печенѣгомъ; пусть мен испытаютъ; нѣтъ-ли гдѣ быка большого и сильнаго?“ Нашли быка, разъярил его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тот схватилъ его рукой за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ за хватить. Тогда обрадованный Владиміръ сказалъ: „можешь бороться съ печ нѣгомъ“.

На другой день пришли Печенѣги и стали кликать: „гдѣ-же, наконецъ, вашъ боецъ; нашъ уже давно готовъ“. Владиміръ велѣлъ вооружиться нашему молодцу, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то печенѣгъ сталъ смѣяться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста. Затѣмъ, размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій, наконецъ, сдавилъ печенѣга въ своихъ могучихъ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю; раздался крикъ въ полкахъ: затѣмъ, Печенѣги побѣжали, а Русскіе погнались за ними. Обрадованный Владиміръ заложилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, городъ и назвалъ его *Переяславлемъ*, потому что Русскій богатырь перенялъ славу у печенѣжскаго; отца же, вмѣстѣ съ сыномъ, князь пожаловалъ въ знатные бояре. Звали нашего славнаго кожемяку—*Янъ Усмошвецъ*.

По истеченіи трехъ лѣтъ послѣ этого единоборства, въ 995 году, Печенѣги, согласно уговору, открыли военныя дѣйствія и подошли къ городу Василеву. Владиміръ вышелъ имъ навстрѣчу съ малой дружиной и едва не погибъ; дружина была разбита, а самъ онъ, съ нѣсколькими человѣками, едва спасся, укрывшись гдѣ-то подъ мостомъ. Это было въ самый день Спаса Преображенія, 6-го августа. Въ благодарность за свое избавленіе отъ неминуемой смерти, Владиміръ построилъ въ Василевѣ обѣтную деревянную церковь и затѣмъ праздновалъ Преображеніе цѣлыхъ восемь дней; онъ сварилъ триста провяръ меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старѣйшинъ со всѣхъ городовъ и множество простыхъ людей и богато одарилъ всѣхъ убогихъ. Къ Успеньеву дню великій князь воротился въ Кіевъ и опять устроилъ великій праздникъ, созвавши безчисленное множество народа.

Черезъ два года, въ 997 году, Печенѣги опять въ огромномъ количествѣ появились у нашихъ границъ. Владиміръ пошелъ въ Новгородъ собирать конныхъ людей, а Печенѣги, узнавъ, что великаго князя нѣтъ, пришли и стали вокругъ Бѣлгорода, отчего въ немъ скоро наступилъ большой голодъ. Наконецъ, съѣвши почти всѣ запасы и видя передъ собой голодную смерть, Бѣлгородцы,—разсказываетъ лѣтописецъ,—собрались на вѣче и сказали: „Намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; что-же, развѣ лучше намъ помирать? Сдадимся Печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ, все равно умираемъ уже съ голода“. На томъ и порѣшили.

Одинъ старикъ не былъ на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, зачѣмъ собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами и спросилъ ихъ: „что это я слышалъ, вы уже хотите передаться Печенѣгамъ?“ Тѣ отвѣчали: „что-же дѣлать, не стерпятъ люди голода“. Тогда старикъ сказалъ имъ: „Послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня и сдѣлайте то, что я велю“. Тѣ обѣщали съ радостью его слушаться, и онъ приказалъ: „Соберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей“. Когда все это сыскали, старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ; потомъ, онъ приказалъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее раствору; кромѣ того, велѣлъ

выкопать еще одинъ колодезь и вставить въ него тоже кадку; потомъ приказалъ искать меду; лукошко меду нашли въ княжей медушѣ; изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадку, что стояла въ другомъ колодцѣ.

На другой день онъ послалъ за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: „возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ и пошлите человѣкъ десять своихъ къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается". Обрадованные Печенѣги, думая, что Бѣлгорцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ и послали своихъ лучшихъ мужей въ городъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Когда они вошли въ Бѣлградъ, то люди сказали имъ: „зачѣмъ вы себя губите; можно-ли перестоять насъ? Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ; не вѣрите—смотрите своими глазами". Затѣмъ, привели ихъ къ одному колодцу, почерпнули раствора и сварили кисель; кисель этотъ понесли къ другому колодцу, почерпнули сыты и начали ѣсть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Всѣ удивились и сказали: „не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ". Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли въ свой станъ и разсказали все, что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками и, отступивъ отъ города, пошли домой.

Безпрерывныя нападенія Печенѣговъ на Русскія владѣнія заставили Владиміра укрѣпить границы и строить города по рѣкамъ Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ.

Въ города эти Владиміръ посылалъ дружины изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ мужей, отъ Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей, которые постоянно должны были быть готовы отражать нападенія Печенѣговъ.

О князѣ Владимірѣ и Печенѣгахъ сохранился разсказъ нѣмецкаго епископа Бруна, который былъ посланъ папой проповѣдывать христіанство Печенѣгамъ, въ 1000 году. Брунъ, чтобы попасть къ Печенѣгамъ, пріѣхалъ въ Кіевъ; Владиміръ принялъ его очень ласково, отговаривалъ ходить къ нимъ, а когда Брунъ настаивалъ, то проводилъ его до границы и поручилъ ему быть посредникомъ при переговорахъ о мирѣ съ Печенѣгами.

Вотъ какъ доносилъ объ этомъ самъ Брунъ Германскому императору: „Послѣ того, какъ я напрасно пробылъ годъ среди Венгерцевъ, я направился къ самымъ дикимъ изъ всѣхъ язычниковъ, къ Печенѣгамъ; князь Руссовъ, Владиміръ, хозяинъ обширной страны и большихъ богатствъ, задержалъ меня на мѣсяцъ, пытался отговорить отъ моего намѣренія и хлопоталъ обо мнѣ, какъ будто я изъ тѣхъ, кто добровольно бросается на гибель... Когда, однако, онъ ничего не могъ со мной подѣлать и его, сверхъ того, напугало видѣніе, касавшееся меня недостойнаго, то онъ въ теченіе двухъ дней провожалъ меня со своимъ войскомъ до самой крайней границы своего государства, которую онъ окружилъ чрезвычайно крѣпкимъ и сильнымъ частоколомъ. Тамъ онъ спѣшился; я и мои товарищи шли впереди, а онъ съ знатнѣйшими своими воинами слѣдовалъ за нами. Такъ мы прошли ворота.

Князь остановился на холмѣ. Я самъ понесъ крестъ, который обнялъ руками, и запѣлъ извѣстный стихъ: „Петръ, если ты меня любишь, то паси моихъ овецъ“. Когда окончилось пѣніе, то князь послалъ къ намъ одного изъ своихъ сановниковъ со слѣдующимъ предложеніемъ: „Я тебя проводилъ до того мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская. Прошу тебя, ради Бога, не терять, къ моему безчестію, твоей молодой жизни: я знаю, что ты завтра еще до трехъ часовъ испытаешь горькую смерть безъ всякой причины и выгоды“. Я послалъ сказать ему въ отвѣтъ: „Пусть Господь откроетъ тебѣ рай, какъ ты открылъ намъ дорогу къ язычникамъ“. Такъ разстались мы съ нимъ и шли два дня безъ того, чтобы кто либо обидѣлъ насъ. На третій же день—то была пятница—мы трижды: утромъ, въ полдень и въ девять часовъ, были съ согнутыми шеями приводимы на казнь и все же каждый разъ выходили невредимыми изъ рукъ враговъ“.

Пробывъ пять мѣсяцевъ у Печенѣговъ, среди ужасныхъ опасностей, Бруну удалось крестить тридцать Печенѣговъ и заключить миръ между ними и Русскими, причемъ Владиміръ послалъ одного изъ своихъ сыновей заложникомъ къ Печенѣгамъ.

Изъ замѣчательныхъ событій на Руси, во время княженья Владиміра, слѣдуетъ указать также на начало чеканки при немъ золотой и серебряной монеты, вслѣдствіе увеличившихся оборотовъ по разнаго рода торговымъ сношеніямъ.

28. Златникъ Святого Владиміра.

29. Серебреникъ Святого Владиміра.

Всѣхъ сыновей у Владиміра было двѣнадцать.

Они сидѣли на княженьѣ въ слѣдующихъ городахъ: 1) старшій, *Вышеславъ*, отъ Варяжской жены Оловы,—въ старшемъ послѣ Кіева городѣ, въ Новгородѣ; 2) *Изяславъ*, отъ Рогнѣды,—въ Полоцкѣ; 3) *Святополкъ*, отъ Ярополковой Грекини-черницы,—въ Туровѣ на Припети; 4) *Ярославъ*, отъ Рогнѣды,—сначала въ Ростовѣ, а по смерти Вышеслава—въ Новгородѣ; 5) тогда въ Ростовѣ сѣлъ *Борисъ*, родившійся отъ греческой царевны Анны; 6) въ Муромѣ братъ его отъ той-же матери—*Глѣбъ;* 7) у Древлянъ—*Святославъ*, отъ Малфриды; 8) во Владимірѣ-Волынскомъ,—*Всеволодъ* отъ Рогнѣды; 9) въ Тмутаракани близъ пролива изъ Азовскаго моря въ Черное—*Мстиславъ*, отъ Рогнѣды же; 10) *Станиславъ*, отъ Чехини,—въ Смоленскѣ; 11) *Судиславъ*, отъ Адели,—въ Псковѣ и 12) гдѣ сидѣлъ *Позвиздъ* и кто была его мать,—свѣдѣній не имѣется.

Любимыми сыновьями Владиміра были младшіе—Борисъ и Глѣбъ, отъ царевны Анны.

Къ концу своей жизни, престарѣлому великому князю пришлось пережить много огорченій: въ 1011 году умерла нѣжно любимая имъ княгиня Анна, а затѣмъ много горя доставили ему двое старшихъ сыновей—Святополкъ и Ярославъ.

Мы видѣли, что Владиміръ, въ началѣ своего княженья, воевалъ съ Поляками и отнялъ у нихъ города Червонной Руси—Перемышль, Червенъ и другіе. Это было въ 981 году.

Вражда съ Поляками закончилась тѣмъ, что сынъ Владиміра, Святополкъ, женился на дочери Польскаго короля Болеслава Храбраго. Однако выдавъ свою дочь замужъ за Православнаго князя, Болеславъ сталъ дѣйствовать на Святополка черезъ дочь, съ цѣлью склонить его къ принятію католичества. Скоро Святополкъ очень поддался этому, что ему было особенно удобно, такъ какъ онъ сидѣлъ въ Туровѣ, городѣ, близко лежавшемъ къ Польской Землѣ. Тогда Болеславъ сталъ подучивать Святополка возстать противъ отца. Владиміръ заключилъ за это Святополка съ женой въ темницу, въ которой они и провели нѣкоторое время.

По поводу этого заключенія въ темницу Болеславовой дочери, у насъ въ 1013 году началась съ Поляками война, которая, однако, скоро окончилась, такъ какъ Болеславъ поссорился съ Печенѣгами, которыхъ навелъ на Русь, и ушелъ къ себѣ въ Польшу.

Ярославъ, какъ мы знаемъ, былъ сыномъ Рогнѣды и унаслѣдовалъ отъ матери ея гордость и независимость нрава. Когда онъ прибылъ въ Новгородъ, то очень пришелся по душѣ Новгородцамъ. У него было много тяжелыхъ воспоминаній изъ-за матери о Кіевѣ, а Новгородцы, какъ мы знаемъ, тоже очень не любили все кіевское: Олегъ перенесъ отъ нихъ столицу въ Кіевъ; изъ Кіева пришли ихъ крестить огнемъ и мечомъ Добрыня и Путята, и, наконецъ, Новгородцы должны были платить Кіевскому же великому князю дань въ двѣ тысячи гривенъ въ годъ на нужды всего Государства. Дань эта особенно не нравилась имъ, и они часто подумывали, что хорошо было бы получить себѣ въ князья смѣлаго и гордаго человѣка, который объявилъ бы себя независимымъ отъ Кіева. Таковымъ именно человѣкомъ и оказался Ярославъ. Уже съ молокомъ матери онъ всосалъ вражду ко всякой зависимости, а помня, что вытерпѣлъ онъ съ ней отъ отца, когда тотъ былъ язычникомъ, Ярославъ, конечно, не могъ питать къ нему особенно нѣжной и глубокой привязанности.

И вотъ, уговариваемый своими Новгородцами, онъ рѣшилъ въ 1014 году отказаться платить дань Кіеву. Старый великій князь очень разгнѣвался.

„Теребите (прочищайте) путь, мостите мосты“, приказалъ онъ и сталъ готовить войска къ походу.

Узнавъ объ этомъ, Ярославъ тоже сталъ готовиться къ войнѣ и послалъ за море призвать себѣ на помощь Варяжскую рать. Но походъ отца на сына не состоялся.

Владиміра постигла болѣзнь. Въ то же время онъ услыхалъ, что идутъ на Русь Печенѣги, почему долженъ былъ послать на нихъ своего нѣжно-любимаго сына Бориса, а при себѣ оставилъ нелюбимаго Святополка, недавно вышедшаго изъ заключенія.

Болѣзнь его, между тѣмъ, усиливалась, и 15 августа 1015 года князя Владиміра не стало.

Онъ скончался въ селѣ Берестовомъ близъ Кіева. Святополкъ, не давая огласки, ночью, разобравши потолокъ между клѣтьми *) и завернувъ тѣло въ коверъ, спустилъ его внизъ и свезъ въ Кіевъ въ Десятинную церковь Святой Богородицы. Хотя Святополкъ и скрывалъ смерть отца, но на утро безчисленное множество народа собралось въ слезахъ къ Соборной Церкви.

Всѣ плакали,—бояре о защитникѣ земли, бѣдные и сирые о своемъ заступникѣ и кормителѣ. Съ плачемъ положили тѣло въ мраморный гробъ и опустили въ землю.

Такъ почилъ великій Владиміръ, крестившій Русь, славный и своимъ государственнымъ умомъ, и своей христіанской добротой и смиреніемъ. Православная церковь причислила благочестиваго князя къ лику Святыхъ и дала наименованіе Равноапостальнаго. Мощи его, покоившіяся въ Десятинной церкви, рядомъ съ тѣломъ великой княгини Анны, умершей на четыре года раньше, были, при нашествіи татаръ, скрыты вмѣстѣ съ гробомъ и затѣмъ обрѣтены подъ развалинами храма въ 1631 году; при этомъ были взяты изъ гроба нѣкоторыя части мощей; нынѣ, честная глава Равноапостольнаго князя находится въ Великой церкви Кіево-Печерской лавры, челюсть—въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, а ручная кисть—въ соборѣ Святой Софіи въ Кіевѣ.

*) клѣть—лѣтній покой.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Убіеніе Святополкомъ Бориса, Глѣба и Святослава. Борьба его съ Ярославомъ. Княженіе Ярослава. Состояніе Руси ко времени кончины Ярослава. Богатыри. Духовенство. Кіево-Печерская лавра. Заключеніе.

ПОСЛѢ кончины отца, Святополкъ, какъ старшій, сѣлъ на его мѣсто в Кіевѣ и сейчасъ же сталъ раздавать жителямъ подарки — богаты одежды и деньги; онъ чувствовалъ, что сердце Кіевлянъ не лежал къ нему и старался ихъ задобрить. Дѣйствительно, Кіевляне не могл забыть Святополку его приверженности къ католичеству и возстані противъ отца. Общимъ любимцемъ Кіевлянъ такъ же, какъ и покойнаго князя Владиміра, былъ прекрасный своею внѣшностью и истинно-христіанской ду шой—князь Борисъ, едва вышедшій изъ юношескаго возраста.

Воспитанный матерью христіанкой вмѣстѣ съ нѣжно любимымъ млад шимъ братомъ Глѣбомъ, онъ съ юности прилежно читалъ книги, особенно ж Житія Святыхъ. По преданію, читая о страданіяхъ мучениковъ, Борисъ обли вался слезами и молился: „Господи Іисусе Христе! Удостой меня участвовать въ Святомъ произволеніи Святыхъ Твоихъ; научи меня идти по ихъ слѣдамъ Молю Тебя, Господи, да и не увлечется душа моя суетой міра сего; просвѣт сердце мое. чтобы оно знало Тебя и Твои заповѣди; даруй мнѣ даръ, како даровалъ Ты угодникамъ своимъ“.

Вызванный изъ Ростова, своего удѣла, состарившимся и больнымъ отцомъ онъ, какъ мы знаемъ, былъ имъ направленъ противъ Печенѣговъ и, возвра щаясь послѣ напрасной погони, остановился для отдыха на берегу рѣки Альты Здѣсь узналъ онъ о смерти блаженнаго родителя. Извѣстіе это поразило ег тяжкой скорбью; онъ горько оплакивалъ отца, говоря: „Свѣтъ очей моихъ, н буду уже я больше наслаждаться благимъ ученіемъ и мудростью твоею“ Бывшая съ нимъ отцовская дружина, узнавъ о кончинѣ великаго князя, обра тилась къ Борису со слѣдующимъ словомъ: „Здѣсь, съ тобою, дружина отц твоего и войско; иди въ Кіевъ и садись на отчій столъ, такъ какъ всѣ теб желаютъ“. На это Борисъ отвѣтилъ своей дружинѣ: „Не могу я поднять рук на старшаго брата. Пусть будетъ онъ мнѣ вмѣсто отца“.

Затѣмъ, чтобы отнять у старшаго брата всякій поводъ къ опасенію, также, чтобы еще болѣе показать дружинѣ, что онъ ничего не намѣренъ пред

принимать противъ Святополка, Борисъ тутъ же на рѣкѣ Альтѣ распустилъ со вмѣстѣ съ войскомъ по домамъ и остался одинъ со своими слугами.

Не такъ дѣйствовалъ Святополкъ. Не довѣряя брату и ожидая отъ него какого-либо коварнаго шага, Святополкъ рѣшилъ самъ его извести. Для этого онъ послалъ сказать Борису, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь и придастъ ему еще волостей, противъ тѣхъ, что наслѣдовалъ Борисъ отъ отца; пославши съ этими словами къ брату, Святополкъ между тѣмъ пришелъ ночью въ Вышгородъ и тайно позвалъ Вышгородскихъ боярцевъ—Тальца, Еловита, Лешька и какого-то Путшу, спросилъ ихъ: „Привержены-ли они ему всѣмъ сердцемъ?“ Путша съ Вышгородцами отвѣчалъ: „можемъ головы свои сложить за тебя“. Тогда онъ сказалъ имъ: „не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса“.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услыхали, что князь слушаетъ заутреню. Это было въ субботу вечеромъ 24 іюля 1015 года. Несмотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что его собираются погубить. Онъ велѣлъ священнику пѣть утреню, а самъ читалъ шестопсалміе и канонъ. По окончаніи заутрени, онъ сталъ еще передъ иконою и молился: „Господи! Ты пострадалъ за грѣхи наши; удостой и меня пострадать за Тебя. Умираю не отъ враговъ, а отъ брата; не поставь ему того въ грѣхъ“. Затѣмъ, причастившись Святыхъ Тайнъ и простясь со всѣми, Борисъ покойно легъ въ постель.

Убійцы дождались, пока князь, помолившись, легъ; тогда они бросились на шатеръ и начали тыкать въ него копьями, каторыми и пронзили Бориса. Вмѣстѣ съ княземъ они пронзили и его вѣрнаго слугу, родомъ венгра, по имени Георгія; этотъ доблестный юноша хотѣлъ прикрыть своимъ тѣломъ любимаго господина и принялъ смерть вмѣстѣ съ нимъ.

Борисъ, который, съ своей стороны, тоже очень любилъ своего слугу, подарилъ ему большую золотую гривну; такъ какъ убійцы не могли скоро снять ее съ шеи, то они тутъ же отрубили голову Георгію и ограбили его тѣло, а затѣмъ убили и много другихъ отроковъ. Бориса же, еще дышавшаго, завернули въ полотно отъ шатра, положили на возъ и повезли, давъ знать Святополку объ успѣхѣ своего дѣла. Святополкъ, узнавъ, что братъ еще дышитъ, сейчасъ же послалъ двухъ Варяговъ прикончить его; они убили его, близъ Кіевскаго бора, пронзивъ мечомъ въ сердце, а затѣмъ тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви Святаго Василія.

За этимъ братоубійствомъ послѣдовало и другое: меньшой братъ Бориса, Глѣбъ, сидѣлъ въ Муромѣ. „Бориса я убилъ, какъ бы убить мнѣ и Глѣба“ сказалъ Святополкъ, по разсказу преподобнаго Нестора; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: „Пріѣзжай поскорѣй сюда; отецъ твой зоветъ тебя; онъ очень боленъ“. Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малой дружиной.

Когда онъ пришелъ на Волгу, около нынѣшней Твери, то конь его споткнулся во рву и намялъ ему немного ногу. Послѣ этого, князь поплылъ уже водой на Смоленскъ, чтобы спуститься въ Кіевъ Днѣпромъ.

Вскорѣ какъ Глѣбъ проѣхалъ Смоленскъ и остановился для отдыха, его настигъ посланный отъ Ярослава изъ Новгорода, который передалъ отъ брата: „Не ходи; отецъ нашъ умеръ, а брата твоего убилъ Святополкъ“.

Глѣбъ оплакалъ смерть отца, но еще больше горевалъ о братѣ, котораго нѣжно любилъ. „Не услышу я больше кроткихъ наставленій твоихъ, братъ мой любимый“, говорилъ Глѣбъ. „Если получилъ ты милости у Господа, моли Его, чтобы и я пострадалъ, какъ ты; лучше мнѣ быть съ тобой, чѣмъ въ этомъ зломъ мірѣ“.

Затѣмъ встрѣтили его убійцы, посланные Святополкомъ.

Отроки Глѣба увидѣли ихъ и схватились за оружіе; скоро двое изъ нихъ были убиты; тогда Глѣбъ сказалъ остальнымъ: „Братцы, если мы не будемъ драться съ ними, они возьмутъ меня и поведутъ къ брату; если же мы вступимъ въ бой, они всѣхъ насъ убьютъ. Плывите къ берегу, а я останусь на серединѣ рѣки“. Убійцы, приблизившись къ лодкѣ, схватили Глѣба, и главный изъ нихъ, по имени Горясѣръ, приказалъ сейчасъ же зарѣзать юнаго князя; это было исполнено его же поваромъ, Торчиномъ по имени. Тѣло Глѣба было затѣмъ вынесено изъ лодки и брошено между колодами въ глухомъ лѣсу.

Узнавъ о злодѣйской расправѣ Святополка съ младшими братьями, ближайшій къ Кіеву князь Святославъ, сидѣвшій въ странѣ Древлянской, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи, а бѣжалъ въ Венгрію. Но Святополкъ послалъ за нимъ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ.

Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: „Перебью всѣхъ братьевъ и приму одинъ всю власть на Руси“. Но онъ встрѣтилъ грознаго врага въ лицѣ Ярослава.

Мы оставили Ярослава въ приготовленіи къ войнѣ съ отцомъ, для чего онъ собралъ войско отъ Новгородской Земли и призвалъ изъ-за моря Варяжскую дружину.

Эти Варяги, живя пока въ Новгородѣ безъ дѣла, стали пошаливать и заводить всюду буйства и драки, творя насиліе не только жителямъ, но и ихъ женамъ. Гордые Новгородцы никогда никакихъ обидъ не сносили и рѣшили, что Варяжскому насилію пора положить конецъ. Когда Варяги были на какомъ-то Парамоновомъ дворѣ, то Новгородская дружина ворвалась на этотъ дворъ и перебила всѣхъ озорниковъ.

Этимъ, конечно, была нанесена кровная обида Ярославу, не только тѣмъ, что избили призванныхъ имъ воиновъ, но также и тѣмъ, что избили его гостей; особа же гостя, какъ мы знаемъ, была неприкосновенной, и за всякую обиду гостю полагалась жесточайшая месть. И вотъ Ярославъ рѣшился мстить.

Правда, онъ былъ христіаниномъ, но христіаниномъ еще недавнимъ, а обычай кровавой мести сидѣлъ еще такъ глубоко въ сердцахъ всѣхъ, что очень долго, и послѣ принятія христіанства, допускался тогдашними законами.

Скрывъ свою обиду и притворившись равнодушнымъ къ гибели Варяговъ, Ярославъ сказалъ по дѣлу этому: „Такъ и быть, ужъ мнѣ не воскресить убитыхъ“, а потомъ пригласилъ Новгородцевъ, виновныхъ въ убійствѣ Варяговъ,

ь себѣ на загородный дворъ; здѣсь на нихъ неожиданно напали его слуги и всѣхъ лучшихъ людей Новгородской дружины. Кто же спасся, тотъ ь ужасѣ бѣжалъ изъ города.

Окончивъ это вѣроломное побоище, Ярославъ въ ту же ночь получилъ ажную вѣсть изъ Кіева: сестра Ярослава, Предслава, извѣщала брата, что тецъ умеръ, а Святополкъ, сѣвши въ Кіевѣ, уже убилъ Бориса и послалъ еперь убійцъ и къ Глѣбу. Каково было Ярославу получить эту вѣсть!

Во-первыхъ, свѣдѣніе о смерти Владиміра не могло не возбудить въ немъ лубокаго раскаянія, что онъ поднялся на стараго отца. А затѣмъ убіеніе Святополкомъ кроткаго Бориса и посылка убійцъ къ Глѣбу ясно показывали Ярославу, что очередь скоро дойдетъ и до него.

А, между тѣмъ, та вѣрная дружина, которая именно и была нужнѣе всего ъ наступившее опасное и тяжелое время, была вчера избита изъ мести самимъ же княземъ.

„О, моя любимая дружина“,—воскликнулъ при этихъ обстоятельствахъ Ярославъ, — „вчера въ своемъ безуміи я изгубилъ тебя, а нынѣ ты была бы надобна!“

На слѣдующій день Ярославъ созвалъ оставшихся Новгородцевъ за го ородъ, въ поле и на вѣчѣ въ слезахъ объявилъ имъ: „Други мои и братья! Отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и избиваетъ братьевъ. Хочу идти на него, помогите мнѣ“.

И славные Новгородцы помогли своему князю, котораго горячо любили за большой умъ и рѣшительный нравъ. Они, сами недавніе язычники, понимали конечно, что, избивая вчера ихъ дружину, онъ платилъ долгъ священному чувству мести за убитыхъ гостей-Варяговъ. „А мы, княже, за тебя идемъ“, послышалъ онъ себѣ въ отвѣтъ. „Если и погибли наши братья, то мы можемъ за тебя бороться“.

Конечно, тронутый до глубины души, Ярославъ на этомъ же вѣчѣ далъ многія такія льготы Новгороду, которыхъ не имѣлъ ни одинъ городъ. Впослѣдствіи, льготы эти были имъ подтверждены, такъ называемыми „Ярославовыми грамотами“, къ сожалѣнію утерянными и до насъ не дошедшими, но до сихъ поръ еще сохранилось въ Новгородѣ мѣсто—„Ярославовъ дворъ“, гдѣ много вѣковъ подъ рядъ собиралось Новгородское вѣче и рѣшало свои дѣла на основаніи этихъ грамотъ.

Собравъ къ 1016 году три тысячи Новгородцевъ и одну тысячу Варяговъ, Ярославъ двинулся на Святополка, отдавши успѣхъ своего предпріятія на Божій судъ. „Не я сталъ избивать братію, но Святополкъ“, сказалъ онъ. „Да будетъ Богъ отмстителемъ невинной крови монхъ братьевъ. Вѣдь та же участь готовится и мнѣ. Пусть судитъ Господь по правдѣ и скончаетъ злобу грѣшнаго“.

Святополкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, сталъ собирать множество войска изъ Руси и, чтобы усилить себя, пригласилъ и Печенѣговъ. Затѣмъ онъ двинулся къ Любечу на Днѣпрѣ. Здѣсь онъ сталъ по одну сторону берега, а по другую—расположился Ярославъ. Три недѣли стояли братья другъ противъ друга, и каждый не рѣшался перевезтись черезъ Днѣпръ и

напасть. Былъ въ то время обычай—поддразнивать враговъ, чтобы побудит
ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ; видя, что главная сила Ярослава состоял
изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополковъ, по прозванію
Волчій Хвостъ, тотъ самый, который въ 984 году побѣдилъ Радимичей, ѣзд
по берегу, бранилъ Новгородцевъ называя ихъ ремесленниками, а не воинами
„Эй, вы, плотники", кричалъ онъ имъ, „зачѣмъ пришли сюда съ хромым
своимъ княземъ? Вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы".

Сильно обидѣлись Новгородцы на эту насмѣшку и, придя къ Ярославу
сказали ему: „Завтра же перевеземся на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами
того сами убьемъ".

Видя намѣреніе своихъ Новгородцевъ, Ярославъ въ ту же ночь послал
въ лагерь Святополка—къ одному пріятелю, котораго имѣлъ въ немъ, спро
сить: „что дѣлать? меду мало варено, а дружины много". Пріятель послал
такой отвѣтъ: „Если меду мало, а дружины много, то къ вечеру дать!" Яро
славъ понялъ, что ночью надо начать битву. Новгородцы стали перевозиться
на другой берегъ уже съ вечера, а чтобы не вздумалъ кто воротиться, оттолк
нули всѣ ладьи и стали строиться въ полки; для того же, чтобы узнавать
своихъ, повязали головы полотенцами. Была заморозь. Святополково войск
стояло между двумя озерами, при чемъ за однимъ изъ нихъ были располо
жены Печенѣги. Самъ Святополкъ пировалъ и пилъ со своею дружиною всю
ночь и не зналъ о готовящемся нападеніи.

Послѣ переправы Новгородцы напали на Святополка, и произошла же
стокая сѣча; въ ней Святополкъ съ дружиной былъ притиснутъ къ одному из
озеръ и принужденъ былъ вступить на ледъ; ледъ обломился и люди Свято
полка стали гибнуть; Печенѣги, стоя по другую сторону озера, не могли ем
оказать помощи, а потому побѣда досталась на долю Ярослава.

Послѣ битвы, Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ тестю, а Ярославъ сѣл
въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.

Новгородцы были отпущены домой и очень щедро награждены: всѣ го
рожане получили по 10 гривенъ каждый, всѣ люди отъ земли—по одно
гривнѣ, а ихъ старосты—по десяти.

Но Святополкъ былъ живъ и скоро далъ о себѣ знать. Онъ сейчасъ же
соединился съ тестемъ своимъ, Болеславомъ, и они объявили войну Ярославу
Прежде всего они навели на Кіевъ Печенѣговъ; злая сѣча была вокругъ са
маго города; погорѣло множество домовъ, и едва къ вечеру удалось Ярослав
одолѣть этихъ степныхъ хищниковъ.

Затѣмъ, самъ Ярославъ, заключивъ союзъ съ недругомъ Болеслава —
Нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ Вторымъ, пошелъ осаждать городъ
Брестъ въ Польшѣ; но осада эта была неуспѣшна.

Въ это же время Нѣмецкій императоръ также неудачно воевалъ съ Бо
леславомъ и скоро заключилъ съ нимъ миръ, послѣ котораго уже самъ сталъ
совѣтовать Полякамъ идти противъ Русскихъ.

Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ себя Нѣмцам
Венграми и Печенѣгами.

Онъ встрѣтился съ Ярославомъ, 22 іюля того же года, на рѣкѣ Запад-омъ Бугѣ, раздѣлявшемъ Польскія владѣнія отъ Русскихъ. Такъ же, какъ подъ ебечемъ воевода Волчій Хвостъ дразнилъ Новгородцевъ, такъ здѣсь, на Бугѣ, оевода Ярослава—Будый, который былъ ему дядькой и кормильцемъ, ѣздя по ерегу, тоже началъ смѣяться надъ Болеславомъ, стоявшимъ со своимъ вой-омъ на другомъ берегу. Будый называлъ его самыми бранными словами кричалъ ему: „А вотъ подожди, ужъ мы проткнемъ спицею брюхо твое лстое“.

„Болеславъ“, говоритъ лѣтописецъ, „былъ великъ и тяжелъ и съ трудомъ дѣлъ на лошади; но зато былъ смышленъ. Не вытерпѣлъ онъ Будыевой ани и, обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: „Если это вамъ ничего, то одинъ погибну“, сѣлъ на коня и бросился въ рѣку“. Воодушевленная этими овами и примѣромъ короля, дружина бросилась за нимъ, перешла Бугъ и апала на застигнутыхъ врасплохъ воиновъ Ярослава, которые не ожидали паденія. Побѣда Поляковъ была полная. Ярославъ спасся только съ 4 че-вѣками и ушелъ съ ними въ Новгородъ; Болеславъ же и Святополкъ по-шли къ Кіеву.

Кіевляне затворились и не пожелали принять Святополка и Ляховъ, при омъ въ городъ собралось много народу изъ окрестныхъ селъ, искавшихъ немъ защиты.

Болеславъ хотѣлъ сперва взять Кіевъ голодомъ, но затѣмъ, 14 августа, по-елъ на приступъ и черезъ нѣсколько часовъ въѣхалъ въ него побѣдителемъ на нѣ. По разсказу Польскихъ писателей, Болеславъ сдѣлалъ будто бы, при ѣздѣ, на Золотыхъ воротахъ, чтобы зарубить новую границу своихъ вла-ній, зарубку мечомъ, при чемъ ударилъ имъ такъ сильно, что на мечѣ оста-сь щербина, отчего мечъ этотъ сталъ прозываться съ тѣхъ поръ Поляками *ербецъ* и наслѣдственно передаваться Польскимъ королямъ.

Однако, Болеславъ, несмотря на будто бы сдѣланную зарубку на Золо-ихъ воротахъ (въ дѣйствительности ворота эти тогда еще вовсе не существо-али, а были сооружены позже) и на свой знаменитый мечъ-щербецъ, сидѣлъ Кіевѣ недолго.

Войдя въ Русскую землю, онъ вздумалъ распоряжаться въ ней, какъ по-дитель въ покоренной странѣ. Заставъ въ Кіевѣ мачеху, жену и сестеръ рослава, онъ одну изъ нихъ, Предславу, за которую прежде сватался, но по-чилъ отказъ, теперь, въ отмщеніе, взялъ себѣ въ наложницы.

Затѣмъ онъ захватилъ все имущество Ярослава. Хитрый грекъ Настасъ, тившій изъ Корсуня стрѣлу съ запиской въ станъ Владиміра предъ креще-емъ князя и проживавшій съ нимъ въ Кіевѣ, гдѣ былъ въ большой чести завѣдывалъ Десятинною церковью, вошелъ теперь въ большую милость къ олеславу.

Увѣренный въ себѣ, Польскій король одну часть своихъ дружинъ отпу-илъ домой, а другой приказалъ разойтись по Русскимъ городамъ для кор-ленья.

Вотъ тутъ-то онъ и ошибся въ своихъ расчетахъ.

Русскіе отнюдь не были склонны переносить наглое отношеніе къ се Поляковъ и начали всюду безпощадно ихъ избивать. Въ этомъ имъ помогъ Святополкъ, которому наскучило гощенье тестя. Онъ послалъ сказать, ко слѣдуетъ: „Сколько есть Ляховъ по городамъ, избивайте ихъ“.

Видя погибель своихъ Поляковъ, Болеславъ бѣжалъ изъ Кіева, приче дочиста ограбилъ городъ, забралъ съ собой церковное и княжеское имущест захватилъ двухъ сестеръ Ярослава—Предславу и Мстиславу, его бояръ и м жестоко плѣнныхъ. При этомъ, къ награбленному имѣнію онъ приставилъ сво новаго друга, ловкаго Настаса, а по дорогѣ въ Польшу взялъ назадъ о бранные у него Святымъ Владиміромъ Червенскіе города. Святополкъ послѣ бѣгства тестя сталъ княжить въ Кіевѣ.

Обратимся теперь къ Ярославу.

Послѣ неожиданнаго для себя разгрома на рѣкѣ Бугѣ, онъ прибѣжа самъ-пятъ въ Новгородъ и рѣшилъ бѣжать дальше, за море—къ Варягамъ.

Но доблестные Новгородцы опять не оставили въ несчастьѣ своего люб маго князя и не позволили ему бѣжать за море. Подъ предводительство посадника Константина, сына Добрыни, они разсѣкли княжескія ладьи, пр готовленныя для бѣгства, и объявили ему: „хотимъ еще биться съ Болеславо и Святополкомъ“. Послѣ этого сейчасъ же начали собирать деньги на вой съ простого человѣка брали по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, а бояръ—по 18 гривенъ. На деньги эти наняли Варяговъ и пошли на Кіевъ.

Услышавъ про походъ Ярослава, Святополкъ побѣжалъ къ Печенѣга и привелъ оттуда огромную рать. Оба войска встрѣтились на рѣкѣ Альтѣ, того самаго мѣста, гдѣ былъ убитъ князь Борисъ. „Братья мои“, воскли нулъ Ярославъ передъ боемъ, „если вы уже далеки отъ меня тѣломъ, молитвою помогите мнѣ на этого гордаго и супротивнаго убійцу“. Сѣча бы злая, какой еще не было на Руси. Три раза сходились обѣ рати биться; сѣ лись, схватываясь руками; кровь текла по долинамъ рѣками. Наконецъ, вечеру, Ярославъ одолѣлъ.

Потрясенный своимъ пораженіемъ, Святополкъ бѣжалъ, несомый на силкахъ, такъ какъ у него ослабѣли всѣ члены и кости, и постоянно тверди „О, бѣгите, бѣгите, догоняютъ насъ“.

Такъ пробѣжалъ онъ всю Польскую землю и погибъ въ пустынѣ меж Ляхами и Чехами. Это было въ 1019 году. Народъ прозвалъ его Окаянны

Послѣ сего Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, гдѣ „утеръ потъ съ дружино по выраженію лѣтописца.

Первымъ его дѣломъ было — отдать послѣдній долгъ своимъ братья страдальцамъ—Борису и Глѣбу. О мѣстѣ погребенія Бориса онъ узналъ ско но цѣлый годъ искалъ напрасно останковъ Глѣба. Только весной 1020 г тѣло его было случайно найдено звѣроловами. Священники со свѣчами и дилами перенесли его въ лодку, и затѣмъ оно было перенесено въ Вышгород гдѣ его погребли рядомъ съ братомъ.

При этомъ всеобщее вниманіе было обращено на то, что тѣло Глѣ пролежавъ пять лѣтъ въ лѣсу, нисколько не повредилось отъ погоды; так

звѣри и птицы не тронули его; оно было бѣло и нетлѣнно, какъ живое. Скоро у могилы мучениковъ начали являться знаменія и чудеса.

Ярославъ, по совѣщаніи съ митрополитомъ Іоанномъ, рѣшилъ открыть мощи новоявленныхъ Святыхъ, прославленныхъ нетлѣніемъ и даромъ чудотворенія. Для этого приступили къ постройкѣ новаго храма, и 24 іюля 1021 года храмъ этотъ былъ освященъ, и мощи открыто поставлены въ правой сторонѣ церкви. Во время литургіи, при безчисленномъ стеченіи народа, хромой, ползавшій у раки Святыхъ, всталъ и сталъ ходить въ виду всѣхъ.

Съ памятью Святого страстотерпца Бориса неразлучно связана память о вѣрномъ слугѣ его Ефремѣ Новоторжскомъ. Ефремъ, родомъ венгръ, пришелъ на службу къ князю Борису вмѣстѣ съ двумя своими братьями—Моисеемъ и Георгіемъ. Георгій, какъ мы знаемъ, былъ при своемъ господинѣ на берегу рѣки Альты и погибъ отъ копій убійцъ, когда хотѣлъ прикрыть своимъ тѣломъ Бориса. Узнавъ о смерти князя и любимаго брата, Ефремъ искалъ тѣло Георгія на мѣстѣ убійства, но нашелъ только его голову, которую злодѣи отрубили, чтобы снять съ шеи золотую гривну, подаренную ему Борисомъ. Ефремъ взялъ съ собой голову брата и затѣмъ принялъ иночество, удалившись на берегъ рѣки Тверцы, въ селеніе Новый Торжокъ. Тамъ онъ построилъ странноприимный домъ, а когда открылись мощи Святыхъ князей Бориса и Глѣба, то въ честь ихъ онъ соорудилъ каменный храмъ и основалъ монастырь. Мощи преподобнаго Ефрема, обрѣтенныя въ 1872 году, почиваютъ открыто въ соборной церкви Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастыря. При нихъ нетлѣнная глава брата его Георгія, которая, по завѣщанію преподобнаго Ефрема, была положена съ нимъ въ могилу.

Сѣвъ въ Кіевѣ на княженье и заботясь объ отдачѣ послѣдняго долга погибшимъ братьямъ, Ярославъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ перенести еще немалыя огорченія отъ другихъ своихъ родственниковъ.

Въ 1020 году племянникъ Ярослава, Полоцкій князь Брячиславъ, сынъ того Изяслава, который, будучи малюткой, съ большимъ мечомъ въ рукахъ спасъ свою мать Рогнѣду отъ гнѣва Владиміра,—напалъ на Новгородъ, ограбилъ городъ, полонилъ множество жителей и съ богатой добычей пошелъ обратно къ Полоцку. Узнавъ про это, Ярославъ собрался противъ него и совершилъ походъ, по примѣру дѣда своего Святослава, съ поражающей быстротой сдѣлавъ въ семь дней отъ Кіева до рѣчки Судомы, впадающей въ Шелонь, около семисотъ верстъ; здѣсь онъ отобралъ у Брячислава весь его полонъ и прогналъ обратно къ Полоцку; впрочемъ, онъ вскорѣ примирился съ нимъ и прибавилъ къ его удѣлу еще двѣ волости.

Расправившись съ Брячиславомъ, Ярославъ, черезъ два года, вынесъ гораздо болѣе упорную борьбу съ роднымъ братомъ своимъ отъ Рогнѣды—Мстиславомъ. Этотъ Мстиславъ, получивъ отъ отца далекую Тмутаракань, усилилъ свои владѣнія, побѣдивъ Хозаръ и Касоговъ, жившихъ въ степяхъ, примыкающихъ къ Сѣверному Кавказу. По природѣ богатырь, дебелый тѣломъ, черный волосомъ, свѣтлый лицомъ, храбрый, милостивый и долготер-

пѣливый ко всѣмъ, Мстиславъ больше всего на свѣтѣ любилъ свою дружину, для которой ничего не жалѣлъ.

Въ 1016 году, помогая Грекамъ, онъ окончательно разрушилъ Хозарское царство и взялъ въ плѣнъ самого Хозарскаго кагана. Въ 1020 году, когда Ярославъ расправлялся съ Бречиславомъ, Мстиславъ покорилъ Касоговъ.

Это случилось такъ. Когда Мстиславъ и его дружина сошлись съ Касожскими полками, то ихъ князь Редедя, богатырь по своей силѣ, предложилъ Мстиславу: „Для чего будемъ губить свою дружину, лучше сойдемся сами и

30. Русь съ 862 по 1054 годъ.

поборемся. Если ты одолѣешь, то возьмешь все мое: имѣнье, жену, дѣтей и всю землю. Если я одолѣю, то возьму все твое". „Да будетъ такъ", отвѣтилъ ему Мстиславъ. Тогда Редедя добавилъ, что бороться будутъ не оружіемъ, а борьбой. Крѣпко схватились два богатыря. Редедя былъ силенъ и великъ, и Мстиславъ сталъ уже изнемогать. „Пресвятая Богородица, помоги мнѣ", воскликнулъ онъ въ молитвѣ и помыслилъ: „Если одолѣю, построю церковь во имя Твое". Какъ только онъ это сказалъ, то въ ту же минуту ударилъ Редедю о землю, послѣ чего вынулъ ножъ и закололъ его. Затѣмъ, согласно уговора, Мстиславъ вошелъ въ Касожскую землю, забралъ ее и наложилъ дань, а вернувшись къ себѣ въ Тмутаракань, заложилъ обѣщанную церковь Святой Богородицѣ.

Вотъ этотъ-то Мстиславъ, получившій прозвище *Удалаго*, усилившись асожскими полками, рѣшилъ, въ 1023 году, искать себѣ лишнихъ волостей слѣ умершихъ братьевъ и вторгся въ Русскіе предѣлы. Онъ уже раньше ебовалъ ихъ себѣ, и Ярославъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславъ нашелъ, о этого мало.

Въ то время, какъ Мстиславъ шелъ къ Кіеву, Ярославъ былъ въ Новродѣ, гдѣ работалъ на пользу народа. Дѣло въ томъ, что въ Суздальской оронѣ случился въ это время голодъ; языческіе волхвы волновали народъ, ѣряя, что гнѣвъ боговъ происходитъ отъ старыхъ людей и научали убивать ъ. Все это вызвало великій мятежъ по всей странѣ, и было убито нѣсколько арыхъ женщинъ. Ярославъ поспѣшилъ на помощь къ взволнованному люду, реловилъ волхвовъ, однихъ казнилъ, другихъ заточилъ и успокоилъ народъ, воря, что Богъ по грѣхамъ наводитъ на землю бѣдствія и казни и что человѣкъ знать этого не можетъ; старыя же бабы тутъ не при чемъ. Въ то же время ъ отправилъ людей по Волгѣ и къ Болгарамъ за хлѣбомъ, получивъ который, всѣ ожили и успокоились.

Узнавъ о вооруженіи Мстислава, Ярославъ сталъ собирать въ Новгородѣ ть и послалъ за море нанять Варяговъ. Эти Варяги пришли къ нему подъ чальствомъ воеводы *Якуна слѣпого*, носившаго на глазахъ повязку изъ лотой ткани.

Тѣмъ временемъ Мстиславъ подошелъ къ Кіеву; но Кіевляне заперлись отказались его принимать. Тогда онъ сѣлъ въ Черниговѣ.

Собравъ своихъ Новгородцевъ, Ярославъ, вмѣстѣ съ Варягами, пошелъ отивъ брата; Мстиславъ тоже вышелъ ему на встрѣчу, и полки сошлись въ ственѣ, въ 40 верстахъ къ сѣверу отъ Чернигова. Мстиславъ построилъ свое йско съ вечера. Ночью разразилась страшная гроза, засверкала молнія, загремѣлъ громъ, полилъ дождь. Тогда удалой князь сказалъ своей дружинѣ: Пойдемъ на нихъ; это наша добыча". Однако Ярославъ тоже не дремалъ; видимому, его Новгородцы и Варяги также хотѣли напасть врасплохъ на стислава. Оба войска встрѣтились, и наступила страшная сѣча. Великая оза тоже не уменьшалась. Наконецъ, Мстиславъ ударилъ со своей дружиной Варяговъ; тѣ подались и побѣжали; слѣпой Якунъ впопыхъ потерялъ же свою золотую повязку съ глазъ и бѣжалъ прямо домой за море. Ярославъ тоже вынужденъ былъ отступить и направился въ свой Новгородъ. Тогда стиславъ послалъ ему вдогонку посланныхъ, чтобы они сказали Ярославу ъ него: „Садись въ своемъ Кіевѣ, ты старѣйшій братъ, а мнѣ будетъ эта рниговская сторона". Но Ярославъ, искушенный своей борьбой съ Святолкомъ, не пошелъ на этотъ зовъ сразу, а послалъ въ Кіевъ своихъ посадковъ. Только черезъ годъ, собравши въ Новгородѣ большое войско, пошелъ ъ на Кіевъ и заключилъ съ Мстиславомъ миръ; братья съѣхались у Городца изъ Кіева и раздѣлили Русскую Землю по Днѣпру: Мстиславъ взялъ бѣ Восточную часть, со столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ—Западную, съ евомъ. Это было въ 1025 году, „и начали они жить мирно и братолюбиво",

говоритъ лѣтописецъ, „перестала усобица и мятежъ, и была тишина велика въ Землѣ“.

Послѣ примиренія съ братомъ, Ярославъ начинаетъ усердно трудить надъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ государственныхъ и надъ защитой границъ отъ сосѣдей, поднявшихъ было голову во время братскихъ усобицъ.

Прежде всего надо было наказать Поляковъ, за ихъ хозяйничанье Кіевѣ съ Болеславомъ и Святополкомъ.

Какъ только въ 1025 году умеръ Болеславъ, во всей Польшѣ начал мятежъ. При этомъ поднялись также и Червенскіе города—Перемышль, Че вень и другіе, не желавшіе больше сносить польское иго. Ярославъ съ Мст славомъ пришли имъ на помощь и въ 1030 году отобрали ихъ обратно о Ляховъ, а затѣмъ прошлись и по Польской Землѣ, гдѣ забрали множест плѣнныхъ.

Въ томъ же 1030 году Ярославъ утвердилъ свою власть на западном берегу Псковскаго озера и построилъ городъ *Юрьевъ*, въ честь своего хр стіанскаго имени.

Въ 1036 году Мстиславъ поѣхалъ на охоту, простудился и умеръ. В его волости достались Ярославу, который сталъ съ тѣхъ поръ единовластны въ Русской Землѣ *).

Въ томъ же 1036 году великій князь ходилъ въ Новгородъ, гдѣ пос дилъ княжить старшаго сына своего Владиміра, а епископомъ поставилъ зн менитаго проповѣдника Луку Жидяту. Находясь въ Новгородѣ, Ярослав узналъ, что Печенѣги въ огромномъ количествѣ подошли къ самому Кіев Онъ тотчасъ же выступилъ противъ нихъ съ Варягами и Новгородцами, кот рыхъ, по прибытіи, соединилъ съ Кіевлянами. Битва съ Печенѣгами произ шла на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ въ Кіевѣ стоитъ соборъ Святой Софіи.

Сѣча была жестокая; но къ вечеру Ярославъ на голову разгромилъ Печ нѣговъ, которые въ ужасѣ бѣжали во всѣ стороны.

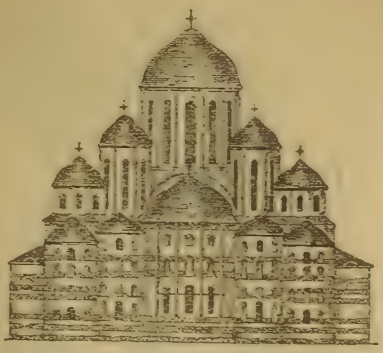
Пораженіе Печенѣговъ было настолько полное, что съ той поры он навсегда прекратили всякія нападенія на Русь.

На слѣдующій годъ Ярославъ заложилъ въ Кіевѣ кремль и соборны храмъ Святой Софіи, Премудрости Господней, на мѣстѣ своей славной побѣд надъ Печенѣгами. Тогда же онъ построилъ въ Кіевѣ церковь Святой Ирины монастырь Святого Георгія. Наконецъ, въ томъ же 1037 году соорудилъ он и Золотыя ворота, съ церковью Благовѣщенія надъ ними, тѣ самыя Золоты ворота, на которыхъ, по разсказу Поляковъ, ихъ король Болеславъ сдѣлал будто-бы еще въ 1018 году зарубку своимъ мечемъ-щербцомъ.

Особенно много труда и заботъ было положено на сооруженіе хра Святой Софіи: для этого были призваны Греческіе зодчіе и художники. Храм сей и до настоящаго времени сохранился, не смотря на позднѣйшія передѣ ки, въ сравнительно большой цѣлости. Въ первоначальномъ своемъ видѣ э

*) Единственный, оставшійся въ живыхъ братъ, Судиславъ, сидѣвшій въ Пск вѣ, былъ, по словамъ преподобнаго Нестора, оклеветанъ передъ Ярославомъ и з ключенъ въ темницу

было продолговатое каменное зданіе, сложенное изъ огромныхъ кирпичныхъ плитъ и отчасти дикаго камня: длина была пятьдесятъ два аршина и ширина около семидесяти шести аршинъ, а вышина доходила до семидесяти аршинъ. На сѣверной, западной и южной сторонахъ сдѣланы были каменные хоры, поддерживаемые толстыми столбами; алтарь троечастный, полукруглый, съ окнами, а рядомъ съ нимъ два придѣла. Храмъ освѣщался пятью куполами, изъ которыхъ самый большой приходился надъ его срединою. Снаружи была устроена паперть, съ которой на двухъ сторонахъ—сѣверной и южной—идутъ двѣ лѣстницы на хоры.



31. Храмъ Святой Софіи въ Кіевѣ.

Внутренность храма была богато отдѣлана живописью и особою стѣнописью, такъ называемой *мусіей*, или мозаикой. Эта мусійная стѣнопись заключается въ томъ, что стѣна выкладывается мелкими разноцвѣтными камешками, подобранными такъ, чтобы получались желаемыя изображенія. Хорошая мусія чрезвычайно прочна, и въ Софіѣскомъ храмѣ до сихъ поръ сохранились мусійныя изображенія: на главномъ алтарномъ сводѣ—Божьей Матери, съ поднятыми руками; подъ ней—часть Тайной Вечери; а еще ниже—нѣкоторыя другія изображенія; на алтарныхъ же столбахъ—картина Благовѣщенія: Ангелъ съ вѣтвью и прядущая Богоматерь. Затѣмъ уцѣлѣла и часть мусіи въ куполѣ.

Стѣны лѣстницъ, ведущихъ съ паперти на хоры, были покрыты обыкновенной живописью, съ изображеніемъ разныхъ случаевъ княжеской жизни:

32. Мусійная живопись въ храмѣ Святой Софіи въ Кіевѣ.

суда, увеселеній, охоты и другихъ. Изображенія эти, нѣсколько подправленныя, существуютъ и понынѣ; одно изъ нихъ, — представленіе скомороховъ, — показано на рисункѣ 33. Скоморохи изображены пляшущими и играющими на

флейтахъ, сопѣляхъ, гусляхъ, мѣдныхъ тарелкахъ и на чемъ-то въ родѣ боль-

33. Изображеніе представленія скомороховъ на лѣстницѣ къ хорамъ въ храмѣ Святой Софіи въ Кіевѣ.

шой балалайки. Тутъ-же одинъ изъ нихъ поддерживаетъ спиною въ равновѣсіи столбъ, по которому карабкается вверхъ скоморохъ-подростокъ

34. Храмъ Святой Софіи въ Новгородѣ.

Кромѣ Кіева, по повелѣнію Ярослава, сынъ его, Владиміръ, воздвигъ и въ Новгородѣ храмъ Святой Софіи, по образцу Кіевскаго, но поменьше, на мѣстѣ первоначальной дубовой церкви, сгорѣвшей въ 1045 г. Этотъ храмъ подвергался впослѣдствіи величайшимъ разореніямъ отъ нашествія враговъ и пожаровъ, но до сихъ поръ еще въ немъ уцѣлѣла часть его старинной замѣчательной мусійной живописи, а также и рѣдчайшія ворота, на западной сторонѣ церкви, такъ называемыя Корсунскія.

35. Мусія въ куполѣ Новгородскаго храма Святой Софіи. Видъ въ настоящее время.

Въ Черниговѣ, еще въ 1031 г., Мстиславъ Удалой заложилъ соборъ Спаса Преображенія, стоящій ненарушимо и понынѣ. Въ недавнія времена соборъ этотъ особенно прославился открытіемъ нетлѣнныхъ и чудотворныхъ мощей Святого Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго.

Послѣ разгрома Печенѣговъ, Ярославу пришлось вести еще нѣсколько войнъ; онъ послалъ воевать Финское племя *Ямь*, жившее въ нынѣшней Финляндіи, и распространилъ Русскія владѣнія по теченію рѣки Сѣверной Двины.

Затѣмъ были при немъ походы на Литву и Ятвяговъ, чтобы наказать ихъ за набѣги на наши границы.

36. Соборъ Спаса Преображенія въ Черниговѣ.

Наконецъ, въ 1043 г. Ярославъ предпринялъ походъ и на Царьградъ. Причина этого похода заключалась въ слѣдующемъ. Послѣ крещенія Святого Владиміра, Греки жили съ Русскими очень мирно и свято соблюдали договоры, писанные при Олегѣ и Игорѣ. Но однажды случилось, что Русскіе съ Греками поспорили на торгу; произошла драка, и одинъ Русскій былъ убитъ. Ярославъ, горячій и неукротимый, не смотря на свои преклонные годы, пришелъ за эту обиду

въ большой гнѣвъ и, собравши большое войско, посадилъ его на ладьи и отправилъ къ Царьграду, подъ начальствомъ сына своего Владиміра, при двухъ воеводахъ: Вышатѣ и Иванѣ Творимиричѣ.

Греческій царь Константинъ Мономахъ, узнавъ о приготовленіяхъ Русскихъ къ войнѣ, послалъ тотчасъ къ Ярославу пословъ съ предложеніемъ мира, говоря, что изъ-за такой маловажной причины не слѣдуетъ нарушать добрый и старый миръ и вводить въ войну два большихъ народа.

Но Ярославъ, разсказываютъ Греки, прочитавши царское посланіе, прогналъ пословъ съ безчестьемъ и послалъ Константину гордый и презрительный отвѣтъ. Греки, конечно, почитали убійство Русскаго маловажнымъ дѣломъ и хотѣли отдѣлаться дарами и деньгами, но Русь дешево не отдавала свою кровь и никакихъ обидъ не прощала, особенно льстивымъ Грекамъ. Русская голова, погибшая въ Царьградѣ, всегда волновала всю Русскую Землю, и вся Земля, не разбирая опасностей, собиралась, какъ одинъ человѣкъ, мстить за свою кровь.

Получивши такой отвѣтъ отъ Ярослава, Константинъ сталъ готовиться къ защитѣ: онъ прежде всего захватилъ находившихся въ Царьградѣ Русскихъ, опасаясь отъ нихъ возмущенія и разослалъ ихъ по отдѣльнымъ областямъ. Затѣмъ, онъ вооружилъ свои корабли и войска и выслалъ ихъ къ входу изъ Чернаго моря въ Босфоръ, гдѣ обыкновенно останавливалась Русь—въ небольшой гавани, у маяка Искреста. Греческія и Русскія суда стали другъ противъ друга, но боя не начинали. Царь Константинъ снова послалъ своихъ приближенныхъ просить мира. Князь же Владиміръ отослалъ ихъ назадъ съ посрамленіемъ, сказавъ, что приметъ миръ не иначе, какъ получивъ на каждаго Русскаго воина по три фунта золота. Конечно, царь Константинъ столько золота дать не могъ и началъ битву.

Вотъ какъ разсказываетъ про эту битву грекъ Пселъ, состоявшій въ то время, какъ она шла, при императорѣ Константинѣ: „Царь ночью съ кораблями приблизился къ Русской стоянкѣ и потомъ на утро выстроилъ корабли въ боевой порядокъ. Русскіе, съ своей стороны, снявшись, какъ будто изъ лагеря и окопа, отъ противоположныхъ намъ пристаней, и выйдя на довольно значительное пространство въ открытое море, поставивъ потомъ всѣ свои корабли по одному въ рядъ и этой цѣпью перехвативъ все море отъ однихъ до другихъ пристаней, построились такъ, чтобы или самимъ напасть на насъ, или принять наше нападеніе. Не было ни одного человѣка, который, смотря на происходящее, не смутился-бы душой; я самъ стоялъ тогда“, говоритъ Пселъ, „около императора и былъ зрителемъ совершающагося. Однако, никто не двигался впередъ, и обѣ морскія силы стояли неподвижно.

„Когда прошло уже много дня, тогда императоръ подалъ знакъ двумъ изъ большихъ кораблей и приказалъ понемногу двигаться впередъ противъ Русскихъ ладей. Большіе корабли ровно и стройно вышли впередъ, а сверху копьеносцы и камнеметатели подняли военный крикъ; метатели же огня построились въ въ порядкѣ, удобномъ для бросанія его.

„Тогда большая часть Русскихъ лодокъ, высланныхъ на встрѣчу, быстро

ребя, устремились на наши корабли, а потомъ, раздѣлившись, окруживъ и какъ бы опоясавъ каждый изъ отдѣльныхъ большихъ кораблей, старались пробить ихъ снизу балками, а Греки бросали сверху камнями и веслами. Когда противъ Русскихъ начали метать огонь и въ глазахъ у нихъ потемнѣло, то одни изъ нихъ стали кидаться въ море, какъ бы желая проплыть къ своимъ, а другіе не знали, что дѣлать, и въ отчаяніи погибли.

„Затѣмъ императоръ подалъ второй знакъ и уже большее число большихъ кораблей двинулось впередъ: за ними пошли другіе корабли, слѣдуя сзади или плывя рядомъ. Наша Греческая сторона уже ободрилась, а Русскіе стояли неподвижно.

„Когда, разрѣзывая воду, большіе корабли очутились противъ самыхъ Русскихъ лодокъ, то связь ихъ была разорвана и строй ихъ рушился, однако нѣкоторыя изъ нихъ осмѣлились стоять на мѣстѣ, но большая часть повернула назадъ.

„Между тѣмъ солнце, уже высоко поднявшись, стянуло къ себѣ густое облако снизу и измѣнило погоду: сильный вѣтеръ поднялся съ востока, возмутилъ море вихремъ, который и устремилъ волны на Русскихъ и потопилъ часть ихъ лодокъ тутъ же, а другія, загнавъ далеко въ море, разбросалъ по скаламъ и утесистымъ берегамъ; иныя изъ нихъ были настигнуты Греческими большими кораблями, которые и предали ихъ пучинѣ, со всѣми гребцами и воинами; другія, будучи разсѣчены пополамъ, были выкинуты на ближайшіе берега. Произошло большое избіеніе Русскихъ, и море было окрашено поистинѣ убійственнымъ потокомъ, какъ-бы идущимъ сверху, изъ рѣкъ“.

Такъ разсказываетъ грекъ Пселъ про это морское сраженіе, при чемъ самъ же указываетъ, что больше всего помогла Грекамъ поднявшаяся буря. Выкинутыя этой бурей тѣла Русскихъ собирались Греками, послѣ чего они собирали съ покойниковъ одежду и вещи.

Корабль князя Владиміра былъ также разбитъ бурею, и самъ онъ чуть не погибъ. Воевода Иванъ Творимиричъ еле успѣлъ посадить его на свою лодку. Оставшіеся въ живыхъ Русскіе пошли домой—одни пѣшкомъ по берегу, другіе на оставшихся судахъ. Всего на берегу, послѣ бури, собралось шесть тысячъ человѣкъ; они были наги, голодны, безъ припасовъ и безъ начальства, такъ какъ никто изъ старшихъ княжеской дружины не хотѣлъ идти съ ними, предпочитая вернуться на ладьяхъ.

Тогда доблестный Вышата, воевода Ярославовъ, видя столько воиновъ брошенныхъ безъ вождя, на произволъ судьбы, воскликнулъ отъ жалости: „Не поѣду я къ Ярославу, а пойду съ ними“, и высадился изъ своей лодки на берегъ. „Если я живъ буду, то съ ними“, сказалъ онъ, прощаясь съ княземъ Владиміромъ, „а если погибну, то съ дружиной“, и послѣ этого принялъ начальство надъ нагими и голодными воинами.

Между тѣмъ, Греки выслали погоню за Русскими ладьями. Узнавши это, Владиміръ повернулъ назадъ, вступилъ въ бой съ Греческими кораблями и разбилъ ихъ со славой: четыре изъ нихъ взялъ въ плѣнъ со всѣми людьми и

убилъ самого Греческаго воеводу. Послѣ этого онъ съ большой честью вер
нулся въ Кіевь къ отцу.

Не такова была судьба благороднаго Вышата. Онъ благополучно добрел
со своими больными, увѣчными и еле одѣтыми и обутыми воинами до Варни
Здѣсь ихъ поджидалъ Греческій воевода. Наши вступили въ бой, но были раз
биты; при этомъ восемьсотъ человѣкъ и самъ Вышата попались въ плѣн
послѣ чего были приведены въ Царьградъ и ослѣплены.

Неудачное окончаніе описаннаго похода нисколько не уменьшило значен
Руси въ Царьградѣ: слишкомъ силенъ и могущественъ былъ Русскій князь
Ярославъ и слишкомъ храбры и неустрашимы были Русскія войска. Да кром
того, Греки и не могли существовать безъ Русскихъ товаровъ: хлѣбъ, мѣх

37. Гусляры.

медъ, рыба, воскъ, янтарь, золото,—все это получалось изъ Руси, а потом
Греки и были, конечно, крайне рады, когда черезъ три года имъ удалось воз
становить съ Ярославомъ прежній миръ.

По этому миру, Вышата со слѣпой дружиной былъ отправленъ на Родину
гдѣ былъ, несомнѣнно, встрѣченъ съ большимъ почетомъ; на Руси же послѣ
этого можно было видѣть много слѣпцовъ.

Впослѣдствіи, чтобы укрѣпить еще больше миръ съ Русью, царь Кон
стантинъ Мономахъ выдалъ свою дочь замужъ за Всеволода, любимаго сына
Ярослава.

Кромѣ Греческаго императора, всѣ знаменитые короли и владѣтельны
князья того времени искали высокой чести породниться съ Русскимъ великим
княземъ.

Самъ Ярославъ былъ женатъ на Индигердѣ, дочери Шведскаго короля Олафа; сестру свою Доброгнѣву онъ выдалъ замужъ за короля Казиміра, занимавшаго Польскій столъ послѣ Болеслава Храбраго; а сестра самого Казиміра была женой сына Ярославова—Изяслава. Одна дочь Ярослава, Елизавета, была замужемъ за Норвежскимъ королемъ Гаральдомъ. Ярославъ долго не соглашался выдавать за него дочь, такъ какъ онъ сватался къ ней во время своего изгнанія изъ родины; но своею храбростью и доблестной службой Ярославу, а также и Византійскому императору, которому онъ завоевалъ много городовъ, Гаральдъ склонилъ, наконецъ, Русскаго великаго князя отдать за него дочь. До сихъ поръ еще Норвежцы распѣваютъ славныя пѣсни, которыя сложилъ Гаральдъ въ честь горячо любимой жены своей—красавицы Елизаветы Ярославны. Другая дочь, Анна Ярославна, была женой Французскаго короля Генриха Перваго и матерью Французскаго же короля Филиппа, за малолѣтствомъ котораго, она долго правила Франціей. Французы до настоящаго времени берегутъ ея собственноручную подпись: „Правительница Анна“, на одной государственной грамотѣ. Третья дочь, Анастасія Ярославна, была женой Венгерскаго короля Андрея Перваго, а изъ сыновей Ярослава двое были женаты на нѣмецкихъ графиняхъ, очень знатныхъ родовъ.

Дворъ Ярослава, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ и для несчастныхъ государей и владѣтельныхъ князей: Олафъ Святой, король Норвежскій, лишенный престола, проживалъ одно время у насъ. Ярославъ принялъ его съ особымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе область, но онъ скоро выѣхалъ опять въ Норвегію, оставя у насъ своего юнаго сына Магнуса; затѣмъ у насъ же проживали Эдвинъ и Эдуардъ, дѣти Англійскаго короля Эдмунда, изгнаннаго изъ Англіи Датскимъ завоевателемъ—Канутомъ Великимъ. Далѣе принцы Венгерскіе—Андрей и Левента искали одно время также убѣжища у Ярослава, и, наконецъ, имъ же былъ принятъ на службу Варяжскій князь Симонъ, изгнанный изъ своего отечества дядяй своимъ, Якуномъ Слѣпымъ, который потерялъ, какъ мы знаемъ, свою золотую повязку съ глазъ подъ Лиственомъ.

Такъ блистательно поставилъ Русь, къ концу своего княженья, мудрый Ярославъ. Дѣла его славились по всѣмъ странамъ Европы, а заведенные имъ на Руси порядки служили многимъ примѣромъ. Такъ, вычеканенная имъ монета—„Ярославле сребро“ — послужила образцомъ для монетъ сѣверныхъ государствъ — Швеціи, Норвегіи и другихъ.

38. Сребро Ярославле.

Въ 1054 году, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ собралъ своихъ дѣтей и для предупрежденія всякой распри между ними, держалъ имъ слѣдующее слово: „Вотъ я отхожу изъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что Вы—братья родные, одного отца и одной матери. Если будете жить

въ любви между собой, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите Землю отцовъ и дѣдовъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ, поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему, Изяславу *). Слушайтесь его, какъ меня слушались; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Игорю— Владиміръ, Вячеславу—Смоленскъ; каждый да будетъ доволенъ своею частью; если же кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты, Изяславъ, помогай обиженному".

Вскорѣ послѣ этого, великій князь, уже совершенно больной, но не переставшій заниматься государственными дѣлами, поѣхалъ по какой-то надобности въ Вышгородъ и тамъ скончался, 19 февраля 1054 года, на рукахъ своего любимаго сына Всеволода; онъ умеръ семидесяти шести лѣтъ отъ роду, окруженный всеобщимъ почетомъ и любовью и горько оплакиваемый народомъ.

39. Ярославъ Мудрый, великій князь Кіевскій.
(Изображеніе, высѣченное на камнѣ скульпторомъ М. М. Антокольскимъ).

Тѣло его было положено въ гробницу изъ свѣтлаго мрамора, въ которой оно покоится и понынѣ, въ придѣлѣ, по правую руку отъ алтаря, въ соборномъ храмѣ Святой Софіи въ Кіевѣ.

Благодарный Русскій народъ почтилъ память своего великаго князя, наименовавъ его Мудрымъ.

Дѣйствительно, не мало мудрости и трудовъ положилъ Ярославъ для созданія великой и могучей Руси.

Длинныя междоусобныя войны съ братьями заняли у него многіе годы. При этомъ, военное счастье далеко не всегда было на его сторонѣ. Тяжкі

*) Владиміръ умеръ въ 1052 году.

пораженія пришлось ему испытать и отъ Поляковъ при борьбѣ съ Святополкомъ, и отъ брата Мстислава подъ Лиственомъ. Наконецъ, не удался и его Греческій походъ. Но всѣ эти тяжкія времена, мудрый Ярославъ преодолѣлъ своимъ твердымъ нравомъ и яснымъ умомъ, и къ концу его жизни все устроилось такъ, какъ лучше онъ и желать не могъ.

Кромѣ войнъ, веденныхъ для защиты и усиленія Русской мощи и славы, не меньше трудовъ положилъ Ярославъ и на устройство внутреннихъ дѣлъ и порядковъ въ Русской Землѣ. За свою любовь къ сооруженію церквей, монастырей, палатъ и другихъ зданій, Кіевляне признали его „хоромцемъ", то есть охотникомъ строить. Еще съ большей любовью и усердіемъ относился Ярославъ къ народному просвѣщенію.

40. Гробница Ярослава въ храмѣ Святой Софіи въ Кіевѣ.

Время его ознаменовалось распространеніемъ Православной Вѣры почти по всей Русской Землѣ и постройкой множества церквей и монастырей.

Какъ глубоко вѣрующій христіанинъ, Ярославъ смущался, что дяди его—Ярополкъ и Олегъ умерли некрещеными, поэтому онъ вырылъ ихъ кости и, крестивши ихъ, предалъ опять погребенію.

Дѣтей своихъ онъ воспитывалъ въ Вѣрѣ Христовой съ самымъ большимъ стараніемъ. Особенной ревностью къ вѣрѣ отличалась супруга его Индигерда, въ крещеніи Ирина, и старшій сынъ—Владиміръ Ярославовичъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, въ которомъ онъ положилъ очень много трудовъ на сооруженіе собора Святой Софіи; почивъ тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, Владиміръ былъ погребенъ въ Корсунской паперти собора, рядомъ съ матерью, принявшей передъ смертью постриженіе съ именемъ Анны. Мощи князя Владиміра и княгини Анны прославились своимъ нетлѣніемъ и ко дню празднованія тысячелѣтія Россіи, въ 1862 году, были положены въ серебряныхъ ракахъ въ самомъ соборѣ. Православная церковь причислила ихъ къ лику Святыхъ.

Во время княженія Ярослава, выросло уже поколѣніе тѣхъ дѣтей, которыхъ Святой Владиміръ отдалъ въ книжное ученье и матери которыхъ оплакивали ихъ при этой отдачѣ, какъ умершихъ. Теперь, эти дѣти ставились всюду священниками и церковниками. Ярославъ продолжалъ дѣло своего отца:

въ Новгородѣ онъ тоже собралъ 300 дѣтей у старостъ и поповъ и отдалъ учиться книжному и церковному просвѣщенію.

Великій князь, пристрастившійся къ книжному ученію, самъ читалъ священныя книги и днемъ, и ночью. Онъ неутомимо всюду отыскивалъ ихъ и конечно, собралъ все, что можно было найти на Славянскомъ языкѣ у Болгаръ. Но не довольствуясь этимъ, онъ посадилъ у себя въ терему множество переводчиковъ и заставилъ ихъ переводить и переписывать въ большомъ числѣ книги съ Греческаго языка, чтобы разсылать ихъ потомъ по церквамъ. Этимъ рвеніемъ къ книжному дѣлу, великій князь положилъ основаніе и древнѣйшему Русскому книгохранилищу при Новгородскомъ Софіевскомъ соборѣ.

Руководимые Ярославомъ, какъ семья его, такъ и все Русское высшее общество,—усердно просвѣщали себя чтеніемъ и наукой; переписка книгъ, такъ какъ книгопечатаніе не было тогда еще извѣстно, считалась настолько почетнымъ занятіемъ, что первѣйшія духовныя лица, князья и княгини посвящали свое свободное время этой перепискѣ. Любимый сынъ Ярослава, Всеволодъ, по собственной охотѣ изучилъ пять иностранныхъ языковъ, а другой сынъ, Святославъ, собиралъ гдѣ могъ книги и заваливалъ ими свои покои. До сихъ поръ сохранилась написанная по его приказанію и украшенная драгоцѣнными рисунками книга „Изборникъ Святослава“. Къ тѣмъ же временамъ относится также сохранившееся до сей поры Евангеліе, съ великолѣпными рисунками и украшеніями, написанное для Новгородскаго посадника Остромира. Оно носитъ названіе „Остромирова Евангелія“.

По поводу такъ сильно развившейся любви къ книжному просвѣщенію въ Ярославово время, лѣтописецъ говоритъ; „Подобно тому, какъ еслибъ кто распахалъ землю а другой посѣялъ, а иные стали-бы пожинать и ѣсть пищу обильную, такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ; сынъ его, Ярославъ, насѣялъ ихъ книжными словами, а ихъ теперь пожинаютъ, принимая книжное ученье. Велика бываетъ польза отъ него; изъ книгъ учимся путемъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе; это рѣки, напояющія вселенную; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія“.

Кромѣ распространенія Православія и просвѣщенія, Ярославъ оставилъ по себѣ память также и тѣмъ, что онъ былъ Государь, которому приписывается составленіе перваго писаннаго свода законовъ, подъ названіемъ: „Русская Правда“.

Въ эту „Русскую Правду“ вошли всѣ порядки для производства княжескаго суда, а также и правила для взиманія взысканій и государственныхъ доходовъ.

Сборникъ этотъ весьма любопытенъ, такъ какъ по наказаніямъ, указаннымъ въ немъ, можно судить о нравахъ, господствовавшихъ тогда на Руси.

Изъ законовъ, помѣщенныхъ въ „Русской Правдѣ“, мы видимъ, что не смотря на принятіе христіанства—родовая месть при Ярославѣ считалась еще вполнѣ законною; такъ сильны, значитъ, были древне-Арійскіе языческіе обычаи. „Русская Правда“ дѣлаетъ лишь то ограниченіе, что мстить за обиду не весь

родъ обиженнаго, а только его ближайшіе родственники: братъ за брата, отецъ за сына, сынъ за отца и племянникъ за дядю. Въ случаѣ, если почему либо мести не было, то за убійство или увѣчье князю платилась *вира*, имѣвшая разные размѣры, смотря по свойству обиды и званію обиженнаго; такъ, за убійство свободнаго человѣка платилось сорокъ гривенъ, а за княжескаго мужа — восемьдесять гривенъ. Если же на землѣ какого-либо селенія находили мертвое тѣло, при чемъ убійца не былъ обнаруженъ, то все селеніе платило князю виру; эта вира называлась *дикэй*. По „Русской Правдѣ“ особенно сильно карались поджигатели и конокрады — самые злые враги сельскаго населенія и въ настоящее время. Виновные въ этихъ преступленіяхъ выдавались князю на *потокъ*, то-есть на изгнаніе, а дома ихъ и имущество разграблялись.

Изслѣдованіе дѣла производилось всегда очень тщательно: вызывались свидѣтели, выслушивались стороны, и только тогда постановлялось рѣшеніе. Если же свидѣтелей не было и дѣло почему либо представлялось неяснымъ, то обвиняемые въ убійствѣ или въ кражѣ не менѣе, чѣмъ на полгривны золота, подвергались испытанію желѣзомъ: они должны были произносить присягу, либо стоя на раскаленномъ желѣзѣ, либо держа на немъ два пальца; при менѣе важныхъ преступленіяхъ, производилось испытаніе водой: обвиняемый долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки, если онъ при этомъ робѣлъ или мѣшался, то проигрывалъ дѣло.

Мы видѣли, что ближайшимъ помощникомъ Русскихъ князей во всѣхъ дѣлахъ была его *дружина*. Дружина эта раздѣлялась на старшихъ мужей, или *бояръ*, и на младшихъ—называемыхъ также *гридями* (отъ этого слова произошло и названіе *гридница*, то есть палата, гдѣ въ княжескихъ теремахъ собирались люди его дружины). Бояре были тѣ старшіе мужи, съ которыми совѣщался князь о всѣхъ важныхъ дѣлахъ какъ ратныхъ, такъ и земскихъ; мы видѣли также, что святой Владиміръ совѣщался съ боярами же и тогда, когда задумалъ принять христіанство. Князья посылали бояръ посадниками въ города, послами къ иноземнымъ государямъ и назначали ихъ *тысяцкими* или *воеводами* надъ ратными людями отъ Земли, которые приходили со своими старостами, сотскими и десятскими.

При построеніи полковъ для боя—дружина обыкновенно ставилась на обоихъ крыльяхъ *большого полка*, или *чела*, который состоялъ изъ воевъ отъ Земли. Такимъ порядкомъ, обыкновенно большой полкъ велъ бой, а дружина на крыльяхъ своими рѣшительными дѣйствіями довершала побѣду. Конечно, дороже всего для дружины долженъ былъ быть ея князь, а для князя его дружина. И дѣйствительно, мы видѣли насколько преданы были всегда своимъ князьямъ ихъ дружины въ самыхъ трудныхъ дѣлахъ, а также какъ и князья любили свои дружины. Олегъ, возвращаясь изъ Царьградскаго похода, не пожалѣлъ надѣлать изъ драгоцѣнныхъ паволокъ парусовъ для кораблей своей дружины. Доблестный Святославъ не хотѣлъ креститься, чтобы не смѣялись его мужи; дружина же его всегда была готова лечь костьми за своего князя. Святой Владиміръ, услышавъ, что его подвыпившіе дружинники жалуются на деревянныя ложки, сейчасъ-же приказалъ выковать имъ изъ се-

ребра. Наконецъ, Мстиславъ Удалой, надолго оставилъ по себѣ память именно тѣмъ, что безпредѣльно любилъ свою дружину.

Всѣ мужи дружины были совершенно свободны и всегда могли оставить службу у князя и переѣхать къ другому; но въ дѣйствительности случаи эти въ описываемое время были чрезвычайно рѣдки.

Кромѣ князей, и княгини тоже имѣли свои дружины, особенно тѣ, которыя по складу своей души любили принимать участіе въ дѣлахъ Русской Земли.

Содержаніе дружинъ обходилось князьямъ, вообще, очень дорого, почему онѣ и не были многочисленны; 800 человѣкъ считалось уже очень большой дружиной. Но если дружины были не велики, то составъ ихъ подбирался съ особой заботой. Во главѣ ея всегда стоялъ самъ князь, поступая въ ея ряды съ ранняго дѣтства. Мы видѣли малютку Святослава, уже съ четырехъ-лѣтняго возраста идущаго во главѣ дружины въ бой. Вообще, въ тѣ времена жизнь князей начиналась рано: они нерѣдко женились одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ отъ роду, на восьми или девятилѣтнихъ невѣстахъ, и въ этомъ же возрастѣ начинали принимать участіе въ дѣлахъ управленія и переносить всѣ тягости боевой жизни. Къ двадцати годамъ изъ нихъ вырабатывались настоящіе мужи по своему зрѣлому уму въ дѣлахъ земскихъ и по умѣнью не только лично вести бой съ врагомъ, но и искусно водить на него свои войска.

Такими же молодцами были и молодые товарищи князя, съ которыми онъ вмѣстѣ росъ,—боярскія дѣти; да и все остальное населеніе, по примѣру князей, съ ранняго возраста отличалось большимъ мужествомъ и дѣловитостью. Стоитъ только вспомнить того замѣчательнаго отрока, который пробрался черезъ станъ Печенѣговъ съ уздой въ рукахъ къ воеводѣ Претичу во время осады Печенѣгами Кіева, въ княженье Святослава. И до сихъ поръ среди Русскаго народа, когда случается война, всегда находятся славные отроки, иногда не старше тринадцати или четырнадцати лѣтъ, которые не только проявляютъ чудеса храбрости, но также, слѣдуя примѣру этого Кіевскаго молодого героя, и необыкновенное хладнокровіе и разсудительность при величайшей опасности; что же касается нашей молодежи, изъ которой нынѣ состоитъ Русское войско, то всѣмъ извѣстно, какими отважными героями, наравнѣ со старыми воинами, они всегда себя держатъ передъ врагомъ.

Въ княжескую дружину принимались люди всякаго рода и племени и всѣхъ возрастовъ и состояній. Единственное требованіе, которое имъ предъявлялось, это, чтобы они были мужами добрыми, храбрыми и смышленными. Каждый самый простой человѣкъ могъ разсчитывать занять въ княжеской дружинѣ самое почетное мѣсто—исключительно благодаря своимъ личнымъ доблестямъ.

Мы видѣли, что у Святослава первымъ вельможей послѣ него былъ великанъ Икморъ, вышедшій изъ простого званія, только вслѣдствіе своихъ необыкновенныхъ воинскихъ подвиговъ; мы видѣли также, во время борьбы Святого Владиміра съ Печенѣгами, что онъ тотчасъ же возвелъ въ бояре,

даже вмѣстѣ съ отцомъ, простого крестьянина Яна Усмошвеца за его славную побѣду надъ Печенѣжскимъ силачомъ.

Этимъ братствомъ и равенствомъ военныхъ людей передъ своими Государями, внѣ зависимости отъ того, изъ какого званія они происходятъ, всегда отличались только русскія войска, при чемъ у насъ такъ осталось и до настоящаго времени.

Особенно цѣнили князья, когда въ ряды ихъ дружинъ поступали знаменитые богатыри, славные своими доблестными дѣлами.

Въ древнихъ нашихъ пѣсняхъ мы находимъ, что князь встрѣчалъ прибывающихъ неизвѣстныхъ ему богатырей слѣдующими словами:

„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажите-жъ, какъ васъ по имени зовутъ;
А по имени вамъ можно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловать“.

Такое отношеніе князей къ богатырямъ еще яснѣе выражено въ одной изъ былинъ про Илью Муромца:

„Пріѣхалъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ ты, батюшка, Владиміръ князь!
Тебѣ надо-ль насъ, принимаешь-ли
Сильныхъ, могучіихъ богатырей,
Тебѣ, батюшка, на почесть—хвалу,
Твоему граду стольному на изберечь!..“
Отвѣчаетъ батюшка Владиміръ князь:
„А и какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю“.

Богатырями, въ старыя времена, прозывались тѣ добрые молодцы, знаменитые своей отвагой, исполинской силою и христіанскою душою, которые всегда готовы были помочь своему меньшому брату въ бѣдѣ и защитить его отъ обиды. А обиды тогда было отъ кого терпѣть. Въ степяхъ рыскало *Идолище поганое*, каковымъ именемъ народъ называлъ Печенѣговъ и другихъ хищниковъ; въ лѣсахъ же сидѣли лютые люди—*Соловьи разбойники*, чудно перекликавшіеся между собой разными звѣриными и птичьими голосами, когда давали другъ другу знать о приближеніи путниковъ; былъ и *Жидовинъ-проклятый*—съ Хозарской страны, были и другіе злые враги, называвшіеся въ народѣ *Змѣями-Горынычами*, *Тугаринами Змѣиновичами* и другими мудреными прозвищами. Всѣ эти враги Русской Земли—нападали внезапно на отдѣльныхъ людей, или на цѣлыя селенія, подстерегали въ лѣсахъ и оврагахъ путниковъ, грабили, убивали, жгли и уводили въ полонъ беззащитный народъ—стариковъ, женщинъ и дѣтей. Княжеская дружина была не велика, да почти всегда и занята войной. Кромѣ того, Русь была такъ обширна, а дорогъ въ ней было такъ мало, что много нужно было времени, чтобы княжей дружинѣ дойти до того мѣста, гдѣ свершался разбой или набѣгъ хищниковъ: поэтому,

конечно, воры и разбойники могли всегда уйти во-время. Мы видѣли, что даже большую Печенѣжскую силу иногда было невозможно догнать и найти въ степяхъ; князь Борисъ, посланный Святымъ Владиміромъ съ дружиной противъ Печенѣговъ, возвращался назадъ, не встрѣтивъ ихъ, когда узналъ на рѣкѣ Альтѣ о смерти отца.

Вотъ защитниками бѣднаго люда въ ихъ округахъ противъ этихъ воровъ и разбойниковъ и являлись въ древней Руси наши славные богатыри, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и вѣрными княжьими слугами. Они посылались или самими князьями, или приглашались мѣстными жителями для защиты отъ лютыхъ враговъ; здѣсь они совершали свои подвиги, иногда очень трудные и дѣлались, конечно, народными любимцами и героями.

На ряду съ богатырями въ тѣ же времена водились и *Поленицы*.

Поленицами прозывались въ народѣ тѣ добрыя дѣвицы, обыкновенно дочери или сестры богатырей, которыя, обладая всѣми лучшими свойствами женской души, были вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильны и смѣлы, что могли заткнуть за поясъ любого молодца; онѣ тоже, какъ и ихъ отцы и братья, служили святому дѣлу народной защиты и вступали въ отважные бои съ разбойниками и прочими лихими людьми. Носили поленицы обыкновенныя женскія платья, но ѣздили на коняхъ и были вооружены копьями, щитами и булатными мечами.

Удалыя поленицы, будучи безстрашными и грозными воинами, пока оставались въ дѣвицахъ, по выходѣ замужъ, превращались въ самыхъ вѣрныхъ и добрыхъ женъ и хозяекъ.

Такъ рисуютъ ихъ народныя сказанія.

Лѣтописи почти не говорятъ о подвигахъ богатырей и не говорятъ потому, что составлялись онѣ, чтобы заносить на память потомству важныя государственныя дѣла, имѣвшія значеніе для всей Руси; при этомъ онѣ составлялись всегда кратко, безъ лишнихъ словъ. Славныя же дѣла богатырей и поленицъ относились обыкновенно къ отдѣльнымъ событіямъ той или другой мѣстности, а не ко всей Русской Землѣ, а потому они въ лѣтописи и не заносились. Изъ лѣтописныхъ извѣстій мы знаемъ только, что богатыри водились на Руси вплоть до нашествія татаръ, при которомъ они въ первой же битвѣ всѣ легли костьми за Русскую Землю.

Познакомиться же подробно съ богатырями и поленицами можно по народнымъ пѣснямъ-былинамъ.

Былины—это преданія о подвигахъ богатырей, созданныя народной любовью къ нимъ; онѣ переходятъ мѣстами въ сказку и надѣляютъ своихъ любимцевъ совершенно несуразною силою и невѣроятными подвигами. Но какъ въ сказочныхъ преданіяхъ древнихъ Грековъ о кентаврахъ и амазонкахъ заключалось много истиннаго смысла, такъ и въ нашихъ былинахъ о богатыряхъ находится много настоящей правды.

Читая былины, мы знакомимся не только съ именами нашихъ славныхъ богатырей и ихъ чудесными дѣлами, но какъ бы переносимся въ тѣ времена, когда они жили,—такъ живо и правдиво составлены эти былины; въ нихъ показаны и нравы каждаго богатыря, и счеты ихъ между собой, и насмѣшки,

которыми они осыпали иногда другъ друга: читая былины, какъ-бы присутствуешь на богатырскихъ пирахъ, видишь ихъ одежду и оружіе, и тѣхъ добрыхъ коней, которые ихъ носили.

Всѣ разсказы Кіевскихъ былинъ связаны между собою такъ, что одна служитъ какъ бы продолженіемъ другой.

Богатыри въ нихъ выводятся двухъ родовъ—старшіе и младшіе.

Изъ старшихъ богатырей особенно знамениты были двое: *Святогоръ-Богатырь*, такой страшный силачъ, что „грузно ему было отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени“, и еще сильнѣе его—богатырь-пахарь *Микула Селянинovичъ*. По былинному сказанію, Микула Селяниновичъ пахалъ такой тяжелой сохой, что ее не могла вытянуть изъ земли вся дружина мимоѣзжаго князя Вольги Всеславьевича, а онъ, Микула, бралъ ее одной рукой и кидалъ за ракитовъ кустъ.

Разсказъ о силѣ Микулы Селяниновича явно сказочный, но вся былина о немъ глубоко поучительна и показываетъ намъ, какимъ почетомъ и уваженіемъ издревле пользовалось у предковъ нашихъ *земледѣлье*, почему они и возвели добраго и искуснаго хлѣбопашца въ своего самаго старшаго и славнаго богатыря. Въ этомъ сказывается глубокая мудрость нашихъ прародителей, такъ какъ тогда только Русскій народъ можетъ быть великъ и славенъ, когда кормильцы его—земледѣльцы будутъ добрыми, сильными и искусными хозяевами въ своемъ дѣлѣ.

Вотъ какъ изображенъ въ былинѣ доблестный Микула Селяниновичъ:

„Оретъ въ полѣ оратай *), понукиваетъ,
У оратая сошка поскрипываетъ,
Омѣшики по камушкамъ почиркиваютъ;
Оретъ въ полѣ оратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздочки пометываетъ;
Въ край уѣдетъ—и другого не видать;
Изъ земли дубья-колодья вывертываетъ,
А великіе каменья всѣ въ борозду валитъ;
Только кудри у оратая качаются,
Скатнымъ жемчугомъ по плечамъ разсыпаются.
Сошка у оратая дубовая,
А омѣшики на сошкѣ чиста серебра,
На омѣшикахъ присошекъ красна золота.“

Идя за своей сохой, Микула встрѣчаетъ Вольгу Всеславьевича, тоже старшаго богатыря и славнаго охотника на всякаго звѣря: между ними завязывается разговоръ, послѣ котораго Микула и предлагаетъ дружинѣ Вольги вытянуть его соху изъ земли, и когда та не можетъ этого сдѣлать, то онъ забрасываетъ ее легко за кусты; изумленный его силой, Вольга спрашиваетъ:

*) Пахарь.

„Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Какъ тебя, скажись-ка, именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?“

На это ему отвѣчаетъ Микула:

„Я какъ ржи напашу да въ скирды сложу,
Въ скирды сложу, съ поля выволочу,
Съ поля выволочу, дома вымолочу,
Дрони надеру да пива накурю,
Пива накурю да гостей соберу,—
Станутъ гости пить, станутъ кушати,
Станутъ здравствовать меня да похваливати:
Ай ты здравствуешь, Микула Селяниновичъ!“

Таковъ былъ набольшій изъ старшихъ богатырей—крестьянинъ-корм
лецъ Микула Селяниновичъ.

У Микулы Селяниновича были три дочери, всѣ славныя полениц
Старшая изъ нихъ, Василиса Микулична, кромѣ силы, отличалась необыкн
веннымъ умомъ и вышла замужъ за богатаго Черниговскаго купца Ставр
Годиновича. Въ одной изъ былинъ разсказывается, какъ она выручила муж
своимъ умомъ изъ большой бѣды. Случилось это такъ: однажды Ставръ Год
новичъ пріѣхалъ въ Кіевъ, къ князю Владиміру, и во время пира начал
выхваливать свою жену:

„Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
Василисой, дочерью Микуличной?
Какъ во лбу-то у нея свѣтелъ мѣсяцъ,
По косицамъ—звѣзды частыя,
Бровушки чернѣе черна соболя,
Очушки яснѣе ясна сокола,
Всѣхъ васъ, князей-бояръ, продастъ да выкупитъ
А тебя, Владиміра, съ ума сведетъ“.
На то слово на пиру всѣ призамолкнули,
А Владиміру то слово не слюбилося,
И спроговорилъ Владиміръ таковы слова:
„Гой вы, слуги мои, слуги вѣрные!
Вы берите-ка Ставра Годинова
За его за ручушки за бѣлыя,
За его за перстни за злаченыя,
Отведите-ка во погреба холодные,
За его рѣчи за неучливыя,
Посадите на овесъ да на воду,
Не на много, не на мало, ровно на шесть лѣтъ.
Пусть-ка тамъ Ставеръ да обдумается,
Пусть-ка тамъ да образумится.

Поглядимъ-ка, какъ Ставрова молода жена
Муженька изъ погребовъ повыручитъ,
Всѣхъ васъ, князей-бояръ, продастъ да выкупитъ,
А меня, Владиміра, съ ума сведетъ.

Когда Василиса Микулична узнала про бѣду, стрясшуюся надъ мужемъ, она сейчасъ же поняла, что сможетъ выручить его отнюдь не силою, а только „своей догадочкою женскою“. Для этого она одѣлась въ мужское платье, одѣла богатырскіе доспѣхи, снарядила съ собой сорокъ молодцовъ и отправилась прямо въ Кіевъ, будто бы посломъ отъ какого-то царя Калина, требовать отъ Владиміра платежа дани, которую онъ долженъ былъ, конечно, только по былинному сказанью, уплатить этому грозному Калину за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ.

Явившись къ Владиміру, она грозно потребовала уплаты долга и назвала себя Василіемъ Микуличемъ—посломъ царя Калина. При этомъ Василій Микуличъ сталъ засматриваться на молодую племянницу Владимірову, на Забаву Путятичну, и объявилъ князю, что проситъ ея руки.

На то:

Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Ай ты, молодой Васильюшка, Микуличъ сынъ!
Я пойду съ племянницей подумаю“.
Выводилъ племянницу изъ горенки,
Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ:
„Ай-же ты, моя любезная племянница!
Ты пойдешь-ли за того грозна посла,
За млада Василія Микулича?“
Говоритъ ему племянница тихохонько:
„Ай-же ты, мой дядюшка возлюбленный!
Что-то у тебя теперь затѣяно,
Что-то у тебя задумано?
Не отдай ты дѣвицы за женщину,
Не надѣлай смѣху по святой Руси!“
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Какъ-же не отдать мнѣ за грозна посла,
За грозна посла собаки царя Калина?“
„А не быть-же то грозну послу—быть женщинѣ.
Знаю я примѣты всѣ по женскому:
Какъ по улочкѣ идетъ—что уточка плыветъ,
А по горенкѣ ступаетъ почастенечку;
Какъ на лавочкѣ сидитъ—колѣнца вмѣстѣ жметъ,
Съ поволокою глаза поваживаетъ.
Рѣчь съ провизгомъ у ней по женскому,
Бедра крутеньки у ней по женскому,

Ручки бѣленьки у ней по женскому,
А и пальчики-то тоненьки по женскому,
Даже дужки отъ колецъ не вышли всѣ.
Двое на двое намъ будетъ хоть съ тоски пропасть!“

Тогда Владиміръ, чтобы испытать посла, предложилъ ему побороться с княжескими молодцами, думая, что если посолъ—женщина, то она откажетс Но Василиса Микулична, какъ бывшая поленица, на это и разсчитывала. Он быстро поборола всѣхъ молодцовъ и легко уложила ихъ на землю.

Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ.
„Глупая Забава, неразумная!
Дологъ волосъ у тебя, умъ коротокъ:
Женщиною назвала богатыря:
Экаго посла здѣсь и не видано!“
Позаспорилась Забава съ княземъ-дядюшкой:
„Ай-же ты, мой государь свѣтъ-дядюшка!
А не быть же то грозну послу—быть женщинѣ:
Всѣ примѣты у него по женскому.“

Тогда, чтобы еще разъ испытать посла, Владиміръ предлагаетъ ему п стрѣлять изъ тугого лука съ его молодцами. Посолъ не только соглашается, велитъ еще принести свой лукъ, который былъ такъ тяжелъ, что его е снесли десять молодцовъ; при этомъ онъ одной стрѣлой изломалъ громадны дубъ на ножевыя черенки. Тогда Владиміръ окончательно убѣдился, что э настоящій мужчина и посолъ царя Калина, онъ предложилъ ему сыграть с нимъ въ заморскіе шашки, при чемъ съ своей стороны ставилъ стольный град Кіевъ, а посолъ долженъ былъ поставить неуплаченную дань за двѣнадца лѣтъ. Согласились и сѣли играть. Черезъ три хода Владиміръ уже проигра всю игру, и посолъ сказалъ ему:

„Ай ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій!
Проигралъ ты мнѣ твой стольный Кіевъ-градъ“.
Говоритъ ему Владиміръ князь:
„Ты изволь меня, посолъ, взять головой съ женой“.

Посолъ на это отвѣтилъ:

„А не надобно же мнѣ тебя съ княгинею,
Да не надобно и вашего мнѣ Кіева;
Ты отдай-ка за меня замужъ племянницу
Молоду Забавушку Путятичну“.
На великихъ радостяхъ Владиміръ князь
Не пошелъ Забаву больше спрашивать,
Сталъ любимую племянницу просватывать
За грозна посла Василія Микулича.

Когда наступилъ день свадьбы, то молодой посолъ закручинился и п просилъ прислать веселыхъ загусельщиковъ, чтобы развлечься ихъ игрой. Д

талъ Владиміръ загусельщиковъ да все не могутъ они развеселить посла, оторый проситъ уже выпустить изъ тюрьмы заключенныхъ, умѣющихъ играть а гусляхъ. Выпустили и этихъ, но и они играютъ невесело.

Тогда, наконецъ, посолъ спросилъ, нѣтъ-ли здѣсь Черниговскаго гостя — Ставра Годиновича, который отлично можетъ играть на гусляхъ. Призадумался адъ этимъ Владиміръ и говоритъ себѣ: „Мнѣ какъ выпустить Ставра, такъ е видать Ставра, а не выпустить Ставра, такъ разгнѣвить посла“. Наконецъ, Ставра выпустили, и онъ сталъ играть на гусляхъ. Когда посолъ спросилъ: „Не узнаетъ ли Ставръ его“, то Ставръ отвѣтилъ: „Неоткуда-жъ мнѣ и знать ебя“.

Тогда посолъ обратился къ Владиміру и сказалъ ему: „Мнѣ твоихъ не адо даней-выходовъ, ты пожалуй-ка меня веселымъ молодцомъ, молодымъ Ставромъ Годиновымъ“.

Опять призадумался Владиміръ, но потомъ опять рѣшилъ исполнить же аніе посла и отдалъ ему Ставра. Тогда посолъ предложилъ Ставру поѣхать ъ нимъ въ поле, посмотрѣть его храбрую дружину изъ сорока молодцовъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Пріѣзжали ко дружинушкѣ хороброей.
Шелъ посолъ Василій во бѣлый шатеръ,
Сокрутился Василисой въ платья женскія;
„Здравствуешь, Ставеръ Годиновичъ:
А теперь-то ты меня не знаешь-ли?“
Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновичъ:
„Здравствуешь, моя любимая семеюшка,
Молодая Василиса, дочь Микулична!“
„А за что-же ты, Ставеръ Годиновичъ,
Засаженъ былъ княземъ въ погреба холодные?“
„Я тобой похвасталъ, молодой женой,
Что всѣхъ князей-бояръ продашь да выкупишь,
Самого Владиміра съ ума сведешь“.
А теперь скорѣй посядемъ на добрыхъ коней,
Во свою сторону уѣдемъ во Черниговъ градъ“.
Говорила Василиса, дочь Микулична:
„А не честь же, не хвала намъ молодецкая
Воровски уѣхати изъ Кіева;
Мы поѣдемъ свадебку доигрывать.
Князья-бояре-то проданы, выкуплены,
Солнышко Владиміръ князь съ ума сведенъ“.

Когда они вернулись въ Кіевъ, то Василиса сказала Владиміру:

Я, грозенъ посолъ, Ставрова молода жена,
Василиса, дочь Микулична,
Воротилась свадебку доигрывать.
Да отдашь ли за меня еще племянницу?“

Говоритъ Забава, дочь Путятична:
„Ай-же ты, мой дядюшка Владиміръ князь!
Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси,
Чуть не отдалъ дѣвицу за женщину!“
Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій
Самъ проговорилъ да таковы слова:
„Благодарствуешь, Ставеръ да сынъ Годиновичъ,
Зналъ похвастать молодой женой!
Всѣхъ сумѣла здѣсь она продать да выкупить,

Добрыня Никитичъ. Илья Муромецъ. Алеша Поповичъ.
41. Богатыри (по картинѣ В. М. Васнецова).

А меня, Владиміра, съ ума свести.
За твою за похвальбу великую
Ты торгуй-ка вѣка во Кіевѣ,
Вѣкъ торгуй и по вѣку безпошлинно“.

Вотъ какова была славная Василиса Микулична, старшая дочь старшаг и набольшаго богатыря Микулы Селяниновича.

Изъ младшихъ богатырей особенной извѣстностью пользовались: Добрын Никитичъ, боярскаго рода, Алеша Поповичъ—сынъ священника, и Илья Муро мецъ—простой крестьянскій сынъ. Среди этихъ трехъ богатырей, по былин нымъ сказаніямъ, опять первое мѣсто принадлежало прямому сыну Земли— славному Ильѣ Муромцу.

Илья Муромецъ, по этимъ сказаньямъ, былъ прямодушнымъ и неподкуп нымъ человѣкомъ, честно и вѣрно служившимъ князю Владиміру. Какъ кре

тьянскій сынъ, онъ былъ нѣсколько грубоватъ въ своихъ рѣчахъ, невоздерканъ въ пированіи и не прочь пошумѣть и подраться во хмѣлю. Но при этомъ, онъ всегда былъ и высокосправедливъ—даже и въ порывѣ гнѣва. Онъ былъ сильнѣе всѣхъ Кіевскихъ богатырей и старше ихъ годами; свою могучую силу Илья Муромецъ получилъ отъ трехъ вѣщихъ старцевъ, которые предсказали ему, что „смерть ему на бою не писана“. И Илья безстрашно, до конца своихъ дней боролся съ врагами Земли Русской, не щадя ни пота, ни крови.

Добрыня Никитичъ, сынъ дружиннаго боярина, кромѣ мужества и храбрости, въ противоположность Ильѣ Муромцу, отличался еще особымъ *вѣжествомъ*, умѣлъ говорить красиво и умно и славно пѣлъ съ гуслями въ рукахъ былины про старшихъ богатырей. Затѣмъ онъ обладалъ еще необыкновенно благороднымъ и глубоко христіанскимъ сердцемъ, что мы увидимъ, когда рѣчь пойдетъ о его женѣ.

Третій славный богатырь, Алеша Поповичъ, былъ опять совсѣмъ другой человѣкъ. Очень храбръ, остеръ, уменъ и красенъ на языкъ, но зато хвастливъ, завистливъ и не твердъ въ своемъ словѣ. „Не возьметъ силою, такъ возьметъ лукавствомъ“, говорилъ про него старый Илья Муромецъ.

Изъ этихъ трехъ богатырей Добрыня и Алеша были много моложе Ильи Муромца, но свою богатырскую службу они начали раньше его, такъ какъ Илья Муромецъ смолоду тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ вслѣдствіе болѣзни и не могъ двинуть ни рукою, ни ногою. Будучи въ такомъ безпомощномъ состояніи, Илья усердно молилъ Бога и просилъ исцѣлить его съ тѣмъ, что онъ тогда убьетъ Соловья-разбойника, занявшаго въ лѣсахъ дорогу на Кіевъ и творившаго много зла проѣзжему народу. По этой молитвѣ, во дворъ къ его отцу зашли однажды прохожіе старцы—калики перехожіе, исцѣлили его отъ болѣзни, дали вдобавокъ силу могучую и предсказали, что онъ въ бою смерти своей не приметъ.

Обрадованный Илья, сѣлъ тотчасъ же на коня и отправился на Соловья-разбойника, котораго взялъ въ полонъ и привязалъ себѣ къ сѣдлу, послѣ многихъ, чисто сказочныхъ, приключеній. Съ привязаннымъ Соловьемъ Илья отправился прямо въ стольный градъ Кіевъ, гдѣ, отстоявъ обѣдню, предсталъ предъ ясныя очи самого князя Владиміра Красна-Солнышка, въ гридницѣ у котораго шелъ въ это время, какъ всегда по воскреснымъ днямъ, пиръ горой Владиміръ, по своему обычаю, ласково встрѣтилъ прибывшаго витязя и спросилъ его, откуда онъ и чѣмъ занимается. Илья Муромецъ отвѣтилъ, что пріѣхалъ прямой дорогой въ Кіевъ и поспѣлъ къ поздней обѣднѣ. На это Алеша Поповичъ сказалъ Владиміру:

„Гой ты, ласковое солнышко, Владиміръ-князь!
Во глазахъ дѣтина завирается,
Во глазахъ надъ нами насмѣхается!
Ужъ ему-ли, деревенщинѣ, проѣхати
Прямохожею дорожкой, прямоѣзжею?
Во лѣсахъ во Брынскихъ грязь топучая...
Воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи сукахъ,

Соловей-разбойникъ, сынъ Рахмановичъ,
Какъ засвищетъ онъ по соловьиному,
Зашипитъ, разбойникъ, по змѣиному,
Закричитъ, собака, по звѣриному—
Всѣ-то травушки-муравы уплетаются,
Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
Темны лѣсушки къ землѣ всѣ приклоняются,
А что есть людей, то всѣ мертвы лежатъ".
Говоритъ удалый Илья Муромецъ:
„Гой ты, солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій!
Соловей-разбойникъ на твоемъ дворѣ:
Выбилъ я ему злодѣю правый глазъ,
Приковалъ его ко стремячку булатному".

Послѣ этого, князь съ княгиней и всѣ богатыри сошли на дворъ смотрѣть Соловья-разбойника, который такъ всѣхъ на смерть напугалъ своимъ страшнымъ свистомъ и шипѣніемъ, что Илья Муромецъ вывелъ его въ поле и убилъ стрѣлой. Когда Илья вернулся послѣ этого въ гридницу, то Владиміръ держалъ ему такую рѣчь:

„Благодарствуешь, удалый Илья Муромецъ,
Что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
Нареку тебѣ я имячко по новому:
Будь ты первый богатырь во Кіевѣ,
Старый Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ,
Да живи у насъ во стольномъ Кіевѣ,
Вѣкъ живи отнынѣ до вѣку!"
И пошли они къ обѣду княженецкому.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Гой еси ты, первый богатырь нашъ Кіевскій,
Старый Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ!
Жалую тебя тремя мѣстами я:
Первое мѣсто—въ рядъ со мной садись,
Друго мѣсто въ рядъ съ княгинею,
Третье мѣсто—куда самъ захошь".
Заходилъ Илья съ оконничка,
Пожалъ всѣхъ князей да бояровъ,
Сильныихъ, могучіихъ богатырей:
Очутился противъ самого Владиміра.
Смѣлому Алешѣ за бѣду пало,
Взялъ Алеша со стола булатный ножъ,
Кинулъ во Илью во Муромца;
На лету поймалъ Илья булатный ножъ
Да воткнулъ его въ дубовый столъ.
Говоритъ Ильѣ Добрынюшка Никитичъ младъ:

„Гой ты, первый богатырь нашъ Кіевскій,
Старый Илья Муромецъ Ивановичъ!
Держимъ всѣ мы на тебя надежду крѣпкую:
Ужъ прими-ка ты меня, Добрынюшку,
А со мной и моего-ли братца меньшаго,
Смѣлаго Алешеньку Поповича,
Во свои во братья во крестовые;
Будешь ты, Илья, намъ братцемъ большімъ,
Я, Добрыня, буду братцемъ среднімъ,
А Алеша—братцемъ меньшімъ“.
Говоритъ ему Алешенька Поповичъ младъ:
„Во своемъ-ли ты умѣ, Добрынюшка,
Во своемъ-ли, братецъ мой, во разумѣ?
Самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго,
Я, Алешенька, изъ стараго поповскаго,
А ему никто не знаетъ роду-племени,
Принесло его ни вѣсть откудова,
Назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома
Да чудитъ у насъ во Кіевѣ, уродствуетъ“.
Былъ тутъ славный богатырь Самсонъ Самойловичъ,
Говоритъ Ильѣ Самсонъ Самойловичъ:
„Гой ты, мой возлюбленный племянничекъ,
Первый богатырь нашъ Илья Муромецъ!
На Алешку больно ты не гнѣвайся:
Роду онъ поповскаго, захлыщева
И каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ,
Лучше всѣхъ бранится, лучше ссорится!“
Говоритъ Алешенька Поповичъ младъ:
„Ай ты, дядюшка Самсонъ Самойловичъ!
Не во гнѣвъ же и тебѣ будь сказано:
Самъ доселѣ слылъ ты старшімъ богатыремъ,
А теперь кого въ племянники пожаловалъ,
Надъ собою набольшимъ кого призналъ?
Деревеньщину, засельщину!“
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ:
„Ай-же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ:
Ты гораздъ играть во гусельцы звончатыя,
Пѣть про времена про стародавнія...
Спой Алешѣ на послушанье старинушку
Про того про деревенскаго богатыря,
Про Микулу Селянинова“.

Добрыня взялъ послѣ этого гусли и спѣлъ въ поученіе зазнавшемус
лешѣ былину про славнаго Микулу Селяниновича и про встрѣчу его съ

Вольгой Всеславьевичемъ, уже разсказанную нами, когда вся Вольгина дружина не могла поднять Микулиной сохи.

„Какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка,
Воспроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Пилъ допрежъ ты чарочку заздравную,
А теперь повыпей-ка забавную,
Во-первыхъ, за то, что распотѣшилъ насъ,
Во-вторыхъ, за то, что ко стыду привелъ
Смѣлаго Алешеньку Поповича;
Во скамьѣ сидитъ Алешка, не сворохнется,
Утопилъ глаза завидливы въ дубовый столъ".

Послѣ этой рѣчи Вадиміра, Добрыня выпилъ чару зелена вина, а одинъ изъ богатырей, Бермята Васильевичъ, сталъ упрекать Добрыню, что въ своей пѣснѣ про Микулу Селяниновича, онъ забылъ сказать про трехъ его славныхъ дочекъ:

„Поленицы молодыя все, удалыя,
Всѣ въ родителя и силою, и мудростью;
Старша—Василиса, дочь Микулична,
Средняя—Марія, дочь Микулична,
И меньша—Настасья, дочь Микулична.

Къ Бермятѣ Васильевичу присоединился и Алеша Поповичъ и началъ выговаривать Добрынѣ:

„Ай ты, славный загусельщикъ нашъ Добрынюшка!
Поленицъ удалыхъ и забылъ какъ разъ!
Ты поди-ка, сослужи-ка Богу молебенъ,
Что Микула твой уже преставился:
За твою за память молодецкую
Наградилъ бы онъ тебя изъ рукъ своихъ
Тѣми же грошами подорожными—
Шелепутой *) подорожною.
Хоть и живы дочери Микулины,
Да вотъ та, что поумнѣе, старшая,
Василиса, дочь Микулична,
За Ставра Годинова замужъ пошла,
Во Черниговѣ за муженькомъ живетъ,
На печи лежитъ да калачи жуетъ;
Всѣхъ сумѣла здѣсь продать да выкупить,
А Владиміра-то князя и съ ума свела;
И тебя не обошла бы благодарностью.
Но вотъ сестры у нея еще на выданьѣ,

*) Плеть съ ввязанной въ нее пулей.

Обѣ поленицы же удалыя,
Во раздольицѣ чистомъ полѣ полякуютъ *);
Вы сѣдлайте-ка скорѣй добрыхъ коней,
Ты, Добрыня, со своимъ со братцемъ большімъ,
Съ первымъ-ли богатыремъ Ильею Муромцемъ,
Выѣзжайте во раздольице чисто поле,
Во чистомъ полѣ порыскайте, покликайте,
Можетъ, выкличите поленицъ удалыхъ;
Тутъ, побить ихъ во бою вамъ, добрымъ молодцамъ,
Уже дѣло не великое—послѣднее;
А кто поленицу во бою побьетъ,
За того вѣдь и замужъ идетъ.
Прямо въ церковь Божью ко злату вѣнцу,
Отъ вѣнца честнымъ пиркомъ-ли и за свадебку!
Только буде, какъ Ставра Годинова,
Приберутъ васъ ко бѣлымъ рукамъ—
Не взыщите, братцы, не прогнѣвайтесь!

Илья Муромецъ отказывается ѣхать воевать поленицъ, говоря, что „старому жениться—не ко младости“. Но Алеша не унимается и настаиваетъ, чтобы Илья и Добрыня ѣхали-бы воевать съ дочерьми Микулы Селяниновича.

Тогда Добрыня говоритъ ему слѣдующее:

„Ай же смѣлый ты, Алешенька Поповичъ младъ!
Любо всякому могучему богатырю
По чисту полю порыскать, пополяковать,
Силой съ супротивникомъ помѣряться,
А съ невѣрнымъ за Святую Русь
Прозакладывать и буйную голову,
Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ
За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей.
Да не честь же, не хвала богатырю,
Для ради утѣхи молодецкія,
Проливать безвинну человѣчью кровь,
Обездоливать семейку богатырскую,
Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
А мужикъ Микула Селяниновичъ
И не тянется за славой за богатырскоей:
Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошкою,
Съ края въ край распахиваетъ землю-матушку,
Напасаетъ хлѣбушка на всю Святую Русь—
И на насъ съ тобой, могучіихъ богатырей;
Всю земную тягу, во поту лицу,

*) Ѣздятъ по чистому полю, отысквая приключеній.

Носитъ онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкіихъ,
А земную тягу на плечахъ носить
Не подъ силу и сильнѣйшему богатырю.

Послѣ этого, видя усмѣшку Алеши, Добрыня беретъ гусли и начинаетъ пѣть былину про то, какъ оба старшихъ богатыря—Святогоръ и Микула встрѣтились, и при этой встрѣчѣ силачъ Святогоръ никакъ не могъ поднять малой сумочки Никулиной, въ которой вся земная тяга была понагружена. При этомъ Добрыня закончилъ свою былину такъ, что Святогоръ, силясь поднять сумочку, такъ и увязъ въ землю, на которой она лежала, и тутъ же и отдалъ Богу душу. Бермята же Васильевичъ опять поправилъ Добрыню и сказалъ, что Святогоръ живетъ теперь на Святыхъ горахъ.

Тогда неуг монный Алеша Поповичъ предложилъ князю Владиміру послать Илью Муромца къ Святымъ горамъ, чтобы провѣрить, кто говоритъ правду—Добрыня или Бермята. На это предложеніе Илья тотчасъ-же согласился, сказавъ, что „не довлѣетъ сильному богатырю на покоѣ дома жить, животъ кормить“. Князь Владиміръ отпускаетъ его и даетъ въ товарищи Добрыню Никитича, съ которымъ Илья Муромецъ братается по пути и они мѣняются золочеными крестами. Въ этой поѣздкѣ Илья доѣхалъ до самыхъ Святыхъ горъ, видѣлъ Святогора, похоронилъ его и получилъ въ благословеніе часть его силы и славный Святогоровъ мечъ. Добрыня же разстался съ Ильею въ пути, такъ какъ имъ встрѣтилась удалая поленица—младшая дочка Микулы Селяниновича—Настасья Микулична. Добрыня началъ съ ней борьбу и два раза ударилъ ее своей палицей, но она и бровью не повела, а когда онъ ударилъ ее въ третій разъ, то промолвила:

„Я то думала, комарики покусываютъ,
Анъ то Русскіе богатыри пощелкиваютъ!“
И хватила за желты кудри Добрынюшку,
Сдернула Добрынюшка съ коня долой
И спустила во глубокъ мѣшокъ во кожаный.

Но добрый конь Настасьинъ отказался вести двухъ богатырей—ее и Добрыню, и тогда она вынула его изъ мѣшка и промолвила:

„Если старъ богатырь—голову срублю,
Если младъ богатырь—во полонъ возьму.
Если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду,
Не прилюбится—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю богатыря въ овсяный блинъ“.
Какъ взглянула на млада Добрынюшку,
Прилюбился ей Добрынюшка, понравился:
„Здравствуй, душенька, молоденькій Добрынюшка!“
Говорилъ на то Добрыня, спрашивалъ:
„Ай-же, поленица ты удалая!
Ты почемъ узнала молода Добрынюшку?“

„А бывала я во стольномъ-Кіевѣ,
Тамъ видала молода Добрынюшку...
Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество,
Сдѣлаешь со мною заповѣдь великую—
Отпущу тебя, Добрыня, я во живности;
Не возьмешь меня—въ ладонь складу, другой прижму,
Сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ!“

Добрыня, конечно, тотчасъ же согласился жениться на славной полянице, поѣхалъ съ нею въ Кіевъ и, испросивъ благословеніе у своей матери—честной вдовы Аѳиміи Александровны, принялъ съ Настасьей по злату вѣнцу, послѣ чего устроилъ большой пиръ для всѣхъ богатырей, не позвавъ на него лишь братца меньшаго—пересмѣшника Алешеньку Поповича.

Затѣмъ молодые супруги стали жить въ большомъ счастьѣ и согласіи.

Какъ то разъ, на пиру у князя Владиміра, всѣ его богатыри крѣпко вышили и стали хвастаться другъ передъ другомъ:

„Умный хвастаетъ отцомъ да матерью,
Неразумный—золотой казной,
А Добрыня—молодой женой“.

Въ это время встаетъ самъ батюшка Владиміръ князь и говоритъ имъ:

„Всѣ вы, добры молодцы, расхвастались;
Мнѣ-то, князю вашему, чѣмъ будетъ хвастати?
Какъ ужъ далече-далече во чистомъ полѣ,
Какъ летаетъ тамъ Невѣжа *) чернымъ ворономъ.
Пишетъ мнѣ Невѣжа со угрозою,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника.
Ужъ кого-бы мнѣ послать съ Невѣжой ратиться,
Очищать дороги прямоѣзжія,
Постоять на крѣпкихъ на заставушкахъ“...

На это, встаетъ изъ-за стола Илья Муромецъ и говоритъ, что онъ самъ недавно съ дороги, такъ какъ простоялъ двѣнадцать лѣтъ на заставѣ и никогда ему Невѣжа глазъ не казалъ, а теперь совѣтуетъ послать противъ него Добрыню Никитича.

Добрыня, выпивъ чару зелена вина, сейчасъ же отправляется домой, прощается со своей матерью и женой и говоритъ Настасьѣ Микуличнѣ слѣдующее слово:

„Ожидай Добрыню съ поля три года,
Три года пождешь—другіе три пожди,
Какъ исполнятся тому всѣ шесть годовъ,
И Добрыня твой не возворотится—

*) Вражья сила.

Поминай тогда Добрынюшку убитаго,
А тебѣ, Настасьѣ, воля вольная:
Хоть вдовой живи тутъ, хоть замужъ поди,
Хоть поди за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торговаго
Или за простого за крестьянина,
Не ходи ты только за единаго—
За того за бабьяго насмѣшника,
За Алешеньку Поповича:
Онъ, собака, мнѣ названый братъ,
А названый братъ вѣдь паче роднаго".

Послѣ этого Добрыня уѣхалъ и шесть лѣтъ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей; все это время мать его и жена сидѣли вмѣстѣ дома и ежедневно ожидали его возвращенія. Когда-же минуло шесть лѣтъ, то имъ привезъ Алеша Поповичъ недобрую вѣсть, что Добрыня убитъ и лежитъ непохороненнымъ въ чистомъ полѣ.

Сильно горевала о мужѣ Настасья Микулична, вмѣстѣ со своею свекровью, но затѣмъ князь Владиміръ и княгиня рѣшили ее выдать замужъ, при чемъ лукавый Алеша Поповичъ подстроилъ дѣло такъ, что въ женихи ей князь съ княгиней прочили именно его.

Но Настасья Микулична не поддалась на всѣ эти уговоры и объявила, что будетъ ждать мужа еще шесть лѣтъ. Когда прошли и эти шесть лѣтъ, и Алеша увѣрилъ ее, что и косточки Добрынины уже порастасканы въ чистомъ полѣ, то Настасья Микулична, уговариваемая Владиміромъ и его женой, рѣшила, наконецъ, выйти замужъ за Алешу Поповича.

Былъ назначенъ день свадьбы, и вѣнчаніе должно было произойти вечеромъ послѣ большого пира у князя Владиміра.

Въ это время какъ-разъ возвращается Добрыня. Узнавъ, что его жена выходитъ замужъ за Алешу Поповича, онъ никому не говоритъ о своемъ пріѣздѣ, а одѣвается скоморохомъ, беретъ гусли въ руки и идетъ въ княжескій теремъ, гдѣ шелъ свадебный пиръ. Когда онъ вошелъ, то никто его не узналъ, а Владиміръ приказалъ ему сѣсть у печки, на скоморошномъ мѣстѣ. Добрыня такъ и сдѣлалъ и, настроивъ гусли, началъ пѣть. Пѣлъ онъ настолько хорошо, что Настасья Микулична припомнила, что такъ только игралъ и пѣлъ ея покойный мужъ, а Владиміръ пригласилъ его съ печки къ своему столу и позволилъ выбрать любое мѣсто. Тогда Добрыня сѣлъ противъ своей жены и просилъ разрѣшенія князя поднести чару вина тому, кого самъ онъ, Добрыня, пожалуетъ ею. Владиміръ разрѣшилъ. Наливъ чару и опустивъ въ нее свое обручальное кольцо, Добрыня поднесъ ее новобрачной и просилъ выпить до дна. Какъ только она увидѣла это обручальное кольцо, то тотчасъ же пала мужу въ ноги и просила у него прощенія:

„Ты прости, прости меня моя державушка,
Во винѣ меня прости, во женской глупости,

Что наказа твоего я не послушалась,
За Алешку за Поповича замужъ пошла.
Не охотою берутъ меня, не честію,
Силою берутъ меня, неволею".
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ.
„Не дивуюсь разуму я женскому:
Волосъ бабій дологъ, умъ-то коротокъ;
Я дивуюсь братцу своему названому:
Отъ жива мужа жену беретъ;
Я въ другихъ дивуюсь князю солнышку,
Со княгинею его Апраксіей:
Я за нихъ съ Невѣжой въ полѣ ратился,
Всѣ очистилъ имъ дороги прямоѣзжія,
На заставѣ простоялъ двѣнадцать лѣтъ,
А они мою жену законную другому сватаютъ".

Тогда князь Владиміръ съ княгиней смутились, а заводчикъ всего этого дѣла, Алеша Поповичъ, палъ Добрынѣ въ ноги и просилъ простить его.

На это Добрыня сказалъ ему, что не можетъ простить его, но не за то, что онъ хотѣлъ жениться на Настасьѣ, а за ложную вѣсть о его смерти, чѣмъ онъ доставилъ много горя Добрыниной матери, а затѣмъ, взявъ блудливаго Алешу за кудри одной рукой, Добрыня ударилъ его нѣсколько разъ гуслями по спинѣ.

Тутъ вступился въ дѣло старый Илья Муромецъ и скоро помирилъ обоихъ богатырей. Добрыня же простилъ жену, поцѣловалъ ее и отправился съ ней порадовать свою старую мать счастливымъ возвращеніемъ послѣ долгой разлуки.

Вотъ каковы были, по былиннымъ разсказамъ, Кіевскіе младшіе богатыри.

Изъ этихъ разсказовъ мы видимъ, что былины чрезвычайно важны для изученія быта нашихъ славныхъ предковъ. Можетъ быть, удалой Добрыня Никитичъ никогда не спорилъ съ завистливымъ Алешею Поповичемъ; можетъ быть, даже оба они на свѣтѣ вовсе и не жили, а были другіе богатыри, съ другими именами. Но вполнѣ несомнѣнно, что сказанія о богатыряхъ рисуютъ намъ картины дѣйствительной жизни и нравовъ, почему они, въ отличіе отъ сказокъ, и называются былинами, то есть такими разсказами, въ основаніи которыхъ лежитъ правда—быль.

Русскій богатырскій бытъ, какъ онъ рисуется въ былинахъ, весьма замѣчателенъ. Въ Западной Европѣ и въ Польшѣ—въ тѣ времена—было тоже много знаменитыхъ богатырей; они носили названіе *рыцарей* и также совершали, какъ и у насъ на Руси, славныя дѣла и даже предпринимали рядъ такъ называемыхъ *Крестовыхъ походовъ* въ Святую Землю, чтобы отвоевать Гробъ Господень отъ Арабовъ, покорившихъ Іерусалимъ.

Однако, большая разница была между этими рыцарями и нашими Русскими богатырями. На Западѣ, рыцаремъ могъ быть только человѣкъ высшаго

сословія, которое одно почиталось благороднымъ; всѣ же другія сословія представлялись этимъ гордымъ рыцарямъ настолько низкими и презрѣнными, что они и за людей ихъ не считали. Особенно отличались гордостью Польскіе рыцари, которые были подъ сильнымъ вліяніемъ Нѣмцевъ и старались подражать ихъ обычаямъ; не смотря на то, что польскій король Земовитъ былъ изъ крестьянскаго рода, Польскіе рыцари глубоко презирали крестьянъ-пахарей.

У насъ же богатырями могли быть люди всѣхъ сословій, но зато они обязаны были заслужить это званіе своею личною доблестью; при этомъ славнѣйшимъ изъ старшихъ богатырей почитался именно крестьянинъ-пахарь Микула Селяниновичъ.

Точно такъ же, когда прибылъ на княжій пиръ неизвѣстный крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, то всѣ остальные богатыри, во главѣ съ самимъ княземъ Владиміромъ, признали его первымъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ, какъ только убѣдились, что онъ полонилъ страшнаго Соловья-разбойника. Одинъ только завистливый Алеша Поповичъ сталъ было кичиться передъ Ильею, но его сейчасъ же началъ стыдить Добрыня, старый богатырь Самсонъ Самойловичъ, а затѣмъ и князь Владиміръ стольно-Кіевскій.

Хотя западные рыцари и ходили освобождать Гробъ Господень, а также хотя нѣкоторые изъ нихъ и были замѣчательно благочестивыми людьми, но все-же главнымъ и постояннымъ занятіемъ этихъ рыцарей было, выстроивъ себѣ на неприступныхъ скалахъ крѣпкіе каменные замки, выходить изъ нихъ закованными съ ногъ до головы въ желѣзо, съ тѣмъ, чтобы совершать хищные набѣги на окрестное населеніе, обирая и грабя его. Эти рыцари постепенно настолько усилились на Западѣ своими грабежами и насиліями, что стали очень буйными и непочтительными даже относительно своихъ королей.

Всѣ же безъ исключенія наши богатыри употребляли всю свою удаль и силу только на служеніе великому христіанскому дѣлу—защищать свою страну, сиротъ, вдовъ и старцевъ отъ степныхъ враговъ и лихихъ людей; при этомъ, они всегда были первыми слугами своихъ князей и для несенія службы безкорыстно сидѣли по многу лѣтъ на пограничныхъ заставахъ, въ разныхъ глухихъ мѣстахъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ бы когда-либо напасть на мирныхъ жителей съ цѣлью пограбить ихъ, то, конечно, сейчасъ же лишился бы высокаго наименованія богатыря и превратился въ обыкновеннаго вора и разбойника.

Рыцари на Западѣ изъ тщеславія постоянно мѣрялись другъ съ другомъ силою и вступали для этого между собой въ смертные поединки на глазахъ народа, королей и другихъ рыцарей, только чтобы почваниться своею силою и заслужить одобреніе главнымъ образомъ *дамъ*, то-есть чужихъ женъ, присутствовавшихъ на такихъ поединкахъ; со своими же собственными супругами эти знаменитые рыцари часто обращались весьма круто и, случалось, бивали ихъ желѣзными перчатками по щекамъ.

Не таковы были наши богатыри: они считали большимъ грѣхомъ вынимать оружіе съ цѣлью помѣряться силою противъ такихъ же добрыхъ молодцовъ, какъ они сами, полагая, что своею жизнью слѣдуетъ жертвовать только

противъ враговъ Вѣры и Государства и воровъ и разбойниковъ, обиравшихъ сирыхъ людей.

При этомъ, поглядывать на чужихъ женъ у насъ считалось зазорнымъ дѣломъ, за что и былъ наказанъ Алеша Поповичъ. Зато своихъ женъ наши богатыри любили очень крѣпко и нѣжно. Если бы на Западѣ случилась у какого-нибудь рыцаря такая бѣда съ женою, какъ у Добрыни, то, несомнѣнно, западный рыцарь убилъ бы и Алешу, и свою жену и, можетъ быть только въ лучшемъ случаѣ, посадилъ бы ее въ темное подземелье своего замка, а потомъ насильно постригъ бы въ монастырь.

Нашъ же Добрыня взглянулъ на поступокъ своей жены, какъ истинный христіанинъ и при этомъ какъ умный человѣкъ и любящій мужъ. Онъ понялъ, что за двѣнадцать лѣтъ отсутствія Настасью Микуличну могли убѣдить въ его смерти и уговорить выйти за Алешу Поповича, почему онъ сейчасъ же и простилъ своей женѣ все и поцѣловалъ ее, а выговорилъ только князю и княгинѣ за сватовство да задалъ небольшую трепку Алешѣ Поповичу.

На Западѣ было совершенно невозможно, чтобы вдова рыцаря, да еще и съ благословенія покойнаго мужа, вышла бы за кого-нибудь замужъ, не принадлежащаго къ рыцарскому роду. У насъ же Добрыня, отправляясь противъ Невѣжи въ длинную разлуку, говоритъ женѣ, что она можетъ выйти замужъ

„Хоть за князя, за боярина,
За богатыря, за гостя за торговаго
Или за простого за крестьянина“.

Такимъ образомъ, былины совершенно ясно показываютъ, насколько тогдашній Русскій бытъ былъ неизмѣримо лучше Западно-Европейскаго. Тамъ высшее сословіе смотрѣло съ несказаннымъ презрѣніемъ на всѣ остальныя. У насъ же всѣ считались равными, братьями, и каждое сословіе уважало другое, отлично понимая, что не могутъ всѣ люди въ государствѣ заниматься однимъ дѣломъ и состоять поэтому въ одномъ сословіи. Такое взаимное уваженіе Русскихъ другъ къ другу, не смотря на разность занятій, происходило вслѣдствіе той весьма важной причины, что всѣ наши предки, съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ, были всегда людьми благородными по рожденію, а потому среди нихъ только и уважались благородныя чувства и благородное же отношеніе другъ къ другу; вслѣдствіе благородства же своихъ чувствъ, было развито у нихъ и высокое уваженіе къ чужому труду, какъ бы скроменъ онъ ни былъ.

Наконецъ, вслѣдствіе этого же общаго благородства и одинаковости своего происхожденія, установилась между предками нашими и необыкновенная простота отношеній другъ къ другу: князья, бояре, дружинники, простые крестьяне—всѣ говорятъ другъ съ другомъ вѣжливо, но просто, какъ съ родными: старшіе по лѣтамъ называются дѣдушками и батюшками, равные—братьями, а младшіе—дѣтками, ребятами и племянниками. Эта исключительно Русская родственная простота отношеній, на диво всѣмъ иностранцамъ, сохранилась у насъ на Руси и по сей день. Каждый крестьянинъ, если случается ему гово-

рить съ Государемъ Императоромъ, попросту говоритъ ему—„ты, батюшка царь“; въ свою очередь, какъ Государь, такъ и всѣ начальные люди Русскаго войска, всегда называютъ солдатъ ребятами, братцами. Этого ни въ одной другой странѣ нѣтъ и никогда не бывало. Идетъ же такой порядокъ у насъ какъ мы видимъ, еще съ тѣхъ давнихъ временъ, которыя мы здѣсь описываемъ.

Христово ученье, просвѣтившее наше Отечество при князѣ Владимірѣ конечно, еще больше заставляло всѣхъ лучшихъ людей тогдашней Руси относиться съ чисто братскими чувствами къ своему ближнему и употреблять всѣ свои силы и разумъ на служеніе общему благу своей страны.

Дѣйствительно, дивное время было тогда на Руси. Мудрые князья, доблестные ратные люди, славные богатыри, смѣлые и смышленые купцы, могучіе пахари—кормильцы, всѣ жили полной жизнью среди многихъ тревогъ опасностей, тяжелыхъ походовъ, но также среди многихъ великихъ и славныхъ дѣлъ на пользу Родины, дѣлъ, освященныхъ недавно принятой Вѣрою во Христа Спасителя.

Правда, сильно еще было язычество въ нравахъ и обычаяхъ; даже мудрый Ярославъ долженъ былъ признать законнымъ обычай родовой мести такъ крѣпко сидѣла она въ крови новообращенныхъ христіанъ. Вѣруя во Христа и Святую Троицу, народъ нашъ долго еще сохранялъ вмѣстѣ съ тѣмъ свои языческія суевѣрія, и, въ случаѣ нужды, часто обращался не къ священникамъ, а къ колдунамъ или волхвамъ. Но не смотря на эти остатки язычества, Христово ученіе все болѣе и болѣе просвѣщало умъ и сердце Русскаго народа.

Благодаря мѣрамъ Владиміра и Ярослава для распространенія Православія и обученія дѣтей книжному просвѣщенію, у насъ скоро образовалось уже достаточное количество своихъ Русскихъ священниковъ и епископовъ.

Управленіе церковью было основано на правилахъ, установленныхъ Царьградскими патріархами и собранныхъ въ такъ-называемой „Кормчей книгѣ“, а также и на церковныхъ уставахъ Святого Владиміра и Ярослава. Кромѣ митрополита, сидѣвшаго въ Кіевѣ, были еще епископы—въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

Способъ содержанія митрополита и епископовъ состоялъ изъ десятины доходовъ, отдаваемыхъ князьями въ пользу церкви, изъ судебныхъ пошлинъ и изъ доходовъ съ недвижимыхъ имѣній, пожертвованныхъ благочестивыми людьми. Эти доходы митрополитъ и епископы употребляли не для себя однихъ, но и на содержаніе соборнаго храма съ его причтомъ, на пропитаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, на пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара и неурожая, на возобновленіе церквей и монастырей. Дома епископскіе были домами призрѣнія всякой нищеты. Приходскіе храмы обезпечивались иногда пожертвованіями своихъ строителей. Такъ, Ярославъ, строя храмы по городамъ и селамъ, назначалъ всегда священникамъ извѣстное жалованье; больше же всего, какъ и теперь, священники существовали доброхотными приношеніями прихожанъ.

Къ великому счастью Руси, среди ея первыхъ митрополитовъ и епископовъ было много людей, замѣчательныхъ по своему уму и христіанскому рвенію. Они пользовались громаднымъ вліяніемъ и уваженіемъ у князей, и безъ нихъ не рѣшалось ни одно важное государственное дѣло, такъ какъ они постоянно принимали участіе въ княжеской думѣ, вмѣстѣ съ боярами и городскими старцами.

Михаилъ, первый митрополитъ, присланный патріархомъ изъ Царьграда, вслѣдъ за крещеніемъ Руси при Святомъ Владимірѣ, прославился при жизни ревностнымъ распространеніемъ христіанства, а послѣ смерти нетлѣніемъ своихъ мощей, которыя почиваютъ въ Великой Кіево-Печерской церкви.

Такимъ же нетлѣніемъ прославились и почивающія въ Ѳеодосіевыхъ пещерахъ мощи блаженнаго Иларіона, перваго митрополита изъ Русскихъ людей, поставленнаго Соборомъ Русскихъ епископовъ, когда Ярославъ, послѣ войны съ Греками, хотѣлъ имъ показать полную независимость отъ нихъ своего Государства во всѣхъ отношеніяхъ. Иларіонъ былъ ближайшимъ и дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ великаго князя по укрѣпленію вѣры и насажденію просвѣщенія.

Помимо святости жизни, многіе изъ нашихъ епископовъ были и замѣчательными проповѣдниками; имъ всѣмъ приходилось не только утверждать свою паству въ недавно принятой Христовой Вѣрѣ, но также защищать Православіе отъ католической и іудейской пропаганды, уже сильной и въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена. Изъ этихъ поученій и проповѣдей, до насъ дошли три „Слова“ митрополита Иларіона, одно поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидяты и цѣлый рядъ поученій неизвѣстныхъ святителей, не пожелавшихъ изъ смиренія сохранить для потомства свои имена.

Въ этихъ поученіяхъ проповѣдывалась необходимость твердо держаться Православія, любовь къ ближнему, преимущества вѣчной жизни предъ скоропреходящей земной и христіанское смиреніе. Наиболѣе проникновенной была проповѣдь христіанскаго смиренія. Она находила откликъ въ душѣ каждаго. Это показывало, конечно, что Русскій человѣкъ сердечно понялъ истину христіанскаго ученія, сердечно ей отдался и только въ смиреніи находилъ истинную силу, способную смягчить его грубое языческое сердце.

„Не будьте буйны, горды; помните, что, можетъ быть, завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки; у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божье слово не прильнетъ къ нему“,—училъ свою паству епископъ Лука Жидята.

А въ поученіяхъ неизвѣстныхъ святителей, находимъ мы и такую притчу: „Два конника были—мытарь и фарисей. Запрягъ себѣ фарисей два коня, одинъ конь—добродѣтель, другой конь—гордость, и пересилила гордость надъ добродѣтелью, и разбилась колесница, и погибъ всадникъ. И запрягъ мытарь два коня, одинъ—злыя дѣла, а другой—смиреніе, и не отчаяніе получилъ, но оправданіе, сказавши только: Боже очисти, меня грѣшнаго!“.

Свѣтлымъ источникомъ, откуда истекали въ тѣ времена на всю Русскую Землю лучи Христовой Вѣры, истиннаго просвѣщенія, горячей любви къ ближнему

и славные примѣры святой подвижнической жизни, была основанная у самаго Кіева иноческая Печерская обитель.

По поводу основанія этой обители, лѣтописецъ говоритъ слѣдующее: „Много монастырей поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ, молитвою и бдѣніемъ“.

Основаніе Печерскаго монастыря было положено блаженнымъ митрополитомъ Иларіономъ, когда онъ былъ еще простымъ священникомъ въ великокняжескомъ селѣ Берестовѣ, славившемся, особенно при князѣ Владимірѣ, своею веселою и шумною жизнью.

Чтобы уединиться на нѣсколько часовъ отъ этой шумной жизни, Иларіонъ ходилъ въ дремучій лѣсъ, разстилавшійся по холмамъ надъ Днѣпромъ близъ самаго Кіева. Здѣсь выкопалъ онъ себѣ небольшую пещеру, около двухъ саженей, и тайно подвизался въ ней, пребывая въ псалмопѣніи и молитвѣ.

Въ то же самое время проживалъ и другой замѣчательный Русскій

42. Святая гора Аѳонъ.

подвижникъ—по имени *Антиппа*. Антиппа родился въ Любечѣ, близъ Чернигова и съ дѣтства имѣлъ страхъ Божій и стремленіе къ иноческимъ подвигамъ. Будучи еще очень молодымъ, онъ уединился въ пещеру у Любеча, существующую и понынѣ, и предавался въ ней усердному посту и молитвѣ. Здѣсь Господь положилъ ему на умъ идти въ Греческую страну, на Святую *Аѳонскую гору*.

Аѳонская гора составляетъ одну изъ самыхъ великихъ святынь для всякаго Православнаго человѣка, такъ какъ съ первыхъ же дней христіанства она была, по преданію, избрана Пресвятой Богородицей себѣ въ жребій и съ тѣхъ поръ и до нынѣшняго дня служитъ мѣстомъ уединенія и великихъ подвиговъ для множества Православныхъ святителей и иноковъ.

Гора эта расположена на узкомъ полуостровѣ, съ трехъ сторонъ омываемомъ

моремъ и имѣющемъ въ длину до 80, а въ поперечникѣ мѣстами до 20 верстъ. Высоты ея поднимаются до двухъ верстъ надъ уровнемъ моря. Растительность на горѣ скудная, звѣрей и птицъ мало, и все располагаетъ къ уединенію и созерцанію. Въ языческія времена на Аѳонѣ было главное капище Греческаго бога Аполлона. Но свѣтъ Евангельскій возсіялъ на ней вскорѣ по Воскресеніи Господнемъ.

Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ Святой Димитрій Ростовскій, въ составленной имъ Четьи-Минеѣ, или книгѣ Житія Святыхъ. Когда Святые Апостолы въ Іерусалимѣ, съ Божьей Матерью, кинули жребій, кому какая страна достанется для Евангельской проповѣди, то Богородицѣ досталась Иверская Земля, иначе называемая—Грузіей, на Кавказѣ; но Ангелъ Господень тогда же возвѣстилъ ей, что Иверская Земля просвѣтится въ другое время, „а Тебя“, сказалъ ей Ангелъ, „ожидаютъ попеченія объ иной Землѣ, въ которую Самъ Богъ проведетъ Тебя“. Между тѣмъ, Лазарь, другъ Господень, котораго Іисусъ Христосъ воскресилъ послѣ четырехъ дней смерти, былъ въ это время епископомъ на островѣ Кипрѣ и усердно желалъ видѣть Божью Матерь; однако, онъ опасался тогда прибыть въ Іерусалимъ, вслѣдствіе сильнаго гоненія отъ Іудеевъ, и поэтому, по Ея соизволенію, Лазарь прислалъ за нею корабль, на которомъ Она отправилась на Кипръ.

Во время этого пути, сильный вѣтеръ отнесъ корабль отъ Кипра и прибилъ его на пристань горы Аѳона. Здѣсь въ это время было много народа, пришедшаго поклониться идоламъ, сооруженнымъ въ честь бога Аполлона. По приближеніи корабля Богоматери, вдругъ раздались со стороны идоловъ крики, „Люди, обольщенные Аполлономъ, ступайте въ Климентову пристань и примите Марію, Матерь Великаго Бога Іисуса“. Услышавъ эти необычайные крики: изумленный народъ устремился къ пристани. Увидѣвъ подошедшій корабль, всѣ пришедшіе приняли, съ большимъ почтеніемъ, сошедшую съ него Божью Матерь и спрашивали Ее, какъ она родила Бога и какъ Его имя. На это Пресвятая Марія возвѣстила о Іисусѣ Христѣ; тогда всѣ пали и преклонились Ему, а Ей оказывали всѣ почести; затѣмъ, увѣровавъ, крестились.

Многія чудеса совершила Божья Матерь въ тѣ дни на Аѳонѣ. Послѣ крещенія новопросвѣщенныхъ, Она поставила учителемъ одного изъ бывшихъ съ ней мужей и, возрадовавшись духомъ, сказала: „Пусть это мѣсто будетъ Мнѣ въ жребій, данный Мнѣ отъ Сына и Бога Моего“. Затѣмъ, благословивши людей, Она продолжала: „Да пребудетъ Божья благодать на мѣстѣ этомъ и на пребывающихъ здѣсь съ вѣрою и благоговѣніемъ и сохраняющихъ заповѣди Сына и Бога Моего; необходимыя же для жизни на землѣ блага будутъ имъ изобильны съ малымъ трудомъ,и жизнь небесная имъ изготовится, и не оскудѣетъ милость Сына Моего отнынѣ и до скончанія вѣка; Я же буду заступницей этому мѣсту и теплой ходатаицей о немъ предъ Богомъ“.

Сказавши это, Она вторично благословила народъ и отправилась на островъ Кипръ для посѣщенія Лазаря.

Съ тѣхъ поръ и до сего дня, не смотря на разныя грозныя бѣдствія, обрушивавшіяся не разъ на Греческую Землю, на Аѳонѣ не переводятся высокое христіанское благочестіе и Православные иноки, которые нынѣ только одни его и заселяютъ; сюда же постоянно удаляются кончать жизнь въ строгихъ подвигахъ многіе патріархи и другіе знаменитые отцы Церкви.

Черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ своего перваго посѣщенія Аѳона, Божія Матерь явилась въ тонкомъ снѣ одному изъ Аѳонскихъ пустынножителей, Святому Петру, и снова нарекла Святую гору Своимъ жребіемъ и подтвердила Свою постоянную милость къ ней.

Вотъ на эту то Святую гору, особенно прославленную въ тѣ времена дивными подвигами Святого Афанасія Аѳонскаго, и прибылъ молодой Антиппа; здѣсь онъ сталъ ревностно подвизаться, подъ руководствомъ опытнаго старца Ѳеоктиста, въ существующей и въ настоящее время пещерѣ при Греческомъ монастырѣ *Есфигменъ*, въ которомъ онъ принялъ затѣмъ монашескій образъ съ именемъ *Антонія*.

Послѣ того, какъ Ѳеоктистъ увидѣлъ Антонія совершенно окрѣпшимъ въ иноческой жизни, онъ сказалъ ему: „Антоній, иди въ Россію; ты будешь тамъ благословеніемъ Святой горы, такъ какъ много монаховъ пойдутъ отъ тебя на Руси“. Антоній повиновался и, прибывъ въ Кіевъ, поселился на почти неприступномъ берегу рѣки, въ пещерѣ, вырытой Варягами, разбойничавшими по Днѣпру. Это было въ 1013 году. Скоро послѣ того преставился Равноапостольный князь Владиміръ, и началось княженье Святополка Окаяннаго, вызвавшаго кровавыя смуты на Руси. Огорченный и встревоженный Антоній отбылъ опять на Святой Аѳонъ. Здѣсь онъ провелъ много лѣтъ въ строгомъ подвижничествѣ и, наконецъ, получилъ вторично благословеніе игумена вернуться въ Россію, что онъ и исполнилъ.

Вторичное возвращеніе его было въ 1028 году, когда на Руси уже наступила полная тишина. Антоній рѣшилъ остаться отшельникомъ и выбралъ себѣ пещеру, вырытую благочестивымъ Иларіономъ на лѣсистомъ холму рѣки Днѣпра, гдѣ и поселился. Онъ началъ со слезами молиться Богу слѣдующими словами: „Господи! Утверди меня въ мѣстѣ этомъ, и да будетъ на немъ благословеніе Святой горы и игумена моего, который меня постригъ“. Начавъ здѣсь жить, Антоній питался исключительно сухимъ хлѣбомъ, и то черезъ день, проводя все свое время въ бдѣніи, молитвѣ и трудахъ. Къ его утѣшенію, пещера была далеко отъ людныхъ мѣстъ, такъ какъ Берестовскій холмъ былъ покрытъ густымъ лѣсомъ. Однако, слава о его необыкновенныхъ подвигахъ разнеслась по всей Кіевской странѣ, а потомъ и далеко за предѣлы ея, и скоро онъ прослылъ подъ именемъ великаго Антонія, къ которому стали все болѣе и болѣе обращаться за благословеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ Антонію стали собираться и люди, также искавшіе, какъ и онъ, уединенія и высокихъ подвиговъ. Первый, который изъявилъ желаніе съ нимъ жить и раздѣлить трудъ, былъ преподобный Никонъ, уже бывшій іеромонахомъ; онъ долго исправлялъ обязанности игумена зарождавшейся

пещерной обители, такъ какъ Антоній, по своему крайнему смиренію, отказывался не только отъ игуменства, но и отъ священства.

Въ 1032 году къ Антонію пришелъ молодой человѣкъ, палъ къ его ногамъ и просилъ постриженія. Это былъ *Ѳеодосій*.

Жизнь Ѳеодосія замѣчательна съ первыхъ же дней его юности. Онъ родился близъ Кіева, въ городѣ Васильевѣ, но еще въ дѣтствѣ сталъ жить съ родителями въ Курскѣ. Благочестивое настроеніе души обнаружилось въ немъ съ первыхъ же годовъ. Онъ не любилъ ни дѣтскихъ игръ, ни шалостей, а каждый день ходилъ въ церковь и со вниманіемъ слушалъ чтеніе священныхъ книгъ. Затѣмъ, онъ самъ упросилъ своихъ родителей отдать его къ какому-нибудь учителю, для обученія чтенію. Онъ учился быстро и отличался при этомъ необыкновенной кротостью—„былъ послушенъ не только учителю своему, но и всѣмъ учащимся съ нимъ“. Обладая отличными способностями, Ѳеодосій, конечно, весьма быстро постигъ всю преподанную ему науку, такъ что всѣ дивились этому необыкновенному по кротости и по разуму дитяти. Тринадцати лѣтъ онъ лишился своего отца. Съ тѣхъ поръ Ѳеодосій начинаетъ постигать горечи жизни. Душа его всецѣло стремилась къ Господу и подвигамъ во Имя Его, а мать его была не такова. Она страстно любила сына, но готовила его къ тщеславной свѣтской жизни, почему глубоко возмущалась его наклонностями и, по вспыльчивости и рѣзкости своего нрава, была часто несправедлива и жестока къ сыну. А онъ, между тѣмъ, наслѣдникъ значительнаго имущества, носилъ самую простую и худую одежду и больше всего любилъ помогать домашнимъ слугамъ въ ихъ работахъ. Мать же, видя это, осыпала его побоями и постоянно попрекала, что онъ позоритъ свой родъ, не живя такъ, какъ должны жить его равные.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Ѳеодосій убѣждался все болѣе и болѣе, что для спасенія души своей ему надо уйти изъ дому. Однажды ему привелось видѣть странниковъ, шедшихъ въ Палестину на поклоненіе Гробу Господню. Онъ упросилъ ихъ взять его съ собой и тайно покинулъ домъ. Однако, мать догнала его и тутъ дала полный просторъ своему гнѣву: она съ большой яростью накинулась на него, крѣпко избила, а затѣмъ заперла въ горницу и на два дня лишила пищи; потомъ, накормивъ его, еще на нѣсколько дней оставила со связанными ногами, чтобы онъ не ушелъ. Перейдя затѣмъ отъ гнѣва къ ласкамъ, она всѣми силами упрашивала сына не уходить отъ нея. Ѳеодосій послушался, но, по-прежнему, продолжалъ усердно посѣщать церковь.

Замѣтивъ, что обѣдня совершается рѣдко за недостаткомъ просфоръ, онъ сталъ самъ печь просфоры. Матери его не нравилось и это занятіе сына, и она ласково просила его оставить печеніе просфоръ: „ты наносишь“, говорила она, „безчестіе своему роду; не могу слышать, какъ смѣются надъ тобой за это занятіе“. Смышленый и добрый сынъ почтительно объяснилъ матери высокое назначеніе просфоръ, и она успокоилась на время. Но на слѣдующій годъ, видя, что Ѳеодосій почернѣлъ отъ печи и огня, она опять стала запрещать ему печеніе просфоръ съ угрозами, а иногда и съ побоями. Не зная,

что дѣлать, Ѳеодосій рѣшилъ опять тайно уйти изъ дому и отправился въ сосѣдній городъ къ одному священнику, гдѣ продолжалъ свои занятія по выпеканію просфоръ. Мать, конечно, вскорѣ отыскала его, привела опять домой и рѣшительно запретила печь просфоры. Обо всемъ этомъ узналъ, наконецъ, сидѣвшій въ Курскѣ бояринъ и пригласилъ Ѳеодосія къ себѣ, вѣроятно, чтобы служить причетникомъ въ домовой церкви.

Привязавшись къ кроткому и смиренному Ѳеодосію, бояринъ не разъ дарилъ ему хорошую одежду, но тотъ постоянно отдавалъ ее нищимъ, а самъ ходилъ въ рубищѣ. Однажды, у добраго градоправителя давался большой пиръ знаменитостямъ города. Ѳеодосію, для служенія гостямъ, необходимо было явиться въ чистомъ платьѣ. Когда онъ перемѣнялъ бѣлье, то мать увидала кровь на его рубашкѣ. Это открыло ей, что сынъ носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги. Она опять пришла въ большую ярость, сорвала съ него эти вериги и жестоко избила его. Но все было напрасно: Ѳеодосій все болѣе и болѣе стремился отдать себя всецѣло на служеніе Господу.

Стоя одинъ разъ въ храмѣ, онъ услышалъ слѣдующія слова Евангелія отъ Матѳея: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня, и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мной, не достоинъ Меня“.

На этотъ разъ слова эти сильно подѣйствовали на Ѳеодосія, и онъ рѣшился слѣдовать имъ. Вскорѣ мать его на нѣсколько времени отлучилась изъ города, и онъ поспѣшилъ уйти въ Кіевъ, гдѣ, какъ слышалъ, есть монастыри. Не зная дороги, онъ наткнулся на обозъ, шедшій въ стольный городъ, куда и прибылъ съ нимъ черезъ три недѣли. Здѣсь онъ обошелъ всѣ монастыри и просилъ, чтобы его приняли. Но, видя простого юношу, никому неизвѣстнаго, одѣтаго въ худыя одежды, его нигдѣ не хотѣли принять. Къ своему счастью Ѳеодосій, во время этихъ странствованій по Кіевскимъ монастырямъ, услышалъ о великомъ Антоніи—пещерникѣ; онъ „окрылатѣлъ духомъ“ и поспѣшилъ къ нему. Увидя Святого старца, Ѳеодосій палъ къ его ногамъ и со слезами просилъ принять его. „Дитя мое“, сказалъ ему Антоній, „видишь-ли, какая эта пещера мрачная и тѣсная! Ты молодъ и долженъ будешь терпѣть много лишеній“.

На это Ѳеодосій отвѣтилъ ему: „Ты знаешь, честный отецъ, Всевидящій Богъ привелъ меня къ твоей Святынѣ, чтобы я былъ спасенъ тобою. Поэтому все, что прикажешь, то и буду исполнять“. Тогда блаженный Антоній сказалъ: „Благословенъ Богъ, укрѣпляющій тебя, дитя мое, на такой подвигъ!“ И затѣмъ Никонъ, по повелѣнію Святого старца, постригъ Ѳеодосія. Ему было тогда 23 года. Получивъ давно желанное постриженіе, Ѳеодосій предался со всѣмъ пыломъ своего сердца трудамъ подвижничества, посту, молитвѣ, послушанію и смиренію, такъ что преподобный Антоній и Никонъ только дивились ему. Однако, Ѳеодосію пришлось вынести еще одно сильное испытаніе. Въ 1036 г., черезъ четыре года послѣ того, какъ онъ покинулъ Курскъ, мать его, тщетно всюду искавшая пропавшаго сына, узнала отъ пріѣхавшихъ изъ Кіева людей что Ѳеодосія видѣли тамъ, въ одномъ изъ монастырей. Она тотчасъ же отпра

вилась въ Кіевъ и стала обходить всѣ монастыри, но нигдѣ не находила сына. Наконецъ, ей указали на пещеру Антонія. Приказавъ сказать старцу, будто она пришла издалека, наслышавшись о его святости, мать Ѳеодосія хитростью вызвала его на бесѣду. Старецъ, ничего не подозрѣвая, вышелъ къ ней. Тогда она стала разспрашивать о своемъ сынѣ, говоря: „Я столько сокрушалась о немъ, не зная живъ-ли онъ?“ Антоній-же, будучи простъ душою и не подозрѣвая ея хитрости, сказалъ: „Сынъ твой здѣсь; не сокрушайся о немъ: онъ живъ. Если хочешь видѣть его, то иди сегодня домой, а я пойду и уговорю его иначе онъ ни съ кѣмъ не желаетъ видѣться“.

Но уговоры Антонія были напрасны, и старецъ на другой день вынужденъ былъ объявить матери: „Много просилъ я его, чтобы вышелъ къ тебѣ: но онъ не хочетъ“. Тогда мать Ѳеодосія, начала уже съ гнѣвомъ говорить Антонію и кричать на него: „Ты меня обидѣлъ, старецъ! Взялъ сына моего, спряталъ въ пещерѣ и не хочешь мнѣ показать его. Выведи мнѣ сына моего, иначе я умру отъ скорби: сама себя погублю передъ дверями этой пещеры, если не покажешь мнѣ его“.

Антоній, сильно смущенный этимъ порывомъ, сталъ опять просить Ѳеодосія, и тотъ, наконецъ, вышелъ къ матери. Она же, увидавъ сына въ большомъ изнеможеніи, такъ какъ лицо его измѣнилось отъ трудовъ и воздержанія, обняла его и горько заплакала; потомъ, нѣсколько успокоившись, стала просить сына вернуться домой, добавляя: „Дѣлай въ домѣ своемъ по волѣ своей только не разлучайся со мною“. Ѳеодосій на это сказалъ ей твердо: „Матушка, если хочешь меня видѣть каждый день, то иди и постригись въ одномъ изъ Кіевскихъ женскихъ монастырей. Тогда приходи сюда и ты будешь меня видѣть. Если же не сдѣлаешь этого, то никогда не увидишь моего лица“.

Мать долго не соглашалась, но, наконецъ, рѣшила посвятить себя Богу, въ общинѣ Святого Николая, сооруженной на Аскольдовой могилѣ. Ѳеодосій благодарилъ Господа за мать и съ радостью обратился къ подвигамъ своимъ.

Жизнь пещерная была, вообще, строга.

Отшельники питались однимъ ржанымъ хлѣбомъ; въ субботу и воскресенье они ѣли сочиво (вареный горохъ или бобы). Чтобы имѣть это пропитаніе, они занимались простымъ рукодѣльемъ, которое продавали; на полученныя деньги покупали рожь и, раздѣливъ ее, сами мололи на ручныхъ жерновахъ. По окончаніи утрени, копали землю въ огородѣ; послѣ обѣдни трудились въ подземныхъ своихъ кельяхъ. Ѳеодосій трудился болѣе обоихъ старцевъ. Крѣпкій тѣломъ, онъ всегда бралъ на себя часть ихъ работъ: носилъ за нихъ воду, рубилъ дрова, мололъ рожь. Иногда, въ знойную ночь, обнажая плечи и грудь, онъ отдавалъ тѣло свое въ пищу комарамъ и мошкамъ; кровь текла по немъ, а онъ спокойно прялъ волну и пѣлъ псалмы. Въ маленькой церкви, устроенной въ пещерѣ, онъ являлся прежде другихъ и, ставъ на мѣсто, не сходилъ съ него до конца службы.

Тогда, по словамъ лѣтописца, три свѣтила сіяли въ пещерѣ: Антоній, Никонъ и Ѳеодосій.

Вскорѣ присоединился къ нимъ еще одинъ подвижникъ — преподобный

Моисей Угринъ, или венгерецъ по происхожденію, родной братъ Святого Ге
оргія, доблестнаго слуги блаженнаго князя Глѣба, погибшаго съ нимъ на Альтѣ
когда онъ хотѣлъ своимъ тѣломъ прикрыть своего господина, и родной же
братъ Святого Ефрема Новоторжскаго. Моисей также служилъ у князя Борис
и былъ съ нимъ на Альтѣ; изъ всѣхъ слугъ князя, онъ о инъ уцѣлѣлъ
скрылся у сестры его, княжны Предславы. Послѣ этого, во время захват
Кіева Болеславомъ, онъ попалъ въ плѣнъ къ Полякамъ и пять лѣтъ провел
въ оковахъ. Статный и красивый лицомъ, онъ невольно обратилъ на себя вни
маніе одной знатной и богатой полки, которая почувствовала къ нему сильну
любовь. Выкупивъ его изъ оковъ, она объяснила ему свои чувства и всячески
старалась привлечь къ себѣ, объявивъ, что готова выйти за него замужъ. Но
Моисей, уже безповоротно рѣшивъ посвятить себя Богу, отвѣтилъ ей отказомъ.

Тогда взбѣшенная полька перешла отъ ласки къ жестокости: она за
ключила его въ темницу и стала морить голодомъ. Затѣмъ, она жаловалась на
него и королю Болеславу, но ничего не помогло. Моисей оставался и въ тем
ницѣ непреклоннымъ и вскорѣ получилъ возможность исполнить свой обѣт
Богу: къ нему пришелъ Аѳонскій черноризецъ и тайно постригъ его.

Узнавъ, что ея плѣнникъ уже инокъ, неистовая полька, чтобы отом
стить за оказанное пренебреженіе ея красотѣ, приказала жестоко изуродовать
Моисея, такъ что несчастный страдалецъ, истекая кровью, едва остался живъ.
Затѣмъ, въ своемъ негодованіи на Аѳонскаго черноризца, постригшаго Моисея
она уговорила Болеслава, на котораго имѣла большое вліяніе, выгнать всѣхъ
черноризцевъ изъ Польши. Однако, судъ Божій не замедлилъ наказать ихъ
Болеславъ умеръ внезапно, а въ Польшѣ поднялся мятежъ, при чемъ была
убита и нечестивая жестокая полька, изуродовавшая праведника. Это было
около 1027 года. Спустя нѣсколько лѣтъ, собравшись мало по малу съ силами
многострадальный Моисей пришелъ въ пещеру къ преподобному Антонію.
Здѣсь онъ провелъ десять лѣтъ въ постѣ и молитвѣ, но постоянно больной
такъ что еле могъ ходить съ помощью посоха. Преподобный Моисей Угринъ
обладалъ даромъ исцѣленія нѣкоторыхъ страданій и предузналъ блаженную
кончину свою. Онъ преставился 26 іюля, вѣроятно въ 1043 году; мощи его
почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

Въ 1054 году умеръ великій князь Ярославъ.

Вскорѣ послѣ его кончины, занявшій отцовскій столъ великій князь
Изяславъ посѣтилъ, вмѣстѣ со своей дружиной, Антонія и просилъ у него
благословенія и молитвы; вслѣдъ за этимъ, прибылъ къ Антонію юноша, сынъ
тысяцкаго Яна Вышатича и внукъ того знаменитаго воеводы Вышаты, кото
рый, вслѣдствіе своего нежеланія оставить въ несчастьѣ Русскихъ воиновъ,
былъ плѣненъ и ослѣпленъ Греками; юноша этотъ усердно просилъ принять
его въ число иноковъ. Видя его необыкновенную ревность, Антоній согла
сился и поручилъ Никону произвести обрядъ постриженія, наименовавъ его
Варлаамомъ.

Послѣ Варлаама, явился къ Антонію самый довѣренный и любимый

изъ слугъ Изяслава и тоже, по своей горячей просьбѣ, былъ постриженъ подъ именемъ Ефрема.

Эти два постриженія вызвали, конечно, сильнѣйшее неудовольствіе противъ Антонія.

Бояринъ Янъ Вышатичъ прибылъ къ нему со множествомъ слугъ, разогналъ всѣхъ монаховъ, а сына своего вытащилъ насильно и, сорвавъ съ него одежду чернеца, облекъ въ прежнія свѣтлыя боярскія одѣянія и отправилъ домой.

Сильно разгнѣвался на Антонія и великій князь Изяславъ, узнавъ о постриженіи своего любимаго слуги. Онъ приказалъ взять блаженнаго Никона, совершившаго постриженіе, и угрожалъ отправить его вмѣстѣ съ Антоніемъ и остальной братіею въ заточеніе, а самые пещеры раскопать. „Дѣлай, что хочешь“, отвѣчалъ преподобный Никонъ, „а я не могу отнимать воиновъ у Царя Небеснаго“. Видя такой гнѣвъ князя, Антоній рѣшилъ оставить пещеры и вовсе уйти съ братіей въ другую страну. Однако, узнавъ о намѣреніи преподобнаго, супруга Изяслава, полька по рожденію, стала умолять князя, чтобы онъ своимъ гнѣвомъ не изгналъ такихъ подвижниковъ изъ страны, и при этомъ разсказала про бѣдствіе, постигшее Польшу, когда Болеславъ поступилъ тамъ подобнымъ же образомъ. Ей удалось утишить гнѣвъ Изяслава, и онъ послалъ просить Антонія возвратиться на старое мѣсто. Послы князя еле нашли Антонія на третій день поисковъ и умоляли его именемъ князя вернуться. Преподобный послушался и пришелъ въ свою пещеру, непрестанно молясь. Затѣмъ собралось и все его разогнанное стадо. Вернулся и молодой Варлаамъ, который провелъ три дня дома, не принимая пищи и питья; онъ смягчилъ, наконецъ, своего отца, который сжалился надъ нимъ и разрѣшилъ вернуться къ Антонію. Мало того, Янъ Вышатичъ, тронутый до глубины души подвижничествомъ сына, самъ сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ обители. Особенно почиталъ онъ Ѳеодосія; затѣмъ, конечно, былъ онъ близокъ и съ первымъ нашимъ лѣтописцемъ, которому и передалъ разсказы про многія славныя государственныя дѣла.

Понемногу число братіи увеличилось до двѣнадцати; они выкопали большую пещеру и поставили въ ней церковь; они также выкопали кельи и для себя. Затѣмъ прибыло еще нѣсколько братій, а изъ старыхъ — нѣкоторые оставили пещеры, чтобы основывать обители въ другихъ мѣстахъ. Такъ, ушелъ преподобный Никонъ, удалившись въ Тмутаракань, гдѣ основалъ Богородицкій монастырь. По удаленіи Никона, Ѳеодосій былъ посвященъ въ священники и отправлялъ богослуженіе въ пещерной церкви.

Число братіи въ монастырѣ простиралось уже до 15 человѣкъ, когда преподобный Антоній, въ присутствіи ихъ всѣхъ, однажды сказалъ: „Богъ собралъ васъ сюда, братія, и надъ вами почиваетъ благословеніе Святой Аѳонской горы, данное мнѣ постригшимъ меня игуменомъ, а отъ меня перешедшее на васъ. Я назначу вамъ игумена, а самъ пойду въ другое мѣсто жить наединѣ, какъ привыкъ издавна“. Затѣмъ, онъ назначилъ игуменомъ Варлаама,

а самъ выкопалъ себѣ новую пещеру, которая и понынѣ называется Антоніевой или Ближней, въ разстояніи ста саженей отъ прежней.

Поселившись въ этой пещерѣ, Антоній прожилъ въ ней сорокъ лѣтъ, въ строгомъ подвижничествѣ. Но предаваясь, такимъ образомъ, самымъ высокимъ иноческимъ подвигамъ, сердцу его всегда были близки дѣла основанной имъ пещерной обители, почему обитатели ея имѣли съ нимъ постоянное общеніе и всегда обращались за совѣтомъ и благословеніемъ. Любовь его къ истиннымъ подвижникамъ простиралась до того, что онъ самъ носилъ пищу каждый день принявшему затворъ иноку Исааку, и это продолжалось семь лѣтъ.

Когда стало прибывать все болѣе и болѣе братіи въ пещеру, то они обратились къ Антонію за благословеніемъ начать постройку монастыря на горѣ. Антоній не только одобрилъ это желаніе, но послалъ отъ себя къ великому князю съ такой просьбой: „Князь мой! Богъ умножилъ братію, а мѣсто у насъ тѣсное; не подаришь ли ты намъ ту гору, что надъ пещерою? Изяславъ охотно исполнилъ просьбу Антонія, и на горѣ построили малую деревянную церковь Успенія Богородицы; но братія все-же оставалась еще жить въ пещерахъ. Это было въ 1057 году. Въ это же время, Изяславъ основалъ въ честь покровителя своего, святого Димитрія, великолѣпный монастырь и взялъ туда въ игумены Варлаама.

Тогда пещерная братія выбрала себѣ игуменомъ Ѳеодосія. Святой Антоній избраніе это утвердилъ, и съ той поры начинается для Ѳеодосія новая, высокая дѣятельность.

Принявъ начальство надъ братіей, онъ не перемѣнилъ своего смиренія и образа жизни: на трудъ и на службу въ храмѣ выходилъ онъ раньше всѣхъ.

Первымъ его дѣломъ было устройство нагорнаго монастыря, а затѣмъ и сооруженіе болѣе обширнаго деревяннаго храма Успенія Богородицы. Окончательно устроивъ братію, уже значительно увеличившуюся въ числѣ, Ѳеодосій сталъ вводить уставъ общежительнаго житія, по образцу заведеннаго преподобнымъ Ѳеодоромъ Студитомъ въ Царьградскомъ монастырѣ его имени. Этотъ уставъ Ѳеодосія перешелъ изъ Печерскаго монастыря и во всѣ прочія Русскія обители.

Братія раздѣлена была на четыре степени: одни еще не были пострижены и ходили въ мірской одеждѣ; другіе, хотя еще и не были пострижены, но ходили уже въ монашеской одеждѣ; третьи были уже пострижены и носили мантію; наконецъ, четвертые были облечены въ великую схиму.

Все въ обители совершалось не иначе, какъ съ благословенія игумена и освящалось молитвой. Въ кельяхъ не позволялось братіи держать никакой собственности: ни пищи, ни и лишней одежды. Ѳеодосій самъ строго наблюдалъ за исполненіемъ всѣхъ этихъ правилъ и кротко выговаривалъ виновнымъ; затѣмъ раскаивающихся прощалъ, а на другихъ налагалъ епитиміи.

Онъ часто говорилъ, со слезами на глазахъ, поученія, но больше всего онъ дѣйствовалъ на братію примѣромъ собственной жизни.

За братской трапезой онъ вкушалъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла и не пилъ ничего, кромѣ воды; одежду носилъ ветхую и худую, а подъ ней колючую власяницу. Для сна никогда не ложился, но послѣ повечерія засыпалъ сидя. Часто проводилъ онъ всю ночь напролетъ безъ сна, въ молитвѣ за себя и за обитель, что много разъ замѣчали церковные будильники, слыша плачъ его и стукъ земныхъ поклоновъ, когда приходили за благословеніемъ къ утрени. Когда наступалъ Великій постъ, онъ удалялся въ пещеру, извѣстную донынѣ подъ именемъ Ѳеодосіевой, или Дальней, а иногда переходилъ изъ нея въ другую, близъ монастырскаго села, возвращаясь въ обитель наканунѣ Лазаревой субботы.

Ѳеодосій каждый день трудился на ряду съ братіей. „Часто ходилъ онъ въ пекарню на ряду съ пекарями и, веселый духомъ, мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбъ“.

Разъ, передъ праздникомъ, келарь сказалъ, что некому носить воду.

Ѳеодосій поспѣшно всталъ и началъ носить воду изъ колодца. Въ другой разъ некому было нарубить дровъ. „Я празденъ и пойду“, сказалъ игуменъ; прочимъ велѣлъ идти на трапезу, такъ какъ было уже время для обѣда, а самъ сталъ рубить дрова.

Не менѣе дѣятельна была его жизнь и за монастырской стѣной. Онъ посѣщалъ всегда лицъ, нуждавшихся въ его помощи и совѣтахъ, и, кромѣ того, ходилъ поучать Православію и защищать его отъ нападокъ разныхъ вредныхъ лжеученій.

По ночамъ, когда братія спала, Ѳеодосій часто ходилъ къ городскимъ воротамъ и горячо спорилъ съ Жидами, доказывая имъ преимущество христіанской вѣры.

Смиреніе его было изумительно. Разъ сердечно любившій и высоко уважавшій Ѳеодосія великій князь Изяславъ, у котораго Ѳеодосій былъ въ гостяхъ, приказалъ, по случаю поздняго времени, отвезти его въ обитель въ покойной телѣжкѣ. Слуга, назначенный для этого, видя инока въ худой одеждѣ, сказалъ ему: „ты, чернецъ, каждый день безъ дѣла, а я живу въ хлопотахъ и трудѣ, садись на лошадь, а я лягу на твоемъ мѣстѣ и сосну“. Ѳеодосій, не говоря ни слова, обмѣнялся мѣстомъ со слугой. Съ разсвѣтомъ, бояре, ѣхавшіе къ князю, при встрѣчѣ съ Ѳеодосіемъ, слѣзали съ коней и кланялись ему. Видя это, слуга сильно оробѣлъ, но Ѳеодосій предложилъ ему только сѣсть опять на коня. Передъ воротами обители иноки встрѣтили своего игумена съ положенной ему честью, и бѣдный слуга совсѣмъ растерялся. Ѳеодосій же приказалъ угостить его какъ можно лучше. Столько же замѣчательно было и милосердіе преподобнаго Ѳеодосія. Онъ былъ истиннымъ заступникомъ притѣсняемыхъ и обиженныхъ. Особенно же онъ любилъ бѣдныхъ; онъ построилъ при монастырѣ особый дворъ для увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ и отдавалъ имъ десятую часть монастырскихъ доходовъ. Каждую субботу отсылалъ онъ возы хлѣба въ тюрьмы. Однажды, привели къ нему воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ; увидѣвъ ихъ связанными, Ѳеодосій заплакалъ, велѣлъ развязать и накормить

ихъ, потомъ, давъ наставленіе не обижать ихъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отпустилъ съ миромъ.

Сила вѣры Ѳеодосія обнаруживалась во многихъ случаяхъ. Собравъ множество иноковъ, онъ не любилъ собирать запасовъ для обители, но заботился прежде всего о помощи бѣднымъ и во всемъ возлагалъ упованіе на Бога. Когда не доставало хлѣба и другихъ припасовъ для братской трапезы и угощенія бѣдныхъ или вина и елея для церковной службы и иноки докладывали объ этомъ Ѳеодосію, онъ всегда спокойно говорилъ имъ, чтобы они не тревожились, такъ какъ промыселъ Божій не оставитъ ихъ. И дѣйствительно, каждый разъ, по молитвѣ Ѳеодосія, все являлось въ свое время. То богатый бояринъ, по внушенію Бога, отправитъ въ обитель возы съ хлѣбомъ, рыбою, сочивомъ, пшеномъ и медомъ, а то ключница великаго князя пришлетъ возъ съ виномъ и елеемъ. Наконецъ, былъ случай, когда предъ Ѳеодосіемъ предсталъ однажды никому невѣдомый жертвователь, именно въ то время, когда въ монастырѣ не на что было купить хлѣба и неоткуда было ждать помощи; жертвователь—молодой статный воинъ, войдя въ келію Ѳеодосія молча поклонился, положилъ предъ нимъ золотую гривну и молча же вышелъ съ поклономъ.

Тогда блаженный Ѳеодосій призвалъ эконома и, отдавая ему золотую гривну, сказалъ: „Братъ Анастасій! Теперь ты не скажешь—не на что купить хлѣба; ступай покупай“. Разсказавъ эконому, какимъ путемъ явилась эта гривна, Ѳеодосій присовокупилъ: „Никогда не отчаявайся, будь твердъ въ вѣрѣ; возложи на Господа бремя твое. Онъ печется о насъ. Приготовьте же для братіи большой праздникъ“.

Нужно-ли говорить, какъ всѣ Кіевскіе князья, бояре, дружинники и городскіе обитатели любили смиренныхъ и ласковыхъ подвижниковъ, обитавшихъ въ монастырѣ, тѣмъ болѣе, что они не только занимались постомъ, молитвою и помощью бѣднымъ, но, кромѣ того, горячо распространяли книжное просвѣщеніе, говорили проповѣди и собирали отеческія преданія о дѣлахъ прежнихъ временъ. Вотъ, чтобы послушать этихъ свѣтильниковъ просвѣщенія, постоянно и посѣщали кіевляне Печерскую обитель и, въ свою очередь, считали иноковъ самыми дорогими гостями, когда они бывали у нихъ на дому.

И монастырь Печерскій, какъ своихъ дѣтей, любилъ кіевскихъ горожанъ. Во имя любви и правды, онъ вступался во всякія ихъ дѣла, домашнія и общественныя. Особенно любилъ Ѳеодосій семью тысяцкаго Яна Вышатича, отца Варлаама; Янъ жилъ въ большой любви и согласіи съ своей супругой, и оба они отличались необыкновенной набожностью и благотворительностью. Однажды Ѳеодосій, зайдя къ нимъ, подробно объяснялъ, что послѣдуетъ съ ними послѣ кончины, а также и значеніе церковнаго обряда, совершаемаго надъ усопшими.

Слушая его, жена Яна въ раздумьѣ спросила: „кто вѣсть, гдѣ это меня положатъ?“ Пророчествуя о ея желаніи, преподобный отвѣтилъ: „поистинѣ, гдѣ лягу я, тамъ и ты положена будешь“. И такъ сбылось ровно черезъ

18 лѣтъ. Когда въ 1091 году мощи святого Ѳеодосія были торжественно перенесены въ новый Печерскій храмъ Пресвятой Богородицы и положены въ притворѣ на правой сторонѣ, черезъ два дня тамъ же, на лѣвой сторонѣ, погребена была и скончавшаяся супруга Яна Вышатича.

Въ обращеніи съ князьями и вельможами Ѳеодосій оказывалъ тоже смиреніе, простоту и любовь къ правдѣ, безъ всякаго лицепріятія, какъ и въ обращеніи съ простымъ народомъ. Великій князь Изяславъ часто посѣщалъ его, при чемъ никогда не позволялъ себѣ въѣзжать въ монастырь на конѣ и не бралъ съ собою многочисленной свиты. Однажды, Изяславъ пришелъ въ обитель во время послѣобѣденнаго отдыха братіи, когда Ѳеодосій запрещалъ впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушать покоя иноковъ; привратникъ, хотя и узналъ князя, но не смѣлъ впустить его, не доложивъ Ѳеодосію. Изяславъ у воротъ дождался настоятеля и не только не оскорбился строгостью монастырскаго устава, но еще болѣе полюбилъ Ѳеодосія.

Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе мірянъ, приходившихъ къ обѣднѣ въ монастырь, приглашать послѣ богослуженія къ братской трапезѣ.

Однажды, во время такой трапезы, князь Изяславъ сказалъ ему: „Скажи, Святой отче, что это значитъ? Домъ мой полонъ всякихъ благъ міра, но никогда въ немъ не готовятъ пищу такъ вкусно, какъ здѣсь?“ „Отъ того“, отвѣчалъ Ѳеодосій, „что здѣсь братія все готовитъ съ молитвою и благословеніемъ, а твои слуги ссорятся, клянутъ другъ друга и получаютъ побои отъ приставниковъ, когда готовятъ вамъ трапезу“. Будучи смиреннымъ и кроткимъ, Ѳеодосій умѣлъ быть въ то же время и твердымъ, когда это повелѣвала ему его совѣсть. Когда между сыновьями Ярослава, не смотря на отцовское завѣщаніе, возникли усобицы *), и Святославъ, соединившись со Всеволодомъ, изгналъ изъ Кіева Изяслава, а самъ сѣлъ на его мѣсто, то Ѳеодосій долго отказывался имѣть общеніе съ Святославомъ и въ церковныхъ молитвахъ онъ поминалъ одно только имя Изяслава. При этомъ, онъ не переставалъ обличать его: онъ послалъ даже Святославу письмо, въ которомъ уподоблялъ его Каину, убившему брата своего Авеля.

Святославъ сильно разгнѣвался и хотѣлъ сослать Ѳеодосія въ заточеніе.

„Я буду очень радъ этому“, отвѣчалъ Ѳеодосій, „такъ какъ это будетъ самое лучшее въ моей жизни. Чего мнѣ бояться? Потери-ли имущества и богатства? Лишусь-ли я дѣтей или селъ? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими и выйдемъ изъ него“. Узнавъ про этотъ отвѣтъ Ѳеодосія, Святославъ сильно смутился духомъ и всѣми силами сталъ искать съ нимъ примиренія.

Наконецъ, по усиленной просьбѣ братіи, Ѳеодосій согласился, вслѣдъ за именемъ законнаго князя, поминать во время церковныхъ службъ и Святослава за его дѣйствительно большую любовь къ церкви. Святославъ же,

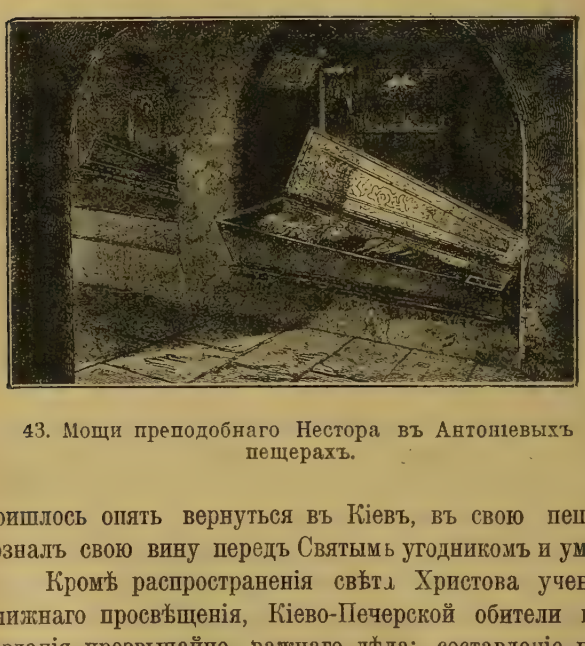
---

*) Это будетъ подробно описано во второмъ томѣ „Сказаній о Русской Землѣ“.

пріѣхавъ затѣмъ въ обитель и смиренно выслушавъ обличенія отъ Святого старца, упрашивалъ его навѣщать княжескія палаты для своего назиданія. Ѳеодосій согласился и, зайдя однажды къ Святославу, засталъ веселое пиршество: пѣлись пѣсни, играла музыка. Ѳеодосій сѣлъ поодаль, опустивъ глаза въ землю и потомъ, взглянувъ на князя, сказалъ: „будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ?“ Святославъ прослезился и велѣлъ прекратить игры.

Послѣ, уже всегда умолкали игры въ палатахъ князя, когда возвѣщали о приходѣ Ѳеодосія. „Если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ“, говаривалъ Святославъ Ѳеодосію, „я не такъ обрадовался бы ему, какъ твоему приходу“. Такой же прямотой по отношенію князей отличался и Антоній, подвизавшійся въ своей пещерѣ.

Послѣ изгнанія Изяслава, онъ сейчасъ же вошелъ въ общеніе съ княземъ Всеславомъ Полоцкимъ, который содержался при Изяславѣ въ темницѣ, по мнѣнію Антонія, несправедливо. Когда Изяславъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулся въ Кіевъ и опять сѣлъ на свой столъ, то онъ сталъ очень гнѣваться на Антонія за его сношенія съ Всеславомъ. Праведный Антоній удалился тогда въ Елецкій монастырь, въ городъ Черниговъ, а затѣмъ и на сосѣднюю Болдину гору, покрытую густымъ лѣсомъ, гдѣ вырылъ себѣ новую пещеру и гдѣ опять къ нему стали собираться иноки. Однако, Антонію скоро пришлось опять вернуться въ Кіевъ, въ свою пещеру, такъ какъ Изяславъ созналъ свою вину передъ Святымъ угодникомъ и умолилъ его вернуться назадъ.



43. Мощи преподобнаго Нестора въ Антоніевыхъ пещерахъ.

Кромѣ распространенія свѣта Христова ученія, любви къ ближнему и книжнаго просвѣщенія, Кіево-Печерской обители принадлежитъ также слава созданія чрезвычайно важнаго дѣла: составленіе перваго дошедшаго до насъ лѣтописнаго свода событій о томъ, какъ произошла Русская Земля и какія дѣла въ ней совершались. Творцомъ этого свода почитается, обыкновенно, какъ мы уже говорили, преподобный Несторъ, пришедшій семнадцатилѣтнимъ юношей во времена Ѳеодосіевы въ обитель, гдѣ нетлѣнныя его мощи почиваютъ и понынѣ въ Ближнихъ, или Антоніевыхъ пещерахъ *).

*) Въ настоящее время ученые полагаютъ, что древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ сводовъ составленъ не Несторомъ, а игуменомъ Сильвестромъ; Несторъ же написалъ „Житіе Святого Ѳеодосія“ и, вѣроятно, нѣкоторыя части лѣтописи, вышедшія въ сводѣ.

Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Христовой вѣрой первые Русскіе христіане принесли намъ и Славянскую грамоту, изобрѣтенную Святымъ Равноапостольнымъ Кирилломъ. Они же положили и основаніе нашей лѣтописи. Сперва это были короткія замѣтки, дѣлаемыя въ церковныхъ книгахъ о томъ или другомъ событіи, которое желательно было почтить памятью въ послѣдующіе годы, а именно: о блаженной кончинѣ какого-либо праведника, о сооруженіи новаго храма, а также и о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни гражданъ—христіанъ. Такъ попали въ эти замѣтки, между прочими, дѣянія и кончина Кіевскихъ витязей Аскольда и Дира. Наконецъ, въ замѣтки эти вносились дни празднованія Святой Пасхи и переходящихъ праздниковъ. Такимъ образомъ образовались первыя лѣтописныя замѣтки, или краткіе списки.

Такъ какъ всѣ они составлялись исключительно глубоко-вѣрующими христіанами и притомъ записывались зачастую на церковныхъ книгахъ, то они и представляли изъ себя—одну святую и высокую правду, тѣмъ болѣе, что въ древнее время, самое слово книга—обозначало у насъ только Священное Писаніе.

Вмѣстѣ съ ростомъ Русскаго Государства и крещеніемъ Руси, возросло, конечно, какъ количество такихъ отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, такъ и число важныхъ событій въ Русской жизни, которыя въ нихъ заносились. Наконецъ, явилось желаніе и необходимость имѣть общій лѣтописный сводъ этихъ отдѣльныхъ записей, чтобы получить полное описаніе всѣхъ дѣлъ Земли Русской съ начальныхъ временъ.

Дѣло это, конечно, могло быть исполнено наилучшимъ образомъ въ Кіево-Печерской лаврѣ, гдѣ жили умные, образованные иноки и куда всѣ кіевляне ходили дѣлить свои радости и горести, разсказывая о всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Такимъ путемъ и получился первый лѣтописный сводъ, названный „Повѣстью временныхъ лѣтъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что при составленіи его, собраны были не только всѣ отдѣльныя короткія рукописныя замѣтки, бывшія въ его распоряженіи, но также помѣщены въ него и разсказы всѣхъ лучшихъ людей Кіева, о свѣтскихъ и государственныхъ дѣлахъ, въ которыхъ они сами принимали участіе или о которыхъ доподлинно знали отъ близкихъ себѣ людей.

Несомнѣнно, что упомянутый нами сынъ славнаго Вышаты, тысяцкій Янъ Вышатичъ, дожившій до 90 лѣтъ отъ роду,—много далъ свѣдѣній лѣтописцу и изъ событій, которыхъ былъ самъ очевидцемъ, и изъ разсказанныхъ его отцомъ.

Вотъ почему первоначальная наша лѣтопись, рядомъ съ церковными событіями, описываетъ необыкновенно ярко и всѣ свѣтскія, государственныя дѣла, имѣвшія мѣсто на Руси.

Такъ было положено у насъ начало лѣтописанію. Съ тѣхъ поръ во многихъ обителяхъ хорошо-книжные иноки продолжали дѣло первоначальнаго лѣтописца и, переписывая лѣтописный сводъ, дополняли его вставками и прибавленіями о тѣхъ событіяхъ, которыя были лично имъ извѣстны.

Каждый изъ нихъ, оканчивалъ свой трудъ, обыкновенно, слѣдующими словами: „Господа, отцы и братья, если гдѣ-либо я описался, или переписалъ, или не дописалъ, читайте и исправляйте ради Бога и не кляните, ибо книги ветхи, а умъ молодъ, не дошелъ“.

Одинъ же изъ такихъ переписчиковъ и дополнителей первоначальнаго свода, простой селянинъ Ростовской области, заканчиваетъ свой списокъ слѣдующимъ трогательно смиреннымъ обращеніемъ къ читателямъ: „Молю васъ, братья, которые будутъ читать и слушать эти книги: если кто найдетъ здѣсь многое недостаточное или не полное, да не позазритъ мнѣ, ибо не кіевлянинъ я родомъ, ни изъ Новгорода, ни изъ Владиміра, но селянинъ Ростовскихъ областей. Сколько нашелъ, столько и написалъ. Что силѣ моей не возможно и чего не вижу передъ собой лежащаго, то какъ могу наполнить? Богатой памяти не имѣю, дохтурскому искусству не учился, какъ сочинять повѣсти и украшать премудрыми словами...“

44. Инокъ-лѣтописецъ.

Съ такимъ чистымъ сердцемъ относились наши лѣтописцы къ дѣлу записи сказа ій о дѣлахъ Русской Земли. Наши князья помогали имъ, такъ какъ безъ гнѣва повелѣвали заносить въ лѣтописи все доброе и дурное. Поэтому-то лѣтописи наши и поражаютъ, своей исключительной правдивостью и простотой, всѣхъ ученыхъ Запада, которые сознаютъ, что у нихъ подобныхъ правдивыхъ сказаній объ ихъ минувшихъ дѣлахъ не имѣется.

Здѣсь можно замѣтить, что такой высоко-чистый взглядъ на книгу и книжное письмо оставался, къ нашему счастью, весьма долгое время въ Русской Землѣ, и взглядъ этотъ управлялъ всѣмъ Русскимъ книжнымъ дѣломъ до весьма еще недавняго времени.

Кромѣ начала Русскаго лѣтописанія, при жизни преподобныхъ Антонія

и Ѳеодосія получило начало и строеніе Великой каменной церкви Кіево-Печерской лавры, существующей и понынѣ.

Произошло это, согласно преданію, такъ:

Одинъ изъ потомковъ Варяжскаго князя Африкана, по имени Шимонъ, изгнанный своими родичами изъ родной земли, пришелъ въ Россію, еще во времена Ярослава, который съ почестью принялъ его и помѣстилъ у своего любимаго сына Всеволода; Всеволодъ, въ свою очередь, очень скоро полюбилъ Шимона. Во время княженья Изяслава, въ Южно-Русскія степи, на смѣну Печенѣгамъ, пришелъ изъ Азіи новый хищный народъ—*Половцы*, и сталъ нападать на наши пограничныя области *). Противъ нихъ выступили три князя: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ Шимономъ.

Собираясь въ походъ, Шимонъ зашелъ къ преподобному Антонію за благословеніемъ. Старецъ откровенно предсказалъ ему ожидающую ихъ погибель. Тогда Шимонъ палъ къ ногамъ его и просилъ, чтобы ему спастись. На это преподобный Антоній отвѣтилъ: „Сынъ мой, многіе изъ васъ падутъ отъ меча и обращенные въ бѣгство врагами будутъ истоптаны, изранены, утонутъ въ водѣ; ты же будешь спасенъ и положенъ въ церкви, которая здѣсь создается“.

Затѣмъ Русскіе пришли къ рѣкѣ Альтѣ; ночью на нихъ напали Половцы, и наши, послѣ жестокой сѣчи, были побѣждены; при этомъ многіе воеводы, по предсказанію Антонія, были убиты со множествомъ своихъ воиновъ. Шимонъ же лежалъ на полѣ раненымъ. Посмотрѣвъ на небо, онъ вдругъ увидѣлъ въ воздухѣ великую церковь и возгласилъ: „Господи, избави меня отъ горькой смерти молитвами Пречистыя Твоея Матери, преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ“. И молитва его была услышана. Онъ вскорѣ нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы уйти незамѣченнымъ съ поля битвы, затѣмъ исцѣлился отъ ранъ и благополучно возвратился въ Кіевъ. Придя къ преподобному Антонію и разсказавши о случившемся, онъ прибавилъ: „Отецъ мой Африканъ сдѣлалъ крестъ величиной въ десять локтей, съ изображеніемъ распятаго на немъ Спасителя и, въ знакъ особаго почитанія этой Святыни, онъ возложилъ на бедра Распятаго поясъ съ пятьюдесятью гривнами золота, а на главу Его—золотой вѣнецъ. Когда я, изгнанный родными изъ дому, уходилъ въ Россію, то взялъ съ собой съ креста этотъ поясъ и вѣнецъ; при этомъ, я слышалъ голосъ: „Не возлагай, человѣкъ, этого вѣнца на главу Мою, но неси на приготовленное мѣсто, гдѣ преподобнымъ созидается церковь Матери Моей, дай ему въ руки, чтобы онъ повѣсилъ надъ жертвенникомъ Моимъ“. Въ трепетѣ я упалъ на землю и лежалъ, какъ мертвый. Потомъ, во время моего путешествія по морю, однажды поднялась большая буря, такъ что всѣ мы уже готовились къ смерти. Тогда я, вспомнивъ о поясѣ, о которомъ таинственный голосъ не вспоминалъ, возопилъ: „Господи, прости меня, я погибаю изъ-за пояса, который взялъ съ Твоего Святого изображенія на Крестѣ“

*) Объ этомъ будетъ подробно изложено во второмъ томѣ „Сказанія о Русской Землѣ“

Вдругъ, я увидѣлъ высоко въ небѣ церковь и, подумавъ, какая это церковь, услышалъ голосъ свыше: „Та, которая созидается преподобнымъ во имя Божіей Матери, и размѣры ея опредѣлить тѣмъ золотымъ поясомъ—20 поясовъ въ ширину, 30—въ длину и 50—въ вышину, и въ ней ты будешь положенъ. Потомъ море вдругъ стихло“. Разсказавъ это, Шимонъ прибавилъ: „до сихъ поръ я не зналъ, гдѣ созидается показанная мнѣ церковь, но ты мнѣ сказалъ, что я буду положенъ здѣсь въ церкви, которая будетъ строиться“. Послѣ этого, Шимонъ передалъ Антонію поясъ, со словами: „вотъ мѣра основанія церкви“, а затѣмъ и вѣнецъ, сказавъ: „пусть этотъ вѣнецъ будетъ повѣшенъ надъ Престоломъ“. Антоній восхвалилъ Бога и сказалъ: „Сынъ мой, пусть отнынѣ будетъ тебѣ имя не Шимонъ, а Симонъ“, и, позвавъ Ѳеодосія, разсказалъ ему про происшедшее и передалъ поясъ и вѣнецъ. Это было въ 1068 году.

Горячо привязавшись къ Ѳеодосію, Симонъ сталъ часто навѣщать его, и однажды сказалъ ему: „Дай мнѣ, отче, слово, что душа твоя благословитъ меня не только въ этой жизни, но и по смерти моей и твоей“.

„Это выше силы моей“, отвѣчалъ Ѳеодосій. „Но если по моемъ отсутствіи изъ міра устроится эта церковь, если будутъ уважаться въ ней преданія и мои уставы, то это будетъ тебѣ знакомъ, что я имѣю дерзновеніе у Бога“.

Послѣ этого, Симонъ поклонился ему до земли и сказалъ: „Отче! не изыду отъ тебя, дай мнѣ на письмѣ свое благословеніе“.

Тогда Ѳеодосій далъ ему молитву, какую теперь влагаютъ въ руки покойникамъ. Съ этихъ-то поръ и пошелъ на Руси обычай класть въ руки усопшимъ грамоту съ молитвой, которая при отпѣваніи читается надъ умершимъ.

Послѣ полученія молитвы, Симонъ, готовясь строить храмъ, попросилъ еще у Ѳеодосія отпустить грѣхи его родителямъ.

Ѳеодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: „Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, и да увидите вы красоты Іерусалима во всѣ дни жизни вашей, въ третьемъ, въ четвертомъ родѣ,—до послѣдняго“.

Вслѣдъ за этимъ благословеніемъ, Симонъ оставилъ католичество, въ которомъ былъ прежде, и принялъ Православіе.

Черезъ пять лѣтъ послѣ передачи Симономъ преподобному Антонію пояса и золотого вѣнца, въ 1073 году, въ Кіевъ прибыли изъ Царьграда четверо очень богато одѣтыхъ церковныхъ мастеровъ-зодчихъ и, явившись къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію, спросили ихъ: „Гдѣ хотите вы строить церковь“. Преподобные отвѣчали: „Гдѣ Господь укажетъ это мѣсто?“ Мастера на это замѣтили: „Замѣчательно, вы узнали время вашей смерти, а до сихъ поръ не назначили мѣста для своей церкви, давъ намъ на работу столько золота“. Тогда преподобные, въ присутствіи всей братіи, просили Грековъ пояснить, что значатъ слова ихъ. Тѣ разсказали слѣдующее: „Однажды рано, при восходѣ солнца, къ каждому изъ нихъ въ домъ пришли благообразные юноши, говоря: „Царица зоветъ васъ во Влахернъ“. И мы, собравши всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, пришли во Влахернъ одновременно всѣ и при этомъ и въ разспросовъ узнали, что одни и тѣ же юноши одинаковыми

словами звали каждаго изъ насъ. Вдругъ мы увидѣли Царицу и множество воиновъ вокругъ Нея и поклонились Ей. И Она сказала: „Хочу Себѣ воздвигнуть церковь въ Россіи, въ Кіевѣ. Повелѣваю вамъ взять золота на три года и идти строить ее“. При этомъ Она указывала намъ идти къ преподобнымъ Антонію и Ѳеодосію, прибавивъ, что Антоній, благословивши начало постройки,

45. Великая церковь Кіево-Печерской лавры.

отойдетъ въ вѣчность, а Ѳеодосій пойдетъ за нимъ на второй годъ. Отправляя насъ, Царица вручила намъ мощи Святыхъ мучениковъ Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова и Ѳеодора, чтобы мы положили ихъ въ основаніе церкви. О размѣрахъ церкви Царица замѣтила: „Для мѣры послала Я поясъ Сына Моего; по Его же повелѣнію, вы выйдете на открытое мѣсто и увидите размѣры его“. Вышедши изъ церкви, мы увидѣли церковь на воздухѣ

и, вернувшись, поклонились Царицѣ и спросили: „Госпоже, въ чье имя будет церковь?“ Она сказала: „Хочу назвать ее въ Мое имя“. Мы не осмѣливались спросить Царицу о Ея имени и смущались, а Она, замѣтивъ это, сказала прямо: „Богородицына будетъ церковь“. При этомъ, Она дала намъ Святую икону, добавивъ: „Она да будетъ намѣстницей“. Отправляя насъ, Царица обѣщала наградить насъ за это дѣло и дать то, чего око не видѣло и ухо не слышало, что не взошло и на сердце человѣка.

Выслушавъ этотъ разсказъ, всѣ иноки прославили Бога и Пречистую Богоматерь; при этомъ, преподобный Антоній сказалъ зодчимъ, что „никто изъ насъ не приходилъ никогда къ вамъ“, на это зодчіе отвѣчали: „Царицыно золото мы получили отъ васъ при многочисленныхъ свидѣтеляхъ и черезъ мѣсяцъ по полученіи мы отправились въ путь и нынѣ десятый день, какъ мы вышли изъ Царьграда.

Окончивъ разсказъ, зодчіе спросили: „гдѣ же строить церковь?“ Антоній сказалъ: „подождите три дня“. Затѣмъ онъ обратился къ Богу съ пламенною молитвой и испросилъ чудесное указаніе мѣста для храма. По молитвѣ его въ одну ночь на избранномъ мѣстѣ было сухо, а всѣ окрестности были покрыты росой, въ другую ночь—одно оно оросилось, когда всѣ прочія мѣста были сухи.

Благословеніе мѣста для Великой Печерской церкви было послѣднимъ земнымъ дѣломъ дивнаго Антонія. На девяностомъ году своей многотрудной жизни, 7 мая 1072 года, онъ мирно предалъ духъ свой Господу. Мощи преподобнаго Антонія почиваютъ подъ спудомъ въ той пещерѣ, гдѣ онъ подвизался. То глубокое смиреніе, которое онъ хранилъ во всю земную жизнь свою, сокрываетъ его отъ славы человѣческой и за гробомъ; всѣ до сихъ поръ бывшія попытки открыть его мощи—были чудеснымъ образомъ отстраняемы.

По кончинѣ преподобнаго Антонія, вскорѣ послѣдовала закладка новаго храма на предназначенномъ мѣстѣ. Земля эта принадлежала князю Святославу, который охотно подарилъ ее монастырю и самъ первый началъ копать ровъ для основанія храма.

Главной его Святыней является лично переданная, согласно преданію, Божьей Матерью зодчимъ небольшая икона, изображающая Ее и Апостоловъ, собранныхъ при Успеніи. Замѣчательно, что, несмотря на всѣ вражескія нашествія, съ неоднократными разграбленіями храма, на пожары и прочія бѣдствія, икона эта никогда не была исторгнута изъ церкви. Когда Петру Великому донесли о страшномъ пожарѣ въ Кіево-Печерской обители, бывшемъ въ его время, онъ прежде всего спросилъ: „Спасена-ли чудотворная икона?“ „Спасена, Государь“, отвѣчалъ печальный архимандритъ Іоаннъ, лично донесшій Государю о семъ несчастьѣ „Если спасена икона,—сказалъ Петръ,—то спасена и обитель“. Икона эта, какъ вѣнецъ всей Святыни монастыря, виситъ надъ главными Царскими вратами, въ серебряно позлащенномъ сіяніи. Она написана древней греческой живописью, на кипарисной доскѣ, шириною въ 9 вершковъ, а вышиною въ $6^1/_2$ вершковъ. Божія Матерь изображена на

ней почивающей на одрѣ, предъ которымъ стоитъ Евангеліе, покрывающее отверстіе въ середину доски, гдѣ хранились частицы мощей семи мучениковъ, положенныхъ Ею при передачѣ иконы зодчимъ. При Главѣ Богоматери изображены шесть Апостоловъ, изъ нихъ Петръ представленъ съ кадиломъ, а при ногахъ—пять; Апостолъ-же Ѳома не изображенъ, такъ какъ онъ, по особому устроенію Божьему, при Успеніи Богородицы не присутствовалъ, а прибылъ только на третій день послѣ него. По срединѣ иконы, съ лѣвой стороны, стоитъ Спаситель и держитъ въ пеленахъ душу Богоматери, а вверху, около Него, изображены два ангела съ бѣлыми убрусами. Вся икона, кромѣ лицъ и рукъ, покрыта золотой ризой и украшена драгоцѣнными камнями.

Приведенное повѣствованіе о чудномъ участіи Божіей Матери въ сооруженіи храма Кіево-Печерской обители показываетъ намъ, что Царица Небес-

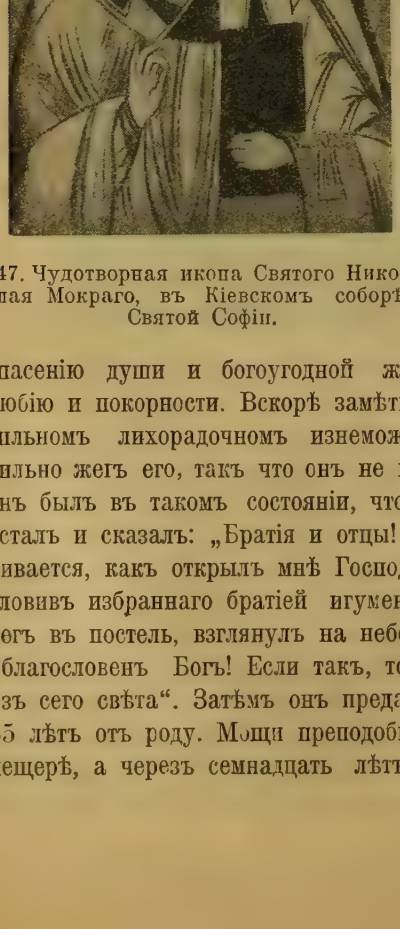
46. Главная Святыня Кіево-Печерской лавры—Чудотворная икона Успенія Божіей Матери.

ная изъ своего Влахернскаго храма, изъ котораго Она два раза подавала Грекамъ помощь противъ нападавшихъ на нихъ язычниковъ-Руссовъ, нынѣ Сама простерла свою Благодать и Благословеніе надъ освященнымъ Вѣрой Христовой Русскимъ народомъ.

Не оставилъ, какъ передаетъ преданіе, своимъ благословеніемъ Русскую Землю въ тѣ же времена и великій Святитель и Угодникъ Божій Николай Чудотворецъ.

Однажды, когда, по случаю наступающаго праздника Святыхъ Бориса и Глѣба, Православные христіане спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Вышгородъ, туда же отправился по Днѣпру на лодкѣ одинъ богатый кіевлянинъ, вмѣстѣ съ женой своей и младенцемъ сыномъ; на возвратномъ пути отъ Вышгорода, мать задремала и уронила въ рѣку младенца, который немедленно утонулъ.

Огорченные родители стали призывать на помощь Святого Николая и въ крайней горести прибыли въ свое жилище. Въ ту же ночь, передъ заутренею, пономари Кіево-Софіевскаго собора, пришедшіе отпирать церковь, услышали въ ней крикъ ребенка, а затѣмъ нашли въ церкви мокраго младенца, лежащаго передъ иконой Святителя Николая. Немедленно дали знать объ этомъ митрополиту, а митрополитъ велѣлъ объявить по всему городу. Родители младенца скоро нашлись и узнали въ немъ, къ изумленію всѣхъ, своего потонувшаго сына. Съ того времени образъ, передъ которымъ найденъ мокрый младенецъ, сталъ называться образомъ Николая *Мокраго* и особенно чтится у Православныхъ. Нынѣ этотъ образъ находится въ предѣлѣ Кіево-Софіевскаго собора устроеннаго во имя Святителя Николая.



47. Чудотворная икона Святого Николая Мокраго, въ Кіевскомъ соборѣ Святой Софіи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого—объявилась и въ Новгородѣ чудотворная икона Святого Николая, отъ котораго получилъ чудесное исцѣленіе князь Мстиславъ Владиміровичъ. Въ честь иконы этой былъ заложенъ каменный храмъ во „дворѣ Ярославовомъ“, и она прозывается потому *Дворищенскою*.

Спустя годъ послѣ кончины Святого Антонія, согласно пророчеству Божіей Матери, и преподобный Ѳеодосій приблизился ко дню своего блаженнаго успокоенія.

Онъ велѣлъ собрать всю братію, находившуюся на послушаніи въ селахъ и другихъ мѣстахъ. Когда всѣ собрались, онъ училъ ихъ, со слезами, спасенію души и богоугодной жизни,пощенію, усердію къ церкви, братолюбію и покорности. Вскорѣ замѣтили, что блаженный игуменъ лежалъ въ сильномъ лихорадочномъ изнеможеніи: то томилъ его холодъ, то огонь сильно жегъ его, такъ что онъ не могъ говорить. Въ продолженіе трехъ дней, онъ былъ въ такомъ состояніи, что думали, не умеръ-ли онъ. Затѣмъ онъ всталъ и сказалъ: „Братія и отцы! Вотъ я знаю, что время жизни моей оканчивается, какъ открылъ мнѣ Господь еще во время поста въ пещерѣ“. Благословивъ избраннаго братіей игумена Стефана и простившись со всѣми, онъ легъ въ постель, взглянулъ на небо и съ веселымъ лицомъ громко сказалъ: „благословенъ Богъ! Если такъ, то я уже не боюсь, а съ радостью отхожу изъ сего свѣта“. Затѣмъ онъ предалъ духъ свой Господу, 3 мая 1074 года; 63 лѣтъ отъ роду. Мощи преподобнаго Ѳеодосія были сперва погребены въ пещерѣ, а черезъ семнадцать лѣтъ, когда была окончена постройка и освя-

щена Великая церковь Кіево-Печерской лавры, то ихъ рѣшили перенести въ самый храмъ.

Преподобному Нестору было поручено выкопать мощи. Они оказались совершенно нетлѣнными, составы не распались, и только волосы присохли къ головѣ. На слѣдующій день собрались бывшіе въ Кіевѣ епископы, пришли мужи изъ всѣхъ монастырей съ черноризцами и множество народа; Святыя мощи перенесены были въ Великую церковь и поставлены въ притворѣ. Это было 14 августа 1091 года. Къ лику святыхъ преподобный Ѳеодосій былъ причисленъ въ 1108 году. Мощи его оставались открытыми до нашествія татаръ: съ той же поры онѣ скрыты въ основаніи Великой церкви, а на томъ мѣстѣ притвора, гдѣ онѣ прежде почивали открыто, поставлена гробница, прикрытая серебряной вызолоченной доской, съ изображеніемъ преподобнаго.

Послѣ кончины преподобнаго отмѣчено нѣсколько чудесныхъ исцѣленій и избавленій отъ бѣдъ усердно обращавшихся къ нему лицъ, при чемъ онъ иногда являлся молящимся ему во снѣ.

Изъ поученій Ѳеодосія до насъ дошли, къ сожалѣнію, далеко не всѣ. Но и изъ тѣхъ, которыя уцѣлѣли, вполнѣ виденъ душевный складъ этого великаго подвижника.

„Любовь къ Богу можетъ быть выражена только дѣлами, а не словами“, говоритъ Святой Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій, и дѣйствительно, вся его жизнь была обращена именно на дѣла, достойныя христіанина. „Мы должны отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ, а не пребывать въ праздности изъ келіи въ келію“, продолжаетъ онъ. И при Ѳеодосіи въ обители всѣ трудились, а самъ онъ больше всѣхъ; мы знаемъ, что онъ никогда не спалъ лежа, а ночью, когда братія засыпала, часто уходилъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ спорилъ до утра съ Евреями, стараясь убѣдить ихъ въ превосходствѣ Православія надъ іудействомъ.

Сильно нападалъ Ѳеодосій и на пьянство, чѣмъ и въ тѣ времена были заражены всѣ сословія, не смотря на принятіе христіанства. По этому поводу онъ говорилъ:

„Бѣсноватый страдаетъ поневолѣ и можетъ удостоиться жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ по собственной волѣ и будетъ преданъ на вѣчную муку: къ бѣсноватому прійдетъ священникъ, сотворитъ надъ нимъ молитву и прогонитъ бѣса; а надъ пьянымъ, хотя бы сошлись священники всей земли и творили молитву, то все же не прогнали бы изъ него бѣса самовольнаго пьянства“...

Изъ твореній Ѳеодосія особенно замѣчательно „Завѣщаніе“ его, написанное великому князю Изяславу Ярославовичу, когда того пытались совратить въ католичество искусные проповѣдники папы. Вотъ его содержаніе: „Господи благослови! У меня есть слова къ тебѣ, боголюбивый княже! Я—Ѳеодосій, худой рабъ Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа,—въ чистой и Православной Вѣрѣ рожденъ и воспитанъ въ добромъ наученіи Православными отцомъ и матерью. Берегись, чадо, кривовѣровъ и всѣхъ бесѣдъ ихъ, ибо и наша земля наполнилась ими. Если кто и спасетъ свою душу, то

только живя въ Православной Вѣрѣ. Ибо нѣтъ иной вѣры лучшей, чѣм наша чистая, Святая Православная. Живя въ этой Вѣрѣ, не только избавишьс отъ грѣховъ и вѣчной муки, но и сдѣлаешься причастникомъ вѣчной жизни и безъ конца будешь радоваться со Святыми. А живущіе въ иной вѣрѣ, н увидятъ жизни вѣчной. Не подобаетъ также, чадо, хвалить чужую вѣру. Кт хвалить чужую вѣру, тотъ все равно, что свою хулитъ. Если же кто будет хвалить свою и чужую, то онъ двоевѣрецъ, близокъ ереси.

„Итакъ, чадо, берегись ихъ и всегда стой за свою Вѣру. Не братайся с ними, но бѣгай отъ нихъ и подвизайся въ своей Вѣрѣ добрыми дѣлами. Твор милостыню не своимъ только по Вѣрѣ, но и чужевѣрнымъ. Если увидиш нагого или голоднаго, или въ бѣду попавшаго, — будетъ-ли то жидъ, ил турокъ, или латинянинъ,—ко всякому будь милосердъ, избавь его отъ бѣды

48. Святой Ѳеодосій и Соборъ Праведниковъ Дальнихъ пещеръ.

какъ можешь, и не лишенъ будешь награды у Бога, ибо Самъ Богъ въ ны нѣшнемъ вѣкѣ изливаетъ милости свои не на христіанъ только, но и на не вѣрныхъ. О язычникахъ и иновѣрцахъ Богъ въ этомъ вѣкѣ печется, но в будущемъ они будутъ чужды вѣчныхъ благъ. Мы же, живущіе въ Православ ной Вѣрѣ, и здѣсь получаемъ всѣ блага отъ Бога, и въ будущемъ вѣкѣ—спа сетъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

„Чадо! Если тебѣ нужно будетъ даже умереть за Святую свою Вѣру, с дерзновеніемъ иди на смерть. Такъ и Святые умирали за Вѣру, а нынѣ живут во Христѣ.

„Если увидишь, чадо, иновѣрцевъ, спорящихъ съ Православнымъ и хотя щихъ лестью оторвать его отъ Православной церкви,—помоги Православном Этимъ ты избавишь овча изъ пасти льва. Если же смолчишь и оставишь без

помощи, то это все равно, какъ еслибъ ты отнялъ искупленную душу у Христа и продалъ ее сатанѣ.

„Если кто тебѣ скажетъ: „ваша и наша вѣра отъ Бога“, то ты, чадо, отвѣть такъ: „кривовѣръ! или ты и Бога считаешь двоевѣрнымъ! Не слышишь, что говоритъ Писаніе: „Единъ Богъ, едина Вѣра, едино крещеніе“ (Посланіе къ Ефесянамъ, IV, 5.)....

Таковъ былъ преподобный Ѳеодосій.

Созданная имъ и Святымъ Антоніемъ обитель, не смотря на грозныя и тяжелыя времена, которыя не разъ пришлось пережить Кіеву и всей Русской Землѣ, процвѣтаетъ и понынѣ. Многочисленные паломники круглый годъ прибываютъ въ Кіевъ, чтобы поклониться чудотворному образу Успенія, лично переданному Царицей Небесной во Влахернскомъ храмѣ зодчимъ—строителямъ

49. Святой Антоній и Соборъ Праведниковъ Ближнихъ пещеръ

мощамъ Святыхъ Антонія и Ѳеодосія, а также и другимъ праведникамъ, покоящимся въ Ближнихъ и Дальнихъ пещерахъ.

Въ *Ближнихъ* пещерахъ—находятся три церкви—преподобнаго Антонія, Варлаама и Введенія во храмъ; тутъ же подъ спудомъ почиваютъ мощи самого Святого Антонія и мощи 49 Святыхъ, въ открытыхъ гробахъ; въ числѣ этихъ 49 мощей—находятся и мощи Святого Іоанна, отрока Варяга, убитаго разъяренной толпой вмѣстѣ съ отцомъ при великомъ князѣ Владимірѣ до его крещенія. Далѣе, въ Антоніевыхъ пещерахъ покоятся 10 затворниковъ въ своихъ затворахъ и 30 мироточивыхъ главъ неизвѣстныхъ Святыхъ. Здѣсь же почиваютъ открыто, безъ гробовъ, двѣнадцать Грековъ, строившихъ Великую Лаврскую церковь, а именно: четыре зодчихъ, присланныхъ Божіей Матерью изъ Влахернской церкви и восемь живописцевъ, такъ же чудесно посланныхъ Бо-

городицей въ 1083 году для украшенія церкви живописью, когда она была уже окончена вчернѣ. Всѣ эти двѣнадцать Грековъ, по окончаніи работы, приняли постриженіе, и мощи ихъ до сего дня открыто пребываютъ въ нетлѣніи *).

Въ *Дальнихъ*, или Ѳеодосіевыхъ пещерахъ, гдѣ первоначально и было положено основаніе обители, до сихъ поръ находится въ цѣлости келія Святого Ѳеодосія и при ней малая церковь; затѣмъ, древнѣйшая церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, устроенная руками первыхъ жителей пещеръ, церковь Рождества Христова и мощи Святыхъ угодниковъ: тридцать три почиваютъ въ открытыхъ гробахъ, а тринадцать въ затворахъ; кромѣ того, имѣется 31 мироточивая глава и одна нетлѣнная голень неизвѣстныхъ Святыхъ.

Изъ покоящихся въ обѣихъ пещерахъ праведниковъ, къ величайшему сожалѣнію, остаются совершенно неизвѣстными, даже по именамъ, шестьдесятъ одинъ Святой, коимъ принадлежатъ мироточивыя головы, а также и Святой, отъ котораго осталась нетлѣнная голень.

Къ большому сожалѣнію также, далеко не о всѣхъ остальныхъ Святыхъ, которые почиваютъ въ пещерахъ, и имена коихъ извѣстны, сохранились ихъ житія. Объ иныхъ же изъ нихъ, житія хотя и имѣются, но они такъ кратки, что почти не даютъ понятія о благочестивыхъ подвигахъ праведниковъ, про которыхъ они написаны. Однако, къ счастью, относительно нѣкоторыхъ Святыхъ сохранились болѣе подробныя житія, и по нимъ мы можемъ весьма ясно себѣ представить жизнь обитателей пещеръ, ихъ подвиги и искушенія, которымъ они порой подвергались.

Вотъ краткія выдержки изъ нѣкоторыхъ сохранившихся житій Кіево-Печерскихъ угодниковъ.

Преподобный *Исаакій* былъ богатымъ Торопецкимъ купцомъ. Пожелавъ иноческой жизни, онъ, по Евангельскому Завѣту, роздалъ все свое имѣніе и

*) Наконецъ, въ Антоніевыхъ же пещерахъ покоятся, въ закрытой ракѣ, нетлѣнныя мощи *Святой Праведной Іуліаніи Дѣвы*. Тѣло ея было обрѣтено, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, совершенно случайно, близъ Большой лаврской церкви, когда стали копать землю при устройствѣ могилы для одной покойницы. Здѣсь нашли камень со знаменемъ князей Ольшанскихъ, а подъ нимъ раку, въ которой лежала, совершенно какъ будто живая—усопшая молодая дѣвушка, одѣтая въ драгоцѣннѣйшую тканую шелкомъ и золотомъ одежду, тоже какъ будто только что сшитую; на шеѣ у почившей были надѣты золотыя гривны со многими бисерами; на рукахъ драгоцѣнныя кольца; на головѣ дѣвическій золотой вѣнецъ, а въ ушахъ дорогія же серьги съ камнями большой цѣнности. На ракѣ была серебряная вызолоченная дощечка, съ надписью: „Іуліанія, княжна Ольшанская, дочь князя Григорія Ольшанскаго, преставившаяся дѣвою, въ лѣто отъ рожденія своего 16-е“. Такъ какъ больше никакихъ свѣдѣній о дѣвѣ Іуліаніи въ лаврѣ не имѣлось, то раку ея поставили въ Печерской церкви, но ей никто особаго почета не оказывалъ. Вскорѣ, однако, она явилась въ чудесномъ видѣніи Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ и указала ему, что къ мощамъ ея слѣдуетъ относиться съ большимъ благоговѣніемъ Тогда митрополитъ приказалъ чтить ея мощи, какъ святыя. Впослѣдствіи, послѣ пожара въ Большой лаврской церкви, онѣ были перенесены въ Антоніевы пещеры.

пришелъ въ пещеру къ преподобному Антонію, прося постриженья: Антоній принялъ его и постригъ. Исаакій наложилъ на себя тяжелые подвиги: надѣлъ власяницу и сверхъ ея покрылся козлиной кожей, которая на немъ высохла: затворился въ тѣсной пещерѣ и молился Богу со слезами. Семь лѣтъ провелъ онъ такимъ образомъ: пища его была—просфора и то черезъ день: воду онъ пилъ въ мѣру: Антоній, какъ мы уже указывали раньше, приносилъ ему и то и другое, подавая въ малое окошко, куда едва проходила рука. Въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ, Исаакій ни разу не выходилъ изъ затвора, не ложился на бокъ, но только сидя засыпалъ ненадолго; съ вечера до полуночи онъ пѣлъ псалмы и клалъ поклоны.

Однажды, онъ сѣлъ отдохнуть послѣ ночныхъ поклоновъ. Вдругъ его посѣтило замѣчательное видѣніе: пещера озарилась яркимъ свѣтомъ, и въ нее вошли два лучезарныхъ юноши. „Исаакій“, сказали они, „мы ангелы, и вотъ идетъ къ тебѣ Христосъ, поклонись ему“! Обольщенный затворникъ не оградивъ себя ни крестнымъ знаменіемъ, ни сознаніемъ своего недостоинства, поклонился до земли бѣсовскому дѣйствію, какъ Самому Христу. Бѣсы воскликнули: „ты нашъ, Исаакій: пляши съ нами“! Они подхватили его, начали плясать и оставили его полумертвымъ. На утро Антоній, по обычаю, подошелъ къ окошку и сотворилъ молитву: отвѣта не было. Великій старецъ подумалъ, затворникъ уже преставился: откопали пещеру и вынесли его, какъ мертвеца, но тутъ замѣтили, что онъ еще дышитъ. Опытные въ духовной жизни старцы узнали дѣло бѣсовъ. Во время болѣзни за нимъ ходилъ сначала преподобный Антоній, а затѣмъ его взялъ къ себѣ въ келью Ѳеодосій и сталъ служить ему, какъ мать малому ребенку. Исаакій былъ въ такомъ разслабленіи, что не могъ не только встать или сѣсть, но даже оборотиться съ одного бока на другой. Два года пролежалъ онъ такъ, лишенный языка и слуха: Ѳеодосій денно и нощно молился о немъ. Наконецъ, на третій годъ, Исаакій проговорилъ, началъ слышать и, какъ младенецъ, началъ учиться ходить. Насильно приводили его въ церковь, потомъ пріучили ходить въ трапезу. Мало по малу, пришелъ въ себя Исаакій отъ страшнаго потрясенія и сталъ опять вести строгую жизнь. Однако, искушенный въ затворѣ, онъ не хотѣлъ сначала идти въ пещеру, но надѣлъ власяницу и началъ помогать поварамъ на кухнѣ. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ церковь и стоялъ неподвижно. Во время зимы ходилъ онъ въ протоптанныхъ черевьяхъ, такъ что ноги примерзали къ землѣ, но онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ до конца службы. Укрѣпившись вполнѣ въ силахъ, онъ опять затворился; здѣсь онъ подвергся вновь бѣсовскимъ искушеніямъ, но уже успѣшно отражалъ ихъ и черезъ двадцать лѣтъ труднаго вторичнаго затворническаго подвига принялъ, около 1090 года, блаженную кончину.

Преподобный *Іоаннъ Многострадальный* прожилъ тридцать лѣтъ въ пещерѣ передъ мощами Святого Моисея Угрина. Самымъ ревностнымъ желаніемъ его было походить по чистотѣ душевной и по помысламъ на праведнаго Моисея: но въ выполненіи этого желанія Іоаннъ, мучимый лукавымъ, испыталъ величайшія искушенія. Чтобы побороть ихъ, онъ долго пребывалъ по

шести дней безъ пищи, то удручалъ себя тяжкими веригами, то закапывалъ себя на весь великій постъ въ землю почти по плечи; такъ боролся онъ всѣ тридцать лѣтъ своей пещерной жизни. Подъ конецъ его постигло въ самое Свѣтлое Христово Воскресенье, когда онъ стоялъ закопаннымъ въ пещерѣ, совершенно необычное видѣніе огромнаго огненнаго змѣя, взявшаго его голову къ себѣ въ пасть; когда Іоаннъ сотворилъ молитву, то дьявольское видѣніе исчезло, но борода его и волосы на головѣ были опалены. Послѣ этого испытанія, Іоаннъ не только получилъ полное успокоеніе своей души, но даже и особый даръ—видѣть въ совершенной темнотѣ, такъ что онъ могъ безъ помощи свѣтильника совершать въ пещерѣ по книгѣ свое молитвенное Правило. Передъ кончиною своею, онъ опять вкопалъ себя въ землю по перси и такъ стоитъ и понынѣ, какъ памятникъ славной побѣды надъ врагомъ человѣческаго спасенія.

Преподобный *Пименъ*, прозванный *Многоболѣзненнымъ*, родился больнымъ и выросъ въ болѣзняхъ. Много разъ просилъ онъ родителей, чтобы позволили ему постричься, но имъ не хотѣлось отдать въ монастырь сына и единственнаго наслѣдника. Наконецъ, не видя надежды на выздоровленіе, они рѣшились отвести его въ Печерскую обитель, чтобы молитвы отц. въ испросили ему исцѣленіе. Но и эти молитвы остались безуспѣшными, потому что самъ больной усердно молилъ себѣ не здоровья, а умноженія болѣзни, чтобы остаться въ монастырѣ. Онъ желалъ только одного — иночества. И вотъ, въ одну ночь, пришли къ нему невидимые иноки, совершили надъ нимъ обрядъ постриженія и облекли страдальца въ иноческую одежду. Никто не слыхалъ, какъ пришли они; никто не зналъ, какъ въ запертой церкви, на ракѣ Святого Ѳеодосія, очутились волосы Пимена, снятые при постриженіи. Только звуки пѣнія дошли до нѣкоторыхъ, но обрядъ былъ оконченъ, когда пришли къ Пимену, и нашли его уже постриженнымъ, съ горящею свѣчою въ рукахъ. Болѣе 20 лѣтъ пробылъ Пименъ въ тяжкой болѣзни, такъ что прислужники тяготились имъ, нерѣдко оставляя его безъ пищи и питья; но онъ все переносилъ съ радостью. Въ ту же пещеру былъ принесенъ другой больной, чтобы слугѣ было удобнѣе ходить за двумя вмѣстѣ, но и послѣ того, ихъ часто оставляли безъ присмотра. „Братъ“, сказалъ Пименъ лежавшему съ нимъ больному: „служащіе намъ гнушаются нами. Если Господь исцѣлитъ тебя, можешь ли ты исправлять эту службу?“ Больной обѣщалъ посвятить всю жизнь на служеніе больнымъ. Тогда, по слову блаженнаго Пимена, онъ всталъ здоровымъ и служилъ ему; но затѣмъ облѣнился и опять заболѣлъ. „Маловѣрный“, сказалъ ему Пименъ: „развѣ ты не знаешь, что болящій и служащій ему получаютъ равную награду? Здѣсь—скорбь легкая, а тамъ веселіе вѣковъ. Богъ, который исцѣлилъ тебя, можетъ исцѣлить и меня, но я не желаю. Пусть я сгнію въ этой жизни, но чтобы тамъ я остался безъ истлѣнія; пусть здѣсь будетъ вокругъ меня смрадный запахъ, но чтобы тамъ наслаждаться мнѣ неисчерпаемымъ благоуханіемъ“. Передъ смертью, добровольный страдалецъ сдѣлался здоровъ, обошелъ всѣ кельи, чтобы проститься съ братьями, указалъ себѣ мѣсто для погребенія и скончался въ мирѣ.

Преподобный *Прохоръ*, уроженецъ Смоленскій, отличался удивительнымъ воздержаніемъ. Онъ лишилъ себя даже ржанаго хлѣба, а вмѣсто него собиралъ лебеду, растиралъ ее и такъ и питался. За это онъ былъ прозванъ *Лебедникомъ*. Кромѣ просфоры церковной и хлѣба изъ лебеды, онъ не вкушалъ ничего—ни овощей, ни вина: никогда не былъ печаленъ и всегда весело работалъ для Господа. Когда, однажды, случился голодъ, то онъ удвоилъ трудъ свой по собиранію лебеды и всѣмъ голоднымъ раздавалъ хлѣбъ изъ нея, который казался замѣчательно сладкимъ, какъ бы испеченнымъ вмѣстѣ съ медомъ.

Преподобный *Даміанъ*—пресвитеръ, отличался необыкновенною кротостью и даромъ исцѣленія болѣзней. Онъ былъ такой постникъ, что, кромѣ хлѣба и воды, не вкушалъ ничего до самой кончины своей. Если приносили дитя, страдавшее какимъ-либо недугомъ, или приходили больные въ монастырь, преподобный Ѳеодосій поручалъ Даміану сотворить молитву надъ больнымъ; Даміанъ совершалъ молитву, помазывалъ освѣщеннымъ елеемъ, и страждущіе получали исцѣленіе. Когда онъ самъ разболѣлся и приблизился къ кончинѣ, то ночью явился ему ангелъ въ образѣ преподобнаго Ѳеодосія и обѣщалъ царство небесное. Утромъ пришелъ Ѳеодосій и сѣлъ возлѣ него. Умирающій, взглянувъ на игумена, сказалъ: „не забудь же, что ты обѣщалъ мнѣ въ эту ночь“. Великій Ѳеодосій отвѣчалъ ему: „братъ Даміанъ, да будетъ тебѣ, что обѣщано мною“. Онъ же, сомкнувъ очи, предалъ духъ свой Господу.

Преподобный *Агапитъ* былъ Кіевскимъ уроженцемъ и, постригшись, служилъ безмезднымъ врачомъ въ обители. Когда занемогалъ кто-либо изъ братіи, Агапитъ, оставляя свою келью, переходилъ къ больному брату, служилъ ему и давалъ вмѣсто лѣкарства свою пищу—вареную траву. И больной, по молитвѣ его, выздоравливалъ. Многіе изъ города приходили къ нему, и безмездный врачъ никому не отказывалъ въ благодатной помощи. Однажды заболѣлъ внукъ Ярослава, Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, княжившій тогда въ Черниговѣ. Не получая помощи отъ своихъ врачей, онъ послалъ звать къ себѣ Агапита. „Если пойду къ князю“,—разсуждалъ блаженный Агапитъ,—„то долженъ ходить и ко всѣмъ. Для человѣческой славы не пойду за ворота монастырскія, чтобы не преступить симъ обѣта“.

Онъ не пошелъ къ князю, но послалъ ему вареную траву, которую употреблялъ въ пищу. Исцѣленный князь пришелъ благодарить чудотворца, но Агапитъ скрылся. Тогда Мономахъ отправился въ его келью и оставилъ въ благодарность нѣсколько золотыхъ монетъ; Агапитъ же, вернувшись выкинулъ это золото. Чудесное врачеваніе безмезднаго врача Печерскаго возбудило зависть въ одномъ армянинѣ, который славился тогда въ Кіевѣ своимъ врачебнымъ искусствомъ. Убѣдившись, однако, многократными опытами, что во врачеваніи Агапита дѣйствуетъ сила небесная, армянинъ, вскорѣ послѣ блаженной кончины Агапита, самъ сдѣлался инокомъ и въ добрыхъ подвигахъ кончилъ свою жизнь.

Преподобный *Діонисій*, іеромонахъ и блюститель пещеръ, по прозванію Щепа, вошелъ въ день Свѣтлаго праздника Воскресенія Христова въ пещеру преподобнаго Антонія покадить тѣла усопшихъ Святыхъ; придя на мѣсто, называемое общиной, или трапезой, Діонисій, покадивши, сказалъ: „Святые отцы и братія! Сегодняшній день, есть день Великій: „Христосъ Вескресе“! И тотчасъ отвѣтилъ ему голосъ отъ всѣхъ мощей, прогремѣвшій, какъ громъ: „Воистину Воскресе“! До глубины души пораженный этимъ чудомъ, Діонисій заключился въ затворѣ, гдѣ и почилъ.

Преподобный *Николай Святоша*, правнукъ великаго князя Ярослава, первый изъ Русскихъ князей добровольно принялъ иночество, хотя имѣлъ жену и дѣтей. Оставивъ княжество, онъ проходилъ разныя послушанія въ Печерской обители: три года работалъ съ братіей на поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ изъ рѣки воду на плечахъ своихъ и приготовлялъ братскую пищу; еще три года стоялъ у вратъ монастырскихъ, какъ сторожъ, не отходя никуда, кромѣ церкви; отсюда былъ взятъ служить при трапезѣ и своимъ усердіемъ пріобрѣлъ общую любовь. Послѣ такихъ подвиговъ послушанія, преподобный долженъ былъ, по совѣту игумена и всей братіи, поселиться въ келіи и заботиться только о собственномъ спасеніи. Онъ повиновался, и никто никогда не видѣлъ его празднымъ. Своими руками онъ насадилъ передъ своей кельею небольшой садъ и постоянно занимался какимъ-либо рукодѣліемъ, произнося при этомъ молитвы. Преподобный не вкушалъ ничего, кромѣ общей монастырской пищи на трапезѣ, и не имѣлъ у себя никакой собственности, потому что раздавалъ нищимъ и на устроеніе церкви все, что получалъ отъ родственниковъ. Братья его долго старались возвратить его въ міръ, особенно черезъ врача, поселившагося для инока-князя въ Кіевѣ. Врачъ увѣрялъ, что такая суровая жизнь очень вредна для здоровья князя. „Да и благочестивые братья твои“, говорилъ, врачъ, „терпятъ укоризну отъ твоей нищеты. Кто изъ князей поступалъ такъ? Кто изъ бояръ пожелалъ иночества, кромѣ того Варлаама, который былъ здѣсь игуменомъ?“ Блаженный князь отвѣчалъ ему: „Много думалъ я и положилъ не щадить плоти моей, чтобы она не одолѣвала меня; пусть она, угнетаемая многими трудами, смирится. Если никто изъ князей не дѣлалъ этого прежде меня, то пусть я буду вождемъ, и кто захочетъ, пойдетъ по слѣдамъ моимъ. Благодарю Бога моего, что освободилъ меня отъ работы мірской и сотворилъ слугою рабамъ Своимъ, блаженнымъ черноризцамъ. Братья мои пусть думаютъ о своемъ спасеніи, а мнѣ прибытокъ, если умру для Христа“.

Преподобный *Мартирій Діаконъ* сподобился при жизни за великіе подвиги и чистоту жизни дара чудотворенія, такъ что къ нему обращались многіе за молитвенною помощью въ разныхъ нуждахъ; и всѣ, за кого онъ молился стоя на амвонѣ, получали просимое: исцѣленіе отъ болѣзней, избавленіе отъ скорбей, искушеній и всякихъ бѣдъ и нуждъ. Послѣ его праведной кончины и до нынѣшняго времени, мощи его тоже обладаютъ даромъ чудотворенія для всѣхъ, съ вѣрой и молитвой прибѣгающихъ къ нему.

Преподобный *Алипій*, выучившись иконописанію отъ Греческихъ мастеровъ, которые расписывали Великую Лаврскую церковь, принялъ потомъ постриженіе, трудился неусыпно и безплатно писалъ иконы для игумена, для братіи и для церквей Кіевскихъ. За чистую и добродѣтельную жизнь онъ удостоился священства и прославленъ отъ Бога даромъ чудотворенія: онъ помазывалъ раны своими красками, какъ лѣкарствомъ, и больные исцѣлялись. Одна изъ иконъ, чудесно написанная въ его келіи, находится и теперь въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ она сохранена невредимою при трехъ большихъ пожарахъ, при паденіи перваго каменнаго храма и при грабительскихъ набѣгахъ Татаръ и Поляковъ. Другая икона была также чудесно написана въ послѣдніе дни жизни Алипія. Онъ сказалъ братіи: „Ангелъ, написавшій икону, стоитъ передо мною и хочетъ взять меня“. Съ этими словами первый Русскій иконописецъ предалъ духъ свой Богу.

Преподобные *Спиридонъ* и *Никодимъ* занимались печеніемъ просфоръ, трудяся единодушно въ теченіе тридцати лѣтъ. Первый изъ нихъ, будучи неграмотнымъ, выучилъ наизусть всю псалтырь и прочитывалъ ее ежедневно при своей работѣ. Троеперстное изображеніе крестнаго знаменія, которымъ преподобный Спиридонъ осѣнилъ себя въ минуту кончины, сохранилось до сихъ поръ на его рукѣ и обращаетъ къ Православію многихъ раскольниковъ—старовѣровъ, которые думаютъ, что по старинѣ крестное знаменіе должно быть двуперстнымъ.

Преподобный *Евстратій Постникъ*, попалъ въ плѣнъ къ Половцамъ, разорившимъ въ 1096 году Печерскій монастырь. Онъ вскорѣ, съ 20 Кіевскими людьми и 30-ю монастырскими работниками, былъ проданъ въ неволю въ Корсунь одному еврею. Еврей сталъ принуждать своихъ плѣнниковъ голодомъ къ отреченію отъ Христа, но мужественный Евстратій умолялъ ихъ не отрекаться и постоянно подкрѣплялъ поученіями изъ Священнаго Писанія. Эти блаженные плѣнники, славныя имена которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ не дошли, подкрѣпляемые Евстратіемъ, рѣшили лучше умереть, чѣмъ отвергнуть Вѣру Христову, и дѣйствительно, мучимые голодомъ и жаждой, постепенно умирали, при чемъ, по прошествіи 14 дней, остался живъ одинъ только Евстратій, привыкшій къ посту съ юности. Еврей, видя, что, благодаря Евстратію, онъ лишился всѣхъ своихъ денегъ, уплаченныхъ за Русскихъ плѣнныхъ, рѣшилъ жестоко отомстить ему и въ день Святой Пасхи распялъ его на крестѣ, въ присутствіи многочисленныхъ другихъ Евреевъ. Будучи пригвожденъ ко кресту, распятый страдалецъ благодарилъ Господа Іисуса Христа за то, что удостоилъ его пострадать такъ, какъ пострадалъ Онъ Самъ. „Я вѣрю“—говорилъ онъ Жидамъ,—„что Господь скажетъ нѣкогда и мнѣ, какъ сказалъ разбойнику: „сегодня будешь со Мною въ раю“. Но васъ постигнетъ мщеніе за кровь христіанскую“. Раздраженный еврей пронзилъ страдальца копьемъ и бросилъ тѣло его въ море. Это было 28 марта 1096 года. Вскорѣ казнь Божія постигла убійцу: онъ былъ повѣшенъ. Многіе-же изъ евреевъ, присутствовавшихъ при крестной казни Евстратія, крестились. Мощи Святого мученика были отысканы вѣрующими и положены въ Антоніеву пещеру

Преподобный *Кукша* былъ просвѣтителемъ Вятичей, гдѣ во времена Ѳеодосія было еще много язычниковъ. Одушевляемый святою ревностью к вѣрѣ, Кукша съ ученикомъ своимъ оставилъ Кіево-Печерскую обитель, чтобы проповѣдывать истину Христовой Вѣры грубымъ язычникамъ; проповѣдь его сопровождалась чудесами, которые утверждали вѣру въ сердцахъ народа; но это, конечно, сильно раздражало языческихъ волхвовъ, которые и предали Свя того Кукшу мучительной смерти, вмѣстѣ съ его ученикомъ.

Въ одинъ день и часъ съ нимъ, въ Печерской обители, скончался и преподобный *Пименъ Постникъ*, другъ Кукши. Онъ исцѣлялъ недужныхъ имѣлъ даръ пророчества и за два года предсказалъ свое отшествіе къ Богу Въ день убіенія Кукши, онъ сталъ посреди церкви и громко воскликнулъ „братъ нашъ Кукша теперь убитъ“, и затѣмъ тотчасъ же преставился самъ.

Святой *Леонтій*, ученикъ преподобнаго Антонія, прославился просвѣ щеніемъ въ Ростовской землѣ, населенной грубымъ Финскимъ племенемъ—Мерею Онъ встрѣтилъ въ нихъ упорныхъ и суровыхъ идолопоклонниковъ и подвергся съ ихъ стороны побоямъ и брани. Но Святой Леонтій рѣшилъ не оставлять ввѣреннаго ему стада. Поселясь за городомъ Ростовомъ, онъ построилъ дере вянный храмъ въ честь архистратига Михаила и сталъ приглашать къ себѣ дѣтей: кормилъ и ласкалъ ихъ. Дѣти, конечно, охотно ходили къ Святителю, а онъ училъ ихъ началамъ Святой Вѣры, а потомъ и крестилъ. За дѣтьми кре стились и нѣкоторые взрослые. Но застарѣлые язычники взволновались и бро сились однажды къ церкви съ дубинами и оружіемъ. Причтъ, окружавшій Леонтія, испугался, но Святитель былъ спокоенъ. Облачившись въ ризы, онъ вмѣстѣ со священниками и діаконами, также облаченными въ ризы, вышелъ къ дикому народу. Спокойная твердость его поразила язычниковъ. Они пали передъ нимъ въ страхѣ, и многіе крестились. Святой Леонтій рукоположилъ много священниковъ и діаконовъ, но не успѣлъ привести ко Христу всю „за блудшую Чудь“ и окончилъ свой апостольскій подвигъ мученической смертью вѣроятно, въ 1070 году.

Таковы были первые обитатели Кіевской пещерной обители.

Среди подвижниковъ, почивающихъ въ Антоніевой пещерѣ, обращаетъ на себя вниманіе открытый гробъ съ мощами, надъ которыми надпись: „Илья изъ Мурома“. Житіе этого праведнаго Ильи, къ сожалѣнію, совершенно не извѣстно но глядя на его честныя мощи, вспоминается другой Илья изъ Мурома славный богатырь нашихъ былинъ, и невольно думается, не онъ-ли окончилъ здѣсь свой земной путь, смиренно принявъ постриженіе, а послѣ праведной кончины прославился нетлѣніемъ своихъ мощей.

При этихъ мысляхъ, каждый Русскій человѣкъ невольно осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, а сердце его невольно возноситъ къ Богу молитву чтобы и въ настоящіе дни жили и не переводились бы могучіе богатырскимъ духомъ и крѣпкіе Православною Вѣрою вѣрные сыны нашей Родины.

Далеко ушли отъ насъ тѣ времена, когда были живы дивные иноки прославившіе Кіево-Печерскую обитель; давно уже и Кіевъ пересталъ быть

стольнымъ городомъ всей Руси; но благоговѣйная память о принятіи здѣсь Святого крещенія Русскимъ народомъ, о славныхъ князьяхъ, въ немъ сидѣвшихъ, о великихъ подвигахъ нашихъ богатырей и ратныхъ людей, а также и о дѣлахъ смиренныхъ обитателей его пещеръ—будетъ жить навсегда въ Русскихъ сердцахъ.

Всегда, съ особымъ чувствомъ сердечнаго умиленія, приближается каждый изъ насъ къ матери Русскихъ городовъ и Кіевскимъ святынямъ.

Эти чувства, волнующія душу Русскихъ людей при видѣ Кіева, прекрасно выражены Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ въ его стихотвореніи.

Кіевъ.

Высоко передо-мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель.
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель.
Сладко пѣсня раздалася—
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися.
Богомольцы на поклонъ?“
„Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса степей“.
„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей“.
„Край мой—теплый брегъ Эвксина,“ *)
Край мой — брегъ тѣхъ дальныхъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.
„Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ—
Тамъ страна моя родная!“
„Мнѣ отчизна старый Псковъ“.
„Я отъ Ладоги холодной.
„Я отъ синихъ волнъ Невы“.
„Я отъ Камы многоводной“.
„Я отъ матушки-Москвы“.
Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ!
Знаемъ мы, въ вѣка былые,
Въ древнюю ночь и мракъ глубокъ
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.
И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ,
Полкъ молящихся дѣтей,
Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...

Обозрѣвая тотъ длинный жизненный путь, который совершили наши предки, въ теченіе тысячелѣтій, прошедшихъ со времени выхода ихъ изъ Арійской Родины до созданія могучей Руси, нами описанной, мы можемъ съ гордостью сказать, что ростомъ своей силы и славы они обязаны были исключительно самимъ себѣ, основному свойству своей души—благородству.

Дѣйствительно, только оно придавало имъ всегда то беззавѣтное мужество

---

*) Эвксинъ—Греческое названіе Чернаго моря.

и безстрашіе передъ смертью, которымъ они славились во всѣ времена. А это мужество и безстрашіе были совершенно необходимы, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ грозными и многочисленными врагами, всегда пытавшимися наложить свою руку на Русскую Землю. Надо твердо помнить, что каждая пядь Русской Земли, на которой мы живемъ, дѣйствительно для насъ *Родная Земля*, такъ какъ каждая пядь ея была обильно полита кровью не только нашихъ праотцевъ, но также и кровью нашихъ храбрыхъ и доблестныхъ праматерей, постоянно жертвовавшихъ за нее своею жизнью.

Вотъ почему эта Земля намъ дорога; мы связаны съ ней кровью длиннаго ряда нашихъ великихъ предковъ. Вотъ почему священнѣйшій долгъ каждаго изъ насъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣми силами своими—и тѣлесными, и душевными, всегда беречь эту Землю а, въ случаѣ необходимости, безтрепетно полагать для защиты ея свою жизнь.

То самое душевное благородство, которое всегда давало нашимъ предкамъ мужество и безстрашіе для побѣды многочисленныхъ враговъ Русской Земли, оно же постоянно направляло ихъ силы и къ мирному труду, столь необходимому для прочнаго закрѣпленія за собой кровью пріобрѣтенной Земли; оно направляло ихъ на высокое искусство воздѣлывать землю, на отважное мореходство, на трудный промыселъ за дикимъ пушнымъ звѣремъ и на славное торговое дѣло.

И во всемъ этомъ, благодаря основному качеству ихъ души, заставлявшему каждаго честно и съ любовью относиться къ тому дѣлу, которому онъ служитъ, предки наши тоже пріобрѣли громкую славу.—Нашъ хлѣбъ, съ незапамятныхъ временъ, считался лучшимъ и шелъ для продажи во многія далекія страны; драгоцѣнные мѣха, искусно добываемые нашими смѣлыми ловцами за звѣремъ, были извѣстны всѣмъ народамъ и цѣнились крайне дорого; ладьи нашихъ отважныхъ мореходовъ бороздили многія моря и поднимались по невѣдомымъ рѣкамъ въ самые отдаленные края; наконецъ, Русскіе гости-купцы славились своей богатой торговлей, привѣтливостью и высокой честностью.

Во внутренней, домашней жизни, основнымъ качествомъ нашихъ прародителей была вѣрность своимъ близкимъ, названнымъ братьямъ и вождямъ, за которыми они шли съ величайшей охотою на смерть. Эта изумительная вѣрность древнихъ обитателей Русской Земли, поражавшая другіе народы, была тоже прямымъ послѣдствіемъ ихъ высокой души.

На этомъ же свойствѣ души было основано у нихъ и отношеніе къ женщинамъ. Мы знаемъ, что въ языческія времена у насъ господствовало многоженство; однако, не смотря на это, положеніе женщины въ семьѣ было и тогда очень высоко и почетно: обыкновенно дѣвушки были свободны въ выборѣ себѣ мужа, почему, выходя замужъ, древнія Русскія женщины горячо привязывались къ мужьямъ и были настоящими ихъ помощницами во всѣхъ дѣлахъ; онѣ часто сражались рядомъ съ ними и часто же сами лишали себя жизни, не желая переносить вдовства.

Уваженіе, которое питали люди одного сословія къ занятіямъ другого,

при чемъ всякій трудъ считался почетнымъ, было опять слѣдствіемъ того же общаго высокаго нравственнаго чувства.

Мы видѣли, что не смотря на большую жесткость нравовъ, господствовавшую въ древнія времена, предки наши никогда не доходили до такихъ звѣрствъ въ обращеніи со своими плѣнными, какъ Греки и Римляне; напротивъ, они обыкновенно были очень ласковы съ ними и считали ихъ своими домашними. Все это указываетъ на большую сердечную доброту, издревле присущую Русскому человѣку.

Наконецъ, Русская гордость, никогда не прощавшая обидъ, нанесенныхъ кому-либо изъ своихъ, почему предки наши всегда жестоко наказывали за эти обиды, поднимаясь для этого, когда было нужно, цѣлымъ народомъ, также должна быть признана однимъ изъ лучшихъ ихъ свойствъ; конечно, и мы, ихъ потомки, въ подобныхъ случаяхъ должны слѣдовать ихъ примѣру и никому не позволять обижать Русское имя и Русскаго человѣка.

Постояннымъ источникомъ величайшаго несчастья для самихъ же Славянъ были, какъ мы знаемъ, ихъ вѣчные взаимные раздоры, основанные на излишнемъ свободолюбіи и нежеланіи подчинить своего мнѣнія — мнѣнію другихъ.

Мы видѣли, что этимъ свойствомъ Славянъ пользовались ихъ враги, искусно раздувая ихъ взаимные нелады, а врагами Славянъ *всегда* были *всѣ* народы, которые жили около нихъ. Эта же страсть къ раздорамъ долго не давала возможности нашимъ предкамъ соединиться въ одно крѣпкое государство; наоборотъ, раздоры эти привели насъ къ постыдному Аварскому, а потомъ и Хозарскому игу, а на Западѣ Европы и къ тому, что нѣкоторыя отдѣльныя Славянскія племена, не смотря на всю свою отвагу, были покорены и даже вовсе истреблены.

Но когда Ильменскіе Славяне сознали, что жить среди взаимныхъ усобицъ дальше нельзя, и пришли къ мудрому рѣшенію поставить надъ собою для взаимнаго объединенія высшую власть, для чего и призвали Русскихъ князей, то мощь и сила нашего Государства тотчасъ же начинаетъ расти съ изумительной быстротой. Еще во времена Аскольдовы патріархъ Фотій, въ знаменитой проповѣди своей въ стѣнахъ Святой Софіи, назвалъ насъ, вслѣдствіе унизительной зависимости отъ Хозаръ, „народомъ не почетнымъ, народомъ, считаемымъ наравнѣ съ рабами“, а менѣе чѣмъ черезъ двѣсти лѣтъ, всѣ могущественные государи Европы считали для себя высокой честью получить руку одной изъ дочерей Русскаго великаго князя, или найти убѣжище при его дворѣ, въ случаѣ своихъ невзгодъ. Эта громадная перемѣна въ положеніи Руси была, конечно, создана исключительно благодаря высокимъ душевнымъ качествамъ нашихъ доблестныхъ предковъ.

Дѣйствительно, рѣшивъ признать надъ собою высшую власть и отдаться въ руки призванныхъ князей, наши предки, по свойственному имъ благородству, отдались этимъ князьямъ совсѣмъ, со всей своей беззавѣтной преданностью. Конечно, это тотчасъ же повело къ полному освобожденію ихъ отъ Хозарскаго ига и къ быстрому росту Государства, тѣмъ болѣе, что среди на-

шихъ первыхъ князей было нѣсколько замѣчательныхъ полководцевъ: имѣя подъ своею рукою храбрую и беззавѣтно преданную рать, они и могли одерживать всѣ свои блестящія побѣды, съ цѣлью объединенія Русской Земли.

Однако, не смотря на всю храбрость и мужество, проявленныя нашими прародителями при быстрыхъ, смѣлыхъ и побѣдоносныхъ походахъ Аскольда, Олега и Святослава, еще болѣе достойно глубочайшаго уваженія ихъ поведеніе при неудачахъ, которыя постигали порой нашихъ князей: мы видѣли, что князь Игорь былъ вообще несчастливъ въ ратномъ дѣлѣ, да и Ярославъ не разъ бывалъ на голову разбитъ; наконецъ, и самъ великій Святославъ окончилъ свои славныя дѣла неудачей подъ Доростоломъ и печальной погибелью у Днѣпровскихъ пороговъ.

Вотъ тутъ-то, во время этихъ тягостныхъ испытаній, поведеніе нашихъ предковъ и достойно самаго величайшаго уваженія.

Народъ не стойкій, народъ съ мелкой душою, народъ неразумный и вздорный, народъ, не привязанный къ своей Землѣ, народъ, не имѣющій или не знающій своего славнаго прошлаго, словомъ, — народъ неблагородный всегда отворачивается отъ своихъ вождей, когда ихъ постигаетъ несчастіе; такой народъ всегда начинаетъ винить ихъ въ неудачахъ, которыя произошли въ бою, въ походѣ, или въ государственной жизни; въ такомъ народѣ сейчасъ же начинается неудовольствіе и броженіе, возстаніе воинскихъ частей и позорные безпорядки; онъ этимъ, конечно, окончательно себя ослабляетъ и дѣлается затѣмъ легкой добычей внѣшнихъ враговъ.

Но не таковы были наши стойкіе, мудрые благородные предки. Каждый изъ нихъ понималъ, что военное счастье — перемѣнчиво, что неудача можетъ быть удѣломъ всякаго и что единственное средство вернуть себѣ это счастье и поправить неудачу—заключается въ вѣрности и преданности своимъ вождямъ и въ готовности жертвовать всѣмъ до послѣдняго, чтобы собирать новыя силы до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ сломленъ.

И что-же мы видимъ? Не смотря на рядъ неудачъ Игоря, на горестный конецъ Святослава, на занятіе Кіева Болеславомъ, на постоянные набѣги Печенѣговъ,—Русь, не смотря на все это, благодаря необыкновенной стойкости ея сыновъ и ихъ преданности своимъ князьямъ въ тяжелыя времена, все росла и росла и быстро превратилась въ самое могущественное и большое государство во всей Европѣ.

Конечно, все это произошло исключительно вслѣдствіе высокихъ душевныхъ свойствъ нашихъ предковъ.

Особенно ярко сказалось ихъ благородство, переходящее въ истинное величіе духа, въ отношеніяхъ доблестныхъ Новгородскихъ мужей къ Ярославу. Дважды онъ былъ въ несчастіи и притомъ каждый разъ при исключительно тяжелыхъ обстоятельствахъ, и оба раза они выручаютъ его, жертвуя для этого и своею жизнью, и своимъ состояніемъ. Первый разъ, онъ изсѣкъ наканунѣ изъ мести множество ихъ лучшихъ мужей, но какъ только впалъ въ несчастье, такъ сейчасъ же, на другое утро, услышалъ отъ остальныхъ достопамятный

отвѣтъ: „А мы, княже, за тебя идемъ. Если и погибли наши братья, можемъ за тебя бороться".

Второй разъ, неожиданно разгромленный Болеславомъ Храбрымъ до такой степени, что еле могъ уйти съ поля битвы самъ-пятъ, Ярославъ, придя въ Новгородъ, приготовился уже бѣжать дальше, къ Варягамъ; но и тутъ славные Новгородцы, великіе своими сердцами, не оставили его въ несчастіи. Эти мужественные люди, большая часть которыхъ состояла изъ простыхъ плотниковъ и ремесленниковъ, разсѣкли княжескія ладьи, приготовленныя къ отплытію за море, и, объявивъ: „хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ", сейчасъ-же начали собирать людей и деньги на новую войну, при чемъ добровольно сами обложили себя огромнымъ налогомъ: по четыре куны съ простого человѣка, по 10 гривенъ со старостъ и по 18 гривенъ съ бояръ.

Въ полномъ блескѣ и силѣ сказались всѣ высокія душевныя свойства нашихъ предковъ при воспріятіи ими Христовой Вѣры. Мы видѣли, какой рядъ дивныхъ подвижниковъ засіялъ на Руси вскорѣ же послѣ ея крещенія. Мы видѣли также, какъ проникновенна была и для простыхъ мірянъ проповѣдь главной христіанской добродѣтели—смиренія.

Конечно, такое полное и глубокое усвоеніе Истинъ Христова ученія могло быть только у людей съ возвышенными душами, такъ какъ Святая Православная Вѣра наша не есть удѣлъ разсудка и его мудрствованій, а постигается исключительно благоговѣйнымъ сердцемъ и душой, способной проникнуться пониманіемъ высокаго подвига нашего Спасителя и Его Божественнаго происхожденія.

Таковы были наши предки, создавшіе Русь.

Создавши ее, они оставили намъ—ихъ потомкамъ, устами своихъ трехъ лучшихъ мужей три великихъ завѣта, какъ хранить и беречь ихъ святое наслѣдствіе—Русскую Землю.

Эти завѣты—каждый изъ насъ всегда долженъ носить въ своемъ сердцѣ.

Великій Святославъ заповѣдалъ подъ Доростоломъ: „Дѣды и отцы наши завѣщали намъ храбрыя дѣла. Станемъ крѣпко. Нѣтъ у насъ въ обычаѣ спасать себя постыднымъ бѣгствомъ. Или останемся живы и побѣдимъ, или умремъ со славою. Мертвые срама не знаютъ, а убѣжавши отъ битвы, какъ покажемся людямъ на глаза".

Мудрый Ярославъ, собравъ передъ смертью дѣтей своихъ, сказалъ: „Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами. Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите Землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ".

Святой же Ѳеодосій завѣщалъ: „Нѣтъ иной Вѣры лучшей, чѣмъ наша чистая, Святая, Православная Вѣра.

„Если тебѣ нужно будетъ даже умереть за эту Святую Вѣру — со дерзновеніемъ иди на смерть. Такъ и Святые умирали за Вѣру, а нынѣ живутъ во Христѣ.

„Не подобаетъ хвалить чужую вѣру. Кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ, все равно, что свою хулитъ. Если же кто будетъ хвалить свою и чужую, то онъ двоевѣрецъ, близокъ ереси.

„Берегись кривовѣровъ и всѣхъ бесѣдъ ихъ, ибо и наша Земля наполнилась ими.

„Берегись ихъ и всегда стой за свою Вѣру.

„Не братайся съ ними, но бѣгай отъ нихъ и подвизайся въ своей Вѣрѣ добрыми дѣлами.

„Твори милостыню не своимъ только по Вѣрѣ, но и чужевѣрнымъ. Если увидишь нагого или голоднаго, или въ бѣду попавшаго,—будетъ-ли то жидъ, или турокъ, или латинянинъ, ко всякому будь милостивъ, избавь его отъ бѣды, какъ можешь,—и не лишенъ будешь награды у Бога“.

Duke University Libraries
D04594625Z